

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 5/2012

ISSN 0131-2812

Саммит АТЭС и развитие транспорта
на Дальнем Востоке России

•
О внешнеполитических заветах
Дэн Сяопина

•
О советско-японской
декларации 1956 г.

•
Изучение китайской культуры
в России

•
Полковник Стрельбицкий —
первый военный представитель
России в Корее

•
Кто и зачем прослушивал
Мао Цзэдуна

3-я экз

Российская академия наук
Институт Дальнего Востока

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

5/2012

Сентябрь — Октябрь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН. Издаётся с марта 1972 года

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

А. Бардаль, Е. Заостровских. Дальний Восток — 2050: транспортная инфраструктура международного сотрудничества..... 3

ПОЛИТИКА

В. Портяков. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация..... 14

ЭКОНОМИКА

Д. Селухов. Роль транснациональных корпораций КНР в развитии национальной инновационной системы..... 28

И. Трокурова, К. Пелевина, Е. Нехорошева. Тенденции торгового сотрудничества России со странами БРИКС 43

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

Е. Крашина. Влияние либерализации рынка на окружающую среду Китая..... 55

ИСТОРИЯ

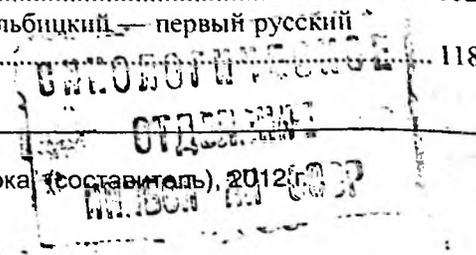
В. Кузьминков, В. Павлятенко. Истинный смысл Совместной советско-японской декларации 1956 г. 63

В. Усов. Тайны Чжуннаньхая. Кто и как прослушивал Мао Цзэдуна 79

А. Юркевич. «Делегация доктора Сунь Ятсена» в Москве и шанс генерала Чан Кайши..... 88

Н. Мамаева, И. Сотникова. Сун Цинлин в общественно-политической жизни Китая..... 102

Д. Павлов, Н. Павлова. Полковник И.И. Стрельбицкий — первый русский «военный агент» в Корее..... 118

РОССИЙСКОЕ КИТАЕВЕДЕНИЕ

- С. Торопцев.* Изучение китайской культуры и образования в России в 1990-е годы..... 127
А. Ларин. Изучение Тайваня в России (1990-е гг.) 139

РЕЛИГИЯ

- Е. Завидовская.* Этнографические материалы 1920–1930-х гг. о практиках поклонения божествам загробного мира в храмах Китая..... 149

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- К. Асмалов.* Корейский полуостров: накануне перемен..... 159
А. Воронин. III конференция российских вьетнамоведов 165

РЕЦЕНЗИИ

- Б. Зеленев, Н. Самойлов.* Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы..... 171
В. Матвеев. Алимов Р.К. Таджикистан — Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог?..... 175

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- К 80-летию академика Б.Л. Рифтина 177
Вячеславу Семеновичу Кузнецову — 80 лет 180
Юбилей Элеоноры Петровны Пивоваровой 182
Виктору Лаврентьевичу Ларину — 60 лет 184
Дмитрию Анатольевичу Смирнову — 60 лет 185

Contents..... 187
Summary 188

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Боляtko, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

Российский Дальний Восток

Дальний Восток — 2050: транспортная инфраструктура международного сотрудничества*

© 2012

А. Бардадь, Е. Заостровских

Статья основана на результатах комплексных научных исследований, осуществленных в Институте экономических исследований ДВО РАН¹. Авторы предприняли попытку охарактеризовать возможные пути развития транспортной инфраструктуры дальневосточного региона России как ключевого сектора экономики при реализации им потенциала международного сотрудничества до 2050 г.

Ключевые слова: Дальний Восток России, транспортная инфраструктура, долгосрочное развитие транспорта.

Удешевление и повышение надежности движения товаров по всей логистической цепочке от производителя до потребителя, как один из ключевых факторов содействия международной торговле, было обозначено на прошедшем в сентябре 2012 г. саммите АТЭС во Владивостоке в числе четырех основных направлений сотрудничества. Разрабатывая данную проблематику, эксперты ИЭИ ДВО РАН отталкивались от сложившихся тенденций развития транспорта в мире и принимали во внимание многочисленные прогнозы развития мирового транспорта в долгосрочной перспективе, направления развития транспортной системы России (обозначенные в настоящее время на период до 2030 г.), возможные варианты развития других секторов экономики и социальной сферы Дальнего Востока, представленные в рамках комплексной работы.

Развитие мировой экономики на современном этапе во многом зависит от состояния международных связей. Транспорт обеспечивает их устойчивое функционирование и может выступать при различных условиях как их катализатор или ограничитель.

Бардадь Анна Борисовна, кандидат экономических наук, зав. сектором ИЭИ ДВО РАН.

E-mail: Bardal@ecrin.ru.

Заостровских Елена Анатольевна, младший научный сотрудник ИЭИ ДВО РАН.

E-mail: zaost@ecrin.ru.

* Материал подготовлен при поддержке Программы фундаментальных исследований ДВО РАН «Тихоокеанская Россия — 2050» (2009–2011 гг.), проектов ДВО РАН: 12-I-П34–01, 12-II-УО-10–019.

В прошлом столетии произошел ряд важных событий, связанных с массовым использованием в процессе перевозок новых видов транспорта (автомобильного, авиационного, трубопроводного) и с радикальным прогрессом технических характеристик транспортных средств (электровозы, новые типы морских судов, самолетов, автомобилей и т.д.).

Можно выделить следующие основные мировые тенденции развития транспорта в XX веке².

- значительное внимание государства к формированию транспортной инфраструктуры и функционированию транспорта, создание мощной транспортной инфраструктуры;

- существенные темпы роста основных показателей работы транспорта вследствие глобализации и интеграции;

- завершение формирования основных инфраструктурных элементов транспортных сетей, появление устойчивых маршрутов перевозок;

- изменение соотношения между видами транспорта в грузовых перевозках (снижение значимости железных дорог и повышение роли автомобильных), соответствующее изменение транспортных сетей;

- рост мобильности населения и увеличение масштабов пассажирских перевозок, перераспределение пассажиропотока между видами транспорта (увеличение значимости воздушного транспорта при относительном снижении морского и железнодорожного);

- высокая степень интеграции сетей различных видов транспорта, переход к логистическим принципам организации процесса товародвижения, возникновение транспортно-логистических систем и узлов;

- быстрое совершенствование технологий (например, контейнеризация, компьютеризация), изменение проблемной области развития транспорта с акцентом на экологическую составляющую.

Быстрый технологический прогресс во многом определяет основные направления развития транспорта. Например, период 1960–1970-х гг. условно характеризуется как время «транспортной революции», одним из достижений которой стала контейнеризация. Применение унифицированных емкостей для перевозки генеральных грузов рационализировало транспортные операции (погрузочно-разгрузочные работы, складирование, непосредственно транспортировку и др.). Переход к использованию более крупных и стандартизированных грузовых мест повлек повышение эффективности всей цепи транспортировки грузов: появились специализированные транспортные средства, стала возможной механизация погрузочно-разгрузочных работ и складских операций. Результаты: сокращение сроков доставки, повышение уровня сохранности грузов, снижение стоимости перевозки. Стали экономически эффективными перевозки контейнерных грузов на более значительные расстояния, что повлияло на географию размещения производств и мировой торговли.

К странам, лидирующим в сфере транспорта, в настоящее время можно отнести США, страны ЕС, Японию, приближаются к ним по ряду показателей Республика Корея и КНР. Развитие транспорта в данных странах происходило в результате положительного сочетания пространственных факторов (экономико-географическое положение), значительного внутреннего производственно-экономического потенциала (соответственно наличие грузовой базы и пассажиропотоков) и эффективного воздействия государства (транспортная политика).

Связь мировой экономики с совершенствованием транспортных систем и потребность в развитии высокотехнологичных транспортных процессов, основными требованиями к которым являются безопасность, экономическая эффективность и соблюдение определенных сроков доставки, в настоящее время высока и будет оставаться таковой в обо-

зримой перспективе. Поэтому прогнозирование основных направлений развития мировой транспортной системы и оценка ключевых показателей транспорта на долгосрочную перспективу являются актуальными и достаточно широко представлены в литературе³.

Выделим основные содержательные моменты прогнозов.

В общем виде прогнозы развития транспорта в мире основаны на предпосылке, что к 2050 г. транспортная система не претерпит принципиальных изменений в части обеспечения грузовых и пассажирских перевозок традиционными видами транспорта. Вместе с тем, предполагается, что в 2050 г. мир приблизится к шестому технологическому укладу, транспортные средства будут гораздо более эффективны, технологичны, экологичны и безопасны, чем сейчас⁴. Инновационный процесс в области транспорта будет проходить, в основном, в русле уже установившихся тенденций. Помимо традиционных направлений повышения уровня базовых технических характеристик (скорость, энергоэффективность, экологичность, надежность) транспортных средств, будет углубляться интеграция транспортной системы, формирование единого транспортного пространства. Этот процесс будет связан, прежде всего, с увеличением степени интермодальности перевозок, автоматизации контроля и управления транспортными средствами, улучшения надежности планирования эксплуатации и развития транспортных систем. Поэтому одним из основных источников системных изменений станет глубокое проникновение в транспортный сектор новых информационно-вычислительных технологий.

К настоящему моменту это направление поддерживается научными исследованиями в области создания интеллектуальных транспортных систем (ИТС), призванных объединить все виды транспорта в рамках единого информационного поля, единых аналитических информационных систем поддержки процессов управления развитием транспорта. Современные интеллектуальные транспортные системы основаны на интеграции и взаимодействии четырех основных средств⁵:

– аппаратуры автоматического определения их текущего местоположения на основе спутниковой навигации;

– радиоканала обмена цифровой и речевой информацией между автомобилем и центром мониторинга или диспетчеризации;

– программно-картографических средств визуализации пространственно-временной информации о развитии транспортно-технологического процесса;

– средств оперативного реагирования: донесения управляющей и тревожной информации до всех субъектов системы управления (водителей автотранспортных средств, радиооператоров центров мониторинга и диспетчеризации и др.).

К настоящему времени в мире сформировано три центра управления процессом создания ИТС: в Западной Европе — под руководством организации ITS Europe (ERTICO)⁶, в Северной Америке — под руководством ассоциации ITS America⁷, в Японии — под руководством общества ITS Japan⁸. В 2003 г. в России также была создана ассоциация ИТС — Россия.

Помимо этого, развитие транспорта в мире будет определяться такими условиями, как высокий уровень затрат на производство энергии и недостаточность источников энергии, изменение климата, урбанизация, обострение транспортных проблем в крупных городах, старение населения в развитых странах, необходимость снижения смертности и травматизма при дорожно-транспортных происшествиях.

Существенным фактором изменения конфигурации мировой транспортной системы станет перераспределение экономической активности в пользу развивающихся стран (прежде всего Восточной Азии), которые, как ожидается, в период до 2050 г. будут развиваться более высокими темпами по сравнению с развитыми экономиками. Трансформация экономического пространства мира должна сопровождаться трансформацией глобальной транспортной сети.

Наиболее значительные изменения возможны на морском транспорте, значительно менее ограниченном в географическом пространстве, нежели наземный; изменение путей следования на воде требует значительно меньших затрат, сводящихся, в основном, к ускоренному развитию определенных элементов мировой портовой инфраструктуры. Поэтому ожидается, что к 2050 г. усилится роль морского транспорта как основного при обслуживании международной торговли, продолжая обеспечивать самые низкие удельные издержки по затратам капитала, энергии и рабочей силы в сравнении с сухопутным и воздушным, морское судоходство станет более интегрированным с другими видами транспорта. К 2050 г. грузооборот мирового морского транспорта увеличится в среднем в 2,5 раза при увеличении объема перевозок сжиженного природного газа в 10,4 раза и контейнерных перевозок в 5,9 раз⁹. Будет происходить интенсивная оптимизация международных морских торговых маршрутов. С большой вероятностью особое внимание будет направлено на использование Северного морского пути.

Прогнозируемый рост морских перевозок в целом, а особенно шестикратный рост морских контейнерных перевозок обусловит дополнительную нагрузку на наземный транспорт, в частности на железнодорожный, составляющий во многих странах основу транспортных систем. В соответствии с прогнозом развития железнодорожного транспорта для шести крупнейших его систем (Северная Америка, Китай, Индия, Россия, Япония, ЕС-25), выполненным на основе оценок перспективной транспортоемкости валового внутреннего продукта отдельных стран, рост грузооборота железных дорог за период 2005–2050 гг. будет выше, чем на море: в 3,1 раза против 2,5 соответственно¹⁰. При этом железнодорожный транспорт испытывает конкурентное давление со стороны автомобильного, которое он способен нейтрализовывать посредством постоянных инноваций — технологических и управленческих. Такое давление практически не ощущается (в целом) только для России, где автомобильный транспорт исторически не рассматривался как конкурент железнодорожному и до настоящего времени не в состоянии конкурировать с последним в значительном сегменте перевозок.

Развитие транспортных средств для автомобильного транспорта связано со снижением экологической нагрузки на окружающую среду и использованием альтернативных видов топлива (биотопливо, газ, солнечная энергия), с внедрением интеллектуальных систем, использующих транспортные средства, не нуждающиеся в водителе. Подобные разработки сегодня осуществляют компании Мерседес, Форд, Тойота и др.

В будущем возможно массовое использование новых видов транспорта, разработки и испытания которых проводится в настоящее время. Например, струнный транспорт, монокары, беспилотные самолеты, солнцемобили, солнечные велосипеды, скоростной пассажирский трубопроводный транспорт, индивидуальные летательные аппараты, летающие машины.

В долгосрочной перспективе повысится роль воздушного транспорта. Предполагается, что к 2050 г. он будет лидировать в пассажирских перевозках и успешно конкурировать в сегменте транспортеемких дорожных грузов, а также грузов, при перевозке которых главным критерием является скорость доставки потребителю^{11,12}. В целом, воздушный транспорт вступает в новую эпоху, которая характеризуется выдвижением на первый план требований по безопасности, экологии, надежности и доступности.

Речной транспорт будет выступать как составная часть интегрированных транспортно-логистических систем там, где это географически возможно. Дальнейшее его развитие будет ориентировано на оптимизацию речной сети, создание дополнительных шлюзов и каналов¹³.

Что касается долгосрочных тенденций развития транспорта России, то основной вектор на ближайшие полтора десятилетия с некоторой степенью детерминированности определен в «Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года»¹⁴. Однако за пределами этого периода налицо неопределенность направлений развития

транспортной системы страны. Системных исследований, посвященных прогнозным оценкам параметров транспорта либо изучению возможных вариантов динамики и основных характеристик транспортного комплекса России к 2050 г., практически не существует, хотя и имеются наработки по отдельным направлениям.

В упомянутом документе рассматривается вероятность развития транспорта РФ в трех вариантах — инерционном, энергосырьевом и инновационном, которые обусловлены перспективной структурой экономики и торговых связей России. По инновационному, наиболее оптимистичному варианту, увеличение грузооборота по сравнению с 2010 г., согласно с этому прогнозу, может составить 94% (табл. 1).

Таблица 1.

Основные показатели функционирования транспортной системы России (2030 г.)*

Перевозки грузов, млн т	Грузооборот, млрд т-км	Перевозки пассажиров, млн чел.	Пассажирооборот, млрд пасс.-км
Инерционный			
17 858	3860,6	52 096,7	1610
Энергосырьевой			
18 227,6	4197,2	53 460,9	1718,5
Инновационный			
20 679,4	4565,1	62 377,4	1942,1

* без учета трубопроводного транспорта

Источник: Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года от 22 ноября 2008 г. № 1734-р.

На железных дорогах России продолжится в долгосрочной перспективе развитие высокоскоростного движения. К 2050 г. будут построены специальные сети, и высокоскоростное движение свяжет все крупные города страны с центральными городами Европы. Будут внедряться интеллектуальные транспортные системы, призванные обеспечить создание интеллектуальной железнодорожной сети, как единого «умного» комплекса.

Развитие автомобильного транспорта в России предполагает в первую очередь изменение дорожной инфраструктуры. В период до 2030 г. прогнозируются строительство и реконструкция более 15 тыс. км автомобильных дорог общего пользования федерального значения, в том числе автодорог, входящих в состав международных транспортных коридоров. К 2030–2040 гг. развитие автодорожной инфраструктуры должно позволить России вдвое увеличить плотность дорожной сети общего пользования, повысив при этом долю автомобильных дорог общего пользования федерального значения, соответствующих нормативным требованиям по транспортно-эксплуатационным показателям, с 37,5 до 80%. Будет преобразована и конфигурация сети автодорог федерального значения с радиальной в сетевую, что сулит дополнительные резервы пропускной способности. Это увеличит конкуренцию между железнодорожным и автомобильным транспортом, позволит изменить соотношение между ними, передав последнему дополнительно около 12% грузооборота.

После 2030–2040 гг. весь парк грузовых автомобилей будет оснащен навигационными (бортовыми) системами, а также системами контроля режима движения на рабочем месте водителя.

Морской транспорт страны в долгосрочной перспективе будет развиваться в направлении интеграции в мировое транспортное пространство. Предполагается, что к 2030 г. перевалка грузов в российских портах вырастет в 1,9 раза, а контейнерных грузов — в 4,5 раза к уровню 2010 г. и составит 1025 млн т. Однако Транспортная стратегия практически не предусматривает прогрессивных трансформаций сложившихся тенденций на морском транспорте России, что объективно будет означать снижение его эффек-

тивности. Изменение ситуации до 2030 г. по финансовым и организационно-техническим причинам представляется маловероятным.

Но за пределами горизонта, охваченного Транспортной стратегией, т.е. после 2030 г. развитие российского морского транспорта должно быть синхронизировано с общемировыми тенденциями по внедрению новейших транспортных технологий и систем транспортной техники, а также по оптимизации международных морских торговых маршрутов. В этом случае можно ожидать, что в 2030–2050 гг. объемы перевалки грузов увеличатся еще в 2,5 раза. Техничко-технологическое развитие морского транспорта в этот период должно будет обеспечить появление на линиях принципиально новых типов судов, сулящих внедрение новейших транспортных технологий и транспортной техники, снижение выбросов в атмосферу диоксида углерода, способных перевозить большие объемы грузов.

Основными ограничителями на морском транспорте будут выступать дефицит энергетических ресурсов, изменение климата и стремление к снижению выбросов диоксида углерода.

Одно из наиболее перспективных направлений развития морского транспорта России на период до 2050 г. — оптимизация Северного морского пути, объемы перевозок по которому могут возрасти за счет перспективных грузопотоков в его западном секторе в связи с добычей углеводородного сырья в Тимано-Печорской провинции, на полуострове Ямал, на шельфе Баренцева и Карского морей, а также за счет увеличения объема экспортных перевозок черных металлов и минеральных удобрений.

Главное отличие тенденций развития российского морского транспорта от мировых прогнозов — в том, что они базируются преимущественно на развитии транспортной инфраструктуры, тогда как магистральное направление морского транспорта в мире — преобразование технико-технологического уровня. Причем большая часть перспективных решений технико-технологического плана, рассматриваемых как перспективные в нашей стране (интенсификация использования СМП, создание новых типов судов — экраноплан-амфибия) есть лишь «реанимация» проектов, которые разрабатывались в СССР еще в 1930–1950-е гг. Значит, важнейшая проблема для российского морского транспорта (как и транспортной системы в целом) в перспективе — восстановление научно-технического и проектного потенциалов.

Перспективы развития авиационного транспорта РФ определяются прежде всего необходимостью преодоления последствий длительного его функционирования в противофазе с мировым авиатранспортом. В 1990-е гг., когда в мире происходил бум авиане перевозок и в грузовом, и в пассажирском сегментах, российский авиатранспорт переживал глубокий кризис (за 1990–1998 гг. пассажирооборот сократился в 2,6 раза, грузооборот — 1,3 раза)¹⁵. Масштабы пассажирских перевозок восстановились только к 1999 г., а слабый их рост начался с 2005 г. Масштабы грузооборота не восстановились даже к 2010 г., составив лишь 0,01% от суммарного грузооборота в транспортной системе России¹⁶.

К 2010 г. Россия потеряла значительную часть инфраструктуры воздушного транспорта, например, количество аэропортов сократилось в 3,6 раза¹⁷. К этому добавилась проблема износа парка воздушных судов и искаженная система ценообразования (затраты на топливо составляют до 40% в себестоимости перевозок российских авиакомпаний против немногим более 20% в среднем для авиакомпаний мира).

В период до 2050 г. предстоит сделать акцент на развитии инфраструктуры воздушного транспорта, включая:

- модернизацию аэропортовой инфраструктуры (взлетно-посадочных полос, рулежных дорожек, мест стоянок самолетов, светосигнального оборудования и т. п.);
- замену систем управления воздушным движением, аэронавигационного оборудования;

- обновление парка воздушных судов, в том числе за счет восстановления отечественного авиастроения.

Пассажирооборот российских авиакомпаний может составить 510–625 млрд пасс.-км к 2050 г., в том числе за счет выхода российских авиакомпаний на новый рынок транзитных авиаперевозок через территорию РФ. Грузооборот российских авиакомпаний к 2030 г. прогнозируется на уровне 12–18 млрд т-км.

Научно-технологический тренд в области российского воздушного транспорта выражен чрезвычайно слабо. Из заделных и введущихся разработок некоторый потенциал для перспективы имеет двигателестроение, создание региональных самолетов. Перспективы восстановления производства дальнемагистральных самолетов сейчас сложно оценить. Для создания соответствующего промышленного, технологического и проектного потенциала необходимо в перспективе до 2025–2030 гг. осуществить масштабные инвестиции и целый ряд организационных и политических мер по созданию практически новой отрасли промышленности и развитию ряда направлений науки и техники (материаловедение, приборостроение, нанотехнологии, электроника, информатика).

Развитие транспорта на Дальнем Востоке на период до 2025–2030 г. предопределяется рядом существующих документов, в том числе стратегиями развития транспортного комплекса России и стратегией экономического развития Дальнего Востока¹⁸.

Контрольными измерителями результативности выполнения стратегий и программ, как и в случае транспортной системы России в целом, являются общие инфраструктурные и экономические показатели, задаваемые в рамках каждого документа, в частности: увеличение плотности автодорог с твердым покрытием и железнодорожных путей, удельный вес продукции транспорта в ВРП, удельный вес в структуре потребления электроэнергии, строительство новых железнодорожных линий, автомобильных дорог, развитие перегрузочных мощностей морских портов, строительство и развитие международных пограничных переходов, систем транспортно-логистического обслуживания, развитие сети аэропортов для обеспечения региональных авиаперевозок и т.д.

До 2030 г. на территории *Дальнего Востока* запланировано масштабное преобразование *железных дорог*, предполагается построить от 5300 до 7300 км новых линий¹⁹ (в зависимости от того, какой из вариантов «Стратегии развития железнодорожного транспорта в РФ до 2030 года» будет реализован), предусмотрена организация скоростного движения по маршрутам: Уссурийск — Владивосток и Владивосток — Хабаровск. Заявленные проекты, конечно, не учитывали кризисных явлений в экономике периода 2007–2009 гг. и последующего затяжного периода оживления экономики. Поэтому предполагаемые сроки и объемы реализации проектов транспортного блока, скорее всего, будут значительно скорректированы и с большой вероятностью не выйдут за пределы минимального варианта.

Перспективы железнодорожного транспорта Дальнего Востока после 2030 г. во многом будут зависеть от реальности выполнения утвержденной программы инфраструктурного строительства в 2015–2030 гг. Финансово-экономические трудности в этот период вряд ли позволят осуществить эту программу по максимальному варианту, но даже реализация минимального существенно изменит ситуацию на железнодорожном транспорте региона — прежде всего благодаря созданию железнодорожной сети в северных районах Дальнего Востока. Строительство дороги Якутск — Мома — Магадан и другие, почти фантастические варианты (до г. Петропавловск-Камчатский, п. Уэлен, п. Певек и пр.) приведут к тому, что расходы на строительство и содержание железнодорожной сети на таких колоссальных и сложнейших в природном отношении пространствах практически исключают формирование в дальнейшем эффективного в экономическом и социальном плане транспортного комплекса.

С экономической точки зрения получится, что инфраструктурный мультипликатор (низкое значение которого и сейчас препятствует трансформации инвестиций в эко-

номический рост) еще более уменьшится. С технической точки зрения подобная география расширения железнодорожной сети предполагает создание и внедрение новых технологических решений как в области строительства железнодорожных путей, так и в сфере разработки новых типов техники и материалов для их эксплуатации. Выход железнодорожной сети к Охотскому морю означает развитие портовой инфраструктуры в Магаданской области, а также появление новых масштабных грузопотоков, формируемых в Якутии и в самой Магаданской области. Учитывая структуру экономики в перспективе, а также концепцию развития этих территорий и их основных структурных секторов, такие грузопотоки могут формироваться лишь горнодобывающей промышленностью. Это будет означать, во-первых, создание (ценой огромных затрат) сети, конкурирующей с уже построенной Амуро-Якутской магистралью, а во-вторых, будет противоречить основной концепции долговременного развития региона в целом, заключающейся в интеграции южной и северной промышленно-сервисных дуг²⁰.

Значительно более рациональным решением представляется акцент на организацию скоростного железнодорожного движения на Дальнем Востоке. Именно это направление развития железнодорожного транспорта должно стать основным после 2030 г. Создание сети высокоскоростного железнодорожного движения в регионе позволит повысить комфортность проживания, обеспечит реализацию свободы передвижения населения, повысит трудовую мобильность.

Сеть высокоскоростного железнодорожного сообщения (прежде всего, пассажирского) должна обеспечить «сжатие» географического пространства вдоль Транссиба (Владивосток — Хабаровск, Хабаровск — Комсомольск-на-Амуре, Хабаровск — Биробиджан — Благовещенск, Благовещенск — Якутск, Владивосток — Находка, Владивосток — Хасан). Помимо существенного сокращения экономического расстояния по этим осям, высокоскоростное движение обеспечит реальное формирование интегрированного рынка благ, услуг и труда, охватывающего эти основные экономические зоны Дальнего Востока. В зону этого рынка будут включаться другие населенные пункты за счет строительства сопряженных автомобильных дорог и региональной сети воздушного сообщения.

К 2050 г. оптимизация грузовых перевозок на железнодорожном транспорте Дальнего Востока будет достигнута реализацией проекта строительства второй линии БАМа (БАМ-2), после чего Северный широтный ход может быть специализирован на перевозках массовых грузов. Тем самым транспортные мощности Южного хода будут использованы для контейнерных грузов и частично — для пассажирского движения, как это и предусмотрено.

Потенциал интеграции может быть усилен в результате транспортного соединения о. Сахалин с материком (дамба, тоннель, либо мост) и организации стабильного железнодорожного сообщения по этому направлению. Кроме создания надежной транспортной связи с Сахалинской областью, а следовательно, расширения единого экономического пространства Тихоокеанской России в восточном направлении, это позволит транспортной системе региона выйти на новый уровень интеграции с транспортной системой АТР. Возникнет «Северо-восточное транспортное кольцо»: Дальний Восток России — Япония — Республика Корея — северо-восток КНР. Частью этого масштабного проекта станет плотная интеграция железнодорожных сетей российского Дальнего Востока и КНР, а также российского Дальнего Востока и КНДР — Республики Корея (в перспективе может быть создана единая транспортная система этих стран).

Дальнейшее развитие *морского транспорта* Дальневосточного региона будет определяться приоритетными целями страны в области развития внешнеэкономических отношений — интеграции России в систему мировой торговли и мировое транспортное пространство, несмотря на положительную динамику, сохранение заложенных в Транспортной Стратегии методов управления, организации и финансирования не позволит осуществить прорыв в развитии морского транспорта Дальневосточного региона до 2030 г., по-

сколько отсутствует комплексный подход, основанный на прогрессивной трансформации в развитии инфраструктуры морского транспорта. Но за пределами 2030 г., как это было отмечено выше, развитие данного вида транспорта в нашей стране должно быть синхронизировано с общемировыми тенденциями, прежде всего в технико-технологическом плане, а также в части логистики транспортных цепочек.

Перспективы развития морского транспорта Дальнего Востока за пределами 2030 г. условно можно представить в двух вариантах: первый основывается на том, что природно-климатические условия в регионе существенно не изменятся; второй строится на предположении о возможности значительных изменений климата (глобальное потепление)²¹.

Для первого варианта предполагается, что объем перевалки наливных грузов к 2050 г. увеличится в 2,2 раза²². В связи с намечаемым ростом перевалки наливных грузов будут разрабатываться ужесточенные требования к хранению и перевозке опасных грузов. В частности, предусматриваются новые типы танкеров, способные перевозить данный вид грузов в соответствии с новыми мировыми стандартами. Кроме того, одним из дополнительных видов наливных грузов станет пресная вода, т. к. значимость питьевой воды будет возрастать в связи с ростом населения, увеличением потребностей сельского хозяйства и промышленности. Значительно (втрое) увеличатся мощности портов региона: Владивостока, Восточного, Находки, Славянки, Морского порта в бухте Троицы, Посьета, Ванино и Советской Гавани. В результате будут образованы: Владивостокский транспортный узел (ВТУ); Восточно-Находкинский транспортный узел (ВНТУ); Хасанский транспортный узел (ХТУ), Ванино-Совгаванский транспортный узел (ВСГТУ)²³. Важнейшими требованиями дальнейшего развития морского транспорта станет создание интеллектуальной транспортной сети, выполняющей функции отслеживания и регулирования грузопотоков, управления эффективным взаимодействием между видами транспорта и др.

Исходя из общемировой динамики и прогнозов развития мировой транспортной системы, в которых предполагается семикратный рост объемов контейнерных грузов к 2050 г., представляется, что на Дальнем Востоке наибольшее развитие получат порты, расположенные на пересечении транспортно-коммуникационных магистралей. Морской порт в бухте Троицы (бывший Зарубино) может стать транспортным узлом регионального значения со специализацией на обслуживании транзитных грузов, поступающих из стран АТР и США.

Транспортный комплекс Дальнего Востока будет формироваться как из традиционных транспортных средств, так и из новых, с использованием технологий «двойного назначения» и «двойного применения» — азросани, амфибии, транспорт на воздушной подушке и т.п. Так, в Камчатском крае планируется использовать амфибийный транспорт, который позволит объединить и согласовать возможности водного, автомобильного и воздушного транспорта с целью наиболее полного удовлетворения условий социально-экономического развития региона. Главные качества амфибийного транспорта, особо важные в природных условиях Камчатки: минимальная зависимость от условий базирования и эксплуатации при сравнительно высокой скорости движения.

Размеры и типы морского транспортного флота впоследствии будут изменяться в зависимости от характеристик и объемов, предъявляемых к перевозке грузов, поэтому в регионе предполагается создание современных верфей на базе существующих, способных строить морские суда, основанные на альтернативных источниках энергии, при большой вместимости.

В рамках второго варианта развития морского транспорта Дальнего Востока в долгосрочной перспективе предполагается, что с изменением климата повысится роль Северного морского пути, который примет на себя существенную часть транзитных грузов, перевозимых в настоящее время через Суэцкий канал. В связи с этим значительно возрастет

функциональное значение морских портов региона, расположенных вдоль трассы Северного морского пути — Тикси, Певека, Providения. Развитие морского транспорта в северных районах Дальнего Востока потребует строительства ряда причальных сооружений, коммуникационной и обслуживающей инфраструктуры на побережье Берингова и Охотского морей. Морскому флоту потребуется развивать судоходство для обеспечения значительного объема транзитных перевозок по Северному морскому пути из Европы и обратно. Будут широко использоваться интеллектуальные транспортные системы для организации взаимодействия морского, речного, железнодорожного и воздушного транспорта, осуществления их рационального и эффективного взаимодействия.

При таком варианте развития событий морской порт Петропавловск-Камчатский, занимая выгодное экономико-географическое положение на трассе Северного морского пути, может привлечь часть транзитного грузопотока, идущего из стран АТР (преимущественно из Китая), в том числе через порты южного Приморья, предоставляя также услуги снабжения, бункеровки, судоремонта, технического и иного межрейсового обслуживания судов.

По мере оживления экономики арктической зоны увеличатся объемы каботажных перевозок по СМП. Это даст импульс развитию морских портов северных территорий Дальнего Востока. Причальные сооружения северных портов будут модернизированы, что позволит решить вопрос доставки грузов в населенные пункты северных территорий и приравненные к ним местности.

Таким образом, в настоящее время основные направления долгосрочного развития транспорта Дальнего Востока России с определенной долей вероятности обозначены в ряде официальных документов различного формата (стратегии, программы, ФЦП). Но эти документы, во-первых, ограничены периодом 2030 г., во-вторых, не предусматривают системной технической и технологической модернизации региональной транспортной системы. Значит, вплоть до 2025–2030 гг. транспортный комплекс региона будет функционировать и развиваться в русле сложившихся тенденций технического, технологического и организационного характера. Это повлечет его прогрессирующее отставание от глобального и даже национального тренда.

Корректировка ситуации возможна только в случае формирования уже в ближайшей перспективе (2015–2020 гг.) технологических и производственно-инфраструктурных основ принципиально новой транспортной системы Дальнего Востока. В этом случае удалось бы уменьшить степень неопределенности относительно структуры и технологий транспортного развития после 2030 г. и был бы задан позитивный тренд долгосрочного развития.

1. Наиболее полный вариант см. в кн.: Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия — 2050. Владивосток, 2011. С. 912.
2. Мировая экономика: глобальные тенденции за 100 лет. М., 2003. С. 604; *Могилевкин И.М.* Глобальная инфраструктура: механизм движения в будущее. М., 2010. С. 317.
3. The Global Transport System of the Future. International Transport Forum. May 2010. URL: <http://www.internationaltransportforum.org>; *Lejour A.* Quantifying four scenarios for Europe. CPB. Amsterdam, 2003. 67 P.; *Thompson L.* A vision for railways in 2050.— URL: <http://www.internationaltransportforum.org>; Demand and supply of renewable energy in future transport scenarios: range of options. International Energy Agency. 2010. URL: <http://www.ica.org>; Images of low carbon transport in 2050: an end-users perspective, European Environmental Agency. 2010. URL: <http://www.eea.europa.eu>; Schwarz Henning Expected Role of rail for a low carbon transport future. Kyoto, 2009. 26 P.; Very Long Term Energy-Environment Model. European Commissions, Directorate-General for Research. Brussels, 2005. 114 P.; Low Carbon Transport Innovation Strategy. London, 2007. 88 P.; Vision 2050. IATA. Singapore, 2011. 87 P.

4. The Global Transport System of the Future. ITF. May 2010. URL: <http://www.internationaltransportforum.org>.
5. Интеллектуальные транспортные системы. URL: <http://www.escort-its.ru/its.htm>.
6. ERTICO: ITS Europe. URL: <http://www.ertico.com>.
7. ITS America. URL: <http://www.itsa.org>.
8. ITS Japan. URL: <http://www.its-jp.org>.
9. Ocean Policy Research Foundation. URL: <http://www.sof.or.jp/jp/index.php>.
10. *Thompson Ls.* A vision for railways in 2050. URL: <http://www.internationaltransportforum.org>.
11. Vision 2050. IATA. Singapore, 2011. 87 P.
12. *Brochard M.* The Air Traffic Management System for 2050: Virtual—Global—Automated. 1st CEAS European Air and Space Conference, 2007. URL: <http://www.eurocontrol.int>.
13. United Nations Economic Commission for Europe UNECE. URL: <http://www.unece.org>.
14. Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 22.11.2008 г. № 1734-р.
15. *Нинилина С.В.* Рынок авиаперевозок в России // Росс. внешнеэконом. вести. 2006. № 11. С. 39–46.
16. Информационно-аналитическая записка к совместному заседанию коллегий Министерства транспорта Российской Федерации 2006, 2008. URL: <http://www.mintrans.ru>.
17. Реестр аэропортов гражданской авиации. Федеральное агентство воздушного транспорта. URL: <http://www.favt.ru>.
18. Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 17.06.2008 г. № 877-р; Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 г.: утв. распоряжением Правительства РФ от 22.11.2008 г.; Развитие транспортной системы России (2010–2015 гг.) (изменения в ФЦП «Модернизация транспортной системы России (2002–2010 гг.): утв. пост. Правительства РФ от 20.05.2008 г.; Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г.: утв. распоряжением Правительства РФ от 08.12.2009 № 2094-р.
19. Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 г.: утв. распоряжением Правительства РФ от 17.06.2008 г. № 877-р.
20. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия — 2050. Владивосток, 2011. С. 912.
21. IPCC special report emission scenarios — 2000. Intergovernmental Panel on Climate Change. URL: <http://www.cambridge.org>.
22. *Санеев Б.Г., Лагерева А.В., Ханаев В.Н.* Роль Сибири и Дальнего Востока при развитии ТЭК России в долгосрочной перспективе. URL: <http://www.sei.irk.ru/publication?page=9&type=4&year=2010>.
23. *Перцев В.М., Семенихин Я.Н.* Генеральные схемы в одну систему // Морские порты. 2007. № 9. С 28–33.

Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация*

© 2012

В. Портяков

Рассмотрены история и обстоятельства выдвижения Дэн Сяопином в конце 1980-х — начале 1990-х гг. ряда рекомендаций о внешней политике Китая. Исследовано изучение в КНР заветов Дэн Сяопина в качестве долгосрочного стратегического курса страны на международной арене. Показаны особенности интерпретации этих заветов в США. Проанализирована современная дискуссия в Китае о необходимости продолжать и далее следовать формуле «держаться в тени и при этом делать что-то реальное» («таогуан янхуэй, юсо цзовэй»), или же отказаться от нее как устаревшей.

Ключевые слова: Дэн Сяопин, внешнеполитические заветы, Китай, «держаться в тени», «делать что-то реальное», интерпретация в США, современные дискуссии

I

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. архитектор китайских реформ Дэн Сяопин, начавший практическую передачу властных полномочий следующему поколению лидеров КПК и КНР во главе с Цзян Цзэмином, высказал ряд рекомендаций по позиционированию Пекина на международной арене в весьма сложной обстановке тех лет. Она характеризовалась стремительным демонтажем социализма в Восточной Европе, политическим и экономическим кризисом в СССР, приведшим к дезинтеграции Советского Союза, а вслед за этим — и к прекращению существования биполярной системы международных отношений. Сама КНР после силового вытеснения демонстрантов с площади Тяньаньмэнь в Пекине 4 июня 1989 г. стала объектом серьезного политического давления и прямых санкций со стороны ведущих государств Запада.

Отдельные высказывания Дэн Сяопина по вопросам внешней политики были сведены в обобщенную формулу, в наиболее полном виде состоящую из 28 иероглифов. В соответствии с нею, в деятельности на международной арене Китаю предписывалось «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, быть в со-

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора ИДВ РАН. Тел.: 8 (499) 129-08-66, E-mail: portyakov@ifes-ras.ru.

* Подготовлено при содействии РГНФ, проект № 12-03-00376.

стоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды, ни в коем случае не лезть вперед, на первое место, и при этом делать что-то реальное»¹. На практике более распространенными оказались сокращенные варианты данной формулы из 24 и 20 иероглифов, а наибольшую популярность и в самом Китае, и за рубежом обрело выражение «*таогуан янхуэй, юсо цзювэй*» — «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, однако при этом делать что-то реальное». Отчасти из-за наиболее распространенного варианта перевода на английский язык выражения «*таогуан янхуэй*» как «keeping a low profile», в российской политологии охарактеризованный им принцип позиционирования Китая на международной арене стал нередко описываться упрощенной, но по-своему точной формулировкой «не высовываться».

Рекомендации Дэн Сяопина сыграли свою роль в улучшении международной обстановки вокруг КНР, помогли ей избежать участи Восточной Европы и СССР и противостоять давлению и санкциям Запада. Как констатировал новый лидер страны Цзян Цзэминь, «практика показала, что это правильный курс». В контексте закрепления на XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.) теории Дэн Сяопина в качестве важной составной части идейно-политической основы деятельности правящей компартии Китая высказывания Дэна на рубеже 1980-х — 1990-х гг. по проблемам внешней политики страны стали трактоваться в КНР как «стратегический курс, важная политическая установка, базирующаяся на долговременных коренных интересах китайского народа и крупных подвижках в международной обстановке и в соотношении сил в мире». При этом Китаю предписывалось «продолжать неуклонно следовать этим стратегическим курсом» и в условиях непрерывного повышения его комплексной мощи и международного статуса².

Начавшаяся в конце 1990-х гг. активная пропаганда внешнеполитических заветов Дэн Сяопина сделала их более известными как в самом Китае, так и за рубежом.

С выдвижением в 2003–2004 гг. концепции «мирного возвышения Китая» молчаливо-настороженное отношение Запада к формуле Дэна как квинтэссенции внешнеполитической стратегии КНР сменилось, прежде всего в США, на негативное. Максима «*таогуан янхуэй, юсо цзювэй*» стала нередко интерпретироваться как «стратегия обмана», включающая такие компоненты, как «сокрытие истинных возможностей», «выигрыш времени» и «выжидание благоприятного момента для удара по противнику». Хотя в возникшем «первом туре» полемики вокруг внешнеполитических заветов Дэн Сяопина (примерно 2002–2006 гг.) китайские политологи уделили основное внимание критике неверного, по их мнению, понимания на Западе их существа, однако уже тогда были высказаны первые сомнения в эффективности рецептов Дэна в меняющейся международной ситуации.

Новый всплеск полемики в Китае о степени актуальности внешнеполитических заветов Дэн Сяопина произошел в 2009–2011 гг. на фоне существенного усиления экономической мощи КНР, повышения ее роли в мировой экономике и параллельной активизации внешней политики страны. Похоже, китайским политологам-международникам удалось сообща доказать, что формула Дэна не устарела и сохраняет стратегическое значение для внешней политики КНР на обозримую перспективу. Вместе с тем, выявившиеся в ходе обсуждения весьма существенные нюансы в позициях и оценках различных ученых, да и сама внешнеполитическая практика Китая последних лет свидетельствуют, что вопросы о степени неформальной применимости формулы Дэн Сяопина к сегодняшнему внешнеполитическому курсу Пекина и о возможности «удержать» реальную внешнюю политику страны в своего рода «прокрустовом ложе» заветов Дэна остаются открытыми.

Рассмотрим затронутые выше сюжеты и проблемы более детально.

II

Первые внешнеполитические заветы своим преемникам Дэн Сяопин сформулировал в беседе «с несколькими ответственными товарищами из ЦК КПК» 4 сентября 1989 г. при обсуждении вопроса о времени и форме своего окончательного отхода от непосредственного политического руководства партией и страной. Заявивший по рекомендации Дэн Сяопина в июне 1989 г. пост генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминь и его коллеги приняли бразды правления в тяжелой ситуации. Президент США Дж. Буш-старший ввел санкции против Пекина уже 5 июня 1989 г. — на следующий день после трагических событий на площади Тяньаньмэнь. Было заявлено о прекращении американской стороной контактов с официальными лицами КНР, запрете на поставки оружия и отказе от предоставления кредитов. 6 июня консультации с Китаем прервало Европейское экономическое сообщество. 16 июля действия Пекина на площади Тяньаньмэнь осудила «семерка», а к санкциям против КНР присоединилось большинство западных стран³. Непростая обстановка сложилась и в самом Китае, где под вопросом оказалась дальнейшая судьба экономических реформ.

Дэн Сяопин постарался развеять вполне возможный в этих условиях пессимизм, заявив о хороших перспективах Китая в случае, если ему удастся стабилизировать политику реформ и открытости. В международных делах, констатировал Дэн, Китаю самому необходимо «укреплять расшатанные позиции» (*«вэньчэжу чэньцзяо»*), в противном случае «другие нанесут нам удар». Для этого надлежит сохранять бдительность, не расслабляться, придерживаться независимости и самостоятельности, не демонстрировать слабости и не испытывать каких-то чрезмерных опасений. Мировой войны не будет, «а если кто-то и осмелится нанести удар по Китаю, то ничего не добьется — у нас богатый опыт противодействия внешним врагам, разобьем агрессора и вернемся к строительству»⁴.

Касаясь сложных политических процессов в странах Восточной Европы и СССР в тот период, Дэн охарактеризовал их как беспорядки, подчеркнув одновременно, что их размах и конечный итог прогнозировать преждевременно — пока еще следует «очень хладнокровно наблюдать» (*«тэцзин дэ гуаньча»*) за развитием событий. Главный вывод — не допустить беспорядков в самом Китае, для чего необходимо как следует делать собственные дела. Хорошая основа для этого есть⁵.

В заключение беседы с «группой товарищей» (в составе которой были, как следует из контекста, все члены Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК) Дэн Сяопин обобщил должный подход Китая к международной ситуации в трех фразах — «хладнокровно наблюдать», «укреплять расшатанные позиции», «проявляя выдержку, справляться с трудностями» (*«чэньчэжу инфу»*) — и напоследок призвал не торопиться, действовать хладнокровно, делать как следует собственные дела⁶.

3 марта 1990 г. другой беседе с руководителями партии и страны Дэн Сяопин отметил, что прежняя мировая архитектоника «сейчас рушится, но процесс этот... не подошел к концу, новая архитектоника пока не сложилась». На смену американско-советской монополии приходит мир, в котором будет несколько полюсов. «Одним из полюсов можно считать и Китай. Китай не должен себя недооценивать»⁷.

В следующей подобной беседе 24 декабря 1990 г. Дэн Сяопин счел необходимым отреагировать на выразившиеся рядом государств «третьего мира» пожелания, чтобы функцию мирового лидера в условиях нарастания хаотичности и ослабления позиций СССР и США в мире взял на себя Китай. Мы, сказал он, «ни в коем случае не должны этого делать. Это основа нашей государственной политики. Лидерство Китаю не по силам, в нем нет пользы, поскольку оно сковывает инициативу. Китай никогда не будет претендовать на гегемонию и никогда не будет лезть вперед, на первое место» (*«юнюань бу дантоу»*).

В то же время, отметил Дэн, «международные проблемы нельзя пускать на самотек. Кое-что необходимо делать» («юсо цзювэй»). Конкретно Дэн Сяопин предложил «активно способствовать установлению нового международного политического и экономического порядка» и развивать на базе пяти принципов мирного сосуществования отношения со всеми государствами⁸.

5 октября 1991 г. в беседе с Ким Ир Сеном Дэн Сяопин высказал предположение, что на формирование общей структуры мировой архитектоники понадобится порядка десяти лет. В этот период Китаю «следует главным образом наблюдать, поменьше выставлять напоказ свои таланты, проявляя выдержку, справляться с трудностями». В последующем употребленное Дэн Сяопином выражение «*шаолу фэнман*» — «поменьше обнажать острее», не выставлять напоказ свои способности и таланты, не выпячиваться и т.п. — было заменено близким по смыслу, но более многоплановым чэньюем (идиоматическим выражением) «*таогуан янхуэй*» — «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя»⁹. Так сформировалась базовая формула завета Дэн Сяопина из 20 иероглифов — «*лэнцзин гуаньча, вэньчжу чэньцзяо, чэньчжо инфу, таогуан янхуэй, юсо цзювэй*» — «хладнокровно наблюдать, укреплять расшатанные позиции, проявляя выдержку, справляться с трудностями, держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное».

В публикациях в КНР на общественно-политические темы данная формула нередко расширяется до 24 иероглифов с добавлением выражения «*цзюе бу дантоу*» — «ни в коем случае не лезть вперед, на первое место»¹⁰. В то же время, полная формулировка заветов Дэн Сяопина из 28 иероглифов употребляется нечасто, практически только в специальной литературе. Возможно, это отчасти связано с нежеланием лишней раз упоминать о вероятной «неуклюжести собственных взглядов». Генезис выражения «*шаньюй шоучжэ*» — «быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды» и конкретные обстоятельства введения его в оборот Дэн Сяопином остаются неясными, а само оно практически никак не комментируется китайскими политологами в отличие от всех остальных компонентов внешнеполитических заветов Дэна. О недостаточной широкой популярности данного выражения свидетельствуют и случаи замены одного из входящих в его состав иероглифов другим — «*шаньюй цанчжэ*» — «уметь скрывать свои слабые стороны»¹¹. Впрочем, периодически встречается и замена в выражении «*чэньчжо инфу*» — «проявляя выдержку, справляться с трудностями» — иероглифа «*фу*» сходным по написанию и близким в данном случае по смыслу иероглифом «*дуй*» (*инфу — индуй*).

В любом случае, однако, особую популярность и в самом Китае, и за рубежом обрела редуцированная формула заветов Дэн Сяопина — «*таогуан янхуэй, юсо цзювэй*», то есть «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное».

III

Изначально рекомендации Дэн Сяопина по вопросам внешней политики были адресованы узкому кругу лиц, входивших в высший эшелон партийно-государственного руководства КНР. По свидетельству директора Школы международных отношений Пекинского университета, ведущего китайского американиста Ван Цзисы, они были обнародованы в печати и стали известны всему миру примерно в 1996 г.¹² Систематизированное изучение и широкая пропаганда данных заветов Дэна начались после XV съезда КПК (сентябрь 1997 г.), вслед за уставным закреплением «теории Дэн Сяопина» в качестве одного из основных компонентов идейно-политической платформы деятельности правящей компартии Китая.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН СССР

В монографии Се Исяня «История дипломатической мысли современного Китая», изданной в 1999 г. в Кайфэне, принципы «хладнокровного наблюдения» и «проявления выдержки в процессе преодоления трудностей» были охарактеризованы как «методология решения крупных проблем, которую необходимо сохранить и в будущем»¹³.

В 2003 г. внешнеполитические заветы Дэн Сяопина были впервые подвергнуты достаточно детальному политологическому анализу в работах Лян Шоудэ. В монографии «Теория Дэн Сяопина и международные отношения современного Китая», где Лян выступил в качестве ответственного редактора, максима «держаться в тени, и при этом делать что-то реальное» была охарактеризована как «сердцевина» заветов Дэна и «идеологическая основа большой стратегии Китая». Столь высокая оценка принципа «*таогуан янхуэй*» объясняется тем, что он, по мнению Лян Шоудэ, «вышел за рамки идеологических догм и сделал государственные интересы исходным и конечным пунктом ведения Китаем международных дел и определения его внешнеполитического курса». Вполне логично, что в этом контексте принцип «держаться в тени» квалифицировался не как временная мера, а как «долгосрочная руководящая стратегия, имеющая относительную стабильность»¹⁴.

В монографии «Теория международной политики Дэн Сяопина», написанной в соавторстве с Лю Вэньсяном, Лян Шоудэ дал такую афористичную характеристику внешнеполитической практики КНР, базирующейся на заветах Дэн Сяопина: «не создавать врагов, не вступать в союзы, не претендовать на гегемонию, не стремиться в лидеры»¹⁵. Более развернутую интерпретацию получил принцип «делать что-то реальное»: как один из полюсов многополярного мира и крупная мировая держава, Китай... должен сделать свой голос в международных делах более звучным, не перекладывать целиком на других исполнение важной роли в делах Восточной Азии и мире в целом. При определенных условиях он может побороться за ведущую роль на некоторых направлениях, особенно в делах Восточной Азии¹⁶.

Весьма примечательным, на наш взгляд, стало содержащееся в работе Ляна и Лю признание за принципом «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя» функции накопления сил в ожидании подходящего момента для осуществления задуманного и достижения победы¹⁷.

Наиболее детальный анализ заветов Дэн Сяопина был дан в 12-м томе «Истории международных отношений» (1990—1999) под редакцией Фан Ляньцина и Лю Цзиньчжи, изданном в 2006 г. Раздел о них открывал первый параграф «Новое развитие стратегического мышления китайской дипломатии» главы «Многосторонняя многовекторная дипломатия Китая», написанной одним из главных редакторов тома Фан Ляньцином. В работе была приведена развернутая, с новыми нюансами характеристика той международной обстановки, в которой сформировался курс «28 иероглифов». В частности, отмечены перемены в Восточной Европе, распад СССР, объединение двух германских государств, роспуск Организации Варшавского договора, завершение «холодной войны», превращение США в единственную сверхдержаву, стремление западных держав добиться «мирного перерождения» Китая. Признавалось, что дело социализма в КНР, ее государственный суверенитет и национальная безопасность столкнулись с серьезным вызовом. В данном контексте Фан Ляньцин дал высокую оценку прозорливости Дэн Сяопина и научной глубине его воззрений, которые в виде формулы из 28 иероглифов указали «маршрут внешней политики Китая».

С примерами из третьего тома «Избранного» Дэн Сяопина было рассмотрено существо основных компонентов заветов (за исключением выражения «быть в состоянии защищать пусть неуклюжие, но свои собственные взгляды»). Было особо подчеркнуто, что принцип «делать что-то реальное» подразумевает не только сосредоточение усилий на надлежащем осуществлении модернизации страны, но и активное содействие обеспечению глобального мира, стабильности и развития, внесение «еще большего вклада в дела человечества».

Обосновывая стратегический долговременный характер заветов Дэн Сяопина как руководящего курса внешней политики КНР, авторы «Истории международных отношений» апеллировали прежде всего к тому обстоятельству, что «в соотношении международных сил, характеризующемся силой Севера и слабостью Юга, в течение сравнительно длительного времени не может произойти коренных изменений»¹⁸.

Разъяснение смысла заветов Дэн Сяопина было продолжено и в дальнейшем. В изданной в 2009 г. Народным университетом Китая монографии «Дипломатия Китая и международная стратегия развития» под редакцией Ху Шусяна была особо подчеркнута неразрывная органическая связь двух аспектов формулы «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное». Кроме того, значительное внимание было уделено разъяснению различных аспектов выражения «*таогуан янхуэй*». Отмечалось, что генетически оно восходит к традиционной культуре Китая, однако Дэн Сяопин придал ему «новое богатое и глубокое научное содержание и новую форму выражения». «Держаться в тени» не означает беспринципных уступок и капитулянтства, такое позиционирование прямо связано с общей линией на независимость и самостоятельность в международных делах. Следование данным курсом, предполагающим отказ от чрезмерного акцента на конфронтацию и поиск разумных компромиссов, помогло Китаю выстроить нормальные отношения с крупными державами, улучшить взаимоотношения с соседями, нарастить свой вес и активность в региональных делах¹⁹.

В посвященной заветам Дэн Сяопина статье сотрудника Восточно-Китайского педагогического университета Хуан Чжэнбая в юбилейном сборнике, приуроченном к 60-летию дипломатии КНР, центральным стал мотив диалектического единства принципов «держаться в тени и при этом делать что-то реальное». Стержневая идея данной формулы, по мнению автора, состоит в правильном выстраивании взаимоотношений между имеющимися у страны возможностями и ее внешней политикой: «нельзя, подобно сверхдержавам, вмешиваться во все мировые дела и истощать собственные силы»; «многочисленные факты свидетельствуют, что возвышение какой-либо страны и выстраивание ее международного статуса являются результатом длительного накопления комплексной мощи, ... и даже при возросших возможностях страна по-прежнему должна решать проблему, как действовать соразмерно имеющимся силам, что стоит делать, а что нет»²⁰.

Наконец, заслуживает упоминания учебник профессора Фуданьского университета Янь Шэньи «Современная дипломатия Китая», где заветы Дэн Сяопина были рассмотрены не изолированно, а в качестве одного из элементов его общего подхода к современным международным отношениям, целям, приоритетам и принципам внешней политики КНР²¹.

IV

На Западе внешнеполитические заветы Дэн Сяопина стали широко известны в начале XXI в., вслед за их активной популяризацией в КНР. По времени это ознакомление совпало с явно насторожившим многих в мире выдвинутым концепции «мирного возвышения» Китая, последовавшим за постановкой на XVI съезде КПК задачи увеличения за двадцать лет валового внутреннего продукта страны в четыре раза. Появились, прежде всего в США, попытки использовать многоплановость некоторых высказываний Дэна и особенно его формулы «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя» для обоснования различных модификаций «теории китайской угрозы». Китаю инкриминировалось наличие у него некоей скрытой повестки дня, вынашивание планов военной и материальной подготовки для «отмщения» в подходящий момент западному миру за все прошлые унижения и обиды.

С наибольшей прямотой и последовательностью эта линия проводилась в серии ежегодных (с 2002 г.) докладов Конгрессу США «О военной мощи Китайской Народной Республики», подготовившихся под эгидой канцелярии секретаря по делам обороны.

В докладе за 2004 г. была приведена традиционная формула заветов Дэн Сяопина из 24 иероглифов, при этом выражение «*таогуан янхуэй*» было переведено как «hide our capabilities and bide our time», то есть «скрывать свои возможности и выигрывать время». Формула была охарактеризована как «одна из ключевых директив Дэна по вопросам обеспечения безопасности и развития Китая», подтверждающая долгосрочную стратегию наращивания его комплексной мощи при краткосрочном приглушении амбиций²².

В докладах за 2005 и 2006 гг. со ссылкой на публикацию в гонконгском журнале «Цзинбао» («Зеркало») от 25 ноября 1991 г. была приведена видоизмененная формулировка заветов Дэн Сяопина: второй элемент традиционной формулы — «*вэньчжу чэньцзяо*» — был заменен на выражение «*чжаньвэнь цзяогэнь*» («твердо стоять на ногах»), а за «*таогуан янхуэй*» следовало выражение «*шианьюй шюучжэо*», которое и переводилось как «be good at maintaining a low profile» — «уметь держаться в тени». В обоих докладах стратегии Дэн Сяопина из 24 иероглифов были посвящены специальные врезки²³.

В Китае выразили недовольство переводом чэньцзяо «*таогуан янхуэй*» как «скрывать свои возможности и выигрывать время» и интерпретацией военными кругами США заветов Дэн Сяопина в целом, особенно в связи с их потенциальным влиянием на общественное мнение не только в США, но и во всем международном сообществе. Директор Института исследований Ближнего Востока Шанхайского университета международных исследований Чжу Вэйле привел пример с книгой о внешней политике Китая, опубликованной в 2005 г. бывшим послом Сирии в КНР, где «*таогуан янхуэй*» было переведено как «выжидать и воздерживаться до появления подходящего момента для контратаки». Практически, подчеркнул Чжу Вэйле, весь внешний мир подпал под влияние США, что привело почти к всеобщей интерпретации формулы «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» как «выигрыш времени для контратаки» с конечной целью ослабить позиции США²⁴.

«Масла в огонь» подлили некоторые китайские политологи, предложившие во избежание недопонимания отказаться в дальнейшем от использования формулы «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное», поскольку, по их мнению, у большинства китайцев она вызывает устойчивую ассоциацию с историческим персонажем эпохи «Весны и Осени» (770—476 гг. до н.э.) Гоу Цзянем. Чтобы не дать ослабнуть чувству мести, захваченный в плен Гоу Цзянь «спал на хворосте и питался желчью», то есть сознательно поставил себя в суровые условия. Его имя в Китае стало синонимом долготерпения ради будущего отмщения обидчикам²⁵.

Приверженцам заветов Дэн Сяопина пришлось приложить серьезные усилия, чтобы доказать их позитивную сущность как самих по себе, так и в качестве некоего символического послания, адресованного Китаем миру.

Бывший заместитель начальника Генерального штаба НОАК, известный военный политолог Сюн Гуанкай привлек внимание к неточности перевода выражения «*таогуан янхуэй*» на английский язык, что зачастую сознательно использовалось в попытках дискредитации Китая и распространения домыслов о «китайской угрозе». По его словам, в 2006 г. у него была возможность лично обратиться бывших госсекретарей США Дж. Шульца и Г. Киссинджера на повторение из года в год в американских докладах о военной мощи КНР неверной трактовки данной формулы. При этом Сюн Гуанкай посетовал, что неточный перевод дается не только в иностранных справочниках, но и в словарях, изданных в Китае²⁶.

Действительно, активно использовавшийся в течение многих лет иностранцами китайско-английский словарь, подготовленный факультетом английского языка Пекинского института иностранных языков, переводит выражение «*таогуан янхуэй*» как «hide one's capacities and bide one's time», то есть «скрывать чьи-либо возможности и выигрывать время»²⁷.

По мнению Сюна, более верную интерпретацию данного выражения дал изданный в сентябре 2009 г. в Шанхае «Полный словарь китайского языка» (6-е издание), где нашла отражение «душа» формулы «*таогуан янхуэй*», а именно: «не выставлять свои способности на всеобщее обозрение». Здесь нет и намек на «сокрытие намерений» и «выигрыш времени для последующей контратаки». Не вполне точным считает Сюн и часто встречающийся перевод «*таогуан янхуэй*» как «*keep a low profile*». Этот вариант перевода не отражает всей глубины китайского выражения. Как полагает Сюн, поиск адекватного варианта перевода на английский язык обсуждаемой формулы имеет «жизненно важное значение» для проецирования благоприятного образа Китая в мире²⁸.

Дополнительным аргументом в поддержку позиции Сюн Гуанкая можно считать следующее обстоятельство: когда в КНР действительно вели разговор о мести, там использовали другие выражения, нежели «*таогуан янхуэй*». По свидетельству польского Китаеведа Д. Мержеевского, изучающего особенности и эволюцию внешнеполитической риторики Пекина, в выступлении Цзян Цзэминя в мае 1999 г., после попадания американской бомбы на территорию посольства КНР в Белграде, было употреблено выражение «*восинь чандань*» — «преодолеть все трудности, готовясь к мщению», «с упорством готовиться к мщению»²⁹.

Большое внимание было уделено также показу цивилизационного контекста и подбору исторических примеров, призванных адекватно раскрыть подлинную суть выражения «*таогуан янхуэй*». И Сюн Гуанкай, и Чжу Вэйле указали на несостоятельность проведения параллелей между курсом Китая «не выделяться, держаться в тени» и поведением Гоу Цзяня — они совершенно различны по целям и методам. «Гоу Цзянь в своем стремлении отомстить делал ставку на войну, он жаждал гегемонии, тогда как Китай следует стратегии «не проявлять себя, держаться в тени» в целях продвижения дела мира и развития, налаживания взаимосвязей и сотрудничества, обеспечения общего выигрыша, достижения гармонии на региональном и глобальном уровнях»³⁰.

Истоки поведенческой модели, базирующейся на принципе «держаться в тени», были найдены в описаниях периода Южных и Северных династий (420–589 гг.) действий мудрецов, оставлявших общественную жизнь и уединявшихся для углубленных размышлений³¹. Применение же самого выражения в качестве идиомы — «чэньюя» было датировано концом XIX в. и связано с именем Чжэн Гуаннина — видного предпринимателя и общественного деятеля, заметной фигуры «ста дней реформ». Хотя он занимал ряд важных постов и активно защищал экономические интересы Китая, выступая против иностранного засилья, в обществе и на людях Чжэн держался весьма скромно, не выпячивал свои заслуги, подчеркивая, что «озабочен своей старостью, слабыми способностями и поверхностным знанием «И цзина» (Книги перемен)»³².

Глава Китайской ассоциации народной дипломатии Ян Вэньчан полагает, что скромная, осмотрительная, благоразумная манера поведения соответствует традиционным ключевым ценностям китайцев. Такая модель поведения способствует хладнокровному наблюдению, глубоким размышлениям, учету ситуации в целом. Принцип «держаться в тени» пригоден как для трудных времен, так и для периода успехов. Он является важной предпосылкой для реализации рекомендации «делать что-то реальное». Именно последовательное долговременное соблюдение данного принципа позволит сделать действия Китая на международной арене максимально точными³³.

В свою очередь, Чжу Вэйле считает, что стратегия «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» может рассматриваться как вклад китайской культуры в «философию среднего курса». По его мнению, переход от «молчаливой реализации» данного курса к его широкому публичному разъяснению необходим для того, чтобы развеять беспочвенные подозрения в США и Европе, а в дальнейшем превратить этот завет Дэн Сяопина в еще один общественный продукт, который Китай предлагает международному сообществу³⁴.

V

Выдвижение и активная пропаганда в КНР в конце 2003 — начале 2004 гг. концепции «мирного возвышения» страны (вскоре сам этот термин был заменен на понятие «мирное развитие») дало толчок дискуссии в китайском экспертном политологическом сообществе о применимости внешнеполитических заветов Дэн Сяопина в существенно изменившейся внутренней и международной обстановке.

По свидетельству Бонни Глэйзер и Эвана Медейроса, в Китае наблюдались отдельные выступления экспертов против концепции «мирного возвышения» на том основании, что она противоречит принципу «держаться в тени», составляющему сердцевину заветов Дэна. Китай, декларировали они, должен быть более скромным³⁵.

Однако гораздо чаще раздавались голоса в пользу смещения акцента с принципа «держаться в тени» на вторую часть выражения, а именно: «делать что-то реальное». При этом использовалась аргументация двоякого рода. Во-первых, утверждалось, что политика «*таогуан янхуэй*» не дает желаемого результата. «Стратегия США по сдерживанию Китая представляет собой объективную и неизбежную реальность. Дерево хочет покоя, но ветер продолжает дуть. Следовать дальше курсом «ничем не проявлять себя» означает на деле уподобиться страусу, прячущему голову в песок в случае опасности»³⁶. Во-вторых, констатировалось то обстоятельство, что в условиях подъема Китая и расширения сферы его национальных интересов весьма трудно объяснить сохранение приверженности Пекина принципу «держаться в тени». Более того, настойчивое подчеркивание такой приверженности на деле вызывает повышенную подозрительность, препятствует созданию миролюбивого образа Китая в мире и провоцирует появление различных версий теории «китайской угрозы»³⁷.

В связи с этим декларировалась необходимость для КНР занять активную позицию по крупным международным проблемам, не бояться брать контроль над ситуацией в свои руки, то есть, образно говоря, «перейти от стратегии спортсмена-серфингиста, приспособляющегося к волнам, к стратегии «создателя волн», к сознательному формированию благоприятной международной среды для мирного подъема страны»³⁸.

В 2009–2010 гг. на фоне глобального экономического кризиса, относительно благополучно пережитого Китаем, в стране усилилось убеждение, что в расстановке сил в мире происходят серьезные изменения. Многие китайцы, включая официальных лиц, уверовали, что КНР «поднялась до уровня первой мировой державы и должна восприниматься в этом качестве». Напротив, США в долгосрочном плане стали рассматриваться как «слабеющая держава». Соответственно, подвижки в балансе сил между Китаем и США расценивались как часть формирующейся новой структуры современного мироустройства³⁹.

Не заставила себя ждать и более жесткая, чем прежде, защита Китаем своих интересов, особенно в прилегающих к стране морских акваториях и в Азии в целом.

С другой стороны, в подобных действиях Китая США усмотрели свидетельство его «более гегемонистского подхода к региону»⁴⁰, то есть, попросту говоря, желание усилить свои позиции в нем, в том числе и за счет Вашингтона. В Пекине же стали раздаваться призывы поубедительнее продемонстрировать свою способность «делать что-то реальное», в частности, «набраться мужества и решимости» наказать американцев «за продажи оружия Тайваню и военную деятельность в прилегающих к КНР районах, к которым Пекин ранее относился более-менее толерантно» (скорее вынужден был терпеть)⁴¹.

Стремясь остудить «головокружение от успехов», чреватое серьезной негативной реакцией значительной части международного сообщества, на 11-м совещании послов КНР за рубежом в июле 2009 г. Ху Цзиньтао потребовал от дипломатов продолжать

придерживаться курса «держаться в тени, стараясь ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное»⁴².

Наказ лидера КНР наложил отпечаток на дискуссию об актуальности для современного Китая принципа «держаться в тени». В печати признавалось, что часть населения и экспертного сообщества страны считает его «устаревшим», однако прямого доступа к ведущим СМИ сторонники этой точки зрения в последние годы почти не получили⁴³. Напротив, разъяснения необходимости для Китая сохранять приверженность данному курсу усилились.

Среди аргументов наиболее часто фигурировал призыв к объективной оценке реальной мощи Китая и его международного статуса, что было призвано пресечь распространение в обществе необоснованного чрезмерного оптимизма и показать необходимость для страны не зазнаваться, оставаться скромной и благоразумной — а именно в этом как раз и заключается один из глубинных смыслов формулы «*таогуан янхуэй*».

Так, в комментариях ведущего китайского политического еженедельника «Ляо-ван» к теоретическим новациям Ху Цзиньтао по международным вопросам (концепция «гармоничного мира» и т.д.) было особо подчеркнуто, что «ситуация лидерства развитых стран по комплексной мощи и конкурентоспособности в ключевых сферах не изменилась» и что, несмотря на необратимость тенденции становления многополярного мира, «в соотношении международных сил базовым остается положение, характеризующееся силой Севера и слабостью Юга, силою Запада и слабостью Востока»⁴⁴.

Ван Цзисы, констатируя несомненный выход Китая по мощи на первое место в Азии, одновременно подчеркнул, что он, тем не менее, не может говорить от лица региона, как это делают Германия или Бразилия, что у КНР нет союзнических отношений с соседними странами, тогда как в регионе есть союзы, направленные против Пекина. Ван призвал также не сбрасывать со счетов Японию, которая по «мягкой силе», культурному влиянию и национальному духу не уступает Китаю, плюс имеет союз с США. Не надо, по его мнению, пренебрежительно относиться и к Европе — по комплексной мощи и глобальному политическому влиянию Китай уступает ей⁴⁵.

Бывший посол КНР во Франции У Цзяньминь, охарактеризовав формулу «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя» как «важное наследие, оставленное Дэн Сяопином в сфере дипломатии», подчеркнул ее сохраняющуюся актуальность по меньшей мере в двух аспектах. Это, во-первых, реалистический подход к делу, прагматизм, состоящий в том, чтобы решать в данный момент «именно сегодняшние вопросы, а не завтрашние и послезавтрашние». Во-вторых, гибкость, имманентно присущая курсу «*таогуан янхуэй*» и особенно подходящая для решения спорных проблем: «если твои аргументы не принимают, не надо слишком торопиться, нужно показать свою правоту и выгоды своей позиции для противника»⁴⁶.

Вместе с тем, дискуссия последних лет показала, что многие сторонники сохранения официальной приверженности КНР внешнеполитическим заветам Дэн Сяопина конца 1980-х — начала 1990-х гг. осознают наличие определенного разрыва между рекомендациями двадцатилетней давности и современным позиционированием страны на международной арене. Поэтому, например, заместитель директора Китайской академии современных международных отношений Ван Цуньбин предложил придерживаться курса «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное» (который, по его мнению, изначально «обладал качеством экстренной политической тактики») не буквально, а творчески, включая его в общую стратегию мирного развития Китая и строительства гармоничного мира и используя для защиты национальных интересов с позицией рационального прагматизма⁴⁷.

Ван Цзисы полагает, что огромная часть внешнеполитической деятельности Китая сегодня не относится к сфере действия принципа «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя». Это связано с двумя моментами. Во-первых, принцип «*таогуан*

яңхуэй» описывает лишь манеру поведения, но не стратегические цели страны и средства их достижения. Во-вторых, сегодняшние вызовы для КНР исходят не только от главных соперников и конкурентов из числа развитых и развивающихся государств, но и от международных организаций, общественных движений и функциональных проблем глобального характера, таких, как ухудшение окружающей среды. Поэтому, считает Ван Цзисы, ныне использование принципа «*таогуан янхуэй*» должно носить более избирательный характер. Он по-прежнему может играть руководящую роль в выстраивании отношений с США, но вряд ли эту стратегию следует применять к отношениям Китая с Индией. В целом же, по мнению Ван Цзисы, Китаю надлежит впредь придерживаться не буквы, а «духа» данной формулы Дэн Сяопина⁴⁸.

* * *

Дискуссию в КНР об актуальности и подлинном смысле внешнеполитических заветов Дэн Сяопина нельзя считать некоей схоластической абстракцией. Напротив, она имеет важное практическое значение, будучи составной частью сложного и достаточно длительного процесса адаптации внешней политики Китая к усилению собственных позиций в мире и к меняющейся международной обстановке. Столкнувшись с преимущественно негативной реакцией, прежде всего США и части соседского окружения, на его более активную и напористую, чем ранее, внешнюю политику в период 2009–2010 гг., Пекин рефлекторно попытался вернуться к сослужившему ему добрую службу прежнему образу субъекта международных отношений, не претендующего на лидерство где бы то ни было.

Судя по всему, определенные просчеты были допущены и в оценке изменения соотношения сил в мире, когда Америку явно поспешили зачислить в «слабеющие державы». Именно в данном контексте, видимо, следует воспринимать стремление придать «второе дыхание» внешнеполитическим заветам Дэн Сяопина, в какой-то мере поощрявшееся китайским руководством в 2009–2011 гг.

Похоже, однако, что исторический ресурс «магической формулы» Дэн Сяопина из 28 иероглифов как комплексного единого целого близок к исчерпанию. Складывается устойчивое ощущение, что дискуссия 2009–2011 гг. носила арьергардный характер и что период доминирования заветов Дэн Сяопина как руководящего курса практической внешней политики КНР постепенно завершается. Формула Дэна из 28 иероглифов, равно как и ее сердцевина — принцип «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное», выполнили свою изначальную защитно-ограничительную миссию, помогли Китаю сосредоточиться на собственной модернизации и обеспечить благоприятствующую ей внешнюю среду. Сегодня внешняя политика Китая «находится в новом исходном пункте» (по выражению министра иностранных дел КНР Ян Цзечи), вступает в новый этап.

На протяжении трех десятилетий, которые можно считать «эпохой Дэна Сяопина во внешней политике страны» (1978–2008 гг.), Китай, по выражению профессора Е Цзычэна из Пекинского университета, решал задачу «менять себя, адаптироваться к внешнему миру». Теперь одной только адаптации недостаточно. Отныне Китай, продолжая изменять себя, будет стремиться «влиять на мир». Это диктуется как новым статусом страны в мире и изменениями в международной обстановке, так и текущими и долговременными интересами КНР. Возросшая мощь и внутренние достижения страны позволяют переходить к более широкой и глубокой внешней политике, ставить перед ней более масштабные задачи⁴⁹. Как полагает профессор Школы международных отношений Пекинского университета Ван Ичжоу, Китаю предстоит перейти от «некоторых действий» («*юсо цзювэй*») к «активным действиям» («*цзицзи цзювэй*»), стать строителем и «если не руководителем, то важным участником международной системы, имеющим свои взгляды и предложения по большинству международных проблем»⁵⁰.

С соблюдением приличествующего в подобных случаях пиетета и церемониала наступающий новый этап внешней политики Китая характеризуется как «продолжение этапа Дэн Сяопина»⁵¹. Вполне вероятно, что отдельные компоненты заветов Дэна будут и далее достаточно часто употребляться и в дипломатии, и в пропаганде. особенно такие, как «хладнокровно наблюдать», «уметь защищать собственные взгляды» — они, пожалуй, справедливы в любое время для любой страны. Однако, как представляется, даже в случае сохранения в арсенале внешней политики КНР формальной приверженности заветам Дэн Сяопина сами они будут наполняться все новым и новым, отличным от первоначального, содержанием, более адекватным современным международным реалиям и статусу КНР в мире.

1. Полная формулировка внешнеполитических заветов Дэн Сяопина из 28 иероглифов. как правило, дается в версии, приведенной в опубликованном в КНР в 2002 г. сборнике высказываний Цзян Цзэминя о социализме с китайской спецификой. (Цзян Цзэминь. Лунь ю Чжунго тэсэ шэжуйчжун. Пекин, 2002. С. 520). Наиболее близкий к китайскому оригиналу русскоязычный вариант этой формулы содержится в переводе данного сборника на русский язык под редакцией Ю.М. Галеновича. См.: *Цзян Цзэминь. О социализме с китайской спецификой*. М.: Памятники исторической мысли, 2004. Т. II—III. С. 473.
2. Гоцзи гуаньси ши. Ди шиэр цзюань (1990–1999) [История международных отношений] / Отв. ред. Фан Ляньцин, Лю Цзиньчжи. Пекин, 2006. Т. 12. С. 545.
3. *Се Исянь*. Дандай Чжунго вайцзяо сысян ши [История дипломатической мысли современного Китая]. Кайфэн. 1999. С. 374.
4. *Дэн Сяопин* вэньсюань. Ди сань цзюань. Пекин, 1993. С. 319–320 [*Дэн Сяопин*. Избранное. Т. 3]. В «Избранном» Дэн Сяопина, изданном в Пекине на русском языке под эгидой Бюро переводов при ЦК КПК, «*вэньчжэу чэньцзяо*» переведено как «Китаю самому приходится укреплять свои позиции» (Дэн Сяопин. Избранное. Том III (1982–1992). Пекин, 1994. С. 402).
5. Там же. С. 320.
6. Там же. С. 321. В русскоязычном издании «Избранного» Дэн Сяопина «*чэньчжэо инфу*» было переведено как «реакция должна быть сдержанной».
7. Дэн Сяопин. Избранное. (1982–1992). Пекин, 1994. Том III. С. 443 (на рус. яз.).
8. Там же. С. 456.
9. Чжунго вайцзяо юй гоцзи фачжань чжаньлюе яньцзю [Дипломатия Китая и международная стратегия развития] / Ху Шусян (гл. ред.). Пекин, 2009. С. 62.
10. Например, формулировка в составе 24 иероглифов фигурирует в статье Лун Пинпина «Во всем исходить из интересов народа» в подборке статей журнала «Ляован», посвященных 90-летию КПК — Ляован. Пекин. 27.06.2011. С. 25.
11. Дэн Сяопин лилунь юй дандай Чжунго гоцзи гуаньси [Теория Дэн Сяопина и международные отношения современного Китая] / Лян Шоудэ (гл. ред.). Пекин, 2003. С. 312.
12. *Ван Цзисы*. Чжунго дэ гоцзи динвэй вэньти юй «таогуан яньхуэй, юсо цзовэй» дэ чжаньлюе сысян [Проблема международного позиционирования Китая и стратегический принцип «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное»]. // Чжунго вайцзяо. Пекин. 2011. № 7. С. 6. Бонни Глэйзер и Эван Медейрос называют конкретный источник, содержащий внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и пояснения к ним тогдашнего министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня. Это сборник статей под редакцией Ван Тайпина «Исследование идей Дэн Сяопина в сфере дипломатии» [Дэн Сяопин вайцзяо сысян яньцзю луньвэньцзи. Пекин, 1996]. — Bonnie Glaser and Evan Medeiros. The Changing Ecology of Foreign Policy-Making in China: The Ascension and Demise of the Theory of "Peaceful Rise" // *China Quarterly*. London, No. 190. June 2007. P. 291–310, здесь — P. 305.
13. *Се Исянь*. Указ. соч. С. 386.
14. Дэн Сяопин лилунь юй дандай Чжунго гоцзи гуаньси / Лян Шоудэ (гл. ред.) С. 314–318.
15. *Лян Шоудэ, Лю Вэньсян*. Дэн Сяопин дэ гоцзи чжэчжи лилунь [Теория международной политики Дэн Сяопина]. Наньцин, 2003. С. 178.
16. Там же. С. 182.
17. Там же. С. 179.

18. Гоци гуаньси ши. Ди шиэр цзюань (1990–1999). Пекин, 2006. С. 541–545.
19. Чжунго вайцзяо юй гоци фачжань чжаньлюе яньцзю / Ху Шусян (гл. ред.) С. 62–66.
20. Хуан Чжэнбэй. Дэн Сяопин «таогуан янхуэй, юсо цзовэй» сысян до чжаньлюе ин. [Стратегическое значение идеи Дэн Сяопина «держаться в тени и при этом делать что-то реальное»] // «Синь Чжунго вайцзяо люши нянь [60 лет дипломатии нового Китая]. Пекин, 2010. С. 121–130.
21. Янь Шэньи. Дандай Чжунго вайцзяо (ди эр бань) [Современная дипломатия Китая. 2-е изд.]. Шанхай, 2009. С. 6–12.
22. Annual Report of the Military Power of the People's Republic of China (2004). URL: <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2004.pdf>, p. 9.
23. <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2005.pdf>; <http://www.fas.org/nuke/guide/china/dod-2006.pdf>.
24. *Zhu Weilie*. On Diplomatic Strategy of “Keeping a Low Profile and Taking a Proactive Role When Feasible” // *Global Review*. Shanghai, 2010. Vol. 6, No. 3, May/June. P. 2.
В России близкий к американскому вариант перевода выражения «таогуан янхуэй» — «скрывать свои возможности, выигрывая время» — дан в работах М.В. Мамонова. См., например: «Система внешнеполитических приоритетов современного Китая» — глава 22 коллективной монографии «Современная мировая политика. Прикладной анализ» (под ред. А.Д. Богатурова). М., 2009. С. 415–437, здесь — С. 418. В то же время в монографии Е.О. Подолько «Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики» (М., Дипломат. акад. МИД России, 2006, С. 89–90) воспроизведен вариант перевода заветов Дэн Сяопина в сборнике высказываний Цзян Цзэминя о социализме с китайской спецификой.
25. По свидетельству Чжу Вэйле, данную гочку зрения высказал известный специалист по международным отношениям Китая Е Цзычэн в статье, опубликованной в журнале «Тайпинянь сюэбао» (Тихоокеанский вестник), 2002. № 1; *Zhu Weilie*. Op. cit. P. 2–3.
26. *Xiong Guangkai*. China's Diplomatic Strategy: Implication and Translation of “taoguang yanghui”. — *International Strategic Studies*, Beijing, 4th Issue, 2010. P. 1–2.
27. A Chinese-English Dictionary. Пекин, 1978. С. 668. Отметим, что перевод на русский язык, приведенный в известном китайско-русском «Шанхайском словаре», точнее передает смысл оригинала: «стремиться ничем не проявлять себя; замкнуться в себе и ничем не выделяться; держаться в тени». (Китайско-русский словарь. Пекин, 1989. С. 880). Словарь получил обиходное название «шанхайский», поскольку был подготовлен Шанхайским институтом иностранных языков.
28. *Xiong Guangkai*. Op. cit. P. 3–4.
29. *Mierzejewski D.* From Pragmatism to Morality. The Changing Rhetoric of Chinese Foreign Policy. Lecture in Denver University, February 2012. URL: <http://www.du.edu/korbel/china/forums/dominic.html>.
30. *Zhu Weilie*. Op. cit. P. 4.
31. Ян Вэньчан. «Таогуан янхуэй»: бода цзиньшэнь. [«Держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя»: широкий и глубокий смысл] // Гуанмин жибао. 2011. 7 нояб.
32. Ян Вэньчан. Цит. соч.; *Zhu Weilie*. Op. cit. P. 4.
33. Ян Вэньчан. Цит. соч.
34. *Zhu Weilie*. Op. cit. Pp. 10–11.
35. *Bonnie Glaser and Evan Medeiros*. Op. cit. P. 305.
36. Чжу Вэйле ссылается на статью Ван Юйшэна «Переосмысливая курс держаться в тени» в журнале «Хуаньцю» (2004. № 7) — *Zhu Weilie*. Op. cit. P. 3.
37. *Zhu Liqun*. China's Foreign Policy Debate. Institute for Security Studies // *European Chailiot Papers*. Sept. 2010. P. 51. Чжу Лицюнь цитирует статью Гао Фэя в журнале «Тайпинянь сюэбао» (2006, № 1).
38. *Zhu Liqun*. Op. cit. P. 51–52.
39. *Kenneth Libenthal and Wang Jisi*. Addressing U.S.—China Strategic Distrust. John Thornton China Center Monograph Series. Brookings, Washington. Number 4, March 2012. P. 8–9.
40. *Kenneth Libenthal and Wang Jisi*. Op. cit. P. X.
41. Ibid. Op. cit. P. 16.
42. Ян Вэньчан. Цит. соч.
43. Одно из немногих исключений — статья сотрудника Института США АОН Китая Юань Цзиньжуна «Китай должен восстановить «величие династий Хань и Тан» в сборнике статей из газеты

- «Хуаньшо шибао» «Дискуссии в Китае» — [Чжунго яо хуйфу «Хань Тан сюнфэн» — Чжэнбянь Чжунго («Хуаньшо шибао»)]. Шанхай, 2010. С. 194–195.
44. *Чжан Сяотун*. Ху Цзиньтао шидайгуань дэ Чжунго чжучжан [Позиция Китая в концепции современной эпохи Ху Цзиньтао]. Ляован, 2009. 23 нояб. С. 33.
45. *Ван Цзисы*. Цит. соч. С. 3–4.
46. *У Цзяньминь*. Цзайлай игэ хуаньцзин ши нянь [Размышления о международной обстановке для Китая на ближайшие 10 лет]. // Чжунго вайцзяо. 2011. № 9. С. 3–5.
47. *Ван Цуньбин*. Лунь чуаньцаосин цзяньчи «таогуан янхуэй, юсо цзовэй» [О творческом следовании курсом «держаться в тени и стараться ничем не проявлять себя, и при этом делать что-то реальное»]. Чжунго вайцзяо. 2011. № 4. С. 3–8.
48. *Ван Цзисы*. Цит. соч. С. 6.
49. *Е Цзычэн*. 2011 нянь Чжунго вайцзяо: да го вайцзяо цзин каоянь дэ и нянь [Внешняя политика Китая — 2011: год испытаний для дипломатии державы]. / Цинь Чаоинь (гл. ред.). Цзюйлунь шан дэ Чжунго — данцянъ гоцзи гонэй чжун дэ синши фэньси. 2010–2011 няньду баогао [Китай у колеса истории — анализ современной международной и внутренней обстановки. Годовой доклад за 2010–2011 годы]. Пекин, 2011. С. 119–120.
50. *Чжан Динюй*. Чжунго шифоу ин цзяцяи цзежу гоцзи шиу — «чуаньцаосин цзежу» юй Чжунго вайцзяо пяньдуань [Должен ли Китай усилить вовлеченность в международные дела — «новаторская вовлеченность» и эпизоды из внешней политики Китая] // Шицзе чжиши. Пекин, 2012. № 2. С. 21.
51. Там же.

Экономика

Роль транснациональных корпораций КНР в развитии национальной инновационной системы

© 2012

Д. Селихов

Рассматриваются особенности становления высокотехнологичных ТНК Китая и их влияния на развитие национальной инновационной системы на современном этапе. Особое внимание уделено росту национальной инновационной системы КНР и ее месту в экономике Китая.

Ключевые слова: китайские ТНК, национальная инновационная система (НИС), научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки.

Экономика КНР все больше смещается в сторону повышения качества и эффективности роста, проведения дальнейшей модернизации и повышения вклада национальной инновационной системы в экономическое развитие страны. Эти направления экономической стратегии легли в основу плана 12-й пятилетки, который был официально принят на 17-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) в марте 2011 г.¹ Стоит отметить, что большинство векторов экономической стратегии, включая характер и качество экономического роста, развитие инновационной экономики, защиту окружающей среды, были изложены еще на 6-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва в октябре 2006 г. и на XVII съезде КПК в октябре 2007 г.² В новом плане предусмотрены средние темпы роста на 7% в год, и к 2015 г. ВВП должен достигнуть 8,37 трлн долл.³ Если по итогам 2010 г. он вырос на 10,3% и достиг 6,1 трлн долл.⁴ (в результате китайская экономика стала второй в мире), то в 2011 г. ВВП КНР составил 7,26 трлн долл., на 9,2% превысив соответствующий показатель за предыдущий год⁵.

В предшествующей пятилетке темпы роста ВВП в Китае приближались к 11%, что достигалось за счет опережающего роста экспорта и притока прямых иностранных инвестиций. Такой рост имел ряд негативных эффектов, в частности, серьезное загрязнение окружающей среды, региональную дифференциацию в доходах⁶, риск возникновения финансовых пузырей. Новой моделью экономического роста предусмотрено увеличение социальных расходов⁷ и стимулирование потребления на внутреннем рынке⁸, но без резкой либерализации курса национальной валюты, что могло бы повлечь увеличение безработицы и сокращение экспорта. Другим важнейшим приоритетом КНР станет развитие собственной национальной инновационной системы⁹. В частности, правительством планируется снизить налоги в высокотехнологичных сферах экономики, увеличить инвестирование в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР)¹⁰, включая сферу альтернативной энергетики¹¹.

Национальная инновационная система КНР

Существуют разные подходы к определению национальной инновационной системы. Наиболее используемым и цитируемым в научной литературе является определение, предложенное специалистами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), согласно которому под этим понимается совокупность институтов, относящихся к государственному и частному секторам, которые индивидуально и во взаимодействии друг с другом обеспечивают развитие и распространение новых технологий в пределах конкретного государства¹². Широкое распространение получил подход к изучению каналов проникновения новых технологий в экономику стран Кристофером Фрименом¹³, который в 1987 г. ввел понятие национальной инновационной системы.¹⁴ Общим для основоположников концепции стало понимание национальной инновационной структуры как процесса и результата интеграции разнородных по целям и задачам структур, занятых производством и коммерческой реализацией научных знаний и технологий в пределах национальных границ (ТНК, мелкие и средние компании¹⁵, университеты, НИИ), обеспечиваемых комплексом институтов правового, финансового и социального взаимодействия, имеющих прочные национальные корни, традиции, политические и культурные особенности.

Наиболее простая модель, характеризующая взаимодействие элементов национальной инновационной системы, предполагает, что роль частного сектора состоит в создании технологий на основе собственных исследований и разработок и рыночном освоении инноваций, роль государства — в содействии производству фундаментального знания (в университетах) и комплекса технологий стратегического (оборонного) характера, а также в создании инфраструктуры и благоприятного институционального климата для инновационной деятельности частных компаний. В рамках этой общей модели формируются национальные особенности НИС, проявляющиеся в большей или меньшей роли государства и частного сектора в выполнении тех или иных функций, в относительной роли крупного и мелкого бизнеса, в соотношении фундаментальных и прикладных исследований и разработок, в динамике развития высокотехнологичных отраслей.

Когда заходит речь о модернизационных процессах в Китае, многие исследователи называют эти процессы новыми для Китая. Однако это не совсем так. Впервые концепция «модернизации» была озвучена еще в 1919 г.¹⁶ Затем имел место этап, когда модернизация, проходящая по советскому образцу, заложила основы индустриализации страны, превратив ее в космическую и ракетно-ядерную державу. Затем, после так называемой «культурной революции», к концепции «модернизации» в Китае вернулись в 1976 г. Именно это послужило началом, инкубационным этапом, развития НИСК на принципах рыночной экономики.

В национальной инновационной системе Китая выделяются две группы основных субъектов: государственные и частные (бизнес)¹⁷. К государственным субъектам относятся лаборатории и специализированные инновационные центры университетов, научно-исследовательские институты, государственные технопарки — зоны экономико-технологического развития (ЗЭТР) и зоны развития новых и высоких технологий (ЗРНВТ), а также государственные транснациональные корпорации (ТНК). К группе негосударственных субъектов, или субъектов с частным капиталом относятся частные китайские ТНК, малый и средний бизнес, бизнес-инкубаторы, собственные или совместные центры НИОКР зарубежных ТНК, размещенных на территории Китая (так, в Пекине и Шанхае к 2008 г. было размещено около 28¹⁸ и 26¹⁹ центров НИОКР зарубежных ТНК соответственно)²⁰.

Взаимодействие между субъектами системы осуществляется через основные виды связей: финансовые, кадровые и технологические. НИСК продолжает процесс формирования и обновления, так как на разных этапах своего развития ряд ее структурных элементов перестают выполнять поставленные перед ними задачи (см. табл.).

Таблица 1

Этапы формирования организационной структуры НИСК

Этап	Структура	Описание
Инкубационный этап (1975–1998 гг.)		<ul style="list-style-type: none"> – срочная необходимость модернизации экономики; – прямая институциональная поддержка
Экспериментальный этап (1978–1985 гг.)		<ul style="list-style-type: none"> – начало экономической реформы; – начало экспериментального госфинансирования НИОКР
Структурная реформа НИСК (1985–1995 гг.)		<ul style="list-style-type: none"> – рост госрасходов на НИОКР; – появление НИОКР в предпринимательском секторе
Углубление структурной реформы (1995–2005 гг.)		<ul style="list-style-type: none"> – усиление конкуренции технологий на внутреннем и мировом рынках; – появление новых форм финансирования НИОКР (включая венчурное)
Формирование центра НИСК, (с 2005 г.)		<ul style="list-style-type: none"> – центром НИСК становится предпринимательский сектор (ТНК, SME); – выход высокотехнологичной продукции кит. ТНК на мировой рынок

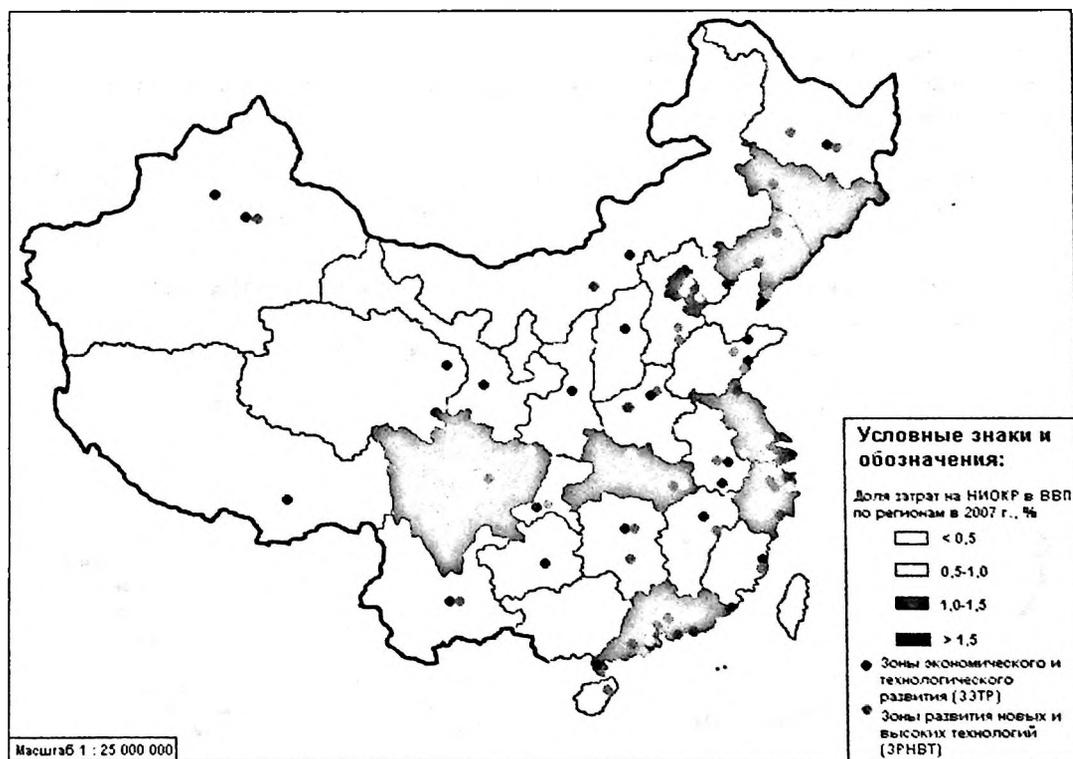
Источник: составлено автором по Xiao Yun, Kazuyuki Motohashi. *China's Innovation System Reform and Growing Industry and Science Linkages*, RIETI, 2005, сmp. 12–28; Gao Changlin. *Chinese Science and Technology Indicators System: Toward and Innovation-based Nation*. National Research Center for S&T for Development. *OECD-MOST Workshop on Indicators for Assessing National Innovation Systems, China, 2006*, сmp. 32–35; Martin Schuaper. *Measuring China's Innovation System: National Specificities and International Comparisons*. *Statistical Analysis of Science, Technology and Industry, STI Working Paper 2009/1*. OECD, 2009, сmp. 11–26.

На современном этапе развития ведущими субъектами национальной инновационной системы КНР (включая все виды связей), а также выступающими в качестве главных связующих звеньев, являются китайские компании (ТНК и МСБ).

Для достижения цели к 2020 г. правительством КНР было выделено 4 приоритетных наукоемких сферы, которые также соответствуют классификации высокотехнологичных производств ОЭСР²¹. К ним относятся: авиационная и космическая отрасли промышленности; электронная промышленность и телекоммуникации; производство персональных компьютеров (ПК) и оргтехники, программное обеспечение; фармацевтическая промышленность и производство медицинского оборудования²². Помимо производственной сферы, к НИСК относятся фундаментальные и прикладные научные исследования, где государством также определены приоритетные направления развития. Таким образом, в Китае технологии и наукоемкая продукция проходят весь цикл — от фундаментальных исследований до коммерциализации технологий и вывоза высокотехнологичной продукции на внутренний и на международные рынки²³.

Рисунок. 1.

Региональная структура расходов на НИОКР в ВВП в КНР в 2007 г.

Источник: составлено автором по Чжунго кэцзи тунцзи шуцзю 2008 / Ежегодный научно-технологический справочник Китая. / — Пекин: Министерство науки и технологий КНР, 2008.

Развитие НИСК протекает пространственно неравномерно. Современные региональные инновационные центры начали формироваться в КНР в 1980-х гг. Наиболее высокие темпы развития инноваций зафиксированы в восточных, южных и центральных районах. На долю предприятий в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян и прилегающих к Бохайскому заливу зон приходится более 80% общего производства высокотехнологичной продукции страны. На Пекин, Тяньцзинь-Циндао, Шанхай и Гуанчжоу-Шэньчжэнь²⁴ приходится более 80% затрат на НИОКР. Именно здесь базируются штаб-квартиры и центры НИОКР китайских высокотехнологичных ТНК (Lenovo, Huawei Technologies, Haier, ZTE, BYD и др.), крупнейшие университеты (Цинхуа, Фудань, Цзяотун и др.), совместные и собственные

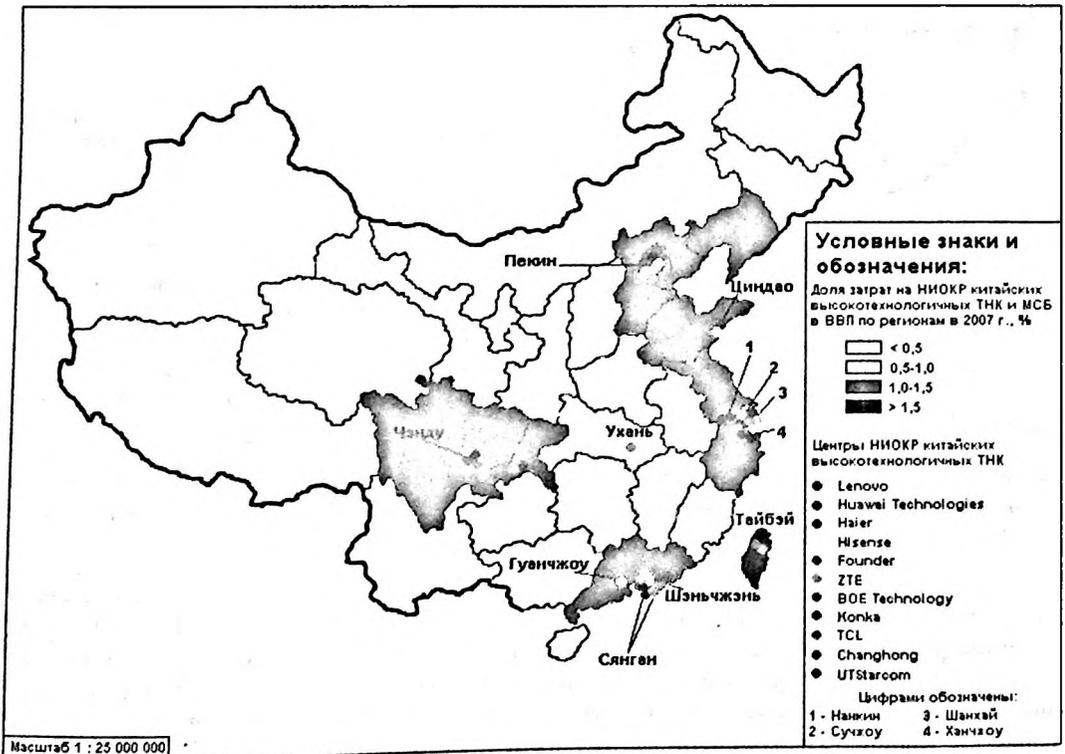
центры НИОКР зарубежных ТНК, а также — основные ЗЭТР и ЗРНВТ вместе с технопарками разного уровня и бизнес-инкубаторами. (см. рис. 1 и рис. 2).

Ныне в Пекине, пока что главном центре НИСК, функционируют несколько тысяч высокотехнологичных предприятий. Производство в основном ориентировано на развитие информационных технологий, бионженерии, новых материалов и энергосберегающих технологий. Классический пример инновационной интеграции субъектов НИС Китая — его крупнейшая зона научно-технического развития Чжунгуаньцунь, в структуру которой входят 17 университетов, 50 НИИ, центры-НИОКР китайских и зарубежных ТНК и лаборатории китайского МСБ. Основная специализация китайской «кремниевой долины» — развитие ИТ и производство ПК и оргтехники. Среди известных компаний, функционирующих здесь, можно выделить Lenovo и Founder Group. В Шанхае существует 4 основных центра инноваций — Пудун, Цзиньцзяо, Цаохэцзин и Хунцяо. Здесь сосредоточены в основном совместные и собственные центры НИОКР зарубежных ТНК. На юге Шэньчжэнь обещает в среднесрочной перспективе стать главным центром НИСК. Этот город является неофициальной «электронной столицей» страны, т.к. здесь базируются и стремительно развиваются электронная промышленность и сфера телекоммуникаций. В 2009 г. в Шэньчжэне была открыта первая биржа для инновационных китайских компаний — ChiNext.

Для преодоления пространственных диспропорций в инновационном развитии Китай поставил в своей региональной политике цель — создать хотя бы одну ЗЭТР или ЗРНВТ на территории каждой административной единицы страны (рис. 1).

Рисунок 2.

Центры НИОКР китайских высокотехнологичных ТНК в 2009 г.

Источник: составлено автором по данным корпоративных сайтов и OECD Statistics.
<http://stats.oecd.org/index.aspx>;

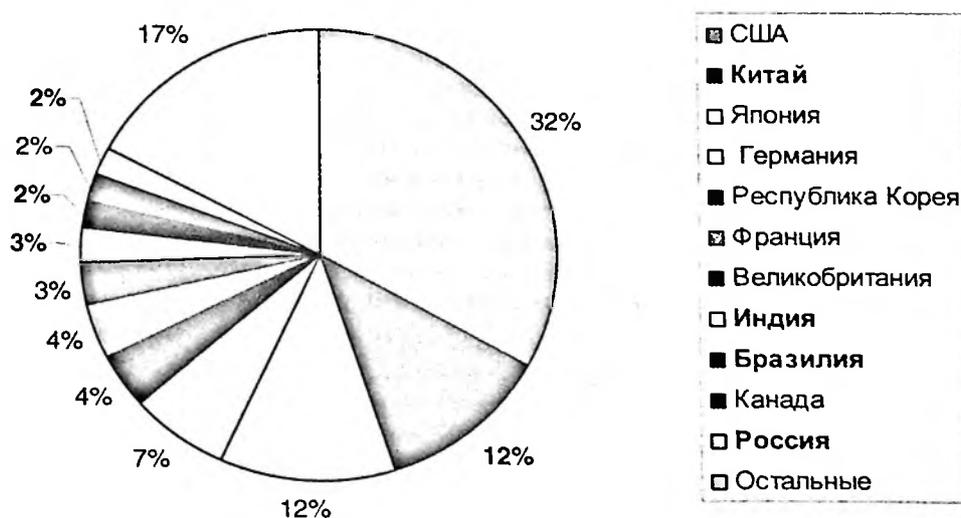
Место национальной инновационной системы КНР в мире

Критерий оценки инновационной деятельности — вклад новых технологий в экономическое развитие страны. Ныне, когда знания становятся экономическим ресурсом, а информационные технологии преобразуют систему мирового хозяйства, требуется именно такой подход к анализу инновационной деятельности. В начале нынешнего века в мире насчитывалось свыше 20 стран²⁵, расцениваемых как «инновационные» (США, Япония, Республика Корея, Финляндия, Швеция и др.). В качестве общих для них признаков эксперты называют нижеследующие:

- 1) акцентирование роли научных знаний, новых технологий и их практического применения в обществе;
- 2) ускорение создания информационной инфраструктуры, обеспечивающей распространение НТП;
- 3) продвижение инновационного процесса на основе новых и высоких технологий и повышения конкурентоспособности производства;
- 4) изменение социальной структуры, ведущей к распространению инноваций не только в производстве и управлении, но и во всех других сферах деятельности, включая культуру;
- 5) постоянное освоение новых знаний профессиональными и обучающими кадрами.

Рисунок 3.

Региональная структура расходов на НИОКР в 2010, млрд долл.

Источник: рассчитано автором по данным *Global R&D Funding Forecast 2012*, *Advantage Business Media*, December 2011, P.3—5

Используется определенный набор обязательных показателей. Главный и наиболее часто используемый — оценка инновационного потенциала экономики страны: уровень затрат на НИОКР. С 2006 г. Китай занимает второе место в мире по абсолютным расходам на НИОКР²⁶, составившим в 2011 г. 174,9 млрд долл., или на 14,6% больше, чем в 2010 г.²⁷ На Китай приходится более 12% глобальных расходов на НИОКР (см. рис.3).

В то время как экономика Китая росла в среднем на 11% в год, рост его расходов на НИОКР превышал 20%. В 1999—2005 гг. ВВП в США рос на 4,0% в год, а в Китае — на 11,5%. Последний уже в 2023 г. может стать главным центром в этой сфере.

По доле затрат на НИОКР в ВВП, которая в 2011 г. составила 1,6%²⁸, Китай не входит в десятку мировых лидеров, однако он — лидер среди развивающихся стран. У наиболее динамично развивающихся стран (членов БРИКС) эти показатели заметно меньше: у Бразилии — 1,2%, России — 1,05%, Индии — 0,85%; средний показатель стран-членов ОЭСР — 2,2%²⁹. Именно группа стран БРИКС в ближайшие годы станет главным конкурентом США, Японии и ЕС в мировой структуре расходов на НИОКР. В 2011 г. их совокупная доля составила 19% от мировых расходов (12% из этого приходится на Китай).

Ныне он является крупнейшим экспортером высокотехнологичной продукции («hi-tech») в мире, обогнав по этому показателю США. В 2006 г. доля экспорта высокотехнологичной продукции Китая составила 16,9% от мирового объема, США — 16,8%, ЕС — 15%, Японии — 8%.³⁰ Отметим, что Китай добился этого всего лишь за 10 лет: в 1995 г. данный показатель у него составлял 2,1%, или 10,1 млрд долл. (6,8% от общего экспорта Китая), а в 2009 г. — уже 31%, или 377 млрд долл.

Последние два десятилетия развития мировой экономики сопровождаются усилением роли ТНК. В начале 1990-х гг. их насчитывалось в мире около 37 тыс., а в 2007 г. — 79 тыс. Их доля в объеме мировой торговли превышает 60%³¹. Ныне, кроме определяющей роли в развитии мировой торговли, транснациональные структуры являются ведущим звеном в глобальном развитии НИОКР. В деле развития собственных НИОКР и высокотехнологичных продуктов конкуренцию американским, японским и европейским ТНК уже составляют китайские корпорации. Так, Lenovo, образованная в китайской «кремниевой долине» Чжунгуаньцунь на базе Института вычислительной техники (ICT), а в 2004 г. купившая подразделение персональных компьютеров у IBM, вошла в число 50 самых инновационных компаний в мире³². Корпорация Haier, которая в настоящее время является крупнейшим в мире производителем бытовой техники и электроники в мире, имеет свои филиалы в более чем 100 странах. Корпорация Huawei Technologies, крупнейшая в КНР ТНК с частным капиталом, является второй крупнейшей в мире ТНК по объему поданных заявок на получение патентов РСТ³³ (42 623 заявки) во Всемирной Организации Интеллектуальной Собственности (WIPO)³⁴.

Особенности становления китайских высокотехнологичных ТНК

В последние годы активная интеграция китайской экономики в систему мирового хозяйства определяла возникновение и рост влияния транснациональных корпораций Китая на общее развитие его национальных инновационных систем.

Появление в Китае национальных ТНК обусловлено реформированием государственного сектора промышленности, начатым в 1979 г. Дэн Сяопином³⁵. В 1993 г. здесь был принят «Закон о компаниях», который предусматривал создание в Китае этих новых видов субъектов предпринимательской деятельности, хотя многие современные китайские ТНК в то время уже являлись, по сути, компаниями, ибо открывали свои дочерние компании в Гонконге, хотя все предприятия находились в континентальной части. В 1991—1995 гг. государство сосредоточило усилия на преобразовании 1000 крупных госпредприятий в корпорации. В экспериментальном порядке в КНР были сформированы объединения промышленных предприятий и холдинговые корпорации, причем последние контролировали имущество государства в форме пакетов акций. Данная форма корпораций сохранилась и в настоящее время (в НИСК: корпорации авиационной, космической, и отчасти фармацевтической промышленности)³⁶. С 1996 г. в ходе реформы было избрано несколько направлений дальнейшей работы по организации и поддержке наиболее эффективных и конкурентоспособных предприятий и корпораций:

- отбиралась группа наиболее хорошо работающих предприятий;
- обеспечивалась помощь тем хозяйствующим субъектам, прибыль которых недостаточна или которые даже убыточны, но имели рынок сбыта и в перспективе могли обеспечить эффективную работу;
- выявлялись группы предприятий, не имеющих широких производственных связей и большой прибыли, но потенциально способных участвовать в конкурентной борьбе;
- выявлялись предприятия с большой задолженностью и убытками, которые предполагалось отсеять путем слияния, закрытия и преобразования (аренда, продажа, паевое сотрудничество и т.д.).

В ходе проведенной работы по данным направлениям уже в 1998 г. были сформированы три крупнейшие корпорации³⁷. Наряду с процессами укрупнения предприятий, образованием корпораций и стремлением к повышению конкурентоспособности, в 1996—2000 гг. происходило развитие и становление китайского среднего и малого бизнеса³⁸.

Вторым этапом становления китайских национальных ТНК стал выход наиболее успешных из них на внешние рынки. Стремительный рост производства внутри страны во многом способствовал наращиванию экспорта. А вступление КНР в ВТО в 2001 г. повлекло снятие таможенных барьеров и ограничений для зарубежных партнеров при экспорте их продукции в КНР, что существенно ужесточило конкуренцию для китайских компаний. В 2001—2006 гг. внешняя торговля КНР увеличилась с 510 млрд долл. до 1,76 трлн долл.³⁹ Вслед за ростом внешнеторгового оборота увеличивался объем ПИИ в Китай. В 1979—2006 гг. было реализовано ПИИ на 691,9 млрд долл. На территории Китая открывались компании с долевым участием иностранных компаний (совместные предприятия и компании с 100% иностранным капиталом). Это, с одной стороны, расширяло рыночные возможности для всех китайских компаний, с другой стороны, увеличивало зависимость китайского экспорта от импорта зарубежных технологий.

По мере достижения определенного объема накопленных ПИИ Китай начал проводить курс «цзоучуэюй» («выход вовне»)⁴⁰, принятый пленумом ЦК КПК в 2002 г. Он предполагает ускорение процесса транснационализации китайских компаний, нацеленной на освоение зарубежных рынков и на продвижение «узнаваемости» китайских брендов⁴¹. Данная стратегия предусматривает поощрение вывоза китайского капитала в строгом соответствии с условиями, задачами и приоритетами экономического развития страны. Главные субъекты этой стратегии — корпорации, получающие по льготной ставке средства для инвестирования за рубежом по трем главным направлениям:

- добыча и переработка сырья;
- создание там предприятий с последующей продажей своей продукции;
- инвестиции, ориентированные на приобретение новых технологий.

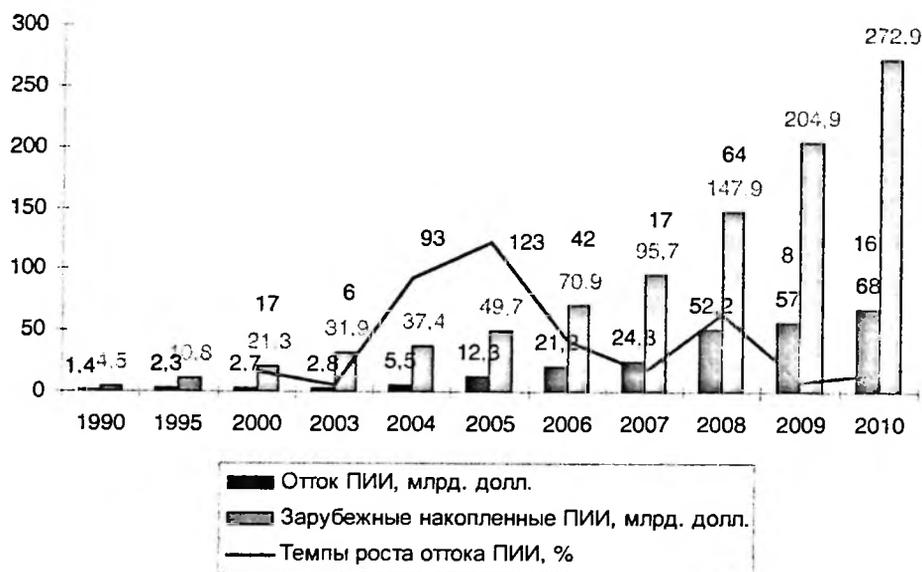
Последнее становится, по нашему мнению, наиболее перспективным направлением зарубежного инвестирования китайских корпораций. Общий объем китайских ПИИ за рубежом увеличился в 1990—2010 гг. в 60 раз (см. рис.4).

К настоящему времени инвестиции китайских компаний размещены в 172 странах: в более чем 90% азиатских стран, в 80% европейских стран и в 79% африканских стран. По предварительным прогнозам Государственного управления КНР по валютному контролю, в 2013 году объем оттока ПИИ из КНР превысит 100 млрд долл.⁴² Таким образом, Китай является не только крупнейшим инвестором среди развивающихся стран и стран с переходной экономикой, он уже приближается к мировому лидерству.

Один из главных факторов успешного выполнения стратегии «цзоучуэюй» — поставленная на XVII съезде КПК задача «ускоренного появления китайских национальных корпораций». С целью ускоренного создания и развития национальных ТНК, правительством КНР было выбрано 30–50 наиболее успешных китайских компаний, для которых предоставлялись налоговые льготы, земельные участки по заниженным ценам, льготное финансирование, оказывалась поддержка любого рода.

Рисунок 4.

Динамика оттока ПИИ из Китая в 1990—2010 гг.

Источник: составлено автором по данным UNCTADStat (www.unctadstat.unctad.org); World Investment Report 2011. Non-equity modes of international production and development. UNCTAD, United Nations, NY, Geneva, 2011. С. 31—33.

На современном этапе в Китае существуют корпорации, соответствующие критериям ТНК, сформулированным Конференцией ООН по торговле и развитию. Согласно критерию дохода, в списке Fortune Global 500 количество китайских ТНК увеличилось в 2000—2010 гг. с 11 до 61⁴³. Можно ожидать, что по мере реализации выдвинутого китайским руководством курса на развитие китайских ТНК, их рейтинги в мире будут укрепляться. Другое направление, где достигнуты заметные успехи китайских ТНК, связано с высокотехнологичным сектором. Всего в национальной инновационной системе КНР выделяются 7 высокотехнологичных ТНК: Huawei Technologies, Haier, Lenovo, ZTE, Hisense, Founder, TCL⁴⁴.

В рейтинге 500 крупнейших корпораций Китая, который публикует China Enterprise Confederation and China Enterprise Directors Association, большая их часть принадлежит государству (349, включая ТНК)⁴⁵. На высокотехнологичные компании приходится чуть более 10%, или 53 компании. В отраслевой структуре высокотехнологичных компаний 27 приходятся на электронную промышленность⁴⁶, 15 — на фармацевтическую, 8 — на сферу телекоммуникаций, по 3 — на сферы информационных технологий, программного обеспечения, а также на сферу авиационной и космической промышленности.

Согласно параметрам ЮНКТАД, в высокотехнологичном секторе экономики Китая выделяется 7 китайских ТНК, занятых в трех основных «инновационных» сферах деятельности (электронной промышленности, производстве ПК и оргтехники⁴⁷, а также в сфере производства телекоммуникационного оборудования). В сфере электроники заняты 4 корпорации — Haier, ZTE, Hisense, TCL; в сфере производства телекоммуникационного оборудования — Huawei Technologies и ZTE, а в сфере производства ПК и оргтехники (включая ПО) — Lenovo и Founder (см. табл. 2).

Таблица 2

Китайские высокотехнологичные ТНК

№	Компания	Доход (млрд долл.) в 2010 г.	Сфера деятельности	Год основания	Штаб-квартира	Форма собственности
1	Huawei Technologies	28,46	Телекоммуник. оборудование	1988	Шэньчжэнь, КНР	Частная
2	Haier	20,7	Электроника, ПК	1984	Циндао, КНР	Госуд.
3	Lenovo	21,5	ПК, ПО	1984	Перчейз (штат Нью-Йорк, США)	Госуд.
4	Hisense	15,87	Электроника	1994	Циндао, КНР	Госуд.
5	ZTE	10,61	Телекоммуник. оборудование, электроника	1985	Шэньчжэнь, КНР	Госуд.
6	TCL	8,2	Электроника	1981	Хуэйчжоу, КНР	Госуд.
7	Founder	7,1	ПК, ПО	1981	Пекин, КНР	Госуд.

Источник: составлено и рассчитано автором по данным корпоративных сайтов.

Таблица 3

Основные показатели деятельности китайских высокотехнологичных ТНК

№	Компания	Доля затрат на НИОКР, %	Число стран, в которых функционируют	Кол-во центров НИОКР (в т.ч. за рубежом)	Штат корпорации (тыс. чел.)	TNI*	RSI**
1	Huawei Technologies	10,4	100	18 (13)	110	39	35,7
2	Haier	6,2	160	14 (10)	70	22	63,5
3	Lenovo	6,1	116	5 (2)	19	58	52,9
4	ZTE	10,1	135	15 (9)	62	32,5	61,6
5	Hisense	5,3	76	7 (3)	60	35	27,4
6	Founder	6,5	30	10 (3)	30	14	41
7	TCL	5,9	88	10 (7)	50	37	40,2

* индекс транснационализации;

** индекс распространения сети.

Источник: составлено и рассчитано автором по данным корпоративных сайтов.

Согласно данным таблиц 2 и 3, общие особенности китайских высокотехнологичных ТНК таковы:

- период основания корпораций — 1980-е гг. (искл. Hisense);
- форма собственности — государственная (искл. Huawei);
- высокая доля затрат ТНК на собственные НИОКР, в среднем — 7,2%;
- наличие собственных центров НИОКР как в Китае, так и за рубежом;
- высокие показатели TNI и RSI, что отражает «степень международной» корпораций.

Национальная инновационная система Китая уже перешла на рыночный этап развития, где основной вклад в рост доли НИОКР в ВВП осуществляется китайскими компаниями. В большинстве стран ОЭСР основная доля НИОКР приходится на ТНК (в среднем по миру — более 65%), до этого основная масса НИОКР приходилась на госсектор. В Китае происходят схожие со странами ОЭСР процессы трансформации развития НИСК. Таким образом, в настоящее время в КНР активизируется процесс транснационализации национальной инновационной системы.

К главным факторам процесса транснационализации НИСК в Китае можно отнести государственную инновационную политику, импорт зарубежных технологий и развитие малого и среднего инновационного бизнеса. Первый фактор имеет институциональную природу, он сыграл определяющую роль на первых этапах развития национальной инновационной системы КНР. Импорт зарубежных технологий, как неотъемлемая часть периода активного притока зарубежных ПИИ в Китай, сыграл важную роль для «догоняющей» модернизации в промышленной сфере⁴⁸. В среднесрочной перспективе лидирующую роль в движении процесса транснационализации НИСК будет играть развитие малого и среднего инновационного бизнеса в Китае. В настоящее время его развитие во все большей степени происходит за счет внутреннего спроса. В технологиях заинтересованы как китайские, так и зарубежные ТНК, активно осваивающие китайский внутренний рынок. В целях ускорения внедрения новых и высоких технологий в промышленное производство Китай активно внедряет систему поддержки, направленную на создание в стране механизма рискованных инвестиций. Финансирование малого инновационного бизнеса осуществляется преимущественно специальными финансовыми учреждениями. Они организуются как компании, формирующие специальные венчурные инвестиционные фонды, используемые для поддержки и кредитования малых и средних инновационных предприятий.

Транснационализация национальной инновационной системы КНР.

Становление глобальной экономики, способной работать как единая система в режиме реального времени, характеризуется стремительным развитием процессов транснационализации. Широкомасштабное вынесение отдельных звеньев производственно-технологических цепочек компаний за национально-государственные границы, создание сети зарубежных филиалов, дочерних компаний, размещение центров НИОКР, установление долгосрочных контрактных отношений — все это продиктовано крупными технико-экономическими сдвигами в производственной базе, в характере международного разделения труда на современном этапе. Транснационализация дает корпорациям ряд неоспоримых преимуществ:

- возможности повышения эффективности и усиления конкурентоспособности;
- повышение мобильности менеджмента;
- новые рынки сбыта;
- способность продлевать жизненный цикл своих технологий и продукции и сосредоточение усилий и ресурсов своих зарубежных подразделений на разработке новых технологий и видов продукции.

Таковы основные преимущества, получаемые ТНК в ходе глобальной экспансии⁴⁹. Транснациональные корпорации стали не только ведущими игроками мировой торговли, но и главными субъектами НИОКР как в мировой, так и в национальных инновационных системах. Теперь НИОКР перестают делиться на категории «национальных» и «зарубежных», они становятся глобальными, что ведет к появлению в рамках процесса транснационализации понятия «интернационализация НИОКР».

ОЭСР, при дифференцированном подходе к организации зарубежных центров НИОКР, выделяет 4 основные стратегии высокотехнологичных ТНК (на основании опы-

та интернационализации НИОКР ведущих высокотехнологичных ТНК из США, Японии, Германии и стран Северной Европы)⁵⁰:

- стратегия зарубежных инвестиций в НИОКР;
- стратегия использования зарубежных НИОКР в стране базирования с целью освоения новых технологий на внутреннем рынке;
- стратегия увеличения собственных НИОКР как в стране базирования, так и за рубежом⁵¹;
- стратегия поиска рыночной ниши для зарубежных инвестиций в НИОКР.

Китайские высокотехнологичные ТНК дифференцированы как по видам корпоративных стратегий и моделям управления, так и по стратегиям организации зарубежных центров НИОКР. Общая черта любой из выбранных и созданных стратегий — в том, что любые вложения китайских высокотехнологичных ТНК в НИОКР (и в Китае, и за рубежом) отражаются на развитии национальной инновационной системы, а именно:

- на повышении качества производимых и внедряемых технологий внутри КНР, а значит, и на конкурентоспособности выпускаемой высокотехнологичной продукции;
- на росте доли расходов на НИОКР внутри страны;
- на ускорении процесса замещения импорта технологий собственными независимыми НИОКР.

Поступление новых технологий из зарубежных центров НИОКР китайских ТНК ведет к росту малых и средних инновационных компаний в КНР. Новая и весьма заметная тенденция, характерная для интернационализации НИОКР китайских ТНК, — зарождение и быстрый рост НИОКР, осуществляемых за рубежом. В основе этой тенденции лежит необходимость получения доступа к передовым технологиям и адаптации товаров к требованиям важнейших экспортных рынков. Последующим этапом для китайских ТНК становится повышение качества создаваемых за рубежом НИОКР, выражающееся в переходе от адаптивного вида НИОКР и технологического мониторинга к созданию инновационного вида НИОКР. Некоторые из названных семи китайских ТНК уже совершили такой переход (Huawei Technologies, Haier, Lenovo, ZTE).

В последние десятилетия глобальные расходы на НИОКР росли высокими темпами: от 677 млрд долл. в 2002 г. до более 1,1 трлн долл. в 2008 г.⁵² Для них характерна очень высокая степень концентрации: на 10 ведущих стран приходится четыре пятых мировых расходов на НИОКР, а на первые 3 страны (США, Япония, КНР) — половина всех мировых расходов на НИОКР (см. рис. 3). На семь китайских высокотехнологичных ТНК приходится 8,9% всех расходов на НИОКР. В 1993—2010 гг. ими было открыто 47 зарубежных центров НИОКР. Пространственная структура зарубежных центров НИОКР китайских ТНК показывает, что на современном этапе транснационализация НИОКР имеет 3 географических вектора с направлением: в США и Канаду, где размещается более трети всех зарубежных центров НИОКР китайских высокотехнологичных ТНК, в Европу (главным образом в Швецию, Францию и Германию) и в Азию (в Индию, Японию, Южную Корею).

Зарубежные центры НИОКР китайских высокотехнологичных ТНК создаются в развитых странах с целью повышения конкурентоспособности собственных технологий, которые по внутрифирменным каналам распространяются по всей системе глобальных НИОКР каждой отдельной корпорации, а значит, поступают в центры НИОКР, локализуемые в НИСК. Другой целью организации НИОКР в развитых странах является возможный вывод собственной продукции на рынки данной страны. Для реализации поставленной цели китайские высокотехнологичные ТНК используют адаптивные и предназначенные для технологического мониторинга НИОКР.

Зарубежные центры НИОКР в развивающихся странах (исключая Индию), создаются в основном с целью адаптации уже имеющихся технологий. Выбор развивающейся страны для осуществления в будущем исследований и разработки зависит от темпов развития в ней собственных национальных инновационных систем. Этим мотивиру-

ется локализация несколькими китайскими высокотехнологичными ТНК в Индии собственных центров инновационных НИОКР.

Существует ряд фундаментальных причин для сохранения нынешней тенденции интернационализации НИОКР китайскими высокотехнологичными ТНК. Во-первых, китайские корпорации, как и раньше, будут сталкиваться с острой конкуренцией, заставляющей их активно заниматься исследованиями и разработками. Во-вторых, для повышения гибкости НИОКР в условиях быстрого технического прогресса требуется большое число исследовательских кадров, специализирующихся в различных областях, а также организации НИОКР в тех местах, где такие кадры имеются. В-третьих, старение населения во многих развитых странах, по-видимому, повлечет нехватку кадров, обладающих специализированными современными профессиональными навыками, что заставит ТНК искать новые кадры в других странах. В-четвертых, благодаря процессам накопления знаний, в которые вовлекаются местные компании и учреждения (НИИ, университеты и др.), развивающиеся страны, участвующие в интернационализации НИОКР, постепенно расширят собственные возможности для активизации НИОКР.

Выводы и предложения

Ни одна страна не может в одиночку создавать все те знания, которые необходимы ей для поддержания своей конкурентоспособности и устойчивого роста. Поэтому многие страны стремятся создавать международные инновационные сети. Двумя каналами для этого служат отток и приток НИОКР. Интернационализация НИОКР открывает перед развивающимися странами новые возможности, расширяя их доступ к технологиям и помогая им создавать товары и услуги с высокой добавленной стоимостью, развивать новые профессиональные навыки и стимулировать инновации посредством привлечения местных компаний. ПИИ в НИОКР помогают странам укреплять свои национальные инновационные системы и поднимать свой промышленный и технологический уровень с целью выполнения более сложных функций, внедрения более передового оборудования и выпуска более сложной продукции.

В настоящее время повышение роли НИСК в экономике является стратегическим курсом развития различных стран. Рост НИСК отражается в увеличении добавленной стоимости высокотехнологичной продукции, в росте доли высокотехнологичных производств в промышленности, в увеличении расходов на НИОКР, в приумножении доли высокотехнологичной продукции в структуре экспорта.

Ведущую роль в развитии национальной инновационной системы КНР ныне играют китайские высокотехнологичные ТНК. Их роль в развитии национальной инновационной системы определяется усилением процесса интернационализации НИОКР, который позволяет осваивать и заниматься дальнейшей разработкой зарубежных технологий через тесное взаимодействие с малым и средним инновационным бизнесом, научно-исследовательскими институтами и университетами.

Рост экономики Китая и активное поощрение государством развития собственных инноваций дает возможность России осуществить качественный и быстрый рост в сфере новых технологий, наряду с дальнейшими мерами по переходу экономики от модели «сырьевого экспорта» на модель «внутренних инноваций». Данный экономический вызов стоит перед Россией уже сейчас. Представляется важным понимание того, сможет ли наша страна воспользоваться собственным уникальным научным потенциалом и потенциалом высококвалифицированной рабочей силы, своими финансовыми возможностями, чтобы начать процесс поощрения локализации у себя центров НИОКР зарубежных ТНК. Это повлияло бы на темпы развития собственной НИС в России.

1. Агентство Синьхуа. Политбюро ЦК КПК обсудило свою работу за период после 6-го пленума 16-го созыва // Китайский информационный Интернет-центр Russian.china.org.cn, Пекин, 2007. URL: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-09/29/content_8985352.htm.
2. Хейфец Б.А., Селихов Д.М. Китай: инновационное развитие в условиях экономического кризиса. // Пробл. Дальнего Востока 2010. № 1. С.46.
3. Xinhua. Report on China's economic, social development plan // China Daily. Beijing, 2011. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2011npc/2011-03/18/content_12193653.htm.
4. Shujie Yao, Jing Zhang. Chinese Economy 2010: Post Crisis Development. The University of Nottingham, China Policy Institute. Briefing Series — Issue 67, UK 2011. P. 2.
5. Ma Jiantang. National Economy Maintained Steady and Fast Development in the Year of 2011 // National Bureau of Statistics of China China, 2012. URL: http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20120117_402779577.htm.
6. Коэффициент Джини в 2010 г. составил 0,5.
7. До 25% расходной части бюджета будет идти на медицину, образование, социальное обеспечение.
8. К 2015 г. доля городского населения увеличится на 4% — до 51,5%; в городе будет создано дополнительно до 45 млн рабочих мест, повысится базовая ставка налога на доходы физических лиц.
9. Термин ОЭСР — National Innovation System. Национальная инновационная система Китая — НИСК.
10. К 2015 г. доля расходов на НИОКР должна составить 2,2% ВВП (вместо 1,6% в 2011 г.).
11. В соответствии с планом за 12-ю пятилетку доля возобновляемых источников энергии в энергобалансе КНР должна возрасти до 11,4% с нынешних 8%. В общей сложности на реализацию программ по защите окружающей среды КНР за 5 лет истратит около 457 млрд долл.
12. National Innovation Systems, Organization for Economic Co-operation and Development (OECD). Paris, 1997. С. 9–11.
13. Профессор Центра изучения научной политики при Сассекском университете (Великобритания).
14. Концепция национальных инновационных систем разрабатывалась в 1980-е годы Б. Лундваллом, К. Фрименом, Р. Нельсоном.
15. Малый и средний бизнес (МСБ).
16. Li Hongtu. China's modernization: a historical survey. East Chinese Normal University. Shanghai, 2004. С. 145—156.
17. На основании принадлежности капитала: частный или государственный.
18. ABB, Agilent Technologies, Alcatel Lucent, DoCoMo, Ericsson, France Telecom, Fujitsu, Google, Hewlett Packard, IBM, Infineon, Intel, Matsushita (Panasonic), Microsoft, Motorola, NEC, Nokia, P&G, Samsung, Siemens, Sony-Ericsson и др.
19. Alcatel Lucent, AMD, Astra Zeneca, Cisco Systems, Dupont, Ericsson, General Electric, General Motors, Hewlett Packard, Honeywell, Intel, Microsoft, Motorola, Phillips, Samsung, Siemens, Sony, Unilever и др.
20. Schwaag S. Copying or technology superpower? Or From world's factory to world's brain? Innovation in China. VINNOVA: Research Policy Institute of University of Lund. Dublin, 2008. С. 3.
21. Liu Xielin. Innovation System of China and Globalization. INNO VIEWS, Brussels, 2009. С. 8.
22. Космическая, авиационная, фармацевтическая промышленности — отрасли государственного значения, в них отсутствует частный капитал. Однако сфера НИОКР в фармацевтике частично была приватизирована, в т.ч. ведутся совместные исследования с частными китайскими и иностранными корпорациями.
23. Shelton R.D., Foland P. The Race for World Leadership of Science and Technology: Status and Forecasts. WTEC, U.S., 2008. С.12.
24. Сегодня в Шэньчжэне на долю высокотехнологичных производств приходится 45% экспорта. Город, который обеспечивает 13% всего экспорта из Китая, является самым богатым в стране — подушевой ВВП в 2010 г. составил 14,6 тыс. долл., что уже сопоставимо со странами Восточной Европы.
25. Коэффициент вклада науки и техники в экономику превышает 70%, внешняя технологическая зависимость ниже 30%.
26. Wildson J. Keeley J. China: The next science superpower? The Atlas of Ideas: Mapping the New Geography of Science. London, 2007. С. 6—7.
27. Battelle. 2012 Global R&D Funding Forecast, Advantage Business Media, Dec. 2011. P. 3–4.

28. В 1995 г. доля затрат на НИОКР в ВВП Китая составляла 0,6%.
29. *Ernst D.* China's Innovation Policy Is a Wake-Up Call for America // *Asia-Pacific Issues. Analysis from the East-West Center* 2011. N 100. С. 5–8.
30. *Yuqing Xing.* China's High-tech Exports: Myth and Reality. National Graduate Institute for Policy Studies. GRIPS Discussion Paper 11–05. Tokyo, 2011. С. 1–2.
31. Cose Eduardo Cassiolato. Comparative Report on FDI and National Systems of Innovation in BRICS. Global Research Network for Learning, Innovation and Competence Building Systems, RedeSist. Brazil. Rio de Janeiro, 2011. С. 3–6.
32. The 50 most innovative companies 2010 // *Bloomberg Businessweek*, NYC, USA, 2011. URL: http://www.businessweek.com/interactive_reports/innovative_companies_2010.html.
33. PCT — Patent Cooperation Treaty.
34. WIPO — World Intellectual Property Organization; *Ernst D.* Op. cit. С. 7.
35. В нее заложено 5 основных документов: «Некоторые установки о расширении прав государственных промышленных предприятий в управлении хозяйственной деятельностью», «Положение о предоставлении прибыли в распоряжение государственных промышленных предприятий», «Временное положение о взимании налога на основные производственные фонды государственных промышленных предприятий», «Временное положение о повышении нормы амортизации основных производственных фондов и совершенствовании методов использования амортизационных отчислений на государственных промышленных предприятиях», «Временное положение о введении кредитования всей величины оборотных средств государственных промышленных предприятий». В соответствии с этими документами было отобрано небольшое количество промышленных предприятий для проведения эксперимента.
36. Экономика Китая вступает в XXI век / Отв. ред. М. Л. Титаренко. М.: ИДВ РАН, 2004. С. 111.
37. CNPC, Sinopec, Baosteel.
38. SME (МСБ) как комплекс негосударственных форм собственности развивался с «нуля». Сняв запрет на его существование, но прямо не поддерживая, государство стимулировало его движение в новые сектора экономики, в том числе и в высокотехнологичные сферы.
39. Экономическая реформа в КНР на рубеже веков / Сост. П.Б. Каменнов. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 8.
40. *Хейфец Б.А., Селихов Д.М.* Роль иностранных инвестиций, технологий и менеджмента в модернизации страновых хозяйственных систем // *Постсоветское пространство в глобализирующемся мире: Пробл. модернизации* / Отв. ред. Л.З. Зевин. СПб.: Алетейя, 2008. С. 62.
41. *Терентьева Т.Г.* Основные направления китайской политики «выхода за рубеж» // *Китай: новые горизонты реформ: информ. материалы ИДВ. М., 2005. С. 75.*
42. State Administration of Foreign Exchange of China, Beijing, China, 2011. URL: www.safe.gov.cn/model_safe_en/news_en/new_detail_en.jsp?ID=30100000000000000000.310&id=2.
43. Global 500: annual ranking of the world largest corporations // *Fortune*, CNN Money, USA, 2011. — <http://money.cnn.com/magazines/fortune/global500/2011/countries/China.html>.
44. К ним можно с небольшими оговорками причислить еще Changhong и Konka. В среднесрочной перспективе следующие компании из КНР могут быть причислены к высокотехнологичным ТНК: Midea, Galanz, Skyworth, BBK, Shinco, Gree и др.
45. Экономическая реформа в КНР на рубеже веков / Сост.: П.Б. Каменнов. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 159–166.
46. Без компаний, которые специализируются только на электротехнике (только на white goods).
47. Среди четырех корпораций, занятых в производстве ПК и оргтехники, две из них также заняты в сфере информационных технологий (ИТ).
48. В настоящее время зависимость Китая от импорта технологий составляет около 45%, а уже к 2020 г. Пекин намерен снизить этот показатель до 30%, т.е. до уровня развитых стран.
49. *Nannan Lundin, Sylvia S.* Globalization of R&D and China: Empirical Observations and Policy Implications. Research Institute of Industrial Economics. Stockholm, 2007. IFN Working Paper № 710. С. 18–26.
50. *Albrecht S, Ingo B. Morgenstern V., Xiao Y. Xia.* The Cost of Going Global for China's High-Tech Companies. The McKinsey Quarterly: McKinsey & Company, 2008. С. 12–15.
51. «НИОКР равной силы» на всех рынках.
52. Global R&D Report 2008: Changes in the R&D Community. R&D Magazine, Advantage Business Media, 2009. С. 7.

Тенденции торгового сотрудничества России со странами БРИКС

© 2012

И. Троекурова, К. Пелевина, Е. Нехорошева

В развитии торговых связей России с партнерами по группе БРИКС налицо ряд положительных тенденций, как и некоторые проблемы (характерные, в целом, для ее товарообмена с другими странами). Партнеры по группе БРИКС относятся к числу крупных, быстрорастущих экономик мира, расширение и структурное совершенствование сотрудничества с ними соответствует российским национальным интересам.

Ключевые слова: БРИКС, индекс Херфинделя – Хиршмана, нетарифные ограничения в торговле.

Страны БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) демонстрируют модель развития многополярного мира. За каждой из них — «свой» регион на четырех континентах, своя экономическая модель, своя стратегия развития. Модель, на первый взгляд, выглядит искусственной и противоречивой. Однако таким и является современный мир, состоящий из стран богатых и бедных: одни экспортируют высокотехнологичную продукцию, другие — природные ресурсы или сельскохозяйственную продукцию, в одних быстро растет население, в других приходится поощрять его рост.

Таблица 1

Показатели развития экономик БРИКС в 2011 г.

Страны	ВВП, млрд долл.	Темпы роста ВВП, %	ВВП на душу населения, тыс. долл.	Структура ВВП, %			Товарооборот, млрд долл.	
				сельс. хоз-во	промышленность	услуги	экспорт	импорт
Бразилия	2284	2,8	11,6	5,8	26,9	67,3	250,8	219,6
Россия	2373	4,3	16,7	4,2	37,0	58,9	498,6	310,1
Индия	4463	7,8	3,7	18,1	26,3	55,6	298,2	451,0
Китай	11300	9,5	8,4	9,6	47,1	43,3	1897	1664
ЮАР	554,6	3,4	11,0	2,5	31,6	65,9	94,2	92,9
Весь мир	78980	3,7	11,8	5,9	31,3	62,8	18150	17990

Составлено авторами по: The World Factbook 2012. URL: <http://www.cia.gov>

Несмотря на различные, а порой просто противоположные оценки проекта БРИКС, объединение пяти указанных стран представляет собой «срез» современного мира

Троекурова Ирина Степановна, доктор экономических наук, зав. кафедрой экономической теории Саратовской государственной юридической академии. E-mail: troekurovais@mail.ru

Пелевина Ксения Александровна, аспирантка кафедры мировой экономики Саратовского государственного социально-экономического университета (СГСЭУ).

Нехорошева Екатерина Алексеевна, студентка СГСЭУ.

со многими его проблемами. При этом объективно демонстрирует: БРИКС — это сила, с которой невозможно не считаться. На фоне нестабильной экономической ситуации в мире страны, входящие в БРИКС, демонстрируют экономическую силу, лидируя в процессах восстановления мировой экономики. Как мы полагаем, страны этой группы призваны стать главной движущей силой и стимулировать дальнейший рост мировой экономики.

Прежде всего рассмотрим торговые взаимосвязи между странами БРИКС, имеющие большое значение, т.к. именно они способствуют росту взаимозависимости экономик и, как следствие, укреплению общих национальных интересов. Наличие последних, в свою очередь, определяет эффективность координации совместных действий стран БРИКС. Кроме того, активизация торговых отношений между этими странами способствует укреплению роли их валют в мировой экономике.

Интенсивность торговли между странами БРИКС

Экономики БРИКС характеризуются торговой взаимозависимостью и имеют тенденцию к сближению. Для измерения степени интенсивности двусторонних товаропотоков между различными парами экономик БРИКС воспользуемся формулой

$$I_{ij} = \frac{X_{ij}}{X_i} \cdot \frac{M_j}{(M_w - M_i)} = \frac{X_{ij} \cdot (M_w - M_i)}{X_i \cdot M_j}$$

где I_{ij} — коэффициент интенсивности двусторонних товаропотоков страны i в страну j ; X_i — общий объем экспорта страны i ; X_{ij} — экспорт страны i в страну j ; M_j — общий объем импорта страны j ; M_i — общий объем импорта страны i . Импорт страны j делится не на весь мировой импорт (M_w), а за минусом импорта страны i , которая не может быть импортером собственного экспорта.

Данный коэффициент показывает отношение доли страны i в импорте страны j к доле страны i в мировом импорте (за минусом импорта самой страны i). Если коэффициент больше 1, это говорит о большей интенсивности торговли страны i со страной j по сравнению с мировым уровнем торговли страны (i) — следовательно, коэффициент указывает на значимость страны j для экспорта страны i .

Если показатель коэффициента — больше единицы, значит налицо достаточно прочные экономические связи между данными странами. Невысокий показатель интенсивности двусторонних товаропотоков (при коэффициенте менее «1») фиксирует неглубокую и непрочную основу двусторонних экономических связей.

Используя данные о внешней торговле из *Direction of Trade Statistics Yearbook* (IMF, 2010), а также UN COMTRADE (2011)¹ по классификации SITC Rev. 3. по странам БРИКС, авторы рассчитали коэффициенты интенсивности двусторонних товаропотоков между их экономиками за 2002–2010 гг. Начало анализируемого периода обусловлено тем, что в ноябре 2001 г. впервые появилась аббревиатура «БРИК».

Полученные результаты позволяют утверждать, что ключевыми центрами торговли в рамках БРИКС являются Бразилия и Китай. В 2010 г. у Бразилии этот показатель со странами группы (кроме Индии) составил около 1,2, у Китая со всеми странами чуть больше 1.

Коэффициент интенсивности двусторонних товаропотоков у Индии с остальными членами группы был различен — от 2,99 с ЮАР до 0,37 с Россией. Этот показатель также имеет значительные различия у ЮАР — от 1,75 в торговле с Индией до 0,24 в торговле с Россией.

К сожалению, среди стран БРИКС у России коэффициент интенсивности двусторонних товаропотоков самый низкий: от 0,66 с Индией до всего лишь 0,02 в торговле с ЮАР. Это говорит о низкой пока что интенсивности двусторонних товаропотоков РФ с другими странами группы, слабой значимости стран БРИКС для российского экспорта.

Таблица 2

Коэффициент интенсивности двусторонних товаропотоков между странами БРИКС*

Страны	Годы	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР
Бразилия	2002	—	3.02	1.22	0.94	2.02
	2003	—	2.77	0.78	1.15	2.26
	2004	—	2.31	0.63	0.93	2.11
	2005	—	2.71	0.74	0.94	2.28
	2006	—	2.31	0.47	0.94	1.90
	2007	—	1.67	0.37	1.01	1.85
	2008	—	1.40	0.28	1.16	1.55
	2009	—	1.40	1.05	1.55	1.56
Россия	2002	0.30	—	1.70	1.42	0.09
	2003	0.30	—	2.16	1.16	0.01
	2004	0.33	—	1.30	1.00	0.01
	2005	0.37	—	0.74	0.88	0.02
	2006	0.33	—	0.69	0.83	0.01
	2007	0.37	—	0.68	0.66	0.01
	2008	0.34	—	0.58	0.65	0.01
	2009	0.38	—	0.84	0.71	0.10
Индия	2002	1.15	2.09	—	0.76	2.27
	2003	0.84	1.58	—	0.83	1.95
	2004	1.11	1.13	—	0.93	2.25
	2005	1.46	0.79	—	1.06	2.78
	2006	1.50	0.66	—	1.01	3.07
	2007	1.70	0.42	—	0.97	2.72
	2008	1.62	0.47	—	1.33	2.07
	2009	1.33	0.52	—	0.94	2.11
Китай	2002	0.61	1.51	0.89	—	0.99
	2003	0.74	1.79	0.76	—	1.00
	2004	0.88	1.98	0.89	—	0.94
	2005	0.87	1.80	0.85	—	0.94
	2006	0.96	1.43	0.99	—	1.01
	2007	1.03	1.56	1.11	—	0.95
	2008	0.96	1.32	1.07	—	1.02
	2009	1.09	1.03	1.11	—	1.07
ЮАР	2002	0.83	0.20	1.32	0.34	—
	2003	0.77	0.28	1.09	0.46	—
	2004	0.80	0.29	1.17	0.39	—
	2005	0.90	0.15	1.76	0.43	—
	2006	1.03	0.18	1.04	0.62	—
	2007	0.96	0.18	1.28	0.97	—
	2008	0.70	0.20	1.61	0.87	—
	2009	0.67	0.26	1.83	1.29	—
2010	0.82	0.24	1.75	1.20	—	

Рассчитано авторами по: *Direction of the Trade Statistics Yearbook*, Wash. IMF, 2010; UN COMTRADE <http://comtrade.un.org/db/>

За последние годы в рамках БРИКС были достигнуты договоренности по реализации проектов, увеличивающих взаимные товаропотоки, что дает надежду на динамичный рост коэффициента интенсивности двусторонних товаропотоков внутри БРИКС в перспективе.

Проблемы структуры торговли России со странами БРИКС

Для оценки перспектив развития торговых связей РФ со странами БРИКС анализируем ее торговлю с каждой из них по отдельности.

По итогам 2010 г. российско-китайский товарооборот достиг 59,3 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2009 г. на 50,3%. При этом российский экспорт в Китай — 20,3 млрд долл. (рост на 21,8%) а импорт — 39,0 млрд долл. (рост на 71,2%). Отрицательное сальдо торгового баланса России — 18,7 млрд долл.

В структуре российского экспорта в Китай основная доля поставок пришлось на следующие товарные группы: минеральные продукты (в основном продукция ТЭК) — 55,6% объема экспорта, древесина и целлюлозно-бумажные изделия — 14,2%, продукция химической промышленности — 14,0%, машины, оборудование и транспортные средства — 7,9%. Удельный вес металлов и изделий из них составляет 3,4% объема российского экспорта, продовольственных товаров и сельхозсырья — 4,7%. Основные экспортные товары (свыше 84% всех поставок): продукция ТЭК (нефть и нефтепродукты, уголь каменный); лесоматериалы необработанные, пиломатериалы и целлюлоза древесная, сырье и полуфабрикаты для металлургии (руды и концентраты железные), рыба мороженая, минеральные удобрения, авиационная техника и ее части, никель необработанный, каучук синтетический, оборудование для АЭС, лактамы, полимеры этилена.

Структуру импорта формировали: машины, оборудование и транспортные средства — 49,6%, текстиль, изделия из него, обувь — 18,5%. Доля металлов и изделий из них составила 8,6%, продукции химической промышленности (7,3%), продовольственных товаров и сельхозсырья (3,4%), кожевенного сырья, пушнины и изделий из них (1,8%), древесины и целлюлозно-бумажных изделий (1,3%). Основные импортные товары (свыше 67% всего объема импорта): изделия легкой промышленности (трикотажно-текстильные и кожгалантерейные изделия, обувь и ее части), бытовая электроника (вычислительная техника, телефонная аппаратура, телевизоры, и др.), части и компоненты электронной аппаратуры, продукция общего машиностроения (строительная техника, части и компоненты автотранспортных средств, насосно-компрессорное оборудование), электробытовые приборы (стиральные машины, холодильная техника, кондиционеры и др.), электросиловое оборудование, продукция металлургии (металлоконструкции, трубы, прокат плоский, метизы из нелегированной стали и пр.); мебель и ее части; игры и спортивный инвентарь; продовольственные товары (плодоовощная продукция, рыба и морепродукты).

Решению задачи диверсификации структуры российского экспорта призвана способствовать созданная в 2007 г. Российско-китайская палата по содействию торговле машинно-технической и инновационной продукцией. В июне 2009 г. при содействии Палаты был организован визит в Россию китайской закупочной делегации для проработки вопросов возможного импорта, в том числе, машинно-технической продукции. В ходе визита китайской стороне был передан для изучения перечень соответствующей продукции для возможных поставок в КНР.

Китайской стороной также предпринимаются меры для увеличения закупок машин и оборудования в России. В 2009 г. был создан Фонд поддержки импорта российской машинно-технической продукции в размере 100 млн юаней.

По итогам 2010 г. товарооборот между Россией и Бразилией составил 5,9 млрд долл. (рост на 28%), в том числе экспорт увеличился до 1,8 млрд долл. (рост на 65,6%), а импорт — до 4,1 млрд долл. (рост на 17,3%). Отрицательное сальдо России в торговле с Бразилией — 2,3 млрд долл. Бразилия постепенно продвигается к поставленной в 2004 г. цели — вывести товарооборот с Россией на уровень 10 млрд долл.

В структуре российского экспорта в Бразилию основная доля пришлось на: продукцию химической промышленности — 48%, минеральные продукты (26,5%), металлы и изделия из них (16,4%). Удельный вес машин, оборудования и транспортных средств

составил лишь 6,8% экспорта. Основные экспортные товары (87% всех поставок): минеральные удобрения (азотные, калийные и комплексные), нефтепродукты и сырая нефть, прокат из нелигированной стали (горячекатаный и холоднокатаный), угольные электроды, используемые в металлургии, газетная бумага. Сырьевые товары составляют 70% от российского экспорта в Бразилию, а высокотехнологичная продукция — лишь 5,7%. Стоит отметить поставки российских вертолетов на сумму 75,7 млн долл. (4%).

В перспективе, возможно, многие бразильские изделия станут конкурентоспособными и привлекательными для импорта в Россию: не только продукты питания, но и разнообразные промышленные товары: дорожная и строительная техника, роторные объемные насосы, алюминиевый прокат, цилиндры для прокатного стана, запчасти для транспортных средств, комбикорма для животных, одежда, обувь, охотничье оружие, разного рода инструменты, бумага, мебель, товары для дома и занятия спортом.

В 2010 г. структуру российского импорта формировали продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (94,5%). Удельный вес остальных товарных групп составил менее 6% объема импорта, в том числе машин, оборудования и транспортных средств — 1,8%, металлов и изделий из них (1,5%). Основные импортные товары: сахар тростниковый, мясо и пищевые субпродукты, табачное сырье, соевые бобы, кофе, соки (фруктовые и овощные).

Объем российско-индийской торговли в 2010 г. превысил 8,5 млрд долл. (рост на 14,4%). Экспортировано почти на 6,4 млрд долл. (прирост — 7,7%), импортировано — на 2,1 млрд долл. (прирост — 40,5%), сальдо торгового баланса было в пользу России — более 4,2 млрд долл.

В структуре российского экспорта в Индию в 2010 г. машинно-техническая продукция составляла 39,3% (2,5 млрд долл.) общего объема поставок, удобрения — 18,3% (более 1 млрд долл.), черные металлы и изделия из них — 7,2% (462,2 млн долл.), необработанные алмазы — 6,8% (433,3 млн долл.), нефть и газ — 5% (324,5 млн долл.). В совокупности эти товарные группы составили более 75% российского экспорта в Индию.

В структуре российского импорта из Индии в 2010 г. фармацевтическая продукция составляла 28,9% (620,9 млн долл.), машины, оборудование, транспортные средства и инструменты — 22,5% (484,9 млн долл.), сельскохозяйственные и продовольственные товары — 19,1% (401,1 млн долл.), текстильные изделия и материалы, готовая одежда — 7,3% (153,3 млн долл.). В совокупности на эти товарные группы приходится более 75% российского импорта из Индии.

Выгодное географическое положение России относительно Индии сулит ей конкурентные преимущества в поставке углеводородов. Учитывая, что на ближайшие годы прогнозируется продолжение быстрого роста индийской экономики, экспорт энергоресурсов наверняка будет год от года расти.

Экспертами отмечен специфический интерес Индии к закупке российских необработанных алмазов, в том числе мелких, составляющих большинство добываемых в России алмазов. Специалисты полагают, что это увеличит товарооборот на 400–500 млн долл. Индия является крупнейшим импортером необработанных алмазов, на ее долю приходится до 75% их мирового импорта. Индия располагает коммерчески рентабельными технологиями по ювелирной обработке мелких алмазов и, соответственно, представляет собой огромный рынок их сбыта. На долю Индии приходится 40% мирового экспорта обработанных мелкозернистых алмазов.

Россия располагает значительными запасами сырья и мощностями для производства минеральных удобрений. Земледелие Индии зависит от импорта удобрений, а Россия экспортирует 90% своих удобрений, потребляя лишь 10% внутри страны. Интенсивный характер современного индийского земледелия сулит потенциальную возможность увеличения их поставок. Препятствия в основном связаны с транспортными издержками, а также с конкуренцией стран Ближнего Востока, расположенных в географи-

ческой близости от Индии. Кроме того, Индия сама активно развивает производство удобрений. В частности, в ближайшее время ожидается пуск большого комплекса по производству фосфатов.

Внешнеторговый оборот России с ЮАР в 2010 г. составил 519,2 млн долл., увеличившись по сравнению с 2009 г. на 0,5%, в том числе экспорт — 45,8 млн долл. (снижение в 4,3 раза), импорт — 473,4 млн долл. (прирост на 47,3%). Отрицательное сальдо России в торговле с ЮАР в 2010 г. — 427,6 млн долл.

По итогам 2010 г. в структуре российского экспорта в ЮАР основная доля поставок пришлось на следующие товарные группы: продукция химической промышленности — 32,1%, древесина и целлюлозно-бумажные изделия — 23,7%, продовольственные товары и сельхозсырье — 20,9%, металлы, изделия из них — 11,3%, машины, оборудование и транспортные средства — 10%. Удельный вес текстиля, изделий из него, обуви составляет 1,3%. Основные экспортные товары (89% всех поставок): печатная продукция, подсолнечное масло, минеральные удобрения (калийные и комплексные), каучук синтетический, буровые долота, лампы люминесцентные, изделия из алюминия, аппаратура рентгеновская, изоляторы электрические стеклянные, электроды, используемые в печах, прутки из железа или нелегированной стали.

В 2010 г. структуру импорта формировали: продовольственные товары и сельхозсырье — 46,8%, минеральные продукты — 19,2%, машины, оборудование и транспортные средства — 19,1%. Удельный вес металлов, изделий из них составляет 7,7%, продукции химической промышленности — 6,5%. Основные импортные товары (доля в импорте свыше 86%): цитрусовые, виноград, яблоки, груши, виноградные вина, джемы, руды и концентраты марганцевые и хромовые, печи и камеры с инфракрасным излучением, оксиды и гидроксиды ванадия, прокат плоский из нержавеющей стали, грузовики и запасные части к ним, оборудование для обработки минеральных ископаемых, листы алюминиевые, лебедки шахтных подъемников, вентиляторы, оборудование для фильтрации и очистки газов, телефонные аппараты.

С целью активизации экономического сотрудничества двух стран в 2007 г. был создан Деловой совет Россия — ЮАР. Последняя заинтересована в том, чтобы увеличить экспорт своей готовой продукции на российский рынок, прежде всего продовольственных товаров — тростникового сахара-сырца, мяса, фруктов, вина и др., что предусматривает даже постройку в России специального «фруктового терминала» на Балтийском море для регулярных поставок фруктов в Россию. Южноафриканская сторона заинтересована в импорте из России ее традиционных сырьевых товаров и полуфабрикатов — азотных удобрений, пшеничной муки, древесины и сырья для производства бумаги и картона.

Индекс Херфиндаля—Хиршмана

Проблему недиверсифицированности торговли стран БРИКС можно выявить с помощью индекса Херфиндаля—Хиршмана (индекса концентрации).

Он нормирован так, чтобы его значения были заключены в интервал от 0 до 1 (максимальная концентрация). Исчисляется по формуле:

$$H_j = \frac{\sqrt{\sum_{i=1}^n \left(\frac{x_i}{X}\right)^2} - \sqrt{1/n}}{1 - \sqrt{1/n}}$$

где H_j — индекс страны или группы стран
 x_i — величина экспорта i -го продукта

$$X = \sum_{i=1}^n x_i$$

и n — количество исследуемых продуктов (классификация SITC Revision 3, с точностью до 3 знаков после запятой)

Индекс показывает степень концентрации экспорта и импорта.

Расчитанный индекс Херфиндаля-Хиршмана, отражающий степень концентрации товарной структуры экспорта страны по итогам 2010 г., выявил следующие закономерности:

– Китай имеет широко диверсифицированную структуру экспорта в страны БРИКС;

– экспорт России в Китай имеет умеренную концентрацию, что объясняется большой долей экспорта природных ресурсов. Так, в 2011 г. 49,28% российского экспорта в Китай составили нефтяные масла сырые и сырая нефть, полученная из битуминозных минералов, еще 13,2% — переработанные нефтепродукты;

– для российского экспорта в ЮАР также характерна умеренная концентрация. В 2011 г. в нем преобладали: удобрения — 36,64%, пшеница (включая полбу) и суржик, немолотые — 29,07%, синтетический каучук, регенерированная резина, отходы, обрезки и отбросы незатвердевшего каучука — 12%;

– индийский экспорт в страны БРИКС, имеет, за исключением экспорта в Китай, хорошо диверсифицированную структуру. Экспорту в Китай свойственна умеренная концентрация, что обусловлено большой долей таких товаров, как железная руда и концентраты — 32,94%, медь — 20,80%, хлопок — 10,38%;

– наиболее узкоспециализированным является экспорт Бразилии и ЮАР в другие страны БРИКС.

Индекс Херфиндаля—Хиршмана для товарных структур экспорта стран БРИКС по итогам 2010 г.

		Импортёр				
		Россия	Китай	Индия	Бразилия	ЮАР
Экспортёр	Россия	—	0,14	0,05	0,10	0,13
	Китай	0,01	—	0,01	0,01	0,01
	Индия	0,07	0,17	—	0,01	0,06
	Бразилия	0,26	0,24	0,31	—	0,04
	ЮАР	0,13	0,18	0,35	0,05	—

Расчитано по данным COMTRADE. URL: <http://comtrade.un.org/>

Индекс Херфиндаля—Хиршмана для товарных структур импорта стран БРИКС по итогам 2010 г.

		Экспортёр				
		Россия	Китай	Индия	Бразилия	ЮАР
Импортёр	Россия	—	0,01	0,06	0,16	0,11
	Китай	0,14	—	0,30	0,25	0,16
	Индия	0,05	0,02	—	0,21	0,11
	Бразилия	0,18	0,01	0,00	—	0,06
	ЮАР	0,07	0,01	0,02	0,08	—

Расчитано по данным COMTRADE <http://comtrade.un.org/>

Основные экспортные товары Бразилии в страны БРИКС: в Китай — железная руда и концентраты, масличные семена и масличные плоды, пригодные для получения «мягких» растительных масел (исключая муку тонкого и грубого помола), нефтяные масла, сы-

рая нефть, полученная из битуминозных минералов; в Россию — сахар и мед, мясо крупного рогатого скота (свежее, охлажденное или замороженное), в Индию — нефтяные масла и сырая нефть, полученная из битуминозных минералов, руды и концентраты неблагородных металлов, в ЮАР — мясо крупного рогатого скота (свежее, охлажденное или замороженное), детали и принадлежности автомобилей.

Основные экспортные товары ЮАР в страны БРИКС: в Китай — железная руда и концентраты, руды и концентраты неблагородных металлов, брикеты, лигнит и торф, в Россию — фрукты и орехи (кроме масличных орехов), свежие или сушеные, руды и концентраты неблагородных металлов, автомобили для перевозки грузов и автомобили специального назначения, в Индию — брикеты, лигнит и торф, в Бразилию — брикеты, лигнит и торф.

Обратная картина налицо по импорту.

Российский ввоз из двух стран БРИКС имеет умеренную концентрацию — из Бразилии и ЮАР. Это объясняется наличием в структуре товарных групп, имеющих намного больший вес по сравнению с другими товарами. Так, основу российского импорта из Бразилии в 2011 г. составляли: мясо крупного рогатого скота (свежее, охлажденное или замороженное) — 34,98%, сахар и мед — 34,62%, табак неготовый, табачные отходы — 8,23%; из ЮАР: фрукты и орехи (кроме масличных орехов), свежие или сушеные — 46,17%, руды и концентраты неблагородных металлов — 13,69%.

Для китайского импорта из стран БРИКС характерна слабая и умеренная диверсификация. Это, прежде всего, связано с тем, что экономики России, Бразилии, Индии и ЮАР не способны произвести широкий круг товаров, могущих успешно конкурировать с китайскими. К примеру, для импорта из России таковыми являются нефтяные масла и сырая нефть, полученная из битуминозных минералов (40,44% всего китайского импорта из России), из Индии — железная руда и концентраты (41,34%), из Бразилии — железная руда и концентраты (49,17%), масличные семена и масличные плоды, пригодные для получения «мягких» растительных масел, исключая муку тонкого и грубого помола (22,51%), из ЮАР — специальные операции и товары, не классифицированные по типу (49,62%), железная руда и концентраты (20,06%).

Для индийского импорта из стран БРИКС высокая концентрация характерна для импорта из Бразилии и ЮАР. Основные товарные группы импорта из Бразилии: нефтяные масла и сырая нефть, полученная из битуминозных минералов (40,16%), сахар и мед (23,25%), железная руда и концентраты (10,40%), из ЮАР: золото, немонетарное (кроме золотых руд и концентратов) (60,74%), брикеты, лигнит и торф (19,58%).

Бразильский импорт из России имеет умеренную концентрацию, т.к. удобрения составляют в его структуре 63,8%.

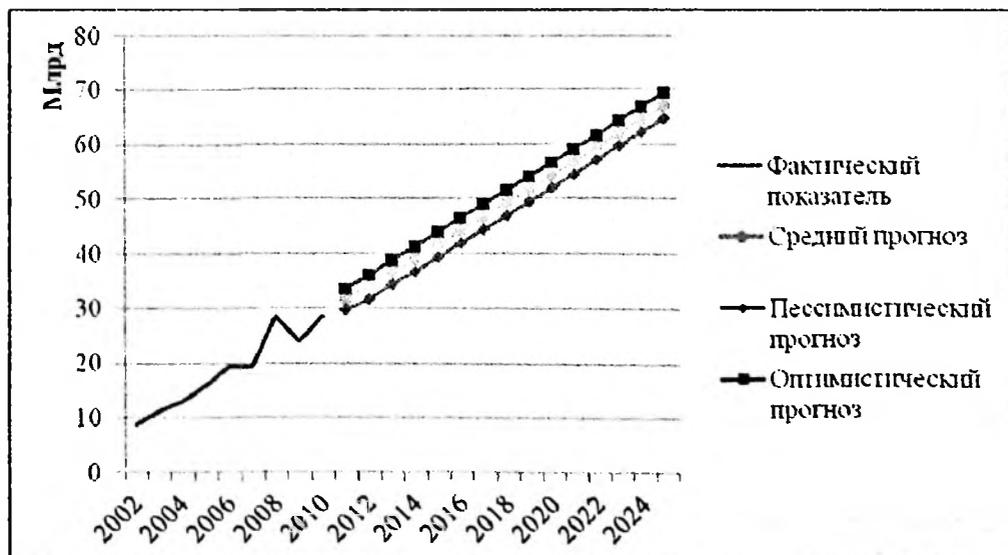
Расчитанный индекс Херфиндаля—Хиршмана показывает, что перед Россией, Бразилией и ЮАР стоит задача диверсификации экспорта в страны БРИКС. России следует уделять внимание экспорту высокотехнологичной продукции — в первую очередь, энергетического и транспортного машиностроения.

Прогноз торговли России со странами БРИКС

Прогноз построен на основе модели авторегрессии. Используются данные об экспорте и импорте UN COMTRADE SITC Rev. 3. Пессимистический и оптимистический прогнозы представляют собой границы 80% доверительных интервалов.

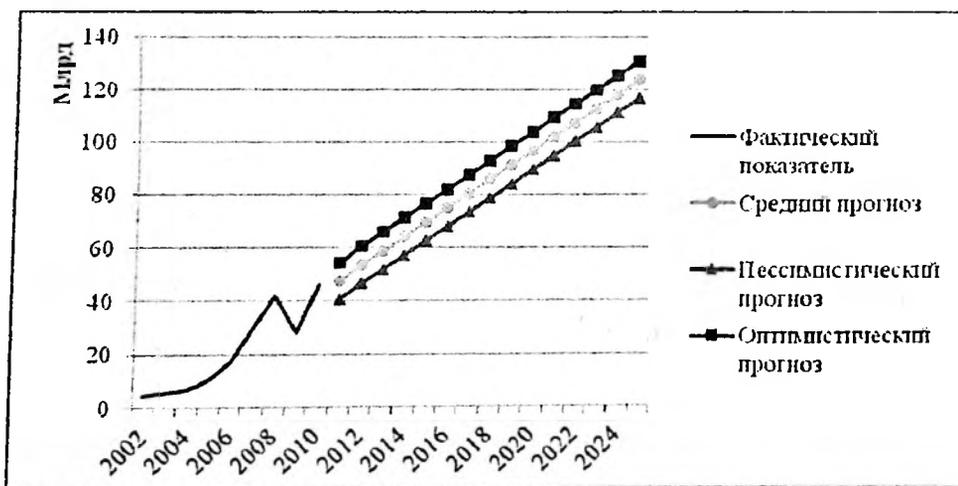
Прогноз экспорта России в страны БРИКС, тыс. долл.

	Фактический показатель	Средний прогноз	Пессимистический прогноз	Оптимистический прогноз
2002	8717688			
2003	11256747			
2004	12984785			
2005	15992624			
2006	19428813			
2007	19344337			
2008	28459326			
2009	23884284			
2010	28558772			
2011		31645004	29783719	33506288
2012		33861564	31700206	36022921
2013		36591472	34334915	38848028
2014		39018362	36729565	41307158
2015		41624116	39324192	43924040
2016		44124291	41820503	46428080
2017		46686788	44381654	48991921
2018		49212497	46906895	51518099
2019		51759921	49454156	54065686
2020		54294527	51988705	56600349
2021		56836699	54530858	59142541
2022		59374406	57068557	61680254
2023		61914748	59608897	64220599
2024		64453534	62147683	66759386
2025		66993239	64687387	69299091

Прогноз импорта России из стран БРИКС, тыс. долл.

	Фактический показатель	Средний прогноз	Пессимистический прогноз	Оптимистический прогноз
2002	4314544			
2003	5484992			
2004	6898641			
2005	10541478			
2006	17024249			
2007	30092710			
2008	41595912			
2009	28214265			
2010	45729984			
2011		47307162	40367463	54246862
2012		53513556	46423561	60603551
2013		58751306	51654803	65847808
2014		64191740	57094953	71288528
2015		69589764	62492964	76686564
2016		74996662	67899861	82093462
2017		80401702	73304902	87498503
2018		85807132	78710331	92903932
2019		91212480	84115680	98309281
2020		96617845	89521045	103714646
2021		102023207	94926406	109120007
2022		107428569	100331769	114525370
2023		112833932	105737131	119930732
2024		118239294	111142493	125336094
2025		123644656	116547856	130741457

Согласно полученным результатам, товарооборот России со странами БРИКС к 2025 г. достигнет 180 млрд долл., при этом основным партнером по экспорту и импорту будет Китай. Объем импорта к 2025 г. превысит 120 млрд долл., экспорта — 65 млрд долл. Предположительно, в изменении товарной структуры российского экспорта и импорта в рамках БРИКС сохраняются тенденции, намечившиеся в последние годы.

Влияние присоединения России к ВТО на торговлю со странами БРИКС

После официального присоединения России к ВТО таможенные сборы подлежали снижению в среднем с 10% до 7,8% (средний сельскохозяйственный тариф — до 10,8% с нынешних 13,2%, средневзвешенная импортная пошлина на промтовары — с 9,5% до 7,3%.)

По нетарифным ограничениям Россия столкнется с проблемой практики их применения. В глобальной торговой системе входящие в ВТО страны вынуждены заменять нетарифные инструменты тарифными. Какие последствия данные два факта имеют для торговли России со странами БРИКС?

Что касается ее импорта из стран БРИКС, то тарифы и пошлины никогда не были единственным препятствием для вхождения на российский рынок. Нетарифные барьеры (технические правила и нормы, меры санитарного и фитосанитарного характера, запреты на импорт, лицензионные требования и общий недостаток прозрачности или предсказуемости торгового климата) оказывали в прошлом серьезное влияние на торговые компании БРИКС, лишая их желания работать с российским рынком. С присоединением к ВТО нетарифные барьеры и меры воздействия после пересечения границы становятся объектом глобальных правил и стандартов. Количественные ограничения, не предусмотренные правилами ВТО, будут исключены.

Для стран БРИКС ослабление внешнеторгового регулирования в России имеет важное значение. Российский рынок будет более открытым и доступным для конкурентоспособных товаров Китая, Индии и Бразилии. Так, в течение переходного периода Россия снизит ставки пошлин на иностранные лекарства с 15–5% до 6,5–5%, одновременно опережающими темпами будут снижаться пошлины на медицинское оборудование и лекарственные субстанции (до 2–3%). Данные группы товаров являются одной из основных статей индийского экспорта в Россию.

Более масштабно сможет импортироваться в Россию и сельхозпродукция (из Бразилии, Индии, ЮАР). Ставка импортных пошлин на химическую продукцию снизится с 10 до 6,5–5%, что имеет значение для товаров из Индии, Китая, ЮАР.

Через год после официального присоединения РФ к ВТО должны быть обнулены таможенные пошлины на ряд IT- и телекоммуникационных товаров. Обнуление ввозных пошлин на высокотехнологичную продукцию и комплектующие к ней — важное обязательство, принимаемое Россией. Китай и Индия будут иметь возможность занять свою нишу на российском IT-рынке, практически полностью состоящем из зарубежных товаров.

Важной договоренностью является снижение экспортной пошлины на березу и введение квоты на экспорт ели и сосны. Лес является одной из основных статей китайского импорта из России.

Для российского экспорта в страны БРИКС присоединение к ВТО принесет положительный эффект. Он будет связан, прежде всего, со снятием части ограничений, введенных по отношению к российским товарам. Согласно российской и международной статистике, РФ входит в десятку наиболее дискриминируемых стран мира. Во всех странах БРИКС применяются ограничительные меры в отношении российских товаров².

Кроме того, важным последствием присоединения России к ВТО является рост доверия инвесторов к экономическому курсу правительства РФ, что должно повлечь увеличение инвестиционных обменов между Россией и ее партнерами по БРИКС.

Отказ от доллара как стимул торговли

Страны группы БРИКС намерены сократить использование доллара. Главным итогом саммита БРИКС в Нью-Дели в конце марта 2012 г. стало подписание руководите-

лями банков развития стран-участниц двух соглашений: о предоставлении кредитов в национальных валютах и о подтверждении аккредитивов между этими банками (обязательство приоритетного обслуживания транзакций банков стран БРИКС). Постепенный уход от американской валюты важен из-за рисков, которые несет на себе финансовая система США. Взаимная выдача кредитов в нацвалютах станет стимулом для развития торговых отношений внутри БРИКС.

Таким образом, хотя объемы торгово-экономического сотрудничества не отвечают имеющемуся потенциалу, а в структуре торговли между странами БРИКС остаются проблемы (чрезмерный вес сырья и сельскохозяйственной продукции), тенденции торговли являются положительными. Перед странами БРИКС стоит задача стимулирования взаимного обмена в сфере высоких технологий и развития кооперации в высокотехнологичных сферах — в частности, в авиапроме, космической отрасли, атомной энергетике, медицинских технологиях, фармацевтике.

1. База данных ООН UN COMTRADE содержит около 1,75 млн записей по международной торговле. Более 200 стран ежегодно предоставляют статистические данные об их международной торговле в United Nations Statistics Division. Данные охватывают информацию за 48 лет, включая более 6000 различных продуктов.
2. К дискриминационным мерам в отношении российских товаров относятся, к примеру, действующие в Индии пошлины: на гексамин (Hexamine) с 29.07.2007 г. по 28.07.2012 г. — в размере 201,7 долл. за т; на технический углерод (Carbon Black) с 30.07.2009 г. по 30.07.2014 г. — в размере 0,136 долл. за 1 кг (для ОАО «Ярославский Технический углерод») и 0,391 долл. за 1 кг (для всех остальных российских производителей и/или экспортеров).

Природопользование

Влияние либерализации рынка на окружающую среду Китая

© 2012

Е. Кранина

КНР совершенствует законодательство в области экологического сотрудничества, сохранения биоразнообразия, генетических ресурсов, развития биотехнологий; создает платформу для торговли патентами, разными формами интеллектуальной собственности в соответствии с требованиями ВТО, принимая во внимание, что под действия соглашений этой организации не попадают прямые меры политики стран-членов ВТО, касающиеся охраны окружающей среды и здоровья населения.

Ключевые слова: либерализация торговли, биоразнообразие, экологическое сотрудничество, экосистемные услуги, кризис природопользования.

Международное экологическое право — это совокупность принципов и норм международного права, регулирующих отношения его субъектов в области охраны окружающей среды и рационального использования ресурсов¹. Защита окружающей среды — одна из главных целей международного сотрудничества и составной элемент концепции международной безопасности. Важным источником международного экологического права являются соответствующие соглашения.

С правовой точки зрения, ВТО представляет собой многостороннее соглашение, регламентирующее около 97% оборота мировой торговли товарами и услугами. Соответственно, формирование современных экологических кризисных проблем глобального, регионального и местного значения происходит под непосредственным и косвенным влиянием действующих соглашений ВТО. Но именно они пока что отнюдь не служат интересам защиты окружающей среды от вредного воздействия человеческой деятельности.

Всемирная торговая организация не входит в ООН и не признает международные договоры по защите природы. По существующим правилам ВТО: никакая страна не вправе регламентировать национальную политику в области охраны природы и здоровья населения, как и право проводить «экологическую политику на всех уровнях при условии, что такая политика не вызывает произвольной или неоправданной дискриминации между странами с аналогичными условиями, не создает скрытых барьеров для торговли и не противоречит условиям других соглашений ВТО»². Это значит, что либерализация

торговли сама по себе далека от того, чтобы гарантировать защиту окружающей среды и улучшение уровня жизни людей.

Правила международной торговли, глобальная ценовая и тарифная политика диктуют свою волю в первую очередь природно-ресурсным отраслям развивающихся стран, так как развитые государства ограничивают вход на свою территорию с помощью таких средств, как «зеленый барьер» или другие экологические стандарты, тем самым стимулируя экспорт «грязных» производств в развивающиеся страны. Не менее существенны изменения и в отраслях, которые оказывают негативное воздействие на окружающую среду через атмосферные выбросы и сбросы загрязненных веществ в водоемы, в т.ч. трансграничные.

Социальные последствия, например, рост безработицы, уровня бедности и ухудшение качества жизни как результаты открытия рынка для более конкурентоспособных товаров и услуг, часто приводят к расширению браконьерства, в т.ч. «сельского», к росту нагрузок на биоресурсы со стороны местного населения, расширению конфликтов при принятии экологических регламентов и при создании новых охраняемых природных территорий.

Учитывая степень остроты ситуации, участники ВТО все заметнее проявляют интерес к вопросу экологической чистоты в международной торговле. Дебаты по поводу природоохранных положений и соглашений — вторые по остроте после вопросов сельского хозяйства. В последнее время совместными усилиями создаются международные стандарты, которые становятся основополагающей базой при правовом регулировании проблем загрязнения окружающей среды.

Для усиления экологической составляющей экономического роста современная методология экологической политики требует оценки возможностей страны на международном рынке «экосистемных услуг», включающих климатообразующую и средообразующую функцию природных экосистем в целом, а конкретно:

- поддержание глобальной биосферной устойчивости, в т.ч. в связи с угрозой изменений климата;
- сохранение глобального биоразнообразия и генетических ресурсов, регулирование поступления в атмосферу «парниковых газов» и баланса углерода;
- регулиацию гидрологических процессов на суше, выполнение противозерозных, почвозащитных функций и др.

Чтобы не возникало иллюзии «экономического роста» за счет ущербной экологии, при либерализации рынка система макроэкономических показателей развития должна включать показатели экологических издержек и истинных (внутренних) сбережений (в % от ВВП). В Китае экономические достижения измеряют, как и во всем мире, показателем ВВП, который не учитывает экологические издержки роста. Пытаясь исправить данный недостаток, государственные статистические и экологические органы КНР в 2004 г. создали рабочую группу по расчетам «зеленого ВВП».

На основании пробных исследований в десятке провинций и городов был впервые подготовлен доклад о размерах экологических потерь за 2004 г., обнародованный в сентябре 2006 г. Ущерб был оценен в 3,05% от ВВП, или около трети от объема его ежегодного прироста. В конце 2010 г. в китайских СМИ появились неофициальные сведения об итогах исследований за 2008 г., в которых учтены еще и дополнительные потери. Оказалось, что деградация природной среды возросла по сравнению с 2004 г. на 75%. Министерство охраны окружающей среды КНР определяет ежегодные экономические потери, вызванные деградацией природы для различных районов страны, в пределах от 5 до 13% ВВП. Около 55% из них приходится на Восточный Китай, 26% — Центральный, 19% — Западный³.

К сожалению, на сегодняшний день нет международного документа, который бы четко регламентировал сферу экологической безопасности. Международно-правовые до-

кументы и нормативы в большинстве своем носят рекомендательный характер. Проводятся лишь добровольные национальные оценки экологических последствий торговой политики (вступления ВТО), нет формата и набора индикаторов, которые могли бы лечь в основу такого анализа.

Как свидетельствует мировой опыт, несмотря на то, что степень участия страны в решении экологических проблем повышается с уровнем ее интегрированности в мировую экономику, эффективность государственной политики в области охраны окружающей среды по-прежнему определяется экологической зрелостью и образованностью правящей власти, пользующейся монопольным правом принятия решений.

Для решения вопросов сотрудничества между ВТО и соответствующими международными организациями в области охраны окружающей среды и устойчивого развития (при отсутствии специального соглашения по вопросам экологии) в 1995 г. был создан Комитет по торговле и окружающей среде.

Наиболее четко экологические аспекты в деятельности ВТО сформулированы в Декларации Министров (Доха, 9–14 ноября 2001 г.)⁴. Там же было предложено всем странам создать программы поддержки открытой и равноправной системы международной торговли, защиты окружающей среды и перехода к устойчивому развитию, произвести «национальные оценки экологических последствий» вступления в ВТО, чтобы понять влияние либерализации рынка на природные комплексы.

В течение последних пяти лет ВТО начала включать в торговые переговоры проблематику охраны окружающей среды, предприняв шаги, направленные на повышение прозрачности своей деятельности, увязку между торговыми и экологическими приоритетами. В документе, озаглавленном «*Торговля и окружающая среда*», ВТО признала, что конкуренция, порождаемая либерализацией торговли, может оказывать давление на нормы экологического законодательства⁵. В настоящее время проводятся многочисленные аналитические исследования этой проблемы.

Для Китая, как страны с традиционно природоемкой экономикой, вступление в ВТО оказалось чревато повышением энерго- и ресурсоемкости производства, ростом экологических издержек, так как растущий спрос на мировых рынках на китайскую продукцию стимулирует здесь подъем производства с сопутствующим увеличением нагрузки на природные системы. С другой стороны, следует признать, что участие в ВТО сулит Китаю новые возможности и перспективы.

Ныне КНР встала лицом к лицу перед задачами соответствия международным стандартам и, в частности, требованиям международного сертификата качества систем экологического менеджмента. Кроме того, экологическое сотрудничество — это новая форма партнерских отношений в сфере инвестиций, торговли и передачи технологий. Экологическое взаимодействие с развитыми странами предоставляет Китаю возможность ускорить свою экономическую модернизацию путем привлечения инвестиций в развитие энергетики, транспорта, обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, повышая уровень технического оснащения своего производства и обеспечивая более эффективный контроль над загрязнением окружающей среды.

Китай становится перспективным рынком экологического оборудования и услуг, в получении доступа к которому развитые страны крайне заинтересованы. Именно в этом направлении ожидаемы позитивные экологические последствия для иностранных операторов. Конкурируя между собой в борьбе за доступ на китайский рынок, они предпочитают не усложнять экологическое сотрудничество разногласиями, возникающими при обсуждении глобальных экологических проблем.

В расчете на перспективный рост потребностей КНР в экологическом оборудовании зарубежные инвесторы проявляют заинтересованность в поставках своих технологий, которые модифицируются соответственно специфике китайского рынка. Например, Япония инициировала проведение в Китае программы «зеленой помощи», в которую

включены проекты по контролю над загрязнением атмосферы, очисткой сточных вод и их использованием, повышением энергоэффективности металлургических предприятий и тепловых электростанций, что соответствует решению тех задач, которые ставит перед собой Китай.

В последнее время предметом международных торговых переговоров становятся экспорт-импорт пресной воды, а также вопросы совместного пользования источниками пресной воды при условии компенсации «экосистемной услуги» по сохранению истоков. В перспективе КНР как член ВТО станет одним из ключевых партнеров «водно-экспортно-импортного сектора» и выйдет на рынок «экосистемных услуг».

Но для того, чтобы иметь возможность пользоваться всеми преимуществами интеграции в международную систему торговли и глобальную экономику без ущерба для своей окружающей среды, Китаю требуется включение в систему глобальной компенсации — в т.ч. на основе комплексной экономической оценки «экосистемных услуг». Пока что мировой рынок таких услуг еще только начинает набирать обороты, и на Китай в нем приходится непропорционально низкая доля, не соответствующая его реальному вкладу в глобальную биосферную устойчивость.

Другой интересный пример взаимосвязи членства КНР в ВТО с проблематикой китайской экологии: торговля лесоматериалами. В XXI в. Китай вступил в новый этап, характеризующийся двойным приростом — как площадей лесного покрова, так и объема лесозапасов. К 2010 г. общая площадь лесного покрова достигла 195 млн га, коэффициент его увеличился с 16,55% (1978 г.) до 20,36% территории страны (к моменту образования КНР в 1949 г. он составлял всего лишь 8,6%).

Программа ООН по окружающей среде включила Китай в число 15 стран с самой обширной территорией искусственных лесов. По оценке Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО ООН), КНР является мировым лидером по темпам роста и общей площади лесных насаждений⁶. К 2010 г. доля восстановленных лесов составила 34,86% всех лесных комплексов страны, достигнув 62 млн га, объем запасов искусственных лесов — 1,961 млрд куб. м (около трети мирового показателя, первое место в мире), среднегодовой прирост — 53,2% мирового⁷.

Увеличение площади зеленых насаждений власти Китая рассматривают как одну из приоритетных задач в рамках борьбы и с глобальным потеплением и с опустыниванием территорий. К концу 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) общая площадь лесных земель должна увеличиться до 309 млн га, в том числе площадь лесов — до 207 млн га. К 2020 г. лесной покров достигнет, как запланировано, 223 млн га, т.е. составит свыше 23% территории страны, а к 2050 г. — 26% или еще выше⁸.

По оценкам Китайской академии лесного хозяйства, общий объем накопления углерода в лесном покрове страны составляет 7,811 млрд т, что ежегодно обеспечивает очищение 494,766 млрд куб/м воды, 7,035 млрд т почвы, удаляет около 32 млн т загрязняющих веществ из атмосферы и 5,001 млрд т пыли. Стоимость экологических функций лесов по поглощению углерода и очистке воздуха достигает 1 трлн юаней. В период с 2020 по 2050 гг. лесные запасы Китая могут достичь 16,5 млрд куб/м, что обеспечит поглощение 10–12% от общего количества выбросов двуокиси углерода⁹.

Но влияние ВТО на развитие лесной сферы — скорее, негативное. Основной принцип Всемирной Торговой Организации в данной сфере: *«устранение любых ограничений, связанных с местом, временем и методом рубки леса для увеличения уровня прибыли; открытие мирового рынка для лесных продуктов, чтобы большее число продаж вело к большему уровню прибыли; устранение экологических, социальных и других ограничений на торговлю лесом, которые снижают прибыль»*. Соблюдение таких правил чревато увеличением объемов потребления лесопродукции, устранением нетарифных торговых барьеров, нарушением природоохранных законов, обеспечивающих неистощительное лесопользование¹⁰.

Положительный фактор: присоединение к ВТО России должно повлечь изменение структуры импорта Китаем лесной продукции, который здесь пока что ориентирован, в основном, на приграничную с Россией торговлю круглым неошкуренным лесом. Запрет на вывоз из России круглого неошкуренного леса вызовет необходимость создания дополнительных элементов инфраструктуры в регионах, располагающих лесами.

Просматривается потенциальная роль ВТО в распространении ГМ-культур в развивающихся странах с помощью либерализации торговли, в учреждении консультативного органа для принятия научно обоснованных решений по использованию ГМ-культур и контролю за соблюдением прав интеллектуальной собственности. Среди возможных экологических последствий, однако, генетическое загрязнение природного генофонда (например, в регионах произрастания диких сородичей сои, риса, пшеницы и пр.), возможный рост угрозы здоровью населения¹¹.

Несмотря на феноменальные успехи биотехнологии и ее перспективы в отношении развития аграрного, продовольственного и фармацевтического секторов, внедрение ГМО (до решений экспертизы, результатов научного тестирования и оценки последствий) правильнее проводить там, где невозможны альтернативные пути — экологически чистое производство, экологизация сельского хозяйства, внедрение «биологических» технологий, традиционных форм и пр.¹².

С вступлением в ВТО Китай оказался в сфере глобального распространения ГМО, ГМ-растений и ГМ-продуктов. Здесь действует самостоятельный рынок ГМ-продукции, сформирован национальный механизм правового регулирования генно-инженерной деятельности и ее информационного сопровождения — регламентация безопасности при получении, передаче ГМО, содержащих рекомбинантную ДНК и пр., а также регламентации внедрения на рынок ГМ-культур, ГМ-продуктов и ГМ-кормов. Разработаны методические указания, стандарты, рекомендации. Это касается и пищевых продуктов из ГМ-источников.

КНР делает только первые шаги по выходу на международный рынок генетических ресурсов и использования полученных от этого доходов. Для того, чтобы подготовиться к возможному оживлению открытого (не «черного», как это наблюдается сейчас) рынка, создается платформа для торговли правами, патентами, разными формами интеллектуальной собственности. Пока что система патентования селекционных достижений, особенно базирующихся на исходных трансгенных сортах, уже включенных в Государственный реестр, развита недостаточно. Не хватает юридической практики лицензионных договоров между владельцами патентов на интеллектуальную собственность. До сих пор не вполне активно действуют административные и политические меры, механизмы финансирования, определяющие равный доступ к генетическим ресурсам и справедливое распределение выгод от их использования (коммерческого и иного применения).

Соглашение ВТО, регламентирующее процедуры санитарного и фитосанитарного контроля, становится одним из ключевых в отношении экологии. Оно расширяет сферу фитосанитарного контроля и борьбы с инвазиями чужеродных видов в рамках соглашений ВТО. В странах-участницах ВТО оценка риска в отношении экономически значимых видов-интродуцентов (вредителей и сорняков в растениеводстве, животноводстве, лесном и водном хозяйстве) проводится в соответствии, рекомендациями ФАО и Европейской организации по защите растений (EPPO).

Международные стандарты в целях обеспечения согласованности (гармонизации) фитосанитарных норм, применяемых для защиты растений в разных странах, и снятия необоснованных ограничений в международной торговле устанавливает Международная конвенция по защите растений. Но в ее рамках регламентируются действия лишь в узкой области перемещения собственно карантинных видов организмов, чей вред (потенциальный или реальный), выраженный в экономических категориях, уже доказан и принят как минимум на двусторонней основе (страна-экспортер и страна-импортер).

При либерализации рынка аграрной продукции очевидны потери биоразнообразия, связанного с традиционным сельским хозяйством, поэтому необходим учет специфики внешней торговли аграрной продукцией на благоприятных для страны условиях, в т.ч. включающих негативные экологические последствия. Значительный ущерб сельскому хозяйству наносят виды-интродуценты, которые являются сорняками, вредителями или конкурентно активными гидробионтами, вытесняющими промысловые виды рыб или беспозвоночных. Есть риск внедрения видов-интродуцентов в природные экосистемы, что в конечном итоге может повлечь утрату их, а заодно и всех видов, связанным с ними.

Уже сейчас предварительный список видов-интродуцентов включает около 1000 видов растений и более 500 видов животных (позвоночных и беспозвоночных) из большинства биогеографических областей планеты (преимущественно из Восточной Азии и Северной Америки). Число интродуцированных и натурализовавшихся видов растет каждый год, захваченные ими площади и акватории увеличиваются на тысячи гектаров.

В Китае недостаточно развита система патентования и защиты прав интеллектуальной собственности, которая позволяла бы учитывать коммерческий интерес владельцев и пользователей товарами и услугами, предоставляемыми биоразнообразием. Поэтому наметилась тенденция расширения ареалов «чужеродных видов», конкурентно агрессивных, способных вытеснить аборигенные виды растений и животных и привести к катастрофическим изменениям биоразнообразия крупных регионов. Несколько десятков видов особо ценных животных уже оказались под угрозой исчезновения в результате сокращения площадей традиционного агроландшафта¹³.

Вступление в ВТО требует от страны выполнения обязательств по статьям 15 и 16 Конвенции о биологическом разнообразии (ратифицирована в 1995 г.) и Картахенского протокола о биологической безопасности, (ратифицирован на 5-м пленарном заседании первой сессии ВСНП 11-го созыва в марте 2008 г.)¹⁴.

Отделить в процессах, протекающих под воздействием ВТО, экологические факторы от интересов бизнеса при конкурентной борьбе за доступ к природным ресурсам и рынки сбыта, а также от решения корпоративных задач, внешнеэкономических и внешнеполитических целей крайне трудно. Каждый закон, касающийся ВТО, проходит «тест на необходимость». ВТО исходит из экспортной ориентации национальных экономик, а природоохранные меры прежде всего подразумевают немалые дополнительные затраты и даже ограничения того или иного «грязного» производства, сокращения торговли на определенном этапе. Судебные споры по экологии ослабляют национальные экологические законодательства.

Еще один красноречивый пример порождаемых практикой ВТО противоречий — спор Китая с ЕС, США, Японией и рядом других стран относительно экспортных квот на редкоземельные металлы (группу сырья, добыча которого осуществляется практически исключительно в КНР). Еще в июне 2009 г. Евросоюз обратился в ВТО с жалобой на неправомерное использование Китаем ограничений на экспорт некоторых сырьевых материалов.

Редкоземельные металлы представляют собой набор из 17 элементов, которые распространены в земной коре, но, как правило, рассредоточены и редко встречаются в концентрированном виде. Это — ценное стратегическое сырье, широко использующееся в передовых научно-технических отраслях. В наши дни без них не обходится ни одно современное производство в сфере машиностроения, радиоэлектроники, приборостроения и т.д. В Китае имеется в общей сложности 169 предприятий, занятых получением концентратов редкоземельных элементов и отделением их от примесей. Доля КНР на международном рынке соответствующей продукции составляет примерно 87%. В 2011 г. Китай произвел 125 тыс. т концентратов редкоземельных элементов, что дало прирост на 3,5%. Объем производства этой отрасли за год достиг 24,53 млрд ю. (около 3,6 млрд долл.) что на 1,47 млрд ю. (216 млн долл.) меньше зарегистрированного в 2010 г. показателя¹⁵.

В 2010 г. китайское правительство ограничило экспорт редкоземельных металлов, введя квоты и повысив налоги на добычу полезных ископаемых, что вызвало рост цен на этот товар на мировом рынке и сильное недовольство среди европейских, американских и японских производителей. Страны ЕС обеспокоило то, что КНР, являясь ведущим мировым экспортером по ряду сырьевых позиций, устанавливает в нарушение соглашений по ВТО экспортные пошлины и квоты, что приводит к разнице между экспортными ценами и ценами внутри страны в полтора — два раза. По добыче материалов, заявленных в обращении Еврокомиссии, Китай обладает долей на мировом рынке свыше 50%, а по фосфору, магнию, марганцу и огнеупорным маркам бокситов — свыше 80%. Соответственно, компании ЕС, использующие в производстве указанное сырье, были изначально обречены на увеличение издержек.

Негативный эффект от торговой политики испытали сегменты химической, сталелитейной промышленности, а также цветной металлургии, общая доля которых в ВВП ЕС составляет 4% и эквивалентна 500 тыс. рабочих мест.

В конце 2011 г. была установлена первая часть квоты на экспорт редкоземельных металлов на 2012 г., которая составила 10,5 тыс. т. Пекин пытался оправдать экспортный контроль необходимостью экономии природных ресурсов, доказывая, что ограничение экспорта привело к снижению добычи полезных ископаемых внутри страны и помогло сберечь эти невозобновляемые ресурсы.

Как заявил Китай, *«контроль над экспортом ресурсно-сырьевой продукции, связанной с высоким потреблением энергии и загрязнением окружающей среды, был чрезвычайно необходим для уменьшения выбросов, предотвращения зависимости экономического развития от сырьевой базы и снижения напряженности в отношениях между угольной, нефтедобывающей и электроэнергетической отраслями промышленности»*¹⁶.

Хотя статья XX ГАТТ-1994 предусматривает особые исключения, позволяющие применять меры, направленные на защиту экологии и здоровья населения, третья группа ВТО не согласилась с позицией Пекина: *«Ни меры по внедрению экспортных ограничений, ни существующие законы и правила не подразумевают в своих текстах того, что экспортные ограничения способствуют реализации или являются частью комплексной программы, направленной на выполнение заявленной цели относительно защиты окружающей среды»*. В итоге, к февралю 2012 г. апелляционный орган комиссии по урегулированию споров признал, что ограничения экспорта, используемые китайской стороной, не соответствуют правилам ВТО и обязательствам, взятым КНР при присоединении к организации¹⁷.

В результате Китаю пришлось согласиться с постановлением ВТО и, выразив тем не менее "глубокое сожаление" по поводу решения комиссии, признать необходимость проведения "корректной политики управления товарными потоками по рассмотренным позициям". Пекин отметил, что в целях удовлетворения спроса на международном рынке объем квоты на экспорт редкоземельных металлов из Китая на 2012 г. сохранится на уровне 2011 г. Теоретически КНР может прибегнуть к таким мерам, как завуалированное искусственное снижение объемов добычи сырья для поддержания мировых цен на высоком уровне — однако, при выравнивании внутренних и мировых цен китайская промышленность также понесет существенный урон от подобных действий.

В истории Китая последнее десятилетие стало периодом наиболее динамичного роста капиталовложений в природоохранную сферу, здесь создана многосторонняя система финансового инвестирования природоохранных мероприятий, разработан комплекс мер, нацеленных на ускорение развития экологической отрасли, на освоение новых технологий. Экологическое законодательство прошло путь интенсивного развития: осуществлена инвентаризация не соответствующих международным нормам экологических стандартов, утверждены новые стандарты, соответствующие мировым. Проведена ревизия нормативно-правовой базы земле- и водопользования¹⁸.

При ВСНП учреждена Комиссия по охране окружающей среды и ресурсов. Она вырабатывает и рассматривает законопроекты, касающиеся охраны природной среды и ресурсов, составляет соответствующие доклады, осуществляет контроль за выполнением законов, выдвигает природоохранные проекты для обсуждения, ведет обмен информацией и опытом по охране среды и ресурсов с парламентами других стран.

На 5-й сессии ВСНП 11-го созыва (5–13 марта 2012 г.) премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао в своем докладе о работе правительства особо отметил: *«Китай ни в коем случае не будет жертвовать экосредой и здоровьем народа в обмен на экономическое развитие. Он сможет ориентировать зарубежный капитал на более значительное инвестирование высокотехнологичных, энергоэффективных и экоохранных производств»*¹⁹.

В перспективе Китаю предстоит продолжить совершенствование экологического законодательства в соответствии требованиями ВТО, принимая во внимание, что под действия соглашений этой организации не подпадают прямые меры политики стран-членов ВТО, касающиеся охраны окружающей среды и здоровья населения.

1. <http://www.xserver.ru/user/mzekp>.
2. <http://www.wto.ru/monitor.asp?f=selhoz>.
3. http://www.stats.gov.cn/tjfx/zjfx/jnggk/30n/t20110103_402514634.htm.
4. http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/scor/info/Article.jsp?a_no=34979&col_no=85#
5. <http://www.wto.ru/monitor.asp?f=selhoz>.
6. См.: доклад ФАО «Состояние лесных ресурсов мира 2009 г. — URL: www.chinadaily.com.cn/english/doc/2011-03/06/content_391693.htm.
7. http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20100226_402623115.htm.
8. Синьхуа. 2011 г. 27 апр.
9. http://www.assoc.fareast.ru/fe.nsf/pages/fecon_prot_100330.htm.
10. <http://www.cbio.ru/modules/news/article.php?storyid=3248>.
11. Вопросы безопасности ГМО обсуждались многократно на встречах «большой восьмерки», на сессиях и конференциях ВТО. Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, Программы ООН по окружающей среде, Всемирной организации здравоохранения и пр. В «Отчете по исследованию безопасности генетически модифицированных организмов, подготовленном по заказу ЕС (81 независимый эксперимент, проведенный 400 научными группами в течение 15 лет) не подтверждено наличие какой-либо опасности ГМО по сравнению с традиционными культурами. Даже показано, что технологии, контроль и испытания ГМО делают их более безопасными по сравнению с другой агропродукцией.
12. <http://europa.eu.int/comm/research/quality-of-life/gmo/>
13. <http://www.chinapro.ru/law/32/>
14. http://www.sco-ec.gov.cn/crweb/scor/info/Article.jsp?a_no=34979&col_no=85#
15. <http://russian.people.com.cn/95199/204216/index.html>.
16. <http://www.russian.china.org.cn>. 08.02. 2012 г.
17. Там же.
18. Chinese Environmental Daily. 18.09.2011. URL: <http://www.cenews.com.cn/english/>
19. http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2011-03/17/nw.D110000renmrb_20110317_4-02.htm?div=-1.

История

Истинный смысл Совместной советско-японской декларации 1956 г.

© 2012

В. Кузьминков, В. Павлятенко

В статье рассматривается важный исторический этап в послевоенной истории советско-японских отношений — переговоры и подписание Совместной советско-японской декларации 1956 г., на основе которой были решены практически все вопросы, традиционно решаемые послевоенными мирными договорами. На основе комплексного анализа множества документов авторы излагают свою точку зрения на истинную роль Совместной декларации и ее историческое значение для двусторонних советско (российско)-японских отношений.

Ключевые слова: российско-японские отношения, территориальное размежевание, мирный договор, Совместная декларация, Курильские острова, Южный Сахалин, Япония.

На протяжении всего периода отношений современной России с Японией, начиная с декабря 1991 г., постоянным пунктом их политической повестки был и продолжает оставаться вопрос о заключении «мирного договора», который, по утверждению японской стороны, должен привести к «полной нормализации» отношений двух стран. За прошедшие более двадцати лет этот вопрос постоянно дискутировался в обеих странах как на официальном, так и на общественном уровне. В рамках этой дискуссии обозначились позиции сторон в поиске путей и форм разрешения проблемы «мирного договора». Главный итог этих дискуссий — отсутствие перспектив сближения в подходах обеих сторон к решению данного вопроса.

Вместе с тем, признаки «прорыва» вроде бы наметились после избрания в 2000 г. президентом России В. Путина, который предложил японской стороне использовать в качестве юридической основы продолжения переговоров Совместную советско-японскую декларацию 1956 г., на что Токно дал согласие. Это согласие далось японской стороне нелегко, поскольку признание Декларации в качестве юридической базы переговоров ослабляло и даже сводило на нет ряд документов, которые Токно удалось навязать российской стороне в 1991–1998 гг. Именно поэтому еще некоторое время спустя японский МИД пытался апеллировать к двусторонним документам «в пакете».

Однако главное состоит в том, что японский партнер стал жестко навязывать собственное толкование единственного в советско/российско-японских отношениях полноценного с юридической точки зрения международно-правового документа с целью легализовать свои территориальные претензии к России. Понятно, что настойчивость на уровне прессинга, с которой Токно «принуждает» российский партнера заключить «мирный договор», во многом обусловлена убежденностью, что в случае «решения» территориальной проблемы на своих условиях Япония, по сути, сможет использовать этот прецедент в территориальных претензиях к Республике Корея в территориальном споре с КНР, другими словами, начать процесс пересмотра итогов Сан-Францисского мирного договора 1951 г., а в более широком смысле — пересмотра с далеко идущими последствиями итогов Второй мировой войны.

Имея это в виду, представляется важным и необходимым вновь проанализировать ход, условия и особенности переговорного процесса, предшествовавшего заключению Совместной декларации, изложить суть, значимость и однозначное прочтение ее положений.

На пути к переговорам

Обострение «холодной войны» и заключение в 1951 г. военно-политического союза между Японией и США серьезно затруднили послевоенное советско-японское урегулирование. Американское правительство односторонним решением ликвидировало Дальневосточную комиссию и Союзный совет для Японии, через которые Советский Союз пытался оказывать влияние на внутривнутриполитические процессы в ней.

Однако односторонняя ориентация Японии на США вызывала недовольство в японском обществе. К тому же, без нормализации отношений с СССР трудно было рассчитывать на вступление Японии в ООН. Постепенно в обоих государствах стала складываться благоприятная обстановка для восстановления дипломатических отношений.

Новый советский руководитель Н.С. Хрущёв (1953–1964), предложил курс на «мирное сосуществование» с государствами иной политической формации и выступил за нормализацию отношений с капиталистическими странами. В частности, Н. Хрущёв считал, что И. Сталин совершил ошибку, не подписав Сан-Францисский мирный договор. В своих мемуарах он отмечал: «Если бы мы подписали мирный договор, разработанный американской стороной без нашего участия, но с учетом наших интересов, мы бы сразу открыли в Токно свое представительство, создали посольство. Наши люди имели бы контакты с японцами на новой основе. Наше влияние как-то возросло бы... мы не использовали тогда выгодный момент, сами себя изолировали и тем самым позволили агрессивным силам США натравить японцев против Советского Союза. После того как наши представители удалились из Японии, много лет мы не имели там никаких представителей. Это большая потеря. Мы сами, проявив тупость, непонимание, создали наилучшие условия для антисоветской пропаганды со стороны врагов как внутри Японии, так и в США»¹.

В рамках курса на «мирное сосуществование» советское руководство стало искать пути восстановления советско-японских отношений. Так, 12 сентября 1954 г. министр иностранных дел Вячеслав Молотов (1946–1949 гг.), отвечая на вопросы японской газеты «Тюбу Симбун», заявил, что Советский Союз готов восстановить отношения с Японией². Спустя ровно месяц — 12 октября 1954 г., СССР и КНР в совместной декларации выразили готовность восстановить отношения с Японией.

Вскоре и в Японии сложилась благоприятная ситуация для восстановления отношений с СССР. 10 декабря 1954 г. новым премьер-министром Японии стал лидер Демократической партии Японии Итиро Хатояма (1954–1956). И. Хатояма пришел к власти под лозунгами самостоятельной и независимой внешней политики, отхода от проамери-

канского курса и выбора курса на восстановление отношений с СССР. Вечером 10 декабря 1954 г. на пресс-конференции после первого заседания нового кабинета министров И. Хатояма заявил о готовности улучшать отношения с Советским Союзом и коммунистическим Китаем, увеличивая объем внешней торговли с этими странами³.

В своих мемуарах И. Хатояма объяснял необходимость восстановления отношений с Советским Союзом несколькими причинами. Во-первых, это — проблема мира и безопасности. В условиях противостояния «двух миров» нужно было формализовать окончание состояния войны между Японией и СССР. Восстановив отношения с Советским Союзом, Япония могла бы играть роль посредника между двумя противостоящими лагерями, внося достойный вклад в поддержание мира. Во-вторых — желание поднять престиж страны на международной арене и добиться полной независимости. Для этого было необходимо добиться принятия Японии в ООН, которое долгое время откладывалось из-за советского вето. В-третьих — проблема военнопленных. В СССР еще оставалось большое количество японских военнопленных. В четвертых — возвращение «исконно японских территорий»⁴. Еще одной важной причиной необходимости восстановления отношений с СССР, которую И. Хатояма не упоминал в своих мемуарах, была проблема рыболовства.

В отношении территориального вопроса И. Хатояма опирался на своего советника по внешнеполитическим вопросам Арата Сугихара, который еще в феврале 1954 г. подготовил для него проект нормализации советско-японских отношений. Согласно этому проекту, крайней позицией Японии по территориальному вопросу было возвращение островов Хабомаи и Шикотан⁵.

11 декабря 1954 г. министр иностранных дел нового кабинета Мамору Сигэмицу озвучил внешнеполитический курс нового правительства, в котором помимо сотрудничества с западными странами было выражено «намерение восстановить нормальные отношения с Китаем и СССР»⁶.

Москва незамедлительно отреагировала на заявление нового японского правительства. 16 декабря 1954 г. В. Молотов сделал официальное заявление о том, что Советский Союз приветствует намерение нового правительства Японии восстановить отношения с СССР и «готов обсудить практические шаги в этом направлении»⁷.

Однако не все в кабинете И. Хатоямы были готовы к смелому шагу по восстановлению дипломатических отношений с Москвой. Факты свидетельствуют о том, что заявление В. Молотова вызвало определенное замешательство японской стороны. Так, специально созванное 17 декабря 1954 г. заседание кабинета министров Японии не пришло к единому мнению в отношении заявления В. Молотова. По результатам этого заседания М. Сигэмицу заявил, что поскольку «не ясно, было ли это конкретное предложение сесть за стол переговоров или — просто демонстрация миролюбивого курса, правительство будет следить за ситуацией»⁸.

Характерная особенность рассматриваемого периода состояла в крайней ограниченности двусторонних контактов. С момента капитуляции Японии в 1945 г. в Токио находилось представительство СССР. Советские дипломаты работали там по соглашению с США как союзники в войне против Японии. После вступления в силу Сан-Францисского мирного договора в апреле 1952 г., японское правительство поставило под сомнение легитимность советского представительства лишь на том «основании», что СССР не подписал указанного договора. Однако торговое представительство, которое было учреждено в период Союзного совета по Японии, продолжало оставаться в Токио.

27 декабря 1954 г. н.о. торгового представителя в Токио Андрей Домницкий получил из Москвы указание в кратчайшие сроки установить контакты с японской стороной. Поскольку японский МИД был настроен весьма консервативно и отказался от контактов, А. Домницкий решил обратиться непосредственно к премьер-министру И. Хатояме⁹. 7 ян-

варя 1955 г. А. Домницкий неофициально посетил главу правительства и предложил после «подписания декларации об окончании состояния войны между СССР и Японией, обмена посольствами, а затем начать переговоры по поиску решения в отношении территорий, торговли, военнопленных, вступления Японии в ООН и т. п.»¹⁰. И. Хатояма в целом положительно отреагировал на предложение советского представителя.

Однако ни в правительстве, ни внутри демократической партии по-прежнему не было единого мнения в отношении курса нормализации отношений с Советским Союзом. Прежде всего, не было единого мнения между И. Хатоямой и М. Сигэмицу. И. Хатояма считал, что «вначале надо восстановить дипломатические отношения, а уже потом решать вопросы территориального размежевания, рыболовства, вступления Японии в ООН и т.п.»¹¹. М. Сигэмицу же напротив, считал, что «сначала надо решить спорные вопросы, и только потом восстанавливать дипломатические отношения»¹². Таким образом, японское правительство не могло определиться с приоритетностью путей разрешения проблем. В итоге, так и не сумев договориться о приоритетах, 4 февраля 1955 г. на специальном заседании кабинета министров было решено начать переговоры о восстановлении отношений с СССР. В качестве основных задач были выделены: вступление Японии в ООН, территориальный вопрос, торгово-экономические отношения и возвращение японских военнопленных. Проведение переговоров и выработка курса по восстановлению отношений с СССР были возложены на министра иностранных дел М. Сигэмицу и подчиненное ему ведомство¹³.

К тому времени, в японском МИДе уже был выработан конкретный курс в отношении урегулирования территориального вопроса с СССР. Условием восстановления дипломатических отношений в МИДе видели «возвращение островов Хабомаи и Шикотан»¹⁴. Кроме того, японские дипломаты не хотели отказываться от Курильских островов (Тисима рэтто) и намеревались в будущем сохранить возможность решения т.н. «территориального вопроса»¹⁵.

В связи с жесткой позицией японского МИДа, а также некоторых соратников по партии, И. Хатояма был вынужден скорректировать свою позицию. Если в начале 1955 г. он намеревался добиваться восстановления дипломатических отношений с СССР, отложив переговоры по территориальному вопросу, то с февраля того же года он стал склоняться к включению в условия восстановления отношений с Советским Союзом «требования о возвращении группы Хабомаи и о. Шикотан». Выступая 25 марта 1955 г. в верхней палате парламента страны, И. Хатояма заявил: «Принадлежность Японии островов Хабомаи и Шикотан очевидна и мы должны настаивать на их возвращении. Что же касается минами Тисима (островов Итуруп и Кунашир. — *Прим. авт.*) и Сахалина, то, поскольку существует Сан-Францисский мирный договор, мы не можем требовать их возвращения»¹⁶. Таким образом, еще до начала переговоров с Советским Союзом И. Хатояма отрицал возможность оспаривания Японией принадлежности южной части острова Сахалин и островов Итуруп и Кунашир.

Хорошо известно, что позиция японской стороны в отношении переговоров с СССР формировалась под серьезным давлением Госдепартамента США. После заключения Сан-Францисского мирного договора США внимательно следили за развитием советско-японских отношений. Уже в январе 1955 г. они выразили свою позицию в отношении нормализации советско-японских отношений. 25 января 1955 г. А. Даллес направил в Токио ноту, в которой выразил пожелание, чтобы результаты советско-японских переговоров по восстановлению отношений не противоречили условиям Сан-Францисского мирного договора и американо-японского договора безопасности. В отношении территориального вопроса А. Даллес указывал, что «США поддерживают позицию Японии о том, что группа Хабомай и о. Шикотан не входят в географическое понятие Курильские острова»¹⁷. Однако из этого не следовало, что США были согласны допустить «нормализацию советско-японских отношений путем возврата островов Ха-

боман и Шикотан». А. Даллес подчеркивал, что «американское правительство не сможет согласиться с тем, что Япония признает суверенитет Советского Союза над Курильскими островами и южной частью острова Сахалин, принадлежность которых не была определена Сан-Францисским мирным договором»¹⁸. США явно испытывали беспокойство в связи с началом советско-японских переговоров и пытались не допустить их более тесного сближения, поддерживая территориальные претензии Японии к Советскому Союзу.

К маю 1955 г. усилиями МИДа Японии был разработан подробный план по восстановлению отношений с СССР, известный как «Директива № 16». Несмотря на то, что японские власти до сих пор отказываются обнародовать текст этого документа, его содержание известно исследователям. Согласно этой директиве, восстановление советско-японских отношений должно было проходить в рамках Сан-Францисской системы безопасности. Конечной целью переговоров было заключение мирного договора. Минимальным условием для заключения мирного договора с Советским Союзом было «возвращение островов Шикотан и Хабомаи, а также отправка на родину японских военнопленных»¹⁹.

26 мая 1955 г. М. Сигэмицу лично вручил «Директиву № 16» японскому представителю на переговорах Суньити Мацумото, который отправлялся в Лондон, где 1 июня должны были начаться неофициальные переговоры о восстановлении отношений между СССР и Японией. В дополнение к «Директиве № 16» С. Мацумото получил подробные инструкции в отношении территориального вопроса. Эти инструкции включали в себя три позиции. В соответствии с первой С. Мацумото должен был, прежде всего, настаивать на «безусловном возвращении островов Хабомаи и Шикотан как исконно японских территорий», и возврат этих островов рассматривался как «необходимое условие для заключения мирного договора»²⁰. Вторая — состояла в требовании возвращения южных Курильских островов (Итурупа и Кунашира. — *Прим. авт.*) по «историческим причинам»²¹. Однако это условие не являлось необходимым для заключения договора. И, наконец, суть третьей позиции — выдвинуть претензии на северные Курильские острова и южную часть острова Сахалин как «предмет торга»²².

Переговоры в Лондоне

7 июня 1955 г. на второй встрече глав делегаций С. Мацумото передал главе советской делегации, послу СССР в Англии Я. Малику меморандум, в котором выдвигалось семь условий восстановления отношений между двумя странами, в том числе территориальные. В частности, это были территориальные претензии в отношении принадлежности островов Хабомаи, Шикотан, Курильских островов, а также южной части острова Сахалин²³. Тот факт, что Хабомаи и Шикотан были вынесены отдельно, а не в составе Курильских островов подтверждает стремление японской стороны подчеркнуть их особый статус как «части острова Хоккайдо».

14 июня 1955 г. на третьей встрече глав делегаций советская сторона отвергла территориальные претензии японской стороны, заявив, что «принадлежность Южного Сахалина, а также Курильских островов, включая острова Хабомаи и Шикотан, решена согласно Ялтинскому соглашению, Потсдамской декларации, «Общему приказу № 1» и меморандуму верховного главнокомандующего союзных держав № 677»²⁴.

Продолжавшиеся до середины июля 1955 г. советско-японские переговоры в Лондоне были прерваны на время Женевского совещания с участием глав США и СССР. Используя эту возможность, Япония попыталась заручиться американской поддержкой. Но США, проявляя большой интерес к ходу советско-японских переговоров, не собирались вмешиваться до тех пор, пока Япония не шла на уступки в территориальном вопросе²⁵. Таковую позицию невмешательства США занимали до августа 1956 г.

4 августа 1955 г. на неофициальной встрече Я. Малик внезапно спросил у С. Мацумото о крайней позиции Японии по территориальному вопросу. С. Мацумото отве-

тил: «Возвращение островов Хабомаи и Шикотан, которые считаются в Японии частью острова Хоккайдо», — и добавил, что «по историческим причинам» японское правительство «не может отказаться от Курильских островов (Тисима рэтто) и южной части острова Сахалин»²⁶. Однако С. Мацумото не пояснил какие «исторические причины» лежат в основе претензий японской стороны. Я. Малик в ответ напомнил японскому партнеру, что «по Сан-Францисскому мирному договору Япония уже отказалась от Курильских островов и южной части острова Сахалин»²⁷.

Я. Малик не случайно заинтересовался крайней позицией Токно по территориальному вопросу. Дело в том, что по возвращении в Москву он беседовал с Н. Хрущёвым и тот отругал его за проволочку переговоров. Москве давно было известно о крайней позиции Токно по территориальному вопросу. Поэтому на всякий случай существовала инструкция Н. Хрущёва, одобрявшая территориальную уступку Японии. Она предусматривала передачу Японии одновременно с заключением мирного договора островов Хабомаи и Шикотан²⁸.

5 августа 1955 г., состоялась еще одна неофициальная встреча глав делегаций в японском посольстве, на которой Я. Малик неожиданно для своего собеседника заявил о готовности советской стороны передать Японии острова Хабомаи и Шикотан. С. Мацумото был настолько удивлен, что «не поверил своим ушам»²⁹.

Анализ большого массива материалов дает основание утверждать, что приступая к переговорам с советской стороной, Токно не особенно надеялся на территориальные уступки. Во-первых, японцы не имели права требовать «возврата» островов, поскольку сами же отказались от них по Сан-Францисскому мирному договору 1951 г. Во-вторых, у советской стороны было много очевидных «козырей», например, от Москвы всецело зависело решение таких вопросов, как досрочное освобождение японских военнопленных, допуск Японии в ООН, разрешение на промысел морепродуктов в Охотском море и др. Тем не менее, Н. Хрущёв настоял на уступке в территориальном вопросе, видимо, рассчитывая таким образом смягчить японскую позицию по территориальному вопросу и как можно быстрее заключить мирный договор. Однако, как показали дальнейшие события, уступка в территориальном вопросе только ослабила позиции Москвы.

27 августа 1955 г. М. Сигэмицу выслал С. Мацумото «дополнительную директиву», в которой уже требовал «безоговорочного возвращения островов Хабомаи и Шикотан, а также возвращения островов Кунашир и Итуруп». В отношении принадлежности остальных территорий — «северной Тисимы» (Курильских островов) и южной части острова Сахалин предлагалось созвать международную конференцию³⁰. Таким образом, в качестве нового дополнительного условия японская сторона выдвинула «возвращение» еще двух островов Курильской гряды — Итурупа и Кунашира, что противоречило ее первоначальным требованиям. К тому же, если в отношении принадлежности островов Хабомаи и Шикотан на Сан-Францисской конференции 1951 г. были разногласия, то принадлежность Итуруп и Кунашир к Курильским островам признавалась всеми.

Еще одним важным поворотом в японской позиции можно считать отказ от прямых претензий на остальные острова Курильской гряды и южную часть острова Сахалин, что нашло отражение в требовании о созыве международной конференции для решения вопроса о принадлежности этих территорий. Кроме того, с этого момента японская позиция начинает формироваться в виде претензий на четыре острова — Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи как на «исконно японские территории, не входящие в состав Курильских островов, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору»³¹.

Свою позицию японский МИД строил на утверждении, что согласно Санкт-Петербургскому договору 1875 г. об обмене Курильских островов на остров Сахалин, «Курильские острова» состояли из 18 островов к северу от острова Итуруп³². Следовательно, Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи не входят в состав Курильских островов.

Однако такая позиция совершенно несостоятельна, поскольку как в японском, так и во французском варианте перевода Санкт-Петербургского договора 1875 г. указано не «Курильские острова», а «группа Курильских островов»³³.

У японской стороны было, как минимум, три причины изменить свою позицию. Во-первых, это — тактика самого переговорного процесса. Так быстро и легко согласившись на уступку двух островов, советская сторона дала повод думать, что возможен дальнейший торг. К тому же, в японском МИДе очень осторожно отнеслись к компромиссному варианту советской стороны. Япония опасалась, что взамен Советский Союз может потребовать, например, право прохода через морские проливы.

Во-вторых, это — японо-американские отношения. США постоянно давали понять Японии, что уступки по отношению к СССР плохо отразятся на японо-американских отношениях. Япония не могла решить территориальный вопрос, согласившись всего лишь на два острова, США никогда бы не одобрили такого шага со стороны Японии.

В-третьих, это — внутривнутриполитическая ситуация. В то время был взят курс на слияние Либеральной и Демократической партий Японии. Однако наиболее острые разногласия двух партий были связаны с проблемой восстановления дипломатических отношений с СССР. Либеральная партия, где особенно влиятельной была фракция Сигэру Ёсида, занимала жесткую позицию и была против скорого восстановления отношений с СССР, требуя «возвращения островов Итуруп и Кунашир»³⁴. Поэтому серьезная оппозиция Либеральной партии в этом вопросе могла привести к провалу курса на слияние.

12 ноября 1955 г. в преддверии образования новой Либерально-демократической партии Японии, усилиями консерваторов был принят общий курс будущей партии на восстановление отношений с Советским Союзом под названием «рациональное согласование мнений по японо-советским переговорам»³⁵. Фактически была подтверждена новая позиция Японии в отношении территориальных претензий. Таким образом, если раньше японские дипломаты довольно свободно действовали в гибких рамках секретной «Директивы № 16», то теперь переговоры должны были проводиться согласно опубликованному курсу будущей новой правящей партии. 20 марта 1956 г. зашедшие в тупик лондонские переговоры были прерваны, казалось, на неопределенный срок. Однако уже спустя полтора месяца японская сторона обратилась к советской стороне с предложением возобновить переговоры.

Дело в том, что 8 февраля 1956 г. Совет Министров СССР принял постановление, по которому запрещался лов лососей без разрешения органов рыбоохраны СССР в районе, ограниченном с востока и юга линией, проходящей от мыса Олюторский на севере и до точки 48° северной широты и 170° восточной долготы на юге, а затем на запад — до острова Анучина. Согласно постановлению действие ограничений должно было начаться с 15 мая 1956 г. Тихоокеанский флот получил приказ выдвинуться к линии, получившей впоследствии название «линии Булганина» по имени Председателя правительства СССР Н.А. Булганина (1955–1958). То есть Советский Союз был на грани объявления Японии «лососевой» войны.

Карьера некоторых японских политиков сильно зависела от поддержки рыбного лобби. На протяжении многих лет проблема рыболовства была для японцев гораздо важнее, чем территориальная. Поэтому 27 апреля 1956 г. в Москву прибыла солидная делегация во главе с министром сельского и лесного хозяйства Итиро Коно, целью которой была отмена «линии Булганина», существенно ограничивавшей право Японии на добычу лососевых в Охотском и Беринговом морях.

Во время переговоров Москва опять пошла на уступку, в результате чего 14 мая 1956 г. была подписана советско-японская рыболовная конвенция, ограничивающая объемы изъятия тихоокеанских лососей, пойманных японскими рыбаками с помощью дрейф-

терных сетей, а «линия Булганина» была отменена, не дожидаясь официальной нормализации отношений между двумя странами.

Еще одним важным результатом «рыбных» переговоров было достижение соглашения о возобновлении советско-японских переговоров по восстановлению отношений между СССР и Японией. Это соглашение было достигнуто на неофициальной встрече Н. Булганина с И. Коно, состоявшейся по инициативе японского представителя 9 мая 1956 г. в Кремле.

По мнению некоторых японских исследователей, эта встреча до сих пор связана с некой тайной, поскольку И. Коно не разрешил присутствовать на встрече никому из японских сотрудников, даже переводчику³⁶. С советской стороны на встрече, помимо Н. Булганина, присутствовали министр рыбной промышленности СССР А. Ишков и заместитель министра иностранных дел Н. Федоренко, переводил беседу советник Министерства иностранных дел Н. Адырхаев, который впоследствии и раскрыл тайну этих переговоров.

На встрече с Н. Булганиным И. Коно посоветовал советским руководителям оказывать давление на правительство Японии, чтобы оно проявило больший интерес к нормализации отношений с СССР, и предложил внести в будущее рыболовное соглашение пункт о том, что документ вступит в силу только в случае, если Япония возобновит переговоры о нормализации отношений не позднее определенной даты. Советская сторона воспользовалась данным советом. В соглашение была включена фраза «не позднее 31 июля».

Японское правительство вынуждено было скорректировать свой курс в отношении нормализации советско-японских отношений. 6 июня 1956 г. на пресс-конференции И. Хатояма предложил курс на скорейшее восстановление отношений с Советским Союзом, отложив решение территориального вопроса. Хатояма заявил, что в случае отказа Советского Союза «вернуть южные Курильские острова», надо заключить мирный договор, отложив решение проблемы принадлежности островов Итуруп и Кунашир³⁷. И. Хатояма по-прежнему был готов сначала восстановить дипломатические отношения с СССР, а уже потом решать территориальный вопрос.

В свою очередь М. Сигэмицу выступил с резкой критикой предложения премьер-министра, назвав его «недепым»³⁸. Он считал, что прежде всего необходимо закрепить уже достигнутые результаты переговоров, то есть подтвердить обещание Советского Союза «вернуть Японии острова Хабомай и Шикотан». Несмотря на разные с премьером позиции в отношении нормализации отношений с СССР, именно М. Сигэмицу был назначен представителем на следующем раунде переговоров, который было решено начать 31 июля 1956 г. в Москве³⁹.

Переговоры в Москве

На заседании 31 июля новый министр иностранных дел СССР Д. Шепилов заявил М. Сигэмицу, что уступка островов Хабомай и Шикотан является «максимально возможной территориальной уступкой со стороны Советского Союза»⁴⁰. В ответ на это японский партнер, повторив японскую позицию о том, что Советский Союз не может использовать известную формулировку Сан-Францисского мирного договора 1951 г. об отказе Японии от Курильских островов и южной части острова Сахалин, сделал новое предложение, суть которого состояла в готовности Японии признать данную формулировку в пользу Советского Союза «при условии его согласия вернуть Японии острова Итуруп и Кунашир»⁴¹. Таким образом, надеясь на дальнейшие уступки, М. Сигэмицу, вопреки установленному партией курсу, снял требование созыва международной конференции для решения вопроса о принадлежности Курильских островов и южной части острова Сахалин.

Для обоснования претензий японской стороны на четыре южные острова Курильской гряды М. Сигэмицу использовал термин «исконно японские территории». В

частности, он заявил, что права Японии на эти острова были признаны Россией по Симодскому трактату 1855 г. и Санкт-Петербургскому трактату 1875 года⁴². 3 августа 1956 г. на второй встрече Д. Шепилов отверг предложение М. Сигэмицу, заявив, что претензии Японии на Курильскую гряду и апелляция к Санкт-Петербургскому мирному договору 1875 г. являются необоснованными в силу агрессии, развязанной Японией в отношении России в 1904 г.⁴³.

После сложных переговоров 12 августа М. Сигэмицу сообщил в Токио, что следует отказаться от Кунашира и Итурупа, ограничившись островами Хабомаи и Шикотан, и заключить мирный договор на предложенных Советским Союзом условиях⁴⁴. Такая позиция Сигэмицу объясняется, прежде всего, тем, что он был реалистом и сторонником нормализации отношений с Советским Союзом путем заключения мирного договора. М. Сигэмицу считал, что нормализация отношений с СССР без решения территориального вопроса приведёт к тому, что Япония потеряет все острова⁴⁵. Более того, его позиция отвечала изначальному курсу японской стороны, целью которого было заключение мирного договора, а минимальным условием — «возвращение островов Хабомаи и Шикотан».

13 августа 1956 г. на внеочередном заседании кабинета министров предложение М. Сигэмицу заключить мирный договор на условиях советской стороны было единогласно отклонено⁴⁶. Сторонник скорейшего восстановления отношений с Советским Союзом премьер-министр И. Хатояма также не поддержал М. Сигэмицу. Как глава правительства И. Хатояма вынужден был учитывать разные аспекты. Во-первых, предложение М. Сигэмицу противоречило принятому курсу партии в отношении нормализации отношений с СССР. Во-вторых, общественное мнение Японии не было готово к такому развитию событий. В-третьих, существовала позиция Соединенных Штатов, которые были против заключения советско-японского мирного договора на условиях передачи только двух островов. Учитывая все эти аспекты, И. Хатояма решил сначала восстановить отношения с Советским Союзом, а уже потом решать территориальную и другие проблемы двусторонних отношений. Поэтому, отозвав М. Сигэмицу, И. Хатояма решил сам поехать на переговоры⁴⁷.

Перед возвращением в Токио М. Сигэмицу принял участие в лондонской конференции по проблеме Суэцкого канала. 19 августа 1956 г. в посольстве США в Лондоне он встретился с госсекретарем США Джоном Ф. Даллесом и информировал его о ходе московских переговоров. С целью не допустить советско-японского сближения Д. Даллес заявил М. Сигэмицу, что в случае подписания Японией мирного договора с СССР, в котором Япония признает суверенитет Советского Союза над островами Кунашир и Итуруп, США получат право на полный суверенитет над островами Рюкю, и навсегда останутся на Окинаве⁴⁸. М. Сигэмицу поставил в известность об этом разговоре С. Мацумото, который отмечал впоследствии в своих мемуарах, что подобная информация поступала в посольство Японии в Вашингтоне. Однако то, что Д. Даллес лично заявит об этом министру иностранных дел, было большой неожиданностью для самого министра, отмечал Мацумото⁴⁹.

Истолковывая, таким образом, японские территориальные притязания к Советскому Союзу и будучи уверенным, что СССР их отклонит, Д. Даллес был бы не прочь, ссылаясь на Сан-Францисский мирный договор, навечно «узаконить» отторжение от Японии в пользу США жизненно важных для нее островов Рюкю⁵⁰. 24 августа Даллес вновь беседовал с М. Сигэмицу и, сославшись на 26 статью Сан-Францисского мирного договора, категорически потребовал от японского правительства отказа от урегулирования территориального вопроса с СССР, заявив, что условия вышеупомянутой статьи запрещают Японии предоставлять странам, не подписавшим Сан-Францисский договор, «более выгодные условия», чем странам участникам этого договора⁵¹.

Более чем за месяц до подписания советско-японской Совместной декларации 7 сентября 1956 г. Д. Даллес направил ноту Токио, в которой, в частности, говорилось, что

«в отношении Курильских островов американское правительство считает Ялтинское соглашение лишь общим курсом лидеров антигитлеровской коалиции, а совсем не окончательным решением, и что данное соглашение не имеет юридической силы, дающей право производить передачу островов». Далее отмечалось, что «правительство США, тщательно изучив проблему, пришло к выводу, что острова Итуруп и Кунашир являются исконно японскими территориями, также, как и острова Шикотан и Хабомаи, которые составляют часть острова Хоккайдо». Кроме того, в ноте было отмечено, что Япония не имеет право распоряжаться суверенитетом территорий, от которых она отказалась по Сан-Францисскому мирному договору⁵².

Таким образом, с целью помешать нормализации отношений между СССР и Японией американская сторона пошла на отказ от ее ялтинских договоренностей с союзниками и тем самым помогла Токио выстроить его позицию в отношении решений Ялтинской конференции, которая используется японской стороной до сих пор, несмотря на ее полную несостоятельность.

В связи с тупиковой ситуацией, создавшейся из-за территориальных претензий, И. Хатояма с подачи С. Мацумото предложил советской стороне подписать не полномасштабный мирный договор, а документ, решающий лишь такие первоочередные задачи, как прекращение состояния войны и восстановление дипломатических отношений⁵³. 11 сентября 1956 г. японский премьер-министр направил Председателю Совета Министров СССР Н. Булганину послание из пяти пунктов, в котором изложил принципы нормализации советско-японских отношений. Они представляли собой: 1. прекращение состояния войны; 2. обмен посольствами; 3. немедленную репатриацию оставшихся в СССР японских военнопленных; 4. вступление в силу рыболовной конвенции; 5. поддержку Советским Союзом приёма Японии в ООН⁵⁴. Кроме указанных пяти пунктов, послание содержало условия продолжения переговоров по «территориальному вопросу после нормализации советско-японских отношений». Таким образом, И. Хатояма предложил вернуться к своей изначальной позиции — к восстановлению отношений с Советским Союзом без решения территориального вопроса.

13 сентября 1956 г. в Токио получили ответ Н. Булганина, в котором была выражена готовность Советского Союза возобновить переговоры по нормализации советско-японских отношений на основе пяти пунктов И. Хатояма. Однако в ответе Булганина ничего не было сказано о продолжении переговоров по территориальному вопросу⁵⁵.

Для подтверждения намерений обсуждать территориальный вопрос после восстановления советско-японских отношений И. Хатояма послал в Москву С. Мацумото, который на встрече 29 сентября 1956 г. обменялся с первым заместителем министра иностранных дел СССР А. Громыко письмами относительно продолжения переговоров о заключении мирного договора, включая территориальный вопрос, после восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией⁵⁶. Другими словами, обе стороны подтвердили, что обсуждение территориального вопроса будет продолжено, после восстановления дипломатических отношений.

Тем не менее, предложение И. Хатояма восстановить советско-японские отношения, отложив решение территориального вопроса, разделяли далеко не все члены правящей партии и правительства. Противников инициативы И. Хатояма больше всего беспокоила возможность отказа СССР обсуждать территориальный вопрос после восстановления двусторонних дипломатических отношений⁵⁷. 20 сентября 1956 г. на внеочередном общем собрании партий был принят новый курс по восстановлению отношений с Советским Союзом. Согласно этому курсу японское правительство должно было добиваться «немедленного возвращения» всех японских военнопленных, островов Хабомаи и Шикотан, а также «продолжения переговоров о возвращении островов Кунашир и Итуруп после заключения мирного договора». Кроме того, судьба остальных территорий должна была быть решена согласно Сан-Францисскому мирному договору. И, наконец, в

будущем советско-японском мирном договоре должны быть отражены «все договоренности, достигнутые в ходе переговоров в Лондоне и Москве»⁵⁸. Таким образом, в новом курсе партии целью советско-японских переговоров было определено заключение мирного договора, а непременным условием — «возвращение» японских военнопленных и островов Хабомай и Шикотан. Кроме того, правящая партия обязала правительства добиваться от СССР продолжения переговоров о принадлежности островов Итуруп и Кунашир после заключения мирного договора.

Перед отъездом японской делегации на переговоры в Москву правительство разработало три варианта ведения предстоящих советско-японских переговоров. Первый вариант по своему содержанию был наиболее близким к новому курсу правящей партии. Он включал в себя требования «немедленного возвращения островов Хабомай и Шикотан», «передачу островов Кунашир и Итуруп после восстановления прав Японии на остров Окнаву». Данный вариант также включал отказ Японии от «Курильских островов к северу от Итурупа» и от «южной части острова Сахалин»⁵⁹.

Второй вариант, подготовленный на случай отклонения советской стороной первого варианта, ставил своей основной целью не подписание мирного договора, а подписание «договора об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией», не предусматривавшего решение территориального вопроса. Вариант включал в себя требование подписать «совместное коммюнике», в котором бы последним пунктом предусматривалось достижение «договоренности о заключении мирного договора, включая территориальный вопрос»⁶⁰. По сути, этот вариант отражал идею японского премьер-министра о восстановлении двусторонних дипломатических отношений без одновременного разрешения территориального вопроса.

Третий вариант в целом и по сути представлял собой прежнее предложение Н. Хатояма о восстановлении дипломатических отношений с отсрочкой разрешения территориального вопроса: в нем отсутствовал пункт даже о передаче островов Хабомай и Шикотан.

«Вооруженная» такими инструкциями, японская делегация во главе с Н. Хатояма прибыла 13 октября 1956 г. в Москву. Несмотря на предварительно согласованную повестку, исключавшую обсуждение территориального вопроса, японская делегация на первом же заседании поставила вопрос о скорейшем возврате островов Хабомай и Шикотан.

16 октября 1956 г. главный переговорщик с японской стороны, министр сельского хозяйства и лесоводства И. Коно на второй встрече с Н. Хрущёвым, ссылаясь на внутриполитическую ситуацию в Японии, поставил вопрос о том, чтобы зафиксировать в итоговом документе о нормализации отношений передачу Японии островов Хабомай и Шикотан⁶¹. При этом японский представитель извинился за то, что предлагает возобновить переговоры не на тех условиях, на которых была достигнута предварительная договоренность, оформленная посланиями глав правительств и обменными письмами заместителей министров иностранных дел. Таким образом, японская сторона уже в самом начале переговоров отошла от предварительно согласованной повестки и представила новые условия заключения совместной декларации⁶².

На встрече с Н. Хрущёвым 18 октября 1956 г. И. Коно предложил включить в текст декларации формулировку о том, что «Япония и СССР согласились на продолже-

* Такой «маневр» был призван поставить партнера в сложное положение, заставить его «на ходу» выработать новую позицию. Но самое важное состояло в том, что японская сторона отказалась от уже согласованной с партнером позиции. Эта «хитрость» вплоть до сегодняшнего дня использовалась и продолжает использоваться Токио в переговорном процессе с СССР/Россией. Так, Токио практически сразу отказался от положений обоюдно ратифицированной Совместной советско-японской декларации 1956 г. Многочисленные примеры подобных «перемен» в переговорной практике японской стороны с советскими/российскими партнерами дает основание ставить вопрос о степени доверия словам и делам японской дипломатии.

ние после установления нормальных дипломатических отношений между Японией и СССР переговоров о заключении мирного договора, включающего территориальный вопрос». Однако Н. Хрущёв заявил, что советская сторона не может согласиться с выражением «включающего территориальный вопрос», поскольку «...если оставить указанное выражение, то можно подумать, что между Японией и Советским Союзом, кроме Хабомаи и Шикотан, есть еще какой-то территориальный вопрос. Это может привести к криво толкам и неправильному пониманию документов, которые мы намерены подписать»⁶².

Японская сторона согласилась исключить из текста Совместной декларации выражение «включающего территориальный вопрос». Однако несоответствие курсу партии могло привести правительство И. Хатоямы к полному политическому фиаско. Поэтому японцы решили пойти на хитрость и вместе с декларацией опубликовать обмен письмами между А. Громыко и С. Мацумото, в которых шла речь о продолжении переговоров по территориальному вопросу после нормализации советско-японских отношений.

19 октября 1956 г. была подписана Совместная декларация Союза Советских Социалистических Республик и Японии, в пункте 9 которой СССР соглашался на «продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоров о заключении мирного договора». Декларация одновременно была ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР и Парламентом Японии 8 декабря 1956 г. и вступила в силу 12 декабря 1956 г. после состоявшегося в Токио обмена ратификационными грамотами. Процедура ратификации Совместной декларации, характерная для международных договоров, придавала ей «особый правовой статус»⁶³.

Совместная декларация, в отличие от одностороннего акта о прекращении состояния войны, выражала согласованную волю сторон и в этом отношении она была аналогичной как прелиминарному, так и окончательному мирному договору. Этот документ содержал также конкретное положение, общее и с прелиминарным мирным договором. — предварительное согласие передать Японии острова Хабомай и Шикотан при условии восстановления добрососедства и дружбы, а также выполнения согласованного обязательства об открытии переговоров между СССР и Японией с целью заключения мирного договора.

Важно отметить тот факт, что согласие Советского Союза передать Японии острова Хабомай и Шикотан отвечало изначальной позиции правительства Японии по восстановлению отношений с Советским Союзом. В ходе переговоров в Москве японская делегация согласилась с тем, что территориальный вопрос между СССР и Японией решен.

Однако сразу после подписания Совместной декларации японская сторона стала настаивать на продолжении переговоров по территориальному вопросу, толкая обмен письма между А. Громыко и С. Мацумото как относящиеся к содержанию Совместной советско-японской декларации, что противоречило действительности. Указанные письма относились не к окончательному тексту Совместной декларации, а к промежуточному японскому проекту из пяти пунктов, предусматривающему нормализацию отношений без упоминания территориального вопроса. Поэтому толкование японской стороной этих писем как основы для продолжения переговоров по территориальному вопросу является искусственным и надуманным.**

** В данном случае мы имеем дело с еще одной «хитростью» японской дипломатии: произвольно вырвать факт из контекста событий, дать ему собственную трактовку, которая якобы «опрокидывает аргументацию партнера». втянуть противоположную сторону в безрезультатную дискуссию, измотать ее в этой дискуссии и тем самым создать условия для того, чтобы партнер по переговорам в этих условиях допустил ошибку, которой бы и воспользовалась японская сторона. Эта модель работала и продолжает работать в российско-японском переговорном процессе.

Таким образом, представленный выше анализ событий, связанных с подписанием советско-японской Совместной декларации, проведенный практически исключительно на японских источниках, свидетельствует о двух очевидных и бесспорных фактах. Во-первых, Япония, ратифицировав декларацию, в соответствии с условиями пункта 9 фактически признавала за Советским Союзом право на владение южными Курильскими островами (Итуруп, Кунашир, Шикотан, Хабомаи). Во-вторых, в соответствии с тем же пунктом 9 декларации Япония признавала, что с передачей ей Советским Союзом островов Шикотан и Хабомаи, так называемый «территориальный вопрос» в отношениях между двумя странами окончательно закрывался.

* * *

Анализ изложенных выше фактов, безусловно, представляет конкретный практический интерес с точки зрения формирования российской позиции на переговорах с Японией о заключении «мирного договора». Но его актуальность становится еще более острой с учетом возникшей у японской стороны уверенности «разрешить территориальную проблему с приходом В. Путина». Это выглядит тем более удивительно, что еще во второй половине 2011 г. японские эксперты в подавляющем большинстве не связывали надежды на разрешение «территориального спора» с В. Путиным и однозначно рассматривали «тандем В. Путин — Д. Медведев» как «товарищей, с которыми нет смысла вести какие-либо переговоры» о мирном договоре «на базе решения территориальной проблемы».

Авторы, однако, считают необходимым дать другой взгляд на «проблему» Совместной декларации 1956 г. и на перспективы подписания российско-японского мирного договора.

Прежде всего, следует подчеркнуть — Совместная советско-японская декларация 1956 г. больше, чем просто выполнила свои функции по восстановлению дипломатических отношений между СССР и Японией в послевоенный период. Более 50 послевоенных лет она оставалась базой и юридической основой разветвленных двусторонних отношений. Однако очевидно и другое — Декларация более не может выполнять прежние функции, ей нужна замена. Эта замена обусловлена кардинальными переменами в геополитической и геоэкономической ситуации в регионе Восточной Азии и в мире в целом. Эти перемены объективно требуют от России новых подходов к определению приоритетов, как в ее всестороннем развитии, так и в обеспечении национальной безопасности и национальных интересов.

Выстраивание всеобъемлющих отношений с Японией объективно является одним из приоритетов внешнеполитической стратегии России на азиатском направлении. Однако это выстраивание должно учитывать новые обстоятельства, которые диктуют выбор форм и направлений обеспечения национальной безопасности и национальных интересов России в Восточной Азии. Следует подчеркнуть, что «мирный договор» с Японией, обремененный территориальными претензиями Японии к России, к числу таких приоритетов не относится. Фактом остается то, что Япония не имеет в классическом понимании «мирных договоров» с КНР и Республикой Корея, в которых бы урегулировались вопросы послевоенного взаимодействия, включая вопросы территориального размежевания. Японо-китайский «Договор о мире, дружбе и сотрудничестве» декларируется японской стороной как «мирный договор». Однако он не имеет ничего общего с «мирным договором», который японская сторона пытается навязать России. Очевидно, что отсутствие классических мирных договоров с КНР и РК не является для Японии проблемным и вовсе не тормозит развития отношений Токио с этими важнейшими партнерами. Этот факт подтверждает необходимость для российской стороны освободиться от мифа о взаимозависимости наличия «мирного договора» с масштабами экономического сотрудничества. Такой связи сегодня нет и на близкую и среднесрочную перспективу подобной увязки не предвидится.

Нынешняя геополитическая и геоэкономическая обстановка в Восточной Азии кардинальным образом отличаются от периода заключения Совместной декларации. В 1960 г. Япония и США заключили новый договор о безопасности, в соответствии с которым США взяли на себя обязательство защищать территорию Японии в «чрезвычайных обстоятельствах». В 1976 г. СССР установил в соответствии с международными нормами специальную 200-мильную экономическую зону (СЭЗ), что значительно изменило геоэкономическую ситуацию. В 1991 г. распался Советский Союз со всеми вытекающим последствиями, и Россия стала правопреемницей СССР, уступая прежней державе по многим параметрам, что затрудняло и даже делало невозможным для нее играть решающую роль в формировании военно-политической обстановки в Восточной Азии. В конце XX — начале XXI вв. в регионе Северо-Восточной и Восточной Азии в целом меняется расстановка сил: на первый план выдвигается Китай, в том числе за счет утраты США ряда прежних позиций. Новый статус КНР обусловил рост не только конкуренции, но и противостояния между Пекином, с одной стороны, и Вашингтоном, Токио, Канберрой — с другой. Важную роль с точки зрения роста региональной напряженности играют проблемы территориальных претензий в регионе, которые затрагивают его ведущие страны — Японию, КНР, Республику Корея, государства АСЕАН. Все страны внимательно наблюдают друг за другом в плане существования этих территориальных проблем, и предпочтительным вариантом их разрешения для большинства участников является формула «каждый владеет тем, чем владеет». Уступки, тем более Японии, которая имеет недавнюю печальную историю взаимоотношений с региональными странами, рассматриваются как проявление политической слабости. Данное обстоятельство следует учитывать российской стороне при формировании ее позиции на переговорах с Японией. Конкретным выражением новых угроз безопасности России в регионе стало практическое участие Японии в развертываемой США в Восточной Азии региональной ПРО (ПРО ТВД), которая нацелена на нейтрализацию российского потенциала сдерживания, являющегося жизненной основой обеспечения безопасности России.

Указанные и другие кардинальные перемены в СВА объективно диктуют необходимость пересмотра многих подходов российской стороны к формированию ее стратегии в Восточной Азии в целом и к оптимизации позиции в отношении переговоров с Японией о заключении «мирного договора» в частности. Эта оптимизация с полным основанием может быть осуществлена на основе международного права. Как отмечалось выше, Япония однозначно отказалась от выполнения своих обязательств по Совместной декларации, определенных в ее пункте 9, расширив свои претензии до четырех островов. Эта позиция сохраняется и сегодня. Венская конвенция о праве международных договоров от 1969 г. в этой связи определяет (ст. 44, 62), что договор может быть не исполнен полностью или частично, если изменение обстоятельств коренным образом изменяет сферу действия обязательств⁶¹. Отказ Японии от первоначально принятых ею условий декларации (п. 9), безусловно, «изменил сферу действия обстоятельств».

Таким образом, вышесказанное убеждает в том, что новые геополитические обстоятельства в регионе и в мире диктуют необходимость пересмотра Россией многих прежних позиций, которые частично, а в ряде случаев и абсолютно, не отвечают национальным интересам страны и ее безопасности в целом.

-
1. Хрущёв Н.С. Время. Люди. Власть: (Воспоминания). М., 1999. Кн. 1. С. 636.
 2. Правда. 1954. 13 сент.
 3. Асахи симбун. 1954. 11 дек.
 4. Хатояма Итиро. Хатояма Итиро Кайкороку [(Воспоминания Итиро Хатояма)]. 1957. С. 197–199.
 5. Вада Харуки. Хоппорёдо мондай о сайко суру [(Ещё раз о проблеме северных территорий)]// Сэкай, Токио. 1992, № 2. С. 223–224.

6. Майинти симбун. 1954. 17 дек.
7. Там же.
8. Там же.
9. *Фудзита Кадзую*. Домунциуки симацуки [(Записки о миссии Домницкого)]. Бунгэй сюндзю. 1955. № 4 С. 130–138.
10. *Мацумото Сюнъити*. Мосукува ни какэру нидзи — ниссо кокко кайфуку хироку [(Радуга над Москвой — Секретные материалы по восстановлению японо-советских отношений)]. Токио, 1966. С. 24.
11. Асахи симбун. 1955. 4 февр.
12. Там же; см. также: Асахи симбун. 1955. 5 февр.
13. Там же.
14. Требование «возвращения островов Шикотан и Хабомаи» было официально одобрено нижней палатой японского парламента в июле и ноябре 1953 г.
15. *Такахико Танака*. Ниссо кокко кайфуку но ситэки кэнкю. [(Историческое исследование восстановления дипломатических отношений между Японией и СССР)]. Токио, 1993. С. 92–93.
16. Асахи симбун. 1955. 25 марта.
17. *Вида Харуки*. Указ. соч. С. 225.
18. *Такахико Танака*. Указ. соч. С. 99–100.
19. *Кубота Масааки*. Курэмурин э но снэцу — хоппорёдо косё 1955–1983. [(Делегация в Кремль — переговоры по северным территориям)]. Токио, 1983. С. 32–34.
20. *Hellmann D.C.* Japanese foreign policy and domestic politics: the peace agreement with the Soviet Union. Berkeley, 1969. С. 59.
21. Ibid.
22. Ibid.
23. *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 29–30.
24. Там же. С. 34.
25. Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1952–1954. Vol. 14. China and Japan. Part 2. 1985. P. 1302–1304.
26. *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 42.
27. Там же.
28. *Тихвинский Л.С.* В 1955 году СССР уступил Японии под нажимом Н. Хрущева. URL: <http://www.vremya.ru/2005/93/13/125913.html> [Дата обращения 07.08.2011].
29. *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 43.
30. Там же. С. 49.
31. Варэра но хоппорёдо. [Наши северные территории]. Министерство иностранных дел Японии. Официальный веб-сайт. URL: http://www.mofa.go.jp/mofaj/press/pr/pub/pamph/pdfs/hoppob_2010_01.pdf (Дата обращения 12.08.2011). С. 11.
32. *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 49, 52.
33. Нампо дохо энгокай. Хоппорёдо мондай сирёсю. [Сборник документов по проблеме северных территорий]. Токио, 1966. С. 10.
34. *Киси Нобусукэ*. Киси Нобусукэ кайсороку — хосюгодо то андэнкайтэй. [Воспоминания Нобусукэ Киси — Сплочение консерваторов и пересмотр договора безопасности]. Токио, 1983. С. 181.
35. Асахи симбун. 1955. 13 нояб.
36. *Такахико Танака*. Указ. соч. С. 211.
37. Майинти симбун. 1956. 6 июня.
38. *Сигэмичу Мамору*. Сигэмичу Мамору сюки [Записки Сигэмичу Мамору]. Токио, 1988. Т. 2. С. 775.
39. *Мацумото Сюнъити*. Указ. соч. С. 103.
40. Кадзима хэйва кэнкюдзёхэн. Нихон гайкосэн. Кова го но гайко, тайрэккоку канкэй. Ёсидзава сэйдзиро кансю [История японской дипломатии. Внешняя политика после заключения мирного договора. Отношения с великими державами]. Токио, 1973. С. 208–209.
41. Гаймусё дзёхо бунка кёку. Гаймусё ханпёсю [Министерство иностранных дел Японии. Сборник публикаций МИД Японии] Токио, 1957. № 4. С. 38–41; См. также: *Кубота Масааки*. Указ. соч. С. 122–123.

42. Там же.
43. Кадзима хэйва кэнкюдзёхэн. Указ. соч. С. 210.
44. *Мацумото Сюньити*. Указ. соч. С. 111.
45. Асахи симбун. 1956. 31 мая.
46. *Мацумото Сюньити*. Указ. соч. С. 114.
47. *Хатояма Итиро*. Указ. соч. С. 194.
48. *Такахико Танака*. Указ. соч. С. 255.
49. *Мацумото Сюньити*. Указ. соч. С. 117.
50. *Тихвинский С.Л.* Россия-Япония обречены на добрососедство: Воспоминания дипломата и заметки историка. М., 1996. С. 105.
51. *Алисон Г., Хирочи Кимура, Саркисов К.* От холодной войны к трёхстороннему сотрудничеству в азиатско-тихоокеанском регионе: Сценарии развития новых отношений между Японией, Россией и Соединенными Штатами. М., 1993. С. 158.
52. Кагосима хэйва кэнкюдзёхэн. Ниппон гайко сюё бунсё нэмпё [Хронологическая таблица и основные документы японской дипломатии]. Токио, 1983. Т. 1. С. 781.
53. *Исимару Кадзута*. Сэнго нихонгайкоси II уокидасита нихон гайко. [Послевоенная японская дипломатия Ч. 2: Японская дипломатия в действии]. Токио, 1983. С. 126.
54. Асахи симбун. 1956. 6 сент.; см. также: *Мацумото Сюньити*. Указ. соч. С. 122.
55. Асахи симбун. 1956. 20 окт.; см. также: *Мацумото Сюньити*. Указ. соч. С. 122.
56. Совместный сборник документов по истории территориального размежевания между Россией и Японией. МИД РФ и МИД Японии. 1992. С. 41–43.
57. *Асида Хитоси*. Асида Хитоси никки. [Записки Асида Хитоси]. Токио, 1986. Т. 6. С. 208.
58. Асахи симбун. 1956. 20 сент.
59. *Мацумото Сюньити*. Указ. соч. С. 140.
60. Там же. С. 140–141.
61. Там же. С. 144.
62. Источник. 1996. № 6 (25). С. 116–121; см. также: *Мацумото Сюньити*. Указ. соч. С. 148–149.
63. *Павлятенко В.Н.* Трудная дорога к миру (К 50-летию подписания советско-японской Совместной декларации) // Пробл. Дальнего Востока. 2006. № 5. С. 92.
64. Действующее международное право. М., 2002. Т. 1. С. 203, 207–208.

Тайны Чжуннаньхая. Кто и как прослушивал Мао Цзэдуна

© 2012

В. Усов

Автор рассказывает о малоизвестных событиях 1950–1960 гг. в истории современного Китая и КПК — «нелегальных» магнитофонных записях бесед, выступлений и указаний Мао Цзэдуна и его реакции на такие «прослушки». Главным виновником организации записей был объявлен начальник канцелярии ЦК КПК Ян Шанкунь. Излагается его версия событий.

Ключевые слова: прослушивание, Мао Цзэдун, Ян Шанкунь, Ван Дунсин, разглашение партийных секретов.

В ноябре 1965 г. — то есть когда, наконец, была опубликована статья Яо Вэньюаня, специально подготовившаяся несколько месяцев женой Мао Цзэдуна Цзян Цин совместно с Яо Вэньюанем и Чжан Чуньцяо и явившаяся «сигналом» к началу «культурной революции», — на основании вымышленных обвинений, как пишут историки КНР, был смещен с занимаемой должности кандидат в члены Секретариата ЦК КПК, заведующий канцелярией ЦК КПК Ян Шанкунь¹. Заведующим канцелярией стал бывший личный охранник Мао Цзэдуна Ван Дунсин, причем, как считает У Лэнси, это не было случайным совпадением. Ян Шанкунь пока был отправлен на работу в провинцию Гуандун со значительным понижением в должности. Его дочь, ученицу пекинской школы, временно приютила семья Дэн Сяопина.

Официальное решение о смещении Ян Шанкуня с должности было принято только в мае 1966 г. Так, на заседаниях расширенного совещания Политбюро ЦК КПК 5–7 мая 1966 г. были выдвинуты обвинения в создании «антипартийной группировки» в отношении четырех руководителей партии, правительства и армии: секретаря ЦК КПК, первого секретаря Пекинского горкома партии Пэн Чжэня, заместителя министра обороны КНР, начальника Генерального штаба НОАК, секретаря ЦК КПК Ло Жуйцина, секретаря ЦК КПК, заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Лу Диньни и кандидата в члены Секретариата ЦК КПК, заведующего канцелярией ЦК КПК Ян Шанкуня.

Выступивший на совещании Кан Шэн огласил содержание своих двух бесед с Мао Цзэдуном в марте 1966 г. в Ханчжоу, которые, по его мнению, можно было свести к двум основным направлениям: 1. критика 1-го секретаря Пекинского горкома партии Пэн Чжэня, Отдела пропаганды, «укрывательство правых, подавление левых, неготовность к революции»; 2. «необходимость поддерживать левых, создавать новые отряды работников культуры и науки, осуществлять великую культурную революцию». Как центральный и сквозной вопрос, поставленный Мао Цзэдуном, он выделил следующий — появился ли ревизионизм в Китае, начиная от центра и кончая низами, и если появился, то что с ним делать? Кан Шэн однозначно заявил, что «ревизионизм» сейчас уже появился,

назвав его представителями Ло Жуйцина, Пэн Чжэня, философа, бывшего ректора Центральной партийной школы Ян Сяньчжэня, Ян Шанкуня и нескольких других деятелей. Указав на готовящийся документ «Сообщение ЦК КПК от 16 мая 1966 г.», он подчеркнул, что оно затрагивает не только вопросы «культурной революции», но и «проблемы борьбы с людьми, подобными Хрущеву, которые находятся бок о бок с нами, стремясь узурпировать власть». Принятие этого документа, подчеркнул выступающий, является только началом движения, а не концом борьбы².

На этих совещаниях по настоянию Мао Цзэдуна Пэн Чжэнь, заведующий отделом пропаганды, секретарь ЦК КПК Лу Динъи, Ло Жуйцин и Ян Шанкунь были официально сняты со всех постов.

Постановление, принятое на расширенном совещании политбюро ЦК КПК 23 мая 1966 г. гласило:

«1. Приостановить исполнение своих обязанностей в Секретариате ЦК КПК товарищами Пэн Чжэнем, Лу Динъи и Ло Жуйцином, приостановить исполнение своих обязанностей как кандидата в члены Секретариата ЦК КПК Ян Шанкуня, в дальнейшем просить пленум постфактум принять решение³.

2. Освободить товарища Пэн Чжэня от обязанностей первого секретаря Пекинского горкома КПК и мэра города; освободить от товарища Лу Динъи от обязанностей заведующего Отделом пропаганды ЦК.

3. Ввести товарища Тао Чжу в состав Секретариата ЦК в качестве постоянного секретаря, по совместительству назначить его заведующим Отделом пропаганды ЦК; ввести товарища Е Цзяньина в состав Секретариата ЦК в качестве секретаря, по совместительству назначить начальником секретариата Военного совета ЦК. Просить пленум ЦК КПК в дальнейшем постфактум утвердить их назначение секретарями Секретариата ЦК.

4. Товарища Ли Сюэфэна назначить первым секретарем Пекинского горкома партии.

5. Вышеизложенные решения довести до сведения местных партийных комитетов выше волостного уровня и в армии выше полкового уровня».

24 мая 1966 г. ЦК КПК издал «Пояснения относительно ошибок товарищей Лу Динъи и Ян Шанкуня». В документе говорилось: «Совещание решило, чтобы ЦК учредил специальный комитет по расследованию, который в дальнейшем займется расследованием антипартийной деятельности 4 товарищей: Пэна, Лу, Ло и Яна... Материалы по вопросу ошибок Пэна и Ло уже имеются... Что касается вопроса товарища Ян Шанкуня, то разъясняем, что основная ошибка товарища Ян Шанкуня — он за спиной ЦК незаконно устанавливал подслушивающие устройства, разглашал важные партийные секреты... активно участвовал в антипартийной деятельности»⁴.

Долгий период времени именно такими сообщениями ограничивались «преступления» Ян Шанкуня. Более подробная информация намеренно скрывалась. Впервые более детальную информацию по делу заведующего канцелярией ЦК КПК обнародовал личный врач Мао Цзэдуна, бежавший на Запад и опубликовавший там в 1994 г. свои записки.

Летом Мао Цзэдун решил выехать с «инспекционной поездкой» по городам Тяньцзинь, Цзинань, Нанкин, Шанхай и Ханчжоу. С собой он пригласил министра общественной безопасности Ло Жуйцина и заведующего канцелярией ЦК КПК Ян Шанкуня, заявив, что они будут его стажерами, которых он будет «обучать». Мао Цзэдун специально взял их с собой, как считал его личный врач, желая им показать, как любит вождя китайский народ. «На Ло Жуйцина и Ян Шанкуня это зрелище произвело неизгладимое впечатление. Они восторженно смотрели на Мао и с удовольствием купались в лучах его славы, пьянея от счастья. — писал Ли Чжисуй. — Ян Шанкунь сожалел лишь об одном. Во время поездки Мао часто делился с ними своими планами. Он рассказывал о том, как построить отношения партнерства между промышленностью и сельским хозяйством, как организовать работу и жизнь «народных коммун», как добиться разумного распределе-

ния доходов и справедливой оплаты труда. Но все эти соображения вождя никем не фиксировались. А ведь они являлись руководящими принципами как для самой партии, так и для всего народа. Как-то вечером, беседуя с Лю Жуйцином и секретарями вождя, Ян Шанкунь сказал, что хотел бы найти способ записывать ценные мысли председателя, уж коли секретариат ЦК не побеспокоился о том, чтобы высказывания вождя облечь в форму документов, и руководство провинций тоже не подумало об этом. Если бы у них были записи рекомендаций и соображений Мао по многим вопросам, то они могли бы переслать их высшему руководству — Лю Шаоци и Дэн Сяопину. Но без официальных бумаг никто из провинциальных партократов не хотел брать на себя ответственность.

«Нам нужно подумать, как организовать запись выступлений Председателя, чтобы затем отправить эти протоколы в Секретариат ЦК на рассмотрение и утверждение», — сказал Ян Шанкунь.

Он предложил вызвать из Чжуннаньхая стенографиста, который неотлучно следовал бы за Мао в этой и следующих поездках по стране и записывал все его замечания и предложения. В результате ЦК будет всегда знать о новых идеях и предложениях Председателя. Однако когда об этом сообщили Мао Цзэдуну, тот заявил, что стенографист ему ни к чему. «Великий кормчий» прекрасно знал магическую силу своих речений. Стоило ему официально назвать «народные коммуны» величайшим достижением китайского народа, как они стали расти по стране словно грибы после дождя. Теперь он решил быть более осторожным и не хотел, чтобы брошенные им случайные слова становились политическими лозунгами. Ситуация в стране была очень тяжелой, и Мао понимал, что ответственность слишком велика.

Через несколько дней в поезд Мао прибыла группа технических специалистов из Министерства общественной безопасности. Они получили указание установить в спальном отсеке вождя и в салоне, где он проводил дискуссии и совещания, аппаратуру для прослушивания разговоров. Миниатюрные микрофоны были так искусно спрятаны в абажурах, настенных светильниках и цветочных вазах, что вождю вряд ли удалось бы их обнаружить. Все эти микрофоны были присоединены к записывающей аппаратуре, установленной в одном из соседних помещений. Эту технику обслуживал прибывший вместе с техниками молодой человек по имени Лю, который стал неотлучно сопровождать Мао во всех поездках. От Мао скрыли, чем должен тот заниматься. Такие же подслушивающие устройства были установлены в апартаментах, которые предназначались для вождя, во всех провинциях. Обслуживающий персонал был предупрежден, что он должен об этом молчать. Им было сказано, что все эти меры предприняты по решению высших партийных органов. Мао о них не уведомлен. Поэтому если Председатель узнает обо всем этом, последствия могут быть ужасными.

В тот момент никто не подозревал, к какой катастрофе приведет этот рискованный шаг ЦК КПК⁵.

В феврале 1961 г. на специальном поезде Мао Цзэдун направился в Гуанчжоу, затем он направился в Ухань. По дороге была сделана остановка для его встречи с 1-м секретарем провинции Хунань Чжан Пинхуа. Во время прогулки молодой техник Лю, отвечавший за записывающее устройство, признался очередной пассив — преподавательнице Мао Цзэдуна, ехавшей вместе с ним, что слышал ее разговор с Мао Цзэдуну, когда она одевалась перед встречей Мао и Чжан Пинхуа. Пассива немедленно сообщила Мао Цзэдуну о своей беседе с Лю. «Мао стал мертвенно-бледным, — вспоминал личный врач Мао. Он никогда не подозревал, что его покров прослушиваются. Тут же он вызвал в свое купе (охранника) Ван Дунсина. Они оставались вдвоем за закрытыми дверями больше часа. Ван... заявил, что ничего не знает о подслушивающих устройствах. Вернувшись, он приказал, чтобы поезд немедленно отправился в Ухань»⁶. В г. Ухань было демонтировано все оборудование для подслушивания и выставлено для обозрения в конференц-зале гостиницы. Мао Цзэдун приказал сфотографировать все оборудование

(магнитофонные ленты, микрофоны и провода) как «доказательство вторжения неизвестных сил в его жизнь». После выяснения всех фактов Ван Дунсином, Мао было доложено, будто прослушивание организовали, чтобы собрать материал для подготовки истории партии. Это привело Мао в ярость. «Так что, они собирают материал, чтобы очернить меня, как Хрущев очернил Сталина?! — рычал Мао⁷. Он приказал немедленно сжечь все магнитофонные ленты. «Не оставляйте ни единой. — жестко потребовал он. — Я не хочу поставлять материал ни для каких черных отчетов». В результате этого инцидента несколько человек потеряли работу, техник Лю, разболтавший о подслушивающих устройствах в спальне Мао, был сослан на трудовое перевоспитание в провинцию Шаньси. «Мао знал, что приказ подслушивать его мог исходить только от руководителей самого высокого уровня. — констатировал врач Мао Цзэдуна. — Не обошлось и без Министерства общественной безопасности. Мао считал, что шпионаж за ним — это только часть заговора. Его убежденность, что в самых высоких сферах партии зреет заговор против него, росла»⁸. Этот инцидент выбил Мао Цзэдуна из обычной колеи, «обычно подозрительный, он все-таки никогда не предполагал, что тайные записывающие устройства фиксировали каждое его слово, что записи его бесед посылались в Пекин». Он считал, что большинство из его окружения, служившее ему долгие годы, и которому он верил, стало частью заговора.

Этот инцидент и послужил в качестве обвинения Ян Шанкуня в начале «культурной революции» в «разглашении важных партийных секретов» и установки различных подслушивающих устройств.

Только в XXI в. стали раскрываться некоторые подробности этой истории. В 2001 г. появились воспоминания Ян Шанкуня⁹, а в 2010 г. Сычуаньское издательство опубликовало книгу Су Вэйминя «Ян Шанкунь рассказывает о некоторых вопросах истории Нового Китая», где изложены более детально подробности этого инцидента.

По словам Ян Шанкуня, работа по магнитофонной записи материалов началась с 4-го пленума ЦК КПК 7-го созыва в 1954 г. (напомним, что на рассмотрение 4-пленума ЦК КПК, проходившего с 6 по 10 февраля 1954 г., было вынесено громкое дело Гао Гана и Жао Шуши). Мао Цзэдун отсутствовал на пленуме. Целью магнитофонных записей была быстрая сверка по ним скорописных записей, гарантировавшая точность записи материалов партийных совещаний. Позднее был создан архив магнитофонных записей, которые превратились в часть архива ЦК партии. Сам Мао Цзэдун не любил, чтобы его выступления записывались другими. Это стало еще более очевидным в 1956 г. после XX съезда КПСС и секретного доклада Хрущева о Сталине. Однако, как утверждал Ян Шанкунь, Мао Цзэдун являлся руководителем партии и не фиксировать его выступления было бы неверным. Он, как руководитель секретариата ЦК партии в 50-е годы, вновь обратился к председателю Мао Цзэдуну с предложением о необходимости в дальнейшем фиксации материалов разных совещаний. Тогда председатель предложил Яну и своему секретарю Ху Цяому кратко записывать некоторые решения и постановления совещаний. Прошло какое-то время, однажды на небольшом совещании Мао Цзэдун взял из рук Ян Шанкуня блокнот с записями для просмотра, затем, спросив зачем мы записываем, потребовал в дальнейшем этого не делать. В 1956 г. Мао Цзэдун выступил с докладом «О десяти взаимоотношениях». Этот доклад не записывался на магнитофон и не стенографировался. Затем по рукописным записям некоторых товарищей попытались восстановить черновой вариант доклада, прочитав который Мао Цзэдун был страшно недоволен. Учтя этот опыт, в дальнейшем, когда проводили совещания и Мао Цзэдун готовился выступать, Ян спрашивал его, надо ли речь распространять, и если давался утвердительный ответ, то ее записывали и готовили для распространения. В феврале 1957 г. Мао Цзэдун готовился выступить на заседании Верховного государственного совещания с речью «О правильном разрешении противоречий внутри народа» и сам поручил своему секретарю Е Цзылуну сделать запись своей речи.

В июле 1958 г. Мао Цзэдун, готовясь принять в Чжуннаньхае посла Советского Союза в КНР П.Ф. Юдина и обсудить деликатный вопрос о «совместном флоте» (правительство КНР обратилось к советской стороне о помощи в создании современного военно-морского флота, в Москве посчитали, что дело это очень дорогостоящее, и более целесообразно строить современный военно-морской флот объединенными усилиями двух стран: КНР и СССР), попросил подготовиться к магнитофонной записи беседы. Был найден сверхминиатюрный магнитофон, его микрофон внешне выглядел как ручные часы, его надели на руку переводчика, а сам магнитофон был спрятан на теле переводчика. Однако беседа была довольно длительной, а магнитофонной пленки хватало только на час записи. За час работы магнитофон сильно разогрелся и место на теле переводчика покраснело, но тот должен был терпеть. Беседа продолжалась довольно длительное время. Мао Цзэдун был очень недоволен, что не удалось записать полностью беседу с Юдиным.

Ян Шанкунь признался, что, начиная с ноября 1958 г., все важнейшие выступления и беседы Мао Цзэдуна с зарубежными визитерами и гостями, беседы с местными ответственными руководителями записывались на магнитофон.

Следует сказать, что на запись выступлений и бесед Мао Цзэдуна согласие дали Дэн Сяопин и Пэн Чжэнь, то есть это не было личной инициативой одного Ян Шанкуня¹⁴.

В 1959 г. Мао Цзэдун в Ханчжоу созвал рабочее совещание ЦК КПК (Ян Шанкунь в нем не участвовал). На совещании, когда Мао Цзэдун стал говорить о международной обстановке, он потребовал, чтобы участники совещания ничего не записывали. Ху Цяому сказал, что все-таки может быть следует что-то записать. Мао Цзэдун очень рассердился, заявив: «Кто приказал записывать? В дальнейшем тех, кто вновь станет записывать, будем исключать из партии!».

В апреле 1960 г. Ян Шанкунь сопровождал Мао Цзэдуна в поездке по стране. В последней декаде июня в Шанхае прошло рабочее совещание, на котором Мао Цзэдун выступил с речью «Итоги десятилетия». После окончания совещания вернулись в Пекин. Во время этой поездки Мао Цзэдун много раз встречался с иностранными гостями: среди них были гости из Азии, Африки, Латинской Америки, Восточной и Западной Европы, общественные деятели, руководители страны и лидеры коммунистических и демократических партий, место встреч было по ходу следования Мао Цзэдуна, иногда в вагоне поезда. Все эти беседы записывались на пленку, естественно, как подчеркивал Ян Шанкунь, с предварительного согласия Мао Цзэдуна.

В апреле 1961 г., когда Ян Шанкунь был в Хэбэе, неожиданно была получена телеграмма от Гун Цзыжуна, где сообщалось, что Мао Цзэдун расследует вопрос с магнитофонными записями. Ян Шанкунь немедленно вернулся в Пекин. Там он узнал, что когда Мао встречался с иностранными гостями в Чанша, то обнаружил, что его записывают на пленку, и очень рассердился. Узнав о ситуации, Ян Шанкунь стал разъяснять обстановку Дэн Сяопину и Пэн Чжэню. Он, с одной стороны, сделал Мао Цзэдуну письменный отчет, взял на себя ответственность за записи и просил наказать, а с другой, воспользовался случаем и потребовал, чтобы товарищи из канцелярии крепче взялись за оргработу, выбрали важнейшие документы из магнитофонных записей и переделали их в обычные иероглифические документы, а затем уничтожили все магнитофонные записи. Секретариат ЦК КПК под руководством Дэн Сяопина провел специальное заседание, обсудив вопрос с магнитофонными записями. Было принято соответствующее решение «Относительно проблемы магнитофонных и простых записей», где говорилось, что можно осуществлять запись важнейших официальных совещаний ЦК КПК только после резолюции Секретариата ЦК. Запись же всех других совещаний: партийных съездов, пленумов ЦК КПК, рабочих совещаний ЦК КПК, Политбюро, Секретариата ЦК запрещена, также запрещена запись выступлений руководящих товарищей из ЦК КПК и членов партии, бесед руководителей ЦК КПК с иностранными гостями. Чтобы вновь не возникало ошибочных ситуаций, как было с выступлением Мао «О десяти важнейших

взаимоотношений», было принято решение подобрать нескольких молодых людей и подготовить из них классных стенографистов. После этого были подобраны несколько человек, которых стали учить стенографии. Ян Шанкунь признавался, что до зимы 1965 г., пока он находился у руководства канцелярией ЦК КПК, все крупные совещания стенографировались этими людьми. В заключение Ян Шанкунь утверждал, что он твердо считает, что введенные им магнитофонные записи не только не являются его виной, а напротив, является его заслугой. Именно магнитофонные записи являются ценными архивными документами для истории партии, считал Ян, и вызывает сожаление то, что в 1961 г. было уничтожено так много магнитофонных пленок и осталось очень мало документов о том напряженном времени, множество драгоценных исторических материалов превратилось в пепел¹¹.

После «культурной революции» по решению 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва 1978 г. началась реабилитация деятелей, невинно пострадавших в этой кампании. Они возвращались на рабочие места. Вернулся и Ян Шанкунь, став вторым секретарем парткома провинции Гуандун. Однако 25 ноября 1978 г. на рабочем совещании ЦК КПК вновь встал вопрос о Ян Шанкуне, некоторые вспомнили историю «тайных магнитофонных записей», потребовав его вновь проверить, так как он «ослушивался указаний Мао Цзэдуна» и наделал много ошибок. Наконец 23 октября 1980 г. Секретариат ЦК КПК полностью реабилитировал Ян Шанкуня, признав, что дело «тайных магнитофонных записей» шито «белыми нитками». Через 18 лет Ян Шанкунь скончался 12 сентября 1998 г.

Такова история «прослушивания» председателя ЦК КПК Мао Цзэдуна.

-
1. Ян Шанкунь родился 3 августа 1907 в уезде Туннань провинции Сычуань. В этой же провинции родились архитектор китайских реформ Дэн Сяопин, министр иностранных дел Чэнь И, академик Го Можо, старейший маршал, главнокомандующий Чжу Дэ и другие. Шести лет мальчик начал учиться дома. Он, как и многие дети его возраста в Китае, зазубривал «Троесловие» (*Саньцзыцзин*). За «Троесловием» последовал «*Байцзысин*» («Фамилии ста семей»), где был зарифмован список часто встречающихся фамилий. Затем мальчика определили в частную школу в Чэнду, там он познакомился с «*Шицзином*» и другими подобного рода классическими китайскими книгами. В 1915 г. восьми лет он с родными переехал в Чунцин, где поступил в частную начальную школу. В 1920 г. Ян Шанкунь поступил в Педагогическое училище, там он начал читать прогрессивные для того времени журналы «*Синь циньянь*», «*Чжуго циньянь*», познакомился с такими книгами как «История социалистических учений Европы» и рядом других, подружился с передовой молодежью. В 1925 г. 18-летний юноша, закончив педагогическое училище, вернулся в Чунцин, где вступил в Социалистический союз молодежи Китая. С 1925 г. вел работу в студенческом и рабочем движении в Чэнду, Чунцине и Шанхае. Весной 1926 г. вступил в ряды КПК. В том же году поступил учиться в Шанхайский университет. В ноябре покинул Шанхай и вернулся в Чунцин, где ее партийной организацией был направлен в Москву в университет им. Сунь Ятсена. В 1927 г. начал учиться в университете им. Сунь Ятсена в группе № 453 под псевдонимом Салтыков. Был заместителем заведующего отделом пропаганды бюро ячейки университета. Здесь Ян Шанкунь подробнее знакомится с марксизмом, в 1929 г. двадцатидвухлетний Шанкунь в Москве женился на Ли Бочжао. В это время в КУТК училось около 800 китайцев. В 1930 г. большинство слушателей КУТК, прибывших в конце 1927 — начале 1928 г., закончили двухгодичный курс, их средний возраст составлял 26–27 лет. В целом КУТК дал КПК большую группу руководящих работников, получивших систематическую подготовку в области теории и практики революционной борьбы. Ряд китайских слушателей университета выделялись своей общей подготовкой и академическими успехами в университете. 20 чел. получили высшее или незаконченное высшее образование до приезда в Москву в различных вузах Китая и за его пределами, владели одним или двумя иностранными языками. Некоторые, в том числе Ян Шанкунь, Чжан Вэньтянь и Цинь Бансянь (Бо Гу) проявили способности в исследовательской работе. В 1928 г. они активно сотрудничали в НИИ по Китаю, выступали переводчиками материалов КУТК, работ основопо-

ложников марксизма-ленинизма. Подготовка кадров КУТК проходила в острой идейно-политической борьбе. В среде слушателей КУТК в той или иной мере нашли отражение почти все явления, которые были свойственны КПК накануне VI съезда КПК (VI съезд проходил с 18 июня по 11 июля 1928 г. в Подмоскowie): дробление на местные группировки и фракции, влияние левацких установок, «авангардизм» членов КСМК, пессимистические настроения, влияние на отдельные группы слушателей платформы «троцкистской оппозиции».

Ян Шанкунь поступил в аспирантуру Научно-исследовательского института по вопросам Китая. В феврале 1931 г. он вернулся в Шанхай, где стал заведующим отдела пропаганды Всекитайской федерации профсоюзов, секретарем ее партийной фракции, организовал и участвовал в забастовке шанхайских рабочих.

Сразу после начала вторжения в Шанхай японцев в 1932 г. в городе была объявлена всеобщая антияпонская забастовка, создан объединенный стачечный комитет. Народное антияпонское общество, незадолго до этого по требованию японцев запрещенное властями, вышло из подполья и приступило к широкому формированию рабочих отрядов, некоторые из которых возглавлялись коммунистами. Во всех этих действиях принял активное участие Ян Шанкунь, борясь за спасение Родины. Эти отряды участвовали в боях вместе с 19-й китайской армией. Обескровленные в боях китайские власти в Шанхае вынуждены были в конечном счете отступить.

Вскоре ЦК КПК направил Ян Шанкуня в качестве заведующего отделом пропаганды в партком провинции Цзянсу для поднятия антияпонского массового движения. Осенью он был переведен для работы в отдел пропаганды ЦК КПК, где отвечал за связь с прогрессивными китайскими организациями (Ассоциацией левых писателей, Лигой национального спасения Китая, Лигой деятелей общественных наук, Союзом защиты прав китайского народа и др.). Работал секретарем партийной фракции в Шанхайском объединении профсоюзов.

В январе 1933 г. Ян Шанкунь появился в Центральном советском районе в Жуйцзине (Цзянси), где стал работать в отделе пропаганды и редактором таких партийных изданий как «Хунсэ Чжунхуа» («Красный Китай») и «Доучжэн» («Борьба»).

В марте 1933 г. в Жуйцзине был создан Марксистско-коммунистический университет (раньше был партийной школой), Ян Шанкунь стал его проректором.

С июня 1933 по 1937 гг. — он заместитель начальника политуправления 1-го фронта Красной армии, политкомиссар полка 3-й армейской группировки (корпуса) РККА, заместитель начальника Главного политуправления Красной армии.

После начала 5-го карательного похода Чан Кайши против коммунистов 3-я армейская группировка под командованием героя китайской революции, будущего маршала КНР и министра обороны Пэн Дэхуая, где Ян Шанкунь был политкомиссаром, воевала на рубеже провинций Цзянси и Фуцзянь. Там было одержано несколько побед (в котловине Туаньцунь, где бои велись в декабре 1933 г., в районе уездного города Личуань, где войска Пэн Дэхуая численностью 12 тыс. чел. нанесли поражение противнику, насчитывавшему более 40 тыс.).

В январе 1934 г. в Жуйцзине был созван 5-й пленум ЦК 6-го созыва. На нем Пэн Дэхуай был избран членом ЦК КПК, а Ян Шанкунь — кандидатом в ЦК КПК. На II Всекитайском съезде Советов избран членом ЦИК Китайской советской республики.

Участвовал в Северо-Западном Великом походе Красной армии, был начальником политуправления Шэньси-Ганьсуского отряда, начальником полевого управления Красной армии.

Принял участие в расширенном заседании Политбюро ЦК КПК в январе 1935 г. в Цзуньи с правом совещательного голоса. Ян Шанкунь, как отмечают китайские историки, выступил с критикой Бо Гу и представителя Коминтерна немца Отто Брауна (Ли Дэ) и поддержал Мао Цзэдуна.

29 августа 1935 г. на совещании Политбюро ЦК КПК в местечке Баси, расположенном недалеко от ганьсуской границы, было принято решение создать комитет по пропаганде из трех человек, куда вошли Ян Шанкунь и Ли Вэйхань, и вновь издавать такое издание как «Ганьбу биду» («Что должны читать кадры») и газету органа ЦК «Доучжэн».

В 1937 г. он становится заместителем секретаря Северного бюро ЦК КПК, а в ноябре 1938 г. секретарем.

В период «чжэнфэна» в Яньани вместе с Бо Гу, Ло Фу, Ван Цзясяном и другими подвергся критике как представитель «линии Ван Мина» и Коминтерна. Выступил с «самокритикой».

В 1945 г. Ян Шанкунь назначен начальником секретариата Военного совета ЦК КПК, заместителем секретаря тылового комитета войск, непосредственно подчиненных ЦК партии. После

1948 г. занимал должности заведующего Канцелярией ЦК КПК, секретаря парткома учреждений, непосредственно подчиненных Центральному Комитету, заместителя заведующего Секретариатом ЦК КПК.

После провозглашения КНР в 1949 г. он — губернатор провинции Гуандун и мэрг. Гуанчжоу.

В 1952 г. Мао Цзэдун стал поговаривать о желании «отойти на второй план» и передать бразды управления партией и правительством более молодым. При этом сам он займется теоретическими проблемами и решением стратегических вопросов дальнейшей политики. Однако, судя по имеющимся документам, эти слова вовсе не означали готовности делиться полномочиями власти. Напротив, как раз в это время Мао Цзэдун сосредоточивал в своих руках весь контроль за принятием важнейших решений. К примеру, в мае 1953 г. он пришел в ярость, узнав, что возглавлявший Общий отдел ЦК КПК Ян Шанкунь и член Политбюро ЦК КПК, секретарь ЦК Лю Шаоци без его одобрения и согласования стали издавать указания и директивы ЦК КПК и Военного совета в периоды, когда Мао был болен или в длительных инспекционных поездках по стране. Это было учтено, в будущем ни один документ без просмотра Мао Цзэдуна не издавался.

27 апреля 1954 г. на расширенном заседании Политбюро ЦК КПК было принято решение о назначении Дэн Сяопина начальником Секретариата ЦК КПК, а Ян Шанкуня его заместителем. С этого времени Ян Шанкунь работает под непосредственным руководством Дэн Сяопина.

На 1-м заседании Всекитайского Комитета НПКСК 2-го созыва в 1954 г. Ян Шанкунь избран членом ЦК ВК НПКСК (он занимал этот пост до 1965 г.)

В январе 1955 г. было принято официальное решение ЦК КПК о создании Секретариата ЦК КПК. Ян Шанкунь становится заместителем заведующего Секретариата и по совместительству заведующим первой канцелярии Секретариата ЦК. На 8-м съезде КПК в 1956 г. избран членом ЦК КПК, на 1-м пленуме 8-го созыва — кандидатом в члены Секретариата ЦК.

Весной 1958 г. Ян Шанкунь подвергся критике со стороны Мао Цзэдуна в связи с тем, что якобы во время кампании «борьбы против правых» Секретариат ЦК занимал «правую» позицию.

Ян Шанкунь после образования КНР посещал Советский Союз в 1957, 1960, 1963 гг., видимо, учитывалось, что он знает русский язык.

В связи с закрытием ряда предприятий после «большого скачка» и мерами по «урегулированию» производства перед центром остро встал вопрос о сокращении управленческого аппарата, раздутого в предыдущие годы. Этой проблемой стал заниматься заместитель премьер-министра Госсовета КНР, генеральный секретарь госсовета Си Чжунсюнь. В связи с трудностями со снабжением продовольствием в городах и невозможностью прокормить все городское население, резко увеличившееся в период «большого скачка», для улучшения положения было принято решение уменьшить население городов на 20 млн чел. и сократить управленческий аппарат. 6 января 1962 г. была сформирована группа по сокращению населения городов, которую возглавил Ян Шанкунь. 22 февраля 1962 г. по решению секретариата ЦК КПК была сформирована специальная малая группа ЦК КПК по сокращению штатов, возглавил которую также Ян Шанкунь, Си Чжунсюнь являлся членом группы. 6–9 февраля 1963 г. состоялось совещание первых секретарей региональных бюро ЦК КПК, на котором Ян Шанкунь выступил с докладом о проделанной работе по сокращению населения городов и штатов администрации. Было заявлено, что с февраля 1961 г. за 2 года по всей стране сокращено более чем 18 млн 870 тыс. рабочих и служащих. На 1-й сессии ВСНП 3-го созыва в 1965 г. Ян Шанкунь избран членом Постоянного комитета ВСНП. В том же году назначен секретарем комитета КПК провинции Гуандун.

По инициативе Мао Цзэдуна в 1963–1964 гг. в Китае началась новая политическая кампания «за социалистическое воспитание», которая затем трансформировалась в кампанию «четырёх чисток».

16 января 1965 г. Ян Шанкунь в возрасте 58 лет выехал в большую производственную бригаду для участия в движении «четырёх чисток» (организационной, идеологической, политической и экономической). (Мао Цзэдун рассматривал эту кампанию как прелюдию к «культурной революции»). Во второй половине мая 1965 г. «чистки» в бригаде закончились, Ян Шанкунь выехал в Сиань, а затем в Пекин.

Проведение «четырёх чисток» в стране не удовлетворило Мао Цзэдуна, он считал, что эта кампания не дала ожидаемых результатов, поэтому следует начать новую кампанию, названную им «великой пролетарской культурной революцией».

2. Вэньгэ данань [Архив «культурной революции»]. В 2-х т. Пекин: Дагдай Чжунго чубаньшэ. 2004. С. 179.
3. Там же. С. 181; Ван Няньи. Да дунлуаньдэ няньдай [Годы великой смуты]. Хэнань жэньминь чубаньшэ, 1989. С. 19.
4. Усов В.Н. Китайский Берия Кан Шэн.: М., Олма-пресс. 2004. С. 332–333.
5. Ли Чжисуй. Мао Цзэдуи. Записки личного врача. В 2-х кн. Минск: ИнтерДайджест. 1996. Кн. 1. С. 355–356.
6. Там же. Кн. 2. С. 76.
7. Там же. С. 78.
8. Там же. С. 79.
9. Ян Шанкунь хуйи лу [Воспоминания Ян Шанкуня]. Пекин, 2001.
10. Су Вэйминь. Хуайнянь Ян Шанкунь [С теплотой вспоминаю Ян Шанкуня] // Байнянь чао. Пекин, 2009, № 7. С. 45.
11. Бэньсэ лиши чжэ ньсян чжи «Мими луинь» [Истинная историческая картина «тайных магнитофонных записей»] // Вэньхуа ишу бао. Шукань цанькао. Шэньси. 2010. 18 июня. С. 8.

«Делегация доктора Сунь Ятсена» в Москве и шанс генерала Чан Кайши

© 2012

А. Юркевич

Автор полагает, что переломным моментом в карьере Чан Кайши, который в начале 1920-х гг. не имел значительного авторитета в политических и военных кругах Китая, стало руководство «делегацией доктора Сунь Ятсена», посетившей Москву осенью 1923 г. Успешное выполнение миссии помогло Чан Кайши занять пост начальника военной школы Вампу и впоследствии создать военные части под своим командованием.

Ключевые слова: Китай, сотрудничество СССР и Гоминьдана, советская военная помощь Китаю, Сунь Ятсен, Чан Кайши.

Осенью 1923 г. Москву впервые посетила делегация, представлявшая политическую силу, которой в течение ближайших десятилетий было суждено оказывать определяющее влияние на государственное развитие Китая. Формально делегация выступала не от имени коллегиального руководства партии Гоминьдан, а от лица Сунь Ятсена как главы Гоминьдана и южнокитайского правительства. Но в силу «вождистского» характера этой партии харизматический лидер всецело определял ее идеологию, программу и ближайшие планы.

В советской российской литературе принято в целом высоко оценивать значение этого визита для налаживания альянса Москвы и Гоминьдана.

А.И. Картунова в первой отечественной публикации, описывавшей данное событие, показала, чего в первую очередь ожидали от визита советские руководители. Один из членов делегации, Чжан Тайэй, член КПК¹, отвечая на прямые вопросы работника аппарата наркомата иностранных дел М.И. Барановского, заверил его в том, что изучение опыта СССР доказало делегации важность подготовительной политико-организационной работы, в результате чего в Гоминьдане будет ослаблено влияние «военной группировки»², настаивавшей на приоритете чисто силовых акций³. Н.Л. Мамаева видит важный результат визита в знакомстве делегации «с деятельностью Красной Армии, ее организационными и политическими структурами, достижении договоренности о получении помощи по военной линии»⁴, а также в том, что высказанная делегацией позиция по ряду политических проблем помогла Президиуму ИККИ скорректировать свою Резолюцию по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и о партии Гоминьдан от 28 ноября 1923 г., врученную представителям Сунь Ятсена для передачи руководству Гоминьдана. Ю.М. Галенович делает упор на весомость личного вклада в успех переговоров главы делегации – Чан Кайши, будущего лидера Гоминьдана, как «личного представителя фактического главы государства из Китая»⁵.

Имеющиеся к настоящему времени исследования, а также опубликованные документы и материалы⁶ позволяют уточнить историческое значение этого визита и его влияние на последующие отношения Москвы и Гоминьдана.

Предваряя такие уточнения, отметим, что «договоренности о получении помощи по военной линии» были достигнуты и документально зафиксированы еще задолго до приезда делегации Сунь Ятсена⁷. Осуществляться эти договоренности начали уже в период пребывания миссии в Москве: осенью 1924 г. в Гуанчжоу прибыли первые советские военные советники и М.М. Бородин, ставший личным советником Сунь Ятсена и политическим советником ЦИК Гоминьдана. Через каналы связи советнической группы с полпредством в Пекине и Москвой Сунь Ятсен мог получать всю необходимую ему информацию и согласовывать с советским руководством свои военные и политические проекты. И все же лидер Гоминьдана считал нужным направить в СССР своих личных представителей.

При этом следует учесть, что Москва в то время была занята налаживанием официальных отношений с правительством Китайской Республики в Пекине, тогда как «государство», возглавлявшееся Сунь Ятсеном, не имело шансов на дипломатическое признание, державы общались с его властями на уровне консульских чиновников, как с любой местной администрацией, а его территория занимала около трети площади одной из 18 провинций Китая. Самого Сунь Ятсена советские вожди воспринимали в качестве лишь одного, хотя и ближайшего, кандидата на роль политического союзника в этой стране. Номинально второе, после большого Ленина, лицо в руководстве СССР — председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий был вообще против направления к Суню военных специалистов⁸ и всячески пытался избежать встречи с делегацией, хотя на этом настаивал наркоминдел Г.В. Чичерин, через аппарат которого, как и через аппарат Коминтерна, проходили тогда контакты с Сунь Ятсеном.

Впоследствии Чан Кайши, уже будучи единоличным лидером Гоминьдана и главой Китайской Республики на Тайване, станет утверждать, что неоднократно встречался с Троцким и имел с ним доверительные беседы («...в Москве я больше, чем с кем бы то ни было из других советских руководителей, встречался с Троцким»¹⁰). Документами частые и тем более единоличные контакты Чан Кайши с Троцким не подтверждаются. Скорее, Чан задним числом преувеличивал и свой политический вес на начало 1920-х, и значимость своего патрона для советских лидеров. Задokumentированы лишь факты «вручения т. Чичерину, Троцкому и Склянскому (зампред Реввоенсовета. — А.Ю.) проекта военных операций в Китае» 3 ноября¹¹ и часовой беседы делегации с Л.Д. Троцким 27 ноября.

Вместе с тем, эта поездка действительно имела важное значение для военного и политического строительства Гоминьдана. Во-первых, благодаря ей Сунь Ятсен смог получить представление о текущих намерениях¹² советской стороны по отношению к Гоминьдану без поправок на возможные искажения со стороны передаточных звеньев — советнической группы и полпредства. Во-вторых, посланцы Суня могли убедиться, что СССР действительно обладает достаточным военным потенциалом для того, чтобы оказать существенную помощь Гоминьдану. И в третьих, надо принять во внимание, что визит в Москву был переломным моментом в карьере Чан Кайши, деятельность которого стала оказывать серьезное влияние на судьбы Гоминьдана начиная с 1924 г.

Гоминьдановская литература, даже хроникально-описательного характера, создает ощущение некоей естественной предопределенности карьерного роста Чан Кайши в 20-е годы. Однако до поездки в Москву он не имел за плечами ни одной сколько-нибудь успешной и заметной самостоятельной акции. Ни в политических, ни в военных кругах серьезным авторитетом он не пользовался, несмотря на хорошее по тем временам для Китая специальное образование. В 1906 г. Чан Кайши стал курсантом артиллерийского класса Военной школы ускоренного обучения сухопутных войск (предшественницы Баодинской военной школы), а в 1907 г., заручившись государственной стипендией, поступил в японскую военную школу Сикан гакко. В 1908 г. по рекомендации деятеля антиманьчжурской оппозиции Чэнь Цимэя Чан в Японии вступил в возглавлявшийся Сунь

Ятсеном Объединенный союз. По окончании военной школы в 1910 г. он некоторое время проходил стажировку в японской армии на унтер-офицерской должности в качестве вольноопределяющегося.

После Учасного восстания 1911 г. Чан вернулся в Шанхай, где по протекции Чэнь Цимэя, ставшего генерал-губернатором Шанхая, со своим унтер-офицерским опытом сразу шагнул на должность командира полка революционной армии. В 1913 г. часть под командованием Чан Кайши, поддерживавшая выступление Сунь Ятсена против президента Юань Шикая, предприняла неудачную попытку захвата шанхайского арсенала, Чан бежал в Японию. Впоследствии он принимал участие в осуществлении повстанческих проектов Суня: в июле 1916 г. в Шаньдуне занимался организацией Северо-восточного корпуса Китайской революционной армии в качестве начальника штаба корпуса, хотя успеха эта акция не принесла; в марте 1918 г. был назначен начальником оперативного отдела Главного штаба Гуандунской армии под командованием Чэнь Цзюньмина, в сентябре — старшим офицером штаба 2-й колонны. Однако основным его занятием в 1913—1922 гг. была игра на шанхайской бирже. В Шанхае он, по утверждению некоторых биографов, вступил в Цинбан («Синий клан») — мафиозную организацию. В январе 1922 г. в Гуйлине Чан Кайши присоединился к Сунь Ятсену, который в качестве главы военного правительства в Гуанчжоу — генералиссимуса — пытался осуществить Северную экспедицию для объединения Китая. Чан был назначен начальником штаба 2-го корпуса, но уже в апреле возвратился в Шанхай. В июне, узнав о совершенном военном министром правительства Сунь Ятсена Чэнь Цзюньмином перевороте, он срочно отправился в Гуанчжоу, присоединился к поредевшей свите Суня и сопровождал его в период нахождения на борту канонерки «Юнфэн» вплоть до отъезда в Шанхай¹³. Убедительная демонстрация верности помогла Чану войти в ближайшее окружение вождя.

Но военной и политической карьере Чан Кайши эта близость до поры помогала не слишком. Лишь в июне 1923 г., незадолго до направления делегации в Россию, Чан Кайши вступил в должность начальника штаба Главной ставки генералиссимуса. А уже меньше чем через месяц, обидевшись на формально подчиненных Сунь Ятсену, но фактически вполне самостоятельных генералов, не желавших принимать Чана всерьез, он подал в отставку¹⁴. Тем не менее это назначение дало основание Москве видеть в нем «главу Генерального штаба». На деле должность, на которой Чан так и не преуспел, по статусу с постом начальника Генштаба была не сопоставима. Генеральный, или Главный, штаб в общепринятом понимании — как орган оперативного управления вооруженными силами — отсутствовал в поддерживавшей Суня «союзной» армии, соединения которой были полностью автономны и игнорировали приказы ставки, если те не отвечали интересам их собственного командования. Характеризуя «союзную армию» даже почти два года спустя, тогдашний главный военный советник южнокитайского правительства В.К. Блюхер писал, что там вообще «штабов в нашем понимании не существует. Армейские штабы вместо правильно организованных отделов переполнены всякого рода советниками, безответственными исполнителями, ведущими работу от случая к случаю»¹⁵. С этой ситуацией с переменным успехом впоследствии пытались бороться советские военные специалисты.

После того как Чан Кайши 12 июля 1923 г. подал в отставку и уехал в Гонконг, он еще до отъезда в родную пров. Чжэцзян, 13 июля, послал начальнику секретариата Сунь Ятсена Ян Шуканю письмо, в котором просил направить его в Россию — «поскольку младший брат (как он себя именовал в соответствии с традициями китайских тайных обществ и старых революционных организаций. — А.Ю.) полагает, что для меня, Чжунчжэна, не находится дела, которым я мог бы заняться»¹⁶. К тому времени Чан уже знал, что Сунь Ятсен принял предложение представителя Коминтерна Г. Маринга о направлении в СССР своей делегации¹⁷. Капризы оставшегося не у дел соратника в данном случае пришлось Сунь Ятсену весьма кстати.

5 августа 1923 г. Чан Кайши получил указание Сунь Ятсена направиться в Шанхай, чтобы обсудить с Марингом и рядом доверенных лиц генералиссимуса вопросы ор-

ганизации делегации для поездки в Россию¹⁸. 16 августа делегация — коммунисты Чжан Тайлэй и Шэнь Динъи, а также гоминьдановец Ван Дэньюнь, под руководством Чан Кайши, — отплыла из Шанхая. В Москву делегаты прибыли 2 сентября.

О невысоком уровне делегации можно судить уже по тому признаку, что в ее состав не входили сколько-нибудь значимые в иерархии Гоминьдана лица. За исключением Чана это были молодые люди, не достигшие и 30 лет. Чжан Тайлэй — один из немногих коммунистов, уже тогда вошедших в Гоминьдан на индивидуальной основе, был включен в делегацию, видимо, чтобы засвидетельствовать Москве верность Суня своим обязательствам относительно сотрудничества с КПК; к тому же Чжан был хорошо известен в Коминтерне, помогал посланцам Москвы налаживать контакты с Гоминьданом, владея английским и выступая в качестве переводчика. Шэнь Динъи, в то время близкий и к коммунистам, и к окружению Сунь Ятсена, существенной роли в Гоминьдане не играл и вошел в его руководящие органы только в 1924 г.¹⁹ Ван Дэньюнь был включен в состав делегации за знание английского языка и потом долго оставался функционером среднего звена²⁰.

Перечень мероприятий, в которых участвовала делегация, свидетельствует, что львиная их доля была посвящена обсуждению вопросов военной помощи Гоминьдану и ознакомлению с состоянием дел в Красной Армии. Поэтому второе распространенное в литературе название миссии Чан Кайши — «военная делегация Сунь Ятсена»²¹.

9 сентября, через неделю после прибытия в Москву, посланцы Суня были приняты зампредом Реввоенсовета Э.М. Склянским и главкомом РККА С.С. Каменевым. Делегация обратилась к ним с просьбой направить на юг Китая как можно больше инструкторов для обучения китайской армии, предоставить миссии Чана возможность ознакомиться с положением в РККА и обсудить с ней предлагавшийся Сунь Ятсеном (и, предположительно, составленный не без участия Чан Кайши²²) план военных действий в Китае.

Первые две просьбы возражений не встретили. На этом приеме Склянский предложил организовать в Советском Союзе специальные учебные заведения для подготовки китайских военных кадров: одно для старшего командного состава (около 30 чел.) в Петрограде или Москве, другое — среднее училище (на 500 чел., имеющих «небольшую военную подготовку») во Владивостоке или Иркутске. Делегатам обещали доступ на военные объекты²³.

Но военный план Суня, который Чан Кайши излагал в течение двух часов, энтузиазма у руководителей РККА не вызвал. Суть плана сводилась к тому, что «на территории, близлежащей к югу от Урги (совр. Улан-Батор. — *А.Ю.*), на границе Монголии с Китаем, создается новая армия Сунь Ятсена. В ее состав входят мобилизованные китайцы, живущие в местностях, граничащих с Монголией, Маньчжурией и Китаем (так в тексте — Маньчжурия фигурирует как отдельный от Китая регион. — *А.Ю.*). Здесь армия организовывается по образцу и подобию Красной Армии. Отсюда, т.е. из Южной Монголии, начинается наступление второй колонны (под первой колонной понималась южнокитайская «союзная армия». — *А.Ю.*)»²⁴. Склянский и Каменев, очевидно, знакомые с отрицательной оценкой Троцким чрезмерной военной активности Суня (эта оценка мало чем отличалась от позиции Политбюро, высказанной еще 8 марта 1923 г., разве только большей категоричностью в отношении милитаристских увлечений Сунь Ятсена²⁵), дипломатично предложили его посланцам «изложить этот план в письменном виде, разработав все детали операции, дислокации войск в настоящее время, политического положения в местах будущего района действий и т.д.»²⁶.

Примечательно, что ранее советская сторона вполне положительно относилась к намерению Суня проложить «северо-западный маршрут» китайской национальной революции и даже, видимо, внесла вклад в его разработку. В его обсуждении активно участвовал полпред СССР в Китае А.А. Ноффе, а решение Политбюро от 8 марта 1923 г. признавало «желательным заложить основу революционной армии в Западном Китае в форме целостной воинской единицы»²⁷. В характеристике Чан Кайши, представленной в докладной записке заведующего отделом Востока НКВД С.И. Духовского от 10 сентября 1923 г., чер-

ным по белому написано: «...Поддерживает *наш план* (курсив мой. — А.Ю.) операции на Севере Китая»²⁸. К осени 1923 г. мнение московского руководства насчет соответствующих проектов переменялось. Этому, видимо, способствовали сообщения советских эмиссаров о крайней организационно-политической слабости Гоминьдана и необходимости подвинуть Сунь Ятсена на активизацию деятельности в данной области²⁹.

Кроме того, Москва опасалась вовлечения СССР в конфликт с державами. Уже в мартовском 1923 г. решении Политбюро, в целом одобрявшем план организации армии Сунь Ятсена в Синьцзяне, предполагалось «отвергнуть все те части плана, которые в какой бы то ни было степени чреватны интервенцией со стороны Японии»³⁰. Не могло устроить Москву и предложение использовать в качестве базы для китайских войск территорию Монголии, претендовавшей на независимость от Китая³¹.

Другие резоны по поводу нежелательности ситуаций, способных вовлечь СССР в прямые военные действия за рубежом, как утверждал Чан Кайши, изложил ему во время личной встречи Л.Д. Троцкий: «...после войны Советского Союза против Польши в 1920 г. Ленин дал новую директиву относительно подготовки мировой революции. Предоставляя колониям и полуколониям в их революционных войнах против капиталистического империализма максимальную моральную и материальную поддержку, Советская Россия... никогда больше не должна идти на интервенцию и применение собственных вооруженных сил. Такой отказ от интервенций в будущем, по его (Троцкого. — А.Ю.) словам, был вызван необходимостью избежать обременения Советской России столкновениями с национальным самосознанием в тех или иных странах. Троцкий заверил меня в том, что, за исключением непосредственной помощи своими войсками, Советская Россия сделает все возможное, чтобы помочь воплощению в жизнь планов Национальной революции в Китае, оказывая нам действенную экономическую поддержку и помощь оружием»³².

Готовясь к обсуждению некоторых аспектов этой помощи, миссия Чана знакомилась с возможностями Красной Армии. 11 сентября состоялась встреча делегации с главным инспектором Главного управления военно-учебных заведений РККА Г.И. Петровским, который рассказал гостям об организации Красной Армии³³. Самой существенной в этой беседе темой гоминьдановскому хронисту Мао Сычэну, в 1936 г. опубликовавшему летопись деяний Чан Кайши, показалась проблема партийного контроля за армией. Информация, полученная от Петровского, в его изложении сводится к следующему: в каждой части РККА парторганизация назначает неких «постоянных членов парткома» со значительными полномочиями — только с их подписью приказы вступают в силу. «Члены партии — от военачальников до бойцов — организованы в единое целое»³⁴, а в случае каких-либо затруднений они обращаются сначала к партийному руководству.

16 сентября (у Мао Сычэна — 17 сентября³⁵) делегация посетила 144-й учебный полк. Там новостью для нее оказался тот факт, что командир полка отвечает непосредственно за командование, «политическую сторону» и обучение личного состава, тогда как «воспитание духа» — задача комиссара («представителя партии» — *дан дайбяо*). Вечером того же дня делегация все увиденное обсудила с Марингом³⁶.

Отражающую дух эпохи обстановку, в которой проходил визит в воинскую часть, показывает докладная записка сопровождавшего делегацию ответственного сотрудника Главного управления военно-учебных заведений В.А. Луговского. Чан предполагал поехать туда в военной форме, но по совету Луговского переоделся в гражданское. Красноармейцам посещение было представлено как встреча с делегацией... китайского комсомола.

В ходе визита «по настоятельной просьбе ген. Чан Кайши» был организован митинг. «Первое слово было предоставлено ген. Чан Кайши. Перевод с китайского на английский произвел член делегации, а с английского на русский — мною (так в тексте документа. — А.Ю.), естественно с некоторыми изменениями в сторону более или менее официальной речи члена Коминтерна или КИМ, так как речь ген. Чан Кайши носила несколько откровенно-прямой характер»³⁷. Как можно понять, советское руководство считало китайскую миссию тайной и всячески скрывало от непосвященных ее характер:

«...Члены делегации, особенно Чан Кайши, склонны быть несколько откровенными среди военных и не принимают достаточных мер предосторожности. Их привычка и их вопросы выдают их как военных»³⁸. Но от самих членов миссии эти предосторожности ухитрились утаивать. Чан Кайши призвал красноармейцев и командиров к битве с капитализмом и империализмом до полного их уничтожения: «Мы революционеры, члены революционной партии Гоминьдан, мы военные, мы борцы. Мы тоже готовы умереть в борьбе с империализмом и капитализмом»³⁹. Сопровождающий отметил, что «ген. Чан Кайши говорил с большим подъемом, волновался, видимо, сильно и искренне переживая произносимые им фразы. Речь свою он закончил уже почти крича, руки его дрожали»⁴⁰. Читая высказывания самого Чана о посещении Советской России, в его «революционную искренность» поверить трудно. Понятно только, что необходимым будущему вождю ораторским мастерством он уже владел.

Речь Чана прерывалась аплодисментами, исполнением «Интернационала», ему столь же горячо, «но б[олее] или менее трафаретно» ответили комиссар и начполка. При выходе «комсомольцев» «слегка покачали и на руках вынесли к автомобилю». Следуя привычным для себя нормам этикетности, Чан Кайши потребовал лист бумаги, на котором изложил «по-китайски свое впечатление от посещения. Бумага без перевода осталась у комиссара»⁴¹, — не иначе, изрядно повеселив штабных.

Согласно хронике Мао Сычэна, 19 сентября во второй половине дня делегаты посетили 2-ю пехотную школу. 20 сентября они побывали в военно-химической школе, где ознакомились с действием боевых газов и средствами защиты от них, а 22 сентября — в «Высшей стрелковой школе» (видимо, на Высших командных курсах «Выстрел»). Там на них наибольшее впечатление произвели российские автоматы конструкции Федорова с магазином на 35 патронов. То обстоятельство, что Россия в плане военно-технического прогресса способна конкурировать с Европой и США, тогда как Китай «терпит от них поражения», крайне расстроило Чан Кайши, отметил Мао Сычэн (что автомат был сконструирован еще до 1917 г., Чану, видимо, не сообщили). 27 сентября состоялись посещения военно-морских учебных заведений Петрограда и Кронштадта⁴².

К концу октября Чан Кайши, не получивший ответа на поданный 3 октября в письменном виде проект организации армии в Монголии, начал сильно нервничать. Это отметили аппаратчики НКВД. 1 ноября Чичерин направил письмо председателю Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьеву (копии — И.В. Сталину, Л.Д. Троцкому, Л.Б. Каменеву), в котором наряду с предложением создать комиссию для решения вопроса о реорганизации Гоминьдана предлагал также уделить больше внимания «суньятсеновскому начальнику штаба», нервозность которого «доходит до крайней степени, он находит, что мы им совершенно пренебрегаем»⁴³.

В письме Чичерину от 2 ноября (копия Сталину) Троцкий писал: «Думаю, что надо внушить Сунь Ятсену и его агентам чрезвычайно решительно и твердо в корне ту мысль, что сейчас для них наступает длительный подготовительный период: военные планы, а следовательно и чисто военные требования, обращенные к нам, откладываются до прояснения положения в Европе и до завершения хоть некоторой политической подготовки в Китае»⁴⁴.

Позиция Троцкого легла в основу ответа, сообщенного миссии 12 ноября (согласно докладной записке М.И. Барановского), когда ее вновь приняли Склянский и Каменев. Склянский озвучил мнение Реввоенсовета, который рекомендовал Сунь Ятсену и партии Гоминьдан «направить все свои усилия на политическую работу в Китае, так как в противном случае всякая военная операция при существующих в настоящее время условиях будет обречена на неудачу... Вопрос политической подготовки является важнейшим для Китая в настоящее время. Правда, не следует забывать и военную работу, но к военным операциям в широком масштабе можно будет приступить только тогда, когда будет проделана большая политическая работа, будут подготовлены те внутренние факторы, которые значительно облегчат военную часть работы»⁴⁵.

Попытки Чан Кайши объяснить, что политической деятельности Гоминьдана препятствуют иностранные империалисты, к тому же Гоминьдан уже усилил эту деятельность и считает нужным одновременно вести военные операции, встретили еще более категоричную отповедь: «...т. Склянский считает необходимым в ближайшие годы вести только политическую работу. Момент военных операций будет возможен тогда, когда внутренние условия будут достаточно благоприятны этому. Начать военные действия так, как об этом говорится в представленном проекте, означало бы авантюру, заранее обреченную на неудачу. Вместе с тем, одновременно с политической работой может вестись и военная подготовка. С этой целью Реввоенсовет считает возможным посылку китайских товарищей в Россию для размещения в военных учебных заведениях. В Академию Генерального штаба можно принять от 3 до 7 человек. В военное училище — от 30 до 50 человек»⁴⁶.

Чан Кайши предложил «увеличить количество командировок» гоминьдановцев в советские академии и училища по сравнению с предложенной советской стороной цифрой «за счет» военных школ, «которые должны быть открыты в Кантоне в результате переговоров представителя Сунь Ятсена в Пекине с т. Караханом (полпредом СССР. — А.Ю.)»⁴⁷. Это означало, что после создания школ в Китае их курсанты тоже могли направляться в СССР в дополнение к оговоренному числу командированных⁴⁸.

Кроме просьбы увеличить число китайских учащихся в военных учебных заведениях России, Чан Кайши никаких пожеланий, касающихся сотрудничества с Москвой, не высказал. Более того — советский сотрудник, сопровождавший делегацию, отметил, что после получения ответа Реввоенсовета «нервное состояние, в котором пребывала делегация с момента вручения плана и до второго свидания с т. Склянским, прошло чрезвычайно быстро». Чан Кайши, прежде настаивавший на двухнедельном санаторном отдыхе «вследствие нервного состояния, переутомления и т.д.», объявил, что чувствует себя значительно лучше. «Таким образом, китайцы были удовлетворены свиданием с т. Склянским»⁴⁹.

Реакция членов делегации Сунь Ятсена на отказ в основной, казалось бы, просьбе — о содействии в проведении военной кампании на Севере, говорит о том, что на реализацию этой «программы-максимум» китайцы и не очень рассчитывали⁵⁰. А вот «программа-минимум», похоже, была выполнена с избытком. Москва соглашалась принять «достаточное количество» учащихся в военные учебные заведения, внесла определенность в свою позицию относительно военных планов Суня, к тому же на встрече Склянский обещал делегации прием у Троцкого, состоявшийся 27 ноября.

Судя по изложению беседы, Лев Давыдович главным образом давал китайцам жесткие инструкции: «...партия Гоминьдан должна немедленно решительно и резко изменить руль своей политики. В настоящее время она должна все свое внимание сосредоточить на политической работе, доведя до необходимого минимума военную часть деятельности. Ваша военная работа не должна превышать одной двадцатой и ни в коем случае одной десятой политической деятельности... Все указания (курсив мой. — А.Ю.) тов. Троцкого сводились к тому, чтобы Сунь Ятсен и Гоминьдан как можно скорее отказались от военных авантур, направив все свое внимание на политическую работу Китая»⁵¹.

«Тов. Троцкому *коротко ответил* (курсив мой. — А.Ю.) председатель делегации генерал Чан Кайши. Он указал на трудность политической деятельности, так как империалисты всех стран жестоко подавляют всякую революционную пропаганду... Чан Кайши, расставаясь с тов. Троцким, сказал, что он солидарен с тем, что было сказано тов. Троцким, и что партия постарается провести в жизнь мнения русских товарищей. Он выразил надежду, что в скором времени освобожденный Китай станет членом Советских Социалистических Республик России и Германии»⁵². Этот апофеоз китайской дипломатии и, видимо, итог двойного перевода — с китайского на английский (его обычно осуществлял один из членов делегации, Чжан Тайлэй или Ван Дэньюнь), а потом на русский — вряд ли можно считать отражением действительных представлений Чана или Сунь Ятсена об исторических перспективах китайской революции.

Делегации Чан Кайши довелось, помимо переговоров с Чичериным, встречи с секретарем ЦК РКП (б) Я.Э. Рудзутаком, посещения председателя ЦИК СССР М.И. Калинина и наркома просвещения А.В. Луначарского, поучаствовать также в заседании Исполкома Коминтерна 26 ноября 1923 г. Там Чан Кайши вновь получил возможность поупражняться в политико-дипломатической эквилибристике. Указав, что «политическими лозунгами для революционной работы в Китае должны быть не коммунистические лозунги, а лозунги «[образования] независимого Китая» и «народного правительства»», Чан всячески уверял вождей Коминтерна в убежденности гоминьдановцев в том, что «фундаментальная база мировой революции находится в России», и от имени Гоминьдана предлагал фантастический проект: «...чтобы Россия, Германия (конечно, после успеха революции в Германии) и Китай (после успеха китайской революции) образовали союз трех крупных государств для борьбы с капиталистическим влиянием в мире. С помощью научных знаний немецкого народа, успеха революции в Китае, революционного духа русских товарищей и сельскохозяйственных продуктов этой страны мы смогли бы легко добиться успеха мировой революции. мы смогли бы свергнуть капиталистическую систему во всем мире... Мы полагаем, что после трех или пяти лет первого этапа китайской революции, т.е. националистической революции в Китае, мы добьемся успеха и, как только мы одержим его, мы начнем второй этап, т.е. пропагандистскую работу под коммунистическими лозунгами»⁵³. Чан готов был пообещать даже участие Гоминьдана в мировой революции против власти капитала, лишь бы Сунь Ятсен получил помощь от России.

28 ноября президиум ИККИ принял Резолюцию по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и партии Гоминьдан. Текст этого документа, с которым делегация была ознакомлена в тот же день, вряд ли мог встретить положительный отклик у Чан Кайши. Резолюция содержала прямые упреки в адрес Гоминьдана: эта партия не смогла довести до конца борьбу против феодализма — преимущественно потому, что, «не втянув в борьбу широких трудовых масс крестьянства и городского населения, она строила свои планы на возможности военных успехов»⁵⁴. Гоминьдану предлагались «правильная» интерпретация «трех народных принципов» Сунь Ятсена как «национализма, демократизма и «государственного социализма». Президиум ИККИ выражал надежду на то, что Гоминьдан будет поддерживать Компартию Китая, со стороны которой обещалась всемерное содействие Гоминьдану⁵⁵. Согласно Мао Сычэну, Чан Кайши сделал из резолюции вывод о том, что Гоминьдан не рассматривается Москвой как «дружественная партия»; но если он поставит «в центр всего мировую революцию», «укрепится изнутри и усилится с внешней стороны», и все это пройдет успешно, «то он может быть признан»⁵⁶.

29 ноября в 14 часов состоялся отъезд делегации из Москвы, а утром 15 декабря она прибыла в Шанхай.

В конце 50-х годов потерявший власть на континенте Чан Кайши уже в статусе президента Китайской Республики на Тайване опубликовал книгу «Советская Россия в Китае». В этом весьма тенденциозном, хотя и по-своему искреннем тексте, в котором автор пытался донести до читателя свое понимание целей и результатов советской политики в Китае, содержится немало довольно точных наблюдений и формулировок. Одна из них касается тех задач, которые Москва ставила перед китайскими коммунистами, подталкивая их к работе внутри Гоминьдана: «...во-первых, принять участие в китайской антиимпериалистической национальной революции, во-вторых, расколоть Гоминьдан на антагонистические фракции и, в-третьих, развернув «аграрную революцию», превратить борьбу за демократию в Китае в конфликт классов»⁵⁷. Чан в своей оценке опирался на анализ давних к тому времени событий. Но недоверие к Советской России он испытывал уже тогда, и переговоры в Москве его только укрепили.

Так, в период пребывания в СССР Чан Кайши возмущала позиция московского руководства относительно «Внешней Монголии», которую Сунь Ятсен и его последователи считали неотъемлемой частью территории Китая⁵⁸. Резюмируя впечатления, вынесенные из поездки в Россию, через много лет он писал: «На основании всего виденного я

пришел к заключению, что консолидация власти в руках русских коммунистов таила бы в себе опасность возрождения направленных против Китая вождедений царской власти. В таком случае они были бы в состоянии нанести Кигайской Республике и нашей Национальной революции немалый вред»⁵⁹. О том, что в мемуарах он не слишком искажил мнение, которого придерживался в 1920-е гг., говорит его известное письмо Ляо Чжункаю от 12 марта 1924 г. «Речам русских можно верить только на треть», утверждал Чан Кайши, «старший брат» (Ляо Чжункай) чрезмерно им доверяет. А между тем цель «русской партии» в Китае — привести к власти компартию, создать «советы» (т.е. «советские» государства) из маньчжуров, монголов, мусульман и тибетцев. Так называемый интернационализм и мировая революция, полагал Чан, — не более чем империализм, не лучше английского, французского, американского и японского, действующий в пользу своей страны и во вред другим. Китайские коммунисты ругают других рабами американцев, англичан, японцев, а сами являются совершенными рабами России⁶⁰.

И тем не менее у Чан Кайши хватило политической гибкости и холодного прагматизма, чтобы впоследствии использовать временное сотрудничество с Москвой и китайскими коммунистами на пользу и Гоминьдану, и собственной карьере.

Как отмечалось, до той поры Чан Кайши почти не имел возможности ярко проявить свои деловые качества. Да и его московские успехи внешне не выглядели слишком впечатляющими: из всех аспектов военной помощи делегация достигла договоренности с советской стороной, по сути, по единственному — о военном обучении китайцев в СССР. Руководил делегацией Чан Кайши в значительной мере номинально: члены миссии придерживались разных мнений по многим вопросам, а с ее руководителем солидарен был в основном Ван Дэньюнь⁶¹. Но перед советскими лидерами от имени делегации выступал именно Чан Кайши. Благодаря ему Сунь Ятсен получил нужную информацию, и вождь Гоминьдана по достоинству оценил осторожность и дипломатичность обычно ершистого Чана, его способность сдерживать себя в интересах дела. Из доклада Бородина, датированного 10 декабря 1923 г., следует, что к тому моменту Чан Кайши уже считался единственным кандидатом на пост руководителя военной школы, которую предполагалось создать в Гуанчжоу для подготовки офицерских кадров Гоминьдана: «Начальником школы назначен генерал Цзян (Чан Кайши. — А.Ю.), представитель Суня в Москве, в настоящее время возвращающийся в Китай»⁶².

Однако до того, как стало известно об успешном завершении миссии в Москве, на этот пост были и другие претенденты.

Первый проект создания военной школы в Гуанчжоу — тогда под названием Военного училища сухопутных войск (Луцзюнь цзяньютан) — был принят уже 15 октября 1923 г. на проведенном Сунь Ятсеном совещании актива Гоминьдана⁶³. Раньше других попытался использовать возможные карьерные выгоды от проекта хунаньский генерал Чэн Цянь, занимавший номинальный в тех условиях пост «военного министра» (начальника военно-административного отдела Главной ставки). Созданный им в предместьях Гуанчжоу Центральный учебный полк сухопутных войск (Чжунъян луцзюнь цзяодаотуань) он переименовал в Военное училище сухопутных войск (Луцзюнь цзяньютан) — в соответствии с октябрьскими решениями руководства Гоминьдана⁶⁴. По воспоминаниям Бао Хуэйсэна (в то время коммуниста, в 1925 г. — начальника политотдела школы Хуанпу), Сунь Ятсен одно время уже было решено назначить Чэн Цяня начальником школы, а отсутствовавшего Чана и гуансийца Ли Цзишэня, дивизия которого входила в Гуандунскую армию, — заместителями начальника⁶⁵. Данная версия подтверждается и в мемуарах Тань Ичжи, выпускника 2-го набора Хуанпу⁶⁶. В воспоминаниях известного хуанпурсца генерала Лю Чжи утверждается, что у Сунь Ятсена был и другой кандидат в начальники офицерской школы — главнокомандующий Гуандунской армии Сюй Чунчжи⁶⁷.

Но даже решение Сунь Ятсена в пользу Чан Кайши могло не дать последнему на новом посту тех полномочий, которые бы соответствовали его амбициям. За эти полномочия ему пришлось побороться.

Кандидатура Чан Кайши на пост начальника школы, предположительно, впервые была выдвинута 6 ноября 1923 г., на 58-м заседании партактива Гоминьдана. Это сделал в своем докладе Линь Цзухань (Линь Боцзюй, суневский соратник со времен Тунмэнхуэя, с 1921 г. — член КПК)⁶⁸. Имя Чан Кайши в этом контексте фигурировало и на 10-м заседании Временного ЦИК Гоминьдана 26 ноября 1923 г., проходившем под председательством Сунь Ятсена, когда было решено учредить Офицерскую школу Национальной Армии (Гоминьцзюнь цзюньгуань)⁶⁹.

Однако известно, что 8 декабря 1923 г., когда Сунь Ятсен лично предложил Временному ЦИК кандидатуру малопопулярного Чан Кайши, многие деятели партии просили вождя принять на себя этот пост по совместительству, о чем в тот же день даже было принято решение 15-го заседания Временного ЦИК⁷⁰. Во вступительной статье к сборнику документов по истории школы Хуанлу утверждается, что обязанности начальника школы (*сяочжана*) Сунь Ятсен возложил на себя⁷¹. В том же сборнике приводится сообщение газеты «Гуанчжоу Миньго жибао» от 3 января 1924 г. о том, что «*цзунли* («премьер», титул лидера Гоминьдана. — А.Ю.) Сунь принял пост *сяочжана*»⁷². Такая подчиненность выводила школу из-под контроля правительственных и военных институтов, в которые входили в том числе влиятельные до времени, но ненадежные союзники Суня. Упоминание о Чан Кайши как о «начальнике школы» в декабрьском 1923 г. письме Бородина могло говорить лишь о том, что именно Чану предстояло непосредственно заниматься «текучкой», связанной с работой учебного заведения.

То, что школу должен был возглавить Сунь Ятсен, подтверждает и документ, опубликованный С.М. Уилбуром и Дж. Ляньин Хоу в английской версии: «Правила офицерской военной школы Национальной армии в Кантоне» («Regulations of the Military School for Officers of the National Guard of Canton»). Документ, по оценке этих исследователей, был создан в феврале-марте 1924 г. или раньше. В нем «главным начальником» (the Chief Principal) школы, предназначенной для подготовки пехотных офицеров, объявлялся генералиссимус, т.е. глава южнокитайского военного правительства. Его заместитель (Assistant Chief), или «второй по старшинству» (Second in Command), согласно «Правилам», подчинялся непосредственно генералиссимусу. Чан Кайши как раз и предстояло стать «вторым по старшинству»⁷³.

24 января 1924 г. Сунь Ятсен назначил его председателем комитета по подготовке к созданию Офицерской школы сухопутных войск (Луцзюнь цзюньгуань сюэсяо)⁷⁴. Однако Чан, почувствовавший свою нужность вождю, не склонен был мириться с доставшимся ему второстепенным статусом в школе. Именно обидой Чан Кайши Уилбур и Хоу объясняют его знаменитый демарш, когда в феврале он самовольно выдал выходное пособие набранным преподавателям и персоналу и выехал в Шанхай⁷⁵. Сам Чан впоследствии оправдывал свою отставку тем, что ощущал в российской стратегии даже большую угрозу, чем в западном колониализме, а колебания некоторых членов Гоминьдана под влиянием коммунистической пропаганды вызывали у него «дурные предчувствия»⁷⁶.

23 февраля Сунь Ятсен назначил временно исполняющим обязанности председателя комитета губернатора Гуандуна Ляо Чжункая и направил телеграмму Чан Кайши, напоминая ему о долге и отказывая в отставке⁷⁷. Не менее трех телеграмм Чан Кайши получил от Ляо Чжункая, вернуться и «не огорчать» Сунь Ятсена призывал его и Дай Цзитао, которому был предложен пост начальника политотдела школы. Из Шанхая Чан отправился на родину, в уезд Фэнхуа пров. Чжэцзян, куда Сунь Ятсен специально посылал командующего Гуандунской армией Сюй Чунчжи, чтобы тот уговорил Чана вновь приступить к выполнению служебных обязанностей⁷⁸. Несмотря на отсутствие, Чан Кайши 21 марта был назначен председателем приемной комиссии. Упрямылся он до середины апреля.

Свое возвращение он потом объяснял настоятельными просьбами Сунь Ятсена, заверившего его в том, что Чан сможет «целиком посвятить себя делам школы, не выполняя более никаких партийных или правительственных обязанностей»⁷⁹. Поскольку в мае Чан Кайши вступил в должность *сяочжана* («начальника школы») ⁸⁰, а не «заместит-

теля», вероятно, сыграли свою роль и изменения в штатном расписании. Хотя школа подчинялась непосредственно Сунь Ятсену, но возглавлял он ее в качестве *цзунли* — лидера Гоминьдана.

Именно пост *сяочжэна* и буквально вырванная у руководства Гоминьдана самостоятельность в распоряжении делами военной школы дали Чан Кайши возможность летом 1924 г. сделать следующий важный шаг к будущему карьерному взлету. Под видом «учебных» частей для подготовки унтер-офицеров он сформировал при Хуанпу два линейных пехотных полка — бригаду, обеспечившую ему базу для дальнейшего развертывания собственной армии. При этом Чан ухитрился, с одной стороны, воспользоваться помощью и поддержкой советников и Сунь Ятсена, с другой — не позволить советникам сделать новые части орудием «левых» сил, а Суню — бросить едва обученные подразделения в топку провальной Северной экспедиции 1924 г.⁸¹ Путь к этому и последующим успехам открыло перед Чан Кайши достойное выполнение дипломатической миссии в Москве.

1. Чжан Тайлэй (1899—1927) — в 1921 г. секретарь китайской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна в Иркутске, в 1925—1927 гг. кандидат в члены ЦК КПК, в 1927 г. член ЦК КПК, кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, секретарь Южного бюро ЦК КПК, секретарь Гуандунского комитета КПК. В декабре 1927 г. возглавил советское правительство в Гуанчжоу, провозглашенное во время поднятого коммунистами восстания, погиб в ходе его подавления.
2. *Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае, 1924—1927 гг.: Документированный очерк. Документы. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 27.
3. Там же.
4. *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919—1929. М., 1999. С. 58.
5. *Галенович Ю.М.* Два генералиссимуса: И.В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). М., 2008. С. 36.
6. Подробности пребывания делегации в СССР и содержание ее переговоров с советскими руководителями см., прежде всего, в сборнике: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы. Т. 1. 1920—1925. М., 1994. С. 245—282. В Китае сведения о тех событиях впервые были опубликованы в 1936 г., в хронике: *Мао Сычэн.* Миньго шню нянь ичянь чжи Цзян Цзэши сяньшэн [Господин Чан Кайши до 15-го года Республики]. Б.м., 1936. Выдержки оттуда см., напр., в кн. Ю.М. Галеновича (Указ. соч.), а также в сборнике: Хуанпу цзюньсяо шилляо [Материалы по истории военной школы Хуанпу]. 1924—1927. Гуанчжоу, 1982. С. 12—13.
7. 8 марта 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило: «...б) Признать желательным заложить основу революционной армии в Западном Китае в форме целостной воинской единицы. в) Признать возможным оказать денежную поддержку Сунь Ятсену в размере около двух миллионов мексиканских долларов. г) Признать необходимым посылку к Сунь Ятсену группы политических и военных советников...» (ВКП(б), Коминтерн... Т. 1. С. 206). В телеграмме Сунь Ятсену от 1 мая 1923 г. полпред А.А. Иоффе сообщал об этом решении Политбюро и уточнял, что 2 млн золотых рублей предполагается выплачивать долями в течение года, каждый раз не более 50 тыс. рублей. В телеграмме говорилось также о возможности поставки 8 тыс. японских винтовок, 15 пулеметов, четырех японских орудий и двух броневиков. Иоффе сообщал Сунь Ятсену и о готовности Москвы помочь в организации крупной воинской единицы на Севере или Западе Китая либо использовать советскую военно-материальную и инструкторскую помощь для создания в стране «не полевой части, а внутренней военной школы всех родов оружия». Цит. по: ВКП(б), Коминтерн... Т. 1. С. 159. Английский текст телеграммы см.: *Saich T.* The Origins of the First United Front in China: The Role of Sneevlet (Alias Maring). Leiden, 1991. Vol. 1. P. 526.
8. ВКП(б), Коминтерн ... Т. 1. С. 278.
9. Там же. С. 308.
10. *Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши).* Советская Россия в Китае: Воспоминания и размышления в 70 лет / Науч. ред. и вступ. ст. А.В. Панцова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 36.
11. ВКП(б), Коминтерн... Т. 1. С. 312—313.

12. В политику Москвы в отношении Гоминьдана в течение всего периода сотрудничества с этой партией вносились определенные коррективы, менялись объемы и формы советской помощи южнокитайскому правительству. Подробнее об этом см., напр.: *Юркевич А.Г.* Финансовая поддержка Моквой «партийной армии» Гоминьдана: проблема интерпретации источников // Пробл. Дальнего Востока. 2009. № 2; *Он же.* Советская помощь Гоминьдану в 1920-е годы: к вопросу о критериях оценки // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 6.
13. *Ван Юцизюнь.* Хуанпу цзюньсяо сань бай чжуань [Жизнеописание 300 знаменитых генералов военной школы Хуанпу]. Наньнин, 1989. С. 742—743. Подробнее об этом периоде жизни Чан Кайши см.: *Ван Гуанъюань.* Цзян Цзэши цзаонянь [Ранние годы Чан Кайши]. Пекин, 2008.
14. Согласно сведениям из официальной биографии Чан Кайши, воспроизведенным и в биографиях, издающихся в КНР, он получил назначение начальником штаба Главной квартиры еще в феврале 1923 г. – *Ван Юцизюнь.* Указ. соч. С. 742—743. Однако, по другим данным, этот пост он получил незадолго до своего прошения об отставке в июле 1923 г. и отъезда в Нинбо. См.: *Ли Цзикуа.* Хуанпу цзюньсяо чуанбань юаньши [Исходные причины основания военной школы Хуанпу] // Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо: цзинянь Хуанпу цзюньсяо 80 чжоуянь: съезду луньвэньцзи [Национальная революция и военная школа Хуанпу: сборник научных статей, посвященный 80-й годовщине военной школы Хуанпу]. Чанчунь. 2004. С. 123. Сунь действительно произвел это назначение 18 февраля 1923 г. (т.е. еще до прибытия в Гуанчжоу, где он объявился 21 февраля, и до официального учреждения Главной ставки, что произошло 1 марта). Однако Чан прибыл в Гуандун лишь в середине апреля и в его отсутствие генералиссимус вынужден был назначить на должность начальника штаба некоего Чжан Кайжу. По прибытии Чан Кайши вошел в свиту Сунь Ятсена, не имея конкретных обязанностей, и только 17 июня официально был поставлен начальником штаба. Но уже 12 июля он подал в отставку, жалуясь на унижения и «травлю» со стороны генералов, игнорировавших его оперативные предначертания (*Ван Гуанъюань.* Указ. соч. С. 174—175).
15. В.К. Блюхер в Китае. 1924—1927 гг.: новые документы главного военного советника / Сост., отв. ред., авт. введения и примеч. д.и.н. А.И. Каргунова. М., 2003. С. 138.
16. Цит. по: *Ван Гуанъюань.* Указ. соч. С. 176.
17. Там же.
18. Там же. См. также: Хуанпу цзюньсяо шиляо. С. 12.
19. Шэнь Диньшань (Шэнь Сюаньлу, 1892—1928) – член Гоминьдана с момента создания партии, в 1920—1921 гг. член шанхайского коммунистического кружка, главный редактор еженедельника «Синци пинлунь». Был членом провинциального собрания пров. Чжэцзян, т.е. земляк Чан Кайши. С 1924 г. – кандидат в члены ЦНК Гоминьдана. В 1925 г. примкнул к правым гоминьдановцам, выступавшим против сотрудничества с СССР и коммунистами. Убит в результате покушения. Примечательно, что в конце 1923 г. в аппарате НКНД Шэня считали вышедшим из КПК гоминьдановцем (ВКП(б), Коминтерн... Т. 1. С. 261), а член руководства КПК Цюй Цюбо видел в нем коммуниста, «организатора», хотя и «оторвавшегося от работы в партии» (там же. С. 346—348).
20. Ван Дэньюнь (1897—1977) занимался журналистикой, преподавал в университете в Шанхае, в 1925-1926 гг. работал в секретариате военной школы Вампу (Хуанпу), впоследствии занимал различные посты в военно-политическом аппарате и Гоминьдане. Краткую характеристику членов делегации сотрудником НКНД см.: ВКП(б), Коминтерн... Т. 1. Там же. С. 261.
21. «Военной делегацией» миссия именовалась и в ряде советских документов 1923 г. См., напр.: ВКП(б), Коминтерн...
22. *Галенович Ю.М.* Указ. соч. С. 65.
23. *Каргунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае. С. 22—27; ВКП (б), Коминтерн... Т. 1. С. 258, 281.
24. ВКП (б), Коминтерн... Т. 1. С. 260.
25. См.: Там же. С. 278—279.
26. Там же. С. 260.
27. Там же. С. 206.
28. Там же. С. 261.
29. См.: там же. С. 277—278.
30. Там же. С. 206.
31. Троцкий, убеждая делегацию в необходимости упора на организационную работу, прямо заявлял: «Подготовив политически широкие массы к освободительному движению, Гоминьдан

- сможет начать военные действия не из Монголии, как об этом указывается в представленном Реввоенсовету меморандуме, а на территории своей собственной страны». (ВКП(б), Коминтерн... Т. I. С. 306).
32. *Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши)*. Указ. соч. С. 37. На самом деле Троцкий говорил о том, что в случае прямого военного вмешательства со стороны России Сунь Ятсен будет восприниматься китайской общественностью как одна из иностранных марионеток. ВКП(б), Коминтерн... Т. I. С. 306.
 33. В хранищемся в фондах РГАСПИ перечне мероприятий, в которых участвовала делегация, указанное на эту встречу почему-то отсутствует. См.: Там же. С. 312—313.
 34. Цит. по: Хуанпу цзюньсяо шиляо. С. 12.
 35. Там же.
 36. Там же. С. 12—13.
 37. ВКП (б). Коминтерн... Т. I. С. 263.
 38. Там же. С. 264.
 39. Там же.
 40. Там же.
 41. Там же.
 42. Хуанпу цзюньсяо шиляо. С. 13. Датировки, представленные в хронике Мао Сычэна, по неясной причине не вполне совпадают с теми, что даны в итоговой докладной записке сопровождавшего делегацию переводчика отдела Дальнего Востока НКВД СССР М.И. Барановского от 5 декабря 1923 г. Там под «14. 15. 16. 17-го» сентября значится: «Знакомство с Красной Армией. Посещение 144 пехотного полка, военных учебных заведений и воздушного флота»; под 20—30 сентября – «пребывание в Петрограде и Кронштадте. Ознакомление с морским флотом и военными учебными заведениями». Из «военной программы» визита оставались еще упоминавшиеся вручение Чичерину, Троцкому и Склянскому проекта военных операций Гоминьдана 3 октября и повторное свидание со Склянским и Каменевым 11 ноября (согласно другой докладной записке того же Барановского – 12-го), когда делегации был вручен ответ Реввоенсовета на военный проект лидера Гоминьдана. См.: ВКП (б), Коминтерн... Т. I. С. 279, 312—313.
 43. Там же. С. 277—278.
 44. Там же. С. 278—279.
 45. Там же. С. 280.
 46. Там же. С. 281.
 47. Там же.
 48. Хотя впоследствии военную подготовку в России довелось проходить главным образом китайским коммунистам, там учились и посланцы Гоминьдана. В декабре 1925 г. Политсовет ЦИК Гоминьдана принял решение о том, что треть из ста студентов, отобранных для направления на учебу в Москву, должны составлять военные. Для военной школы Хуанпу, созданной с советской помощью и возглавленной Чан Кайши, была выделена квота в 15 чел., к ним добавлены 25 из других военных школ. Первая группа курсантов из 22 чел. была направлена 5 декабря, вторая – 17-го. С февраля 1926 г. группы молодежи из Гуанчжоу неоднократно направлялись решением Политсовета на учебу в Советский Союз. (*Wilbur C. Martin, How J. Lian-ying. Missionaries of Revolution: Soviet Advisors in Nationalist China, 1920—1927. Camb.; L.. 1989. P. 193.*). Подробно об условиях и характере обучения кадров КПК и Гоминьдана в России см.: *Спичак Д.А.* Китайский авангард Кремля. М., 2012. В СССР проходили обучение будущие гоминьдановские генерал-лейтенанты: Хэ Чжунхань, который, однако, занимался идеологической работой, Кан Цзэ – руководитель чанкайшистских разведывательно-диверсионных служб, Дэн Вэньи – политработник, политорганизатор, дипломат и партийный деятель, а также Янь Чун, который после 1927 г. в основном подвизался в качестве политика провинциального уровня. См.: *Ван Юнцзюнь*. Указ. соч. С. 88—86, 266—269, 589—592, 719—723. Нельзя не указать и сына Чан Кайши Цзян Цзинго – будущего лидера Гоминьдана, уже в 40-е годы холившего в генеральских чинах.
 49. ВКП (б), Коминтерн... Т. I. С. 282.
 50. Хотя именно эту задачу некоторые исследователи считают для Сунь Ятсена в то время основной. Так, Го Хэньюй полагает, что Чан Кайши «не выполнил главную задачу: согласовать с руководством российской компартии, как заручиться поддержкой и помощью России в осуществлении «северо-западного плана Сунь Ятсена»». Цит. по: *Карпунова А.И.* Политика Москвы в

- национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. – июль 1927 г.). М., 2000. С. 36.
51. ВКП (б), Коминтерн... Т. I. С. 306—308.
52. Там же. С. 308.
53. Цит. по: Там же. С. 298—300.
54. ВКП (б), Коминтерн... Т. I. С. 309.
55. Там же. С. 308—311.
56. См.: Хуанпу цзюньсяо шиляо. С. 13.
57. Цит. по: *Цзян Чжунчжэнь (Чан Кайши)*. Указ. соч. С. 235.
58. См.: ВКП (б), Коминтерн... Т. I. С. 346—347; *Цзян Чжунчжэнь (Чан Кайши)*. Указ. соч. С. 36.
59. Цит. по: *Цзян Чжунчжэнь (Чан Кайши)*. Указ. соч. С. 38.
60. Хуанпу цзюньсяо шиляо. С. 30—31; *Юрьев М.Ф.* Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968. С. 37.
61. ВКП (б), Коминтерн... Т. I. С. 346—348.
62. Там же. С. 339—341.
63. Хуанпу цзюньсяо шиляо. С. 23; *Ли Цзюэя*. Указ. соч. С. 123.
64. *Ли Цзюэя*. Указ. соч. С. 123—124.
65. См.: Там же. С. 127—128.
66. Там же. С. 128.
67. *Ли Цзюэя*. Указ. соч. С. 123; *Ван Гуанъюань*. Указ. соч. С. 175.
68. *Ли Цзюэя*. Указ. соч. С. 124; *Ли Ао, Ван Жунцзю*. *Цзян Цзешин пинчжуань* [Критическая биография Чан Кайши]. Т. 1. Синин, 1999. С. 91.
69. *Ли Цзюэя*. Указ. соч. С. 125.
70. Там же. С. 128.
71. Хуанпу цзюньсяо шиляо. С. 2.
72. Цит. по: Там же. С. 24.
73. *Wilbur C.M., How J. Lian-ying*. Op. cit. Doc. 4. P. 491—493.
74. Известное впоследствии название – Офицерская школа сухопутных войск Гоминьдана Китая (Чжунго Гоминьдан луцзюнь цзюньгуань сюэсяо) вошло в оборот с легкой руки Чан Кайши, который таким образом подчеркивал «партийный» статус возглавлявшегося им учебного заведения (*Ли Цзюэя*. Указ. соч. С. 126-127).
75. *Wilbur C.M., How J. Lian-ying*. Op. cit. P. 96. Современники и историки по-разному истолковывают этот шаг. Его причина усматривается как в персональных амбициях Чан Кайши, так и в истерике из-за нехватки денег на подготовительную работу, в опасении «ловушки» со стороны коммунистов или конфликта с генералами, в ссоре с командующим Гуандунской армией Сюй Чунчжи, в недовольстве высказываниями русского советника о революции и т.д. (Хуанпу цзюньсяо шиляо. С. 32, 61); *Вишнякова-Акимова В.В.* Два года в восставшем Китае, 1925—1927. 2-е изд. М., 1980. С. 132; *Черепанов А.И.* Записки военного советника в Китае. 2-е изд. М., 1976. С. 99; *Хэ Сяньшань*. Хуэйин Сунь Чжуншань юй Ляо Чжункай [Воспоминания о Сунь Ятсене и Ляо Чжункае]. Пекин, 1957. С. 17. О том, что демарш Чана был вызван нехваткой денег, см. также: *Ли Фэн*. Хуанпу цзюньсяо цзюэдаогуаньдэ цзюэцзянь цзи цзюэци жэньши фэньси [Организация учебных полков при школе Хуанпу и анализ положения с личным составом в начальный период] // *Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо: цзинянь Хуанпу цзюньсяо 80 чжюнянь: сюэшу луньвэньцзи*. Чанчунь, 2004. То, что Чан Кайши должен был стать заместителем Сунь Ятсена, отмечалось также в первом издании мемуаров А.И. Черепанова (*Черепанов А.И.* Записки... М., 1964. С. 85).
76. *Цзян Цзешин (Чан Кайши)*. Указ. соч. С. 40.
77. Хуанпу цзюньсяо шиляо. С. 28.
78. Диншэ гогун хэцэо шинцидэ Хуанпу цзюньсяо [Военная школа Хуанпу первого периода сотрудничества Гоминьдана и КПК]. Пекин, 1984. С. 27.
79. *Цзян Цзешин (Чан Кайши)*. Указ. соч. С. 41.
80. *Ван Юнцзюнь*. Указ. соч. С. 4.
81. Подробнее об этом см.: *Юркевич А.Г.* Строительство «партийной армии» Гоминьдана в 1920-е годы: взаимодействие доктрин и стратегий // *Китай: поиск гармонии: к 75-летию академика М.Л. Титаренко*. М., 2009.

Сун Цинлин в общественно-политической жизни Китая

© 2012

Н. Мамаева, И. Сотникова

Сун Цинлин (1893–1981) принадлежала к немногочисленной плеяде женщин-политиков Китая, находившихся постоянно в гуще событий, оказавших влияние на общественную и политическую жизнь страны. Будучи супругой и соратником первого президента Китайской Республики Сунь Ятсена, она сохраняла творческую активность в течение всей своей жизни, представляла левую ориентацию в Гоминьдане и была активным деятелем демократического движения. В КНР занимала высокие государственные должности, возглавляла Общество китайско-советской дружбы.

Ключевые слова: Сун Цинлин, национально-освободительное движение, единый фронт, агрессия Японии, демократическое движение, благотворительная деятельность.

В истории демократического движения Китая было немало выдающихся личностей, вносивших вклад в процесс движения Китая вперед, к созданию сильной единой независимой державы. Одной из них была Сун Цинлин, работавшая у Сунь Ятсена в качестве его секретаря и доверенного лица и ставшая его супругой в 1915 г. Обладая активной жизненной позицией, она была не только женой великого человека, но и его соратником. В значительной степени ее общественно-политические взгляды, особенно в период борьбы с северными милитаристами и развития национально-революционного движения 1920-х гг., формировались под влиянием Сунь Ятсена. Вместе с тем, уже с юности она отличалась независимым характером и способностью к собственному видению событий. Сам факт ее сближения с лидером Гоминьдана, по ряду аспектов демонстрировавший существенные отличия от политических пристрастий ее семьи, свидетельствовал о независимости ее суждений.

Волею обстоятельств она оказалась в центре политических событий своего времени, не утратив своего авторитета и интереса к политической и общественной жизни страны и после смерти своего супруга.

Сун Цинлин проявляла политическую активность с начала оживления политической жизни в Китае, играла, как показывают архивные документы, положительную роль в укреплении контактов между Сунь Ятсеном и его политическим советником М.М. Бородиным, поддерживала дружеские связи с его женой — представительницей Международного женского секретариата ИККИ (Исполнительный Комитет Коммунистического

Интернационала) Ф.С. Бородиной, вела переписку Сунь Ятсена с советскими представителями в Китае Л.М. Караханом и А.А. Иоффе.

Именно в период борьбы Кантонского правительства (затем — Национального правительства) с северными милитаристами формировались широкий политический кругозор, демократические убеждения, а также опыт организационной работы.

В ходе переписки с М.М. Бородиным, действуя, как правило, по поручению Сунь Ятсена, она, вместе с тем, давала собственную подробную интерпретацию событий, свидетельствующую о ее полной осведомленности и глубоком понимании китайских реалий¹. Обсуждались вопросы налаживания связей Сунь Ятсена с А.А. Иоффе (полпред РСФСР в Китае в течение августа 1922 — января 1923 гг.), по итогам которых 26 января 1923 г. было принято совместное Коммюнике Сунь Ятсена — Иоффе, ставшее переломным моментом в отношениях Гоминьдана и КПК, а также открывшее этап сближения Сунь Ятсена с СССР. Рассматривалась ситуация в Кантоне, связанная с мятежом кулеческой милиции (10–15 октября 1924 г.), недовольной курсом Гоминьдана на реорганизацию партии и государственности, вопросы политической стабильности на Юге, болезненная для Сунь Ятсена проблема заключения «Соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой» (подписано в Пекине 31 мая 1924 г.). В своей корреспонденции Сун Цинлин информировала М.М. Бородину об участии Сунь Ятсена в Северном походе против бэйянских милитаристов в союзе с военно-политическими группировками Чжан Цзюля и Лу Юнсяна (сентябрь 1924 г.). Ее оценки событий отражали китайские реалии и были необходимой информацией, с использованием которой Москва и Коминтерн формировали свои знания о Китае того времени, строили свои отношения с Китайской Республикой.

В 1924 г. Сун Цинлин принимала участие в работе I съезда Гоминьдана. По своей политической позиции Сун Цинлин и Сунь Ятсен были единомышленниками, и после кончины своего мужа она продолжала заниматься партийной работой. В 1926 г. на II съезде Гоминьдана была избрана членом ЦИК партии (переизбиралась на III—IV съездах Гоминьдана, на V съезде была избрана кандидатом в члены ЦИК Гоминьдана). В партийно-политической работе действовала в основном в соответствии с официальной программой Гоминьдана, направленной на объединение страны и восстановление ее суверенитета. В этой связи в 1920-е гг. на передний план выходила подготовка и проведение НРА Северного похода против бэйянских милитаристов, контролировавших Пекинское правительство. В 1927 г. она вошла в состав Уханьского правительства. Именно в период национальной революции 1920-х гг., завершившейся победой Гоминьдана, действовавшего в сотрудничестве с китайскими коммунистами, сложилась убежденность Сун Цинлин в целесообразности создания «единого фронта» различных социальных слоев и политических партий, Гоминьдана и КПК как необходимой предпосылки возрождения и усиления Китая. Находясь вместе с Сунь Ятсеном у истоков сотрудничества Гоминьдана и КПК и ориентации Гоминьдана на СССР в борьбе с милитаристскими режимами, она и в дальнейшем придавала большое значение связям Гоминьдана с коммунистами и с представителями Советского государства для проведения Гоминьданом политики усиления Китая. Не будучи коммунисткой (вступила в Компартию 15 мая 1981 г.), Сун Цинлин не идеализировала и Гоминьдан, который уже во второй половине 1920-х гг. демонстрировал рост тенденции милитаризации партии и управления, проявлял элементы недооценки массового движения и жестокость к коммунистам. Она выступила с осуждением переворота Чан Кайши 12 апреля 1927 г., завершившего, по сути, «первое сотрудничество» Гоминьдана и КПК.

После трагической развязки «единого фронта» Гоминьдана с коммунистами она выехала из страны. Кроме СССР, в 1927–1931 гг. Сун Цинлин посетила ряд стран Западной Европы и США. В эти годы усилилось ее внимание к демократическим институтам власти и общества, активизировалось ее участие в работе общественных национальных

и международных организаций. В 1927 г. и в 1929 г. (наряду с Роменом Ролланом, Максимумом Горьким и Анри Барбюсом) она являлась почетным председателем Антинимпериалистической лиги.

Вторжение Японии в Китай в 1931 г. коренным образом повлияло на формирование основных направлений ее общественно-политической работы. В гоминьдановский период истории Китайской Республики, завершившийся победой демократических сил в 1949 г., ее деятельность характеризовалась самостоятельностью, при этом она стремилась следовать заветам своего великого супруга. Будучи человеком творческим, она интерпретировала политическую программу Сунь Ятсена, примеряя ее к новым историческим реалиям, трезво оценивая достижения и негативы гоминьдановской власти. Разобраться в сложной внутривнутриполитической ситуации нанкинского периода, характеризовавшегося как разногласиями правительственного центра с военными группировками, примыкавшими к Гоминьдану, так и острой фракционной борьбой в Гоминьдане и противостоянием Гоминьдана с КПК, было нелегко. Однако знание китайской истории и политический опыт периода национальной революции 1920-х гг. помогли Сун определить приоритеты и наметить ориентиры своей деятельности. Она была одной из немногих политических деятелей, выступавших в начале 1930-х гг. против политики Чан Кайши на подавление антияпонского общественного движения. Уже в эти годы вполне определилось стремление Сун Цинлин к давлению на правительство в направлении организации отпора экспансионистской политике Японии. 19 февраля 1932 г. Сун Цинлин обратилась в секретариат Антинимпериалистической лиги с призывом к введению международных акций в связи с вооруженным нападением Японии на Шанхай².

Демократическая направленность политики Сун Цинлин проявлялась в различных направлениях и сферах. В конце 1932 г. Сун Цинлин организовала в Шанхае Китайскую лигу защиты прав человека. В нее вошли прогрессивные юристы, писатели, преподаватели школ и вузов, художники. Гоминьдановская охранка создавала невыносимые условия для деятельности членов лиги, и они вскоре были вынуждены свернуть работу.

Не вдаваясь в подробности, отметим, что не случайно именно Сун Цинлин как авторитетный общественный и политический деятель получила приглашение от руководителей 19-й армии, готовивших в 1933 г. переворот против Чан Кайши, возглавить правительство в Фуцзяни (оно было ею отклонено). Уже в начале 1930-х гг. имя вдовы Сунь Ятсена было достаточно известно по ее выступлениям против отдельных направлений политики Чан Кайши, Гоминьдана и попыткам организовать новое широкое демократическое движение³.

Между тем, развитие массового патриотического движения в Китае, тесно связанное с именем Сун Цинлин, становилось важнейшим фактором изменения внутренней атмосферы в Китае, формировало конкретное содержание идеи национального спасения. В ходе антияпонского патриотического движения «9 декабря 1935 г.» в Китае стали создаваться патриотические Ассоциации спасения Родины, ставившие конкретные задачи организации движения сопротивления японской агрессии. Сун Цинлин, Шэнь Цзюньжу, Хэ Сянин, Цзоу Таофэн и другие деятели вошли в руководящий состав Всекитайской ассоциации национального спасения, которая была создана на съезде 72-х представителей от 58-ми Ассоциаций национального спасения различных провинций Китая. Съезд проходил в Шанхае 31 мая — 1 июня 1936 г. Он продемонстрировал переход «от слов к делу», принял программу и устав Ассоциации и обратился с воззванием к народу. Были выдвинуты требования о немедленном прекращении гражданской войны, об освобождении политических заключенных и начале переговорного процесса делегатов различных партий и организаций по выработке программы «единого антияпонского фронта» и создании объединенной антияпонской политической власти⁴.

Арест гоминьдановской полицией 23 ноября 1936 г. семи лидеров Всекитайской ассоциации национального спасения — видных демократических деятелей, ученых, пе-

дагогов, юристов и предпринимателей — Шэнь Цзюньжу, Ли Гунпу, Цзоу Таофэня, Ши Ляна, Чжан Найци, Ван Цзаоши и Ша Цяньли по обвинению в связях с коммунистами и подстрекательстве к антияпонским инцидентам вызвал новый подъем антияпонских и антиправительственных выступлений. Сун Цинлин и Фэн Юйсян выступили с требованием о немедленном освобождении арестованных. 109 профессоров учебных заведений направили коллективный протест правительству. В Бэйпине 12 декабря 1936 г. состоялась 10-тысячная демонстрация студентов, предпринимателей, интеллигенции, требовавших наряду с освобождением арестованных немедленного прекращения гражданской войны Гоминьдана с коммунистами и объявления войны Японии.

Усилия Сун Цинлин в защиту антияпонского массового движения не ослабевали в течение всего периода гоминьдановского правления. Широкий резонанс в Китае и за рубежом имела организованная вдовой Сунь Ятсена кампания освобождения из заключения лидеров Ассоциации национального спасения, имевшая место в 1937 г.⁵

Еще до инцидента у моста Марко Поло, 27 февраля 1937 г. в еженедельнике «China Weekly Review» появилась статья Сун Цинлин «Голос из Китая». По сути, она отражала видение прогрессивной интеллигенции и демократически ориентированных политиков Китая сложившейся к тому времени внутривластной ситуации и предлагала политическую линию на выход из кризиса. Это не была программа какой-либо партии. Статья Сун Цинлин воспринималась как манифест патриотической общественности, свидетельствующий о мощном росте национального самосознания. Публикация, безусловно, оказала влияние на формирование ориентации и стратегии ведущих политических партий и общественных организаций в новых условиях начавшейся японо-китайской войны. Лейтмотив заявления Сун Цинлин — необходимость национального сплочения перед лицом японской агрессии. Хотя вдова Сунь Ятсена и заявила о том, что она не предлагает ничего нового по сравнению с уже написанным ее супругом, анализ заявления свидетельствует о развитии ряда положений политической теории и практики Сунь Ятсена.

Акцентируя задачи промышленного плана Сунь Ятсена, социальные аспекты его учения и, прежде всего, идею демократизации политической системы, Сун Цинлин предложила комплексную программу выхода из кризисной ситуации. Главным из учения Сунь Ятсена применительно к текущему периоду она считала предоставление свободы массовому движению, поощрение инициативы и энтузиазма в деле реконструкции и развития. Она призывала к завершению этапа политической опеки и переходу к периоду конституционного правления. Развивая идеи Сунь Ятсена, убеждала в необходимости создания демократической избирательной системы, отмены цензуры, предоставления населению свободы слова, собраний, организаций, освобождения политзаключенных и создания демократического правительства.

Свою убежденность в том, что «спасение страны немыслимо без окончания гражданской войны», Сун Цинлин вновь и вновь представляла в разных ракурсах. Ее рассуждения о необходимости немедленной переориентации правящей верхушки во внутренней и внешней политике звучали весьма убедительно и понятно для каждого гражданина. «Можем ли мы вступить в войну со сломанной одной рукой? — вопрошала Сун Цинлин. И давала такой ответ: «Мы имеем десятилетний опыт гражданской войны, в течение которой силы нации отвлекались на внутренние раздоры, а земля тем самым опустошалась японцами, отхватывавшими один за другим куски нашей территории»⁶.

Отдавая дань уважения ценностям западной культуры, Сун Цинлин (родилась в Шанхае, в богатой семье; в 1913 г. закончила факультет литературы Уэслианского (протестантского) женского колледжа (штат Джорджия, США) рекомендовала Гоминьдану сближаться с китайскими коммунистами во имя национального спасения, сотрудничать с США, СССР, Англией, Францией, то есть со всеми странами, «которые обращаются с нами как с равными»⁷.

В своей партийно-политической деятельности она тяготела к группе «левых» гоминьдановцев, что нашло яркое выражение в ее взглядах на японскую агрессию и в деятельности за создание «единого национального антияпонского фронта», где она выступала совместно с такими политическими деятелями, как Фэн Юйсян, председатель Контрольного юаня Юй Южэнь, председатель Экзаменационного юаня Дай Цзитао, видный либерал Ху Ши и др. В условиях фракционной борьбы в Гоминьдане позиция Сун Цинлин по этим вопросам имела немаловажное значение.

На 3-м пленуме ЦИК Гоминьдана 5-го созыва (15–25 февраля 1937 г.) вместе с Фэн Юйсяном, Сунь Фо и Хэ Сяннин Сун Цинлин предложила восстановить в программе партии «три политические установки» Сунь Ятсена. После ожесточенных дебатов со сторонниками Ван Цзинвэя, предложившими резолюцию о «подавлении коммунистов», которая и была принята пленумом, влияние сторонников демократического развития страны все же усилилось.

Во имя достижения национального единства перед лицом японской агрессии Сун Цинлин действовала в двух основных направлениях: участвовала в организации общественных патриотических организаций и предпринимала усилия по формированию «единого фронта» Гоминьдана и КПК, взаимодействуя по этому вопросу с Чжоу Эньлаем, главным переговорщиком с Гоминьданом со стороны Компартии Китая. Многие важные события, связанные с взаимодействием Гоминьдана и КПК, происходили с участием Сун Цинлин. Так, подготовленная коммунистами «Декларация ЦК КПК об установлении сотрудничества между Гоминьданом и КПК» от 15 июля 1937 г. была предварительно показана Сун Цинлин Чжоу Эньлаем, который навестил ее в Шанхае. Декларация получила полное одобрение вдовы Сунь Ятсена.

Официальная публикация 22 сентября 1937 г. Чан Кайши «Декларации ЦК КПК об установлении сотрудничества между Гоминьданом и КПК» от 15 июля 1937 г. и заявление Чан Кайши об установлении сотрудничества двух партий от 23 сентября стали отправными моментами в создании «единого национального антияпонского фронта» на основе сотрудничества Гоминьдана и КПК.

Давление общественности на гоминьдановское правительство росло параллельно с увеличением угрозы для Китая со стороны Японии. Не следует недооценивать организаторских усилий Сун Цинлин и среди деятелей литературы, искусства, науки. Сун Цинлин наряду с Цай Юаньпэем, Юй Южэнем и Чжоу Эньлаем была избрана в марте 1938 г. членом почетного президиума Ассоциации деятелей культуры, которая своей деятельностью пробуждала сознание масс, повышала их культурный уровень, вносила свой вклад в разоблачение капитулянтских замыслов реакции.

Консолидация демократических сил играла немаловажную роль в предотвращении и минимизации конфликтов между Гоминьданом и КПК, которые вновь возобновились уже с 1939 г. Признание в обществе получила деятельность Демократической лиги Китая, созданной в Чунцине 19 марта 1941 г. и являвшейся преемницей Общества сторонников совместного строительства государства, основанного еще в ноябре 1939 г. по инициативе Южного бюро ЦК КПК. Кроме КПК и Гоминьдана, в нее вошел целый ряд мелких политических партий и организаций. В развитии движения сопротивления и давления на правительство в направлении предотвращения капитулянтских настроений в правящих кругах большое значение имели совместные действия Чжоу Эньлая и Сун Цинлин. Особое место принадлежало их взаимным контактам по прекращению периодически вспыхивавших военных действий между правительственными войсками и подконтрольными КПК армейскими подразделениями и партизанскими отрядами⁸.

По мере продолжения японо-китайской войны, несмотря на стремление Чан Кайши и поддерживавших его политиков к осуществлению программы реконструкции и строительства, усиливались экономические трудности, с одной стороны, и росло недоверие между Гоминьданом и Компартией Китая, с другой. В области управления наблюда-

лись рост диктаторских амбиций Чан Кайши и усиление противодействия правящего класса введению демократических преобразований. Рост злоупотреблений и коррупции вызывал недовольство в обществе, в партийных кругах, в дипломатическом корпусе, аккредитованном в Китае. На «неумелое руководство Гоминьдана» в связи с констатацией факта дороговизны товаров ссылалась Сун Цинлин в беседе с послом СССР в КР А.С. Панюшкиным (май 1942 г.). В этой же беседе ей принадлежала фраза «Коммунисты не допустили бы всего этого, если бы они управляли страной»⁹. Анализируя вопрос о возможности развязывания Гоминьданом новой гражданской войны, она призвала учитывать отрицательную реакцию на углубление межпартийных разногласий США и Великобритании, с точкой зрения которых Чан Кайши не может не считаться¹⁰. Вместе с тем, реально оценивая внутривнутриполитическую ситуацию в Китае, Сун Цинлин не питала иллюзий относительно возможности кардинального разрешения противоречий между партиями на пути развития демократии и создания коалиционного правительства, создание которого, как и многие гоминьдановцы, коммунисты, а также зарубежные дипломаты, считала наиболее продуктивной идеей, имеющей перспективы¹¹. Как отмечала Сун Цинлин в беседе с первым секретарем посольства СССР в Китайской Республике Н.Т. Федоренко (21 июля 1945 г.), «при любых обстоятельствах Чан Кайши не решится отказаться от однопартийной диктатуры Гоминьдана»¹².

Советская сторона выражала большой интерес к мнению Сун Цинлин по вопросам внутренней и внешней политики Китайской Республики, обсуждала проблемы подготовки и заключения Договора о дружбе и союзе между Советским Союзом и Китайской Республикой (август 1945 г.), который, по словам Сун Цинлин, левое крыло Гоминьдана встретило с большим воодушевлением¹³.

Когда после октябрьского совещания между партиями 1945 г. и заседания Политической консультативной конференции 1946 г. появились некоторые надежды на совместные действия в направлении создания единых государственных органов, имя мадам Сунь Ятсен, наряду с другими заслуженными ветеранами Гоминьдана, обсуждалось в плане возможного ее включения в Государственный Совет¹⁴.

В силу различных обстоятельств надеждам демократических сил на создание коалиционного правительства, возможно, изменившего бы ход китайской истории, не суждено было сбыться. 22 июля 1946 г. в китайской печати было опубликовано заявление вдовы Сунь Ятсена с разоблачением происков Гоминьдана на срыв договоренностей с КПК. Она вновь призвала общественность и власти к созданию коалиционного правительства¹⁵.

Благотворительная деятельность Сун Цинлин неотделима от ее политической работы. Активно работая в Лиге защиты Китая, созданной после начала японо-китайской войны, вдова Сунь Ятсена много сделала для привлечения внимания мировой общественности к китайскому театру военных действий, организовывала получение извне, преимущественно со стороны зарубежных китайцев, помощи сражавшемуся Китаю, особенно медикаментами для больниц. Обладая несколькими военными госпиталями, Лига защиты Китая оказывала помощь 8-й и 4-й армиям, находившимся под контролем КПК¹⁶.

После окончания антияпонской войны Лига защиты Китая была реорганизована в Фонд благосостояния Китая с центром в Чунцине, затем — в Шанхае. Усилия Сун Цинлин, возглавившей этот Фонд, были направлены на улучшение благосостояния населения и восстановление народного хозяйства, оказание помощи женщинам и детям и, прежде всего, оказание помощи освобожденным армией КПК районам страны¹⁷.

Подчеркнем, что Сун Цинлин, будучи членом Гоминьдана и занимая высокие должности в партийном и государственном руководстве Китайской Республики, весьма критически относилась к ряду направлений политики Гоминьдана. Центр тяжести ее усилий приходился на пропаганду демократических ценностей, создание атмосферы национального единства для борьбы с агрессором. По мере понимания того факта, что ру-

ководство Гоминьдана все дальше отходило от первоначальных замыслов демократизации режима, и на фоне довольно успешного развития отдельных демократических институтов в антияпонских базах и освобожденных районах, управлявшихся Компартией Китая, она все более приближалась к коммунистам. Определенную роль в эволюции взглядов Сун Цинлинь сыграл Чжоу Эньлай, поддерживавший контакты с Демократической лигой и с левым крылом Гоминьдана.

На заключительном этапе послевоенной гражданской войны между Гоминьданом и КПК левые гоминьдановские деятели заявили 1 января 1948 г. в Гонконге об образовании «Революционного комитета Гоминьдана». Его почетным председателем была избрана Сун Цинлинь. По приглашению ЦК КПК 28 августа 1949 г. Сун Цинлинь прибыла из Шанхая в Бэйпин, чтобы 30 сентября 1949 г. принять участие в работе многопартийного коалиционного правительства, председателем которого стал Мао Цзэдун, а его главными заместителями — Лю Шаоци, Чжу Дэ и Сун Цинлинь.

Сближение КПК с демократическими силами Китайской Республики на заключительном этапе гражданской войны принесло закономерный результат. Созыв с 21 по 30 сентября 1949 г. в Бэйпине первой сессии Народного политического консультативного совета (конференции) продемонстрировал единство демократических сил, добровольно признавших руководящее положение и заслуги коммунистов в борьбе за Новый Китай. Значительное место в организации патриотических и демократических движений и организаций по праву принадлежало вдове Сунь Ятсена, активно контактировавшей с одним из главных проводников политики единого демократического фронта, видным деятелем КПК — Чжоу Эньлаем.

Особое место в мировоззрении и политической практике Сун Цинлинь занимал Советский Союз. И если к признанию КПК она пришла не сразу, то значение Советского Союза в мировой политике оценивала адекватно уже в 1920-е гг., считала укрепление связей Китайской Республики с СССР необходимым фактором успешного развития страны, стремилась оказывать влияние на Национальное правительство в направлении урегулирования взаимоотношений КР с СССР в периоды кризисных ситуаций.

Накануне образования КНР она активно участвовала в подготовке создания Общества китайско-советской дружбы (возглавила его в 1954 г.), являясь председателем Подготовительного комитета по созданию Общества. Выступая 5 ноября 1949 г. на учредительном собрании Всекитайского общества китайско-российской дружбы, она коротко и четко определила заслуги СССР в образовании Китайской Народной Республики. Будучи очевидцем исторических событий Китая XX в., поддерживая постоянную связь с представителями СССР в Китае в течение всего периода Китайской Республики, она сформулировала основные направления взаимодействия китайского и советского народов и представила его результаты. Как говорила Сун Цинлинь, «Советский Союз был первой страной, аннулировавшей все неравноправные договоры с Китаем, оказал помощь Китаю в период великой революции 1924–27 гг.» И далее: «Мы вспоминаем, как помог нам Советский Союз при отражении японской агрессии, особенно когда послал войска в Маньчжурию в 1945 году...»¹⁸. Сун Цинлинь принадлежат слова: «На протяжении последних 30 лет нашей упорной борьбы против врагов внутри страны и за границей Советский Союз был нашим единственным последовательным и лояльным другом, сейчас этот самый надежный друг китайского народа первым признал наше новое Центральное народное правительство»¹⁹.

1 октября 1949 г. в Пекине во время провозглашения Китайской Народной Республики она находилась рядом с Мао Цзэдуном среди членов правительства. Состав правительства КНР обсуждался еще в начале 1949 г., 6 февраля, на встрече А.И. Микояна с руководителями Китайской компартии, где Мао Цзэдун предложил кандидатуру Сун Цинлинь на пост Председателя президиума правительства. «Она, — сказал Мао Цзэдун, —...пользуется в народе огромным авторитетом»²⁰. Против кандидатуры Сун Цин-

лин высказались принимавшие участие в беседе Жэнь Биши и Чжоу Эньлай, считавшие, что если Мао Цзэдун не займет пост председателя президиума, это будет непонятно для народа. Чжоу Эньлай заметил, что «хотя она близка к коммунистам и никогда не разглашала попадавшие к ней от них секретные данные, в частности то, что в свое время она передала КПК деньги от Коминтерна», за ней «установлен строгий надзор и есть опасения, что гоминьдановцы ее увезут силой»²¹.

Опасения Чжоу Эньлая были не беспочвенны. Переход Сун Цинлин на сторону коммунистов китайские националисты расценили как «дезертирство». 1 октября 1949 г. в Кантоне госпожа Сунь Ятсен была исключена из списка советников Национального правительства Китая, а 8 октября был издан приказ Исполнительного Юаня о ее аресте. Кроме того, Сун Цинлин порвала со своей семьей, отказавшись выехать с родственниками на Тайвань и в США.

Этот выбор, так круто изменивший судьбу, был для Сун Цинлин вполне логичным, вытекавшим из ее убежденности в демократическом будущем Китая и всего предшествовавшего сотрудничеству с коммунистами, политика которых в годы антияпонской войны и послевоенного времени была ей близка и понятна. Бегство из Китая, вероятно, казалось ей предательством. Сун Цинлин твердо решила посвятить себя строительству нового, коммунистического, Китая.

Наиболее активный период ее государственной и общественно-политической деятельности в новом Китае пришелся на 1949–1966 гг., когда Сун Цинлин работала в высших государственных органах. Как заместитель председателя КНР, а с 1954 г. как заместитель председателя ПК ВСНП и заместитель председателя ВК НПКСК. Сун Цинлин много выступала и публиковалась в печати. В 1951 г. по совету Чжоу Эньлая она основала ежемесячный журнал для иностранной аудитории «Китай на стройке» (впоследствии «Китай сегодня») и пригласила работать в журнал Израэля Эпштейна, ставшего впоследствии редактором журнала. Часто она сама выступала на страницах этого журнала. Отношение к ней со стороны партийного руководства было осторожным. Об этом можно судить по замечанию Чжоу Эньлая в сентябре 1952 г. в беседе с И. Сталиным, когда Чжоу Эньлай дал ей такую характеристику: «...она ведет работу... постепенно от буржуазной идеологии переходит к /нашему/ лагерю, хорошо выступает со статьями на основе нашей идеологии»²².

Сун Цинлин, находясь в высшем руководстве страны, живо откликалась на все значимые события современной действительности. Высоко оценивая и приветствуя принятие Конституции КНР, Сун Цинлин основывалась на словах из речи председателя Мао 1940 г. «За новодемократическое конституционное правление» о том, что Китаю не хватает многого, но в первую очередь ему не хватает Конституции²³. По ее мнению, Конституция являлась важнейшим документом, отразившим перемены, произошедшие в стране за 5 лет, свидетельствующим об успехах КНР в восстановлении экономики и начале индустриализации страны. Приводимые ею факты о росте экономики и в области культуры и образования полагались впечатляющими.

На протяжении полутора десятилетий Сун Цинлин, не будучи коммунистом, разъясняла и защищала политику и идеологию партии. Во время развернутого в стране компартией «движения за упорядочение стиля» она осуждала тех, кто использовал эту идеологическую кампанию для нападков на КПК. Ссылаясь на слова Мао Цзэдуна о необходимости сплочения всех демократических сил на базе «длительного сосуществования и взаимного контроля»²⁴, Сун Цинлин признавала «движение за упорядочение стиля» «здоровым явлением политической жизни», свидетельствующим о «глубокой вере компартии в свои силы и свою базу в массах». Смысл его она видела «в привлечении некоммунистов к участию в улучшении работы партии, в предоставлении возможности каждому высказывать свои замечания для дальнейшего укрепления компартии»²⁵.

Наблюдая, как правые элементы предприняли наступление на основные концепции строительства социализма, на руководство КПК, Сун Цинлин в статье «Блестящие перспективы Китая» от 1 октября 1957 г. утверждала, что перспективы Китая блестящи, поскольку КПК — смелая, не боящаяся критики партия, которая проводит двусторонний процесс воспитания — «черпает у масс и несет в массы»²⁶.

Сун Цинлин, как и многие руководители КПК, была «заражена» всеобщим энтузиазмом в годы «большого скачка». После посещения 18 октября 1958 г. государственной текстильной фабрики № 17 в Шанхае и народной коммуны «1 июля» в пригороде Шанхая она восхищалась небывалым революционным подъемом и коммунистическим отношением к труду. Сун Цинлин ставила в пример директора и секретаря фабкома партии, переселившихся вместе с рабочими на территорию текстильной фабрики, а также молодежный батальон «Спутник» коммуны «1 июля», который увеличил добычу хлопка вдвое за счет круглосуточной работы²⁷. Сун Цинлин полагала, что правильное руководство компартии и Мао Цзэдуна, энтузиазм масс и самоотверженный, без принуждения и без вознаграждения, труд приведут к крутому подъему в экономике страны. Считая появление «больших скачков» в стране исторической неизбежностью и оценивая перспективы 1960 г., Сун Цинлин пришла к выводу, что развитие идеологической, технической и культурной революции в Китае при правильном руководстве Мао Цзэдуна даст «большой, лучший и всесторонний скачок»²⁸. Произведения Мао Цзэдуна «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа» и «О коалиционном правительстве» послужили основой для ее оценки 16 лет строительства нового Китая²⁹.

В те годы Сун Цинлин не раз представляла китайское правительство на международной арене, где вела нелегкую работу против агрессивных войн, за мир, за счастье человечества, снискав этим всеобщее уважение. 23 ноября 1950 г. на 2-ом Всемирном конгрессе сторонников мира в Варшаве она была избрана членом Бюро Всемирного Совета Мира и председателем Всекитайского комитета защиты мира. В 1951 г. Сун Цинлин была удостоена Международной Сталинской премии мира «За укрепление мира между народами». В заявлении по этому поводу она сказала: «Мира — вот чего больше всего хотят все народы, а имя Сталина лучшим образом олицетворяет мир»³⁰. Принятые в Пекине 18 сентября 1951 г. деньги Международной премии Сун Цинлин перевела Китайской ассоциации социального обеспечения, в больницы и в недавно основанную Ассоциацию здоровья матери и ребенка.

В течение 1952 г. Сун Цинлин участвовала в работе нескольких международных форумов: в Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира в Берлине, в заседании Бюро Всемирного Совета Мира и общественных деятелей отдельных стран в Праге. Она стала инициатором и одним из организаторов созыва в 1952 г. Конгресса сторонников мира стран Азии и Тихого океана. В обстановке нескольких текущих войн, ремилитаризации Японии и агрессивной политики США на Дальнем Востоке рефреном выступлений Сун Цинлин стало утверждение о том, что «народы могут и должны спасти мир». На Конгрессе она была избрана председателем Азиатско-Тихоокеанского комитета по связям для укрепления мира в регионе. В декабре 1952 г. Сун Цинлин представляла Китай на Всемирном конгрессе народов в защиту мира в Вене. В приветствии Конгрессу от имени китайского народа и от Конгресса стран Азии и Тихого океана Сун Цинлин призвала сторонников мира предпринять совместные усилия для решения важнейших задач: прекращения войн в Корее, Вьетнаме, Малайе и всех военных приготовлений, сокращения вооружений, заключения пакта мира между великими державами, запрещения ядерного, химического и бактериологического и другого оружия массового уничтожения³¹. Ее предложения были одобрены участниками форума.

Другим значимым аспектом ее внешнеполитической деятельности в 1950-е гг. стали успешные визиты в СССР, Индию, Шри Ланку, Бирму, Пакистан и Индонезию. Встречи Сун Цинлин с главами этих государств послужили налаживанию дружествен-

ных отношений между КНР и ее соседями по региону. Особого внимания заслуживает отношение Сун Цинлин к Советскому Союзу.

Давние связи Сун Цинлин с Москвой руководство страны использовало для дальнейшего укрепления китайско-советских отношений. Претворяя в жизнь один из заветов Сунь Ятсена о дружбе с Советской Россией и указания Мао Цзэдуна о необходимости сотрудничества с Советским Союзом и странами народной демократии, Сун Цинлин вместе с Лю Шаоци, Чжоу Энляем, Го Можо и другими 690 лицами, представляющими различные демократические партии, группы и народные организации Китая, выступила с инициативой создания всекитайского Общества китайско-советской дружбы. На митинге 17 июля 1949 г., посвященном созданию подготовительного комитета по организации Общества, Сун Цинлин была избрана председателем подготовительного комитета³², а 5 октября 1949 г. на учредительном собрании Общества китайско-советской дружбы — заместителем председателя Исполкома. В 1955 г. Сун Цинлин стала председателем ОКСД. Основной задачей Общества стало «установление и укрепление культурных, экономических и других связей между Китаем и Советским Союзом», что явилось естественным продолжением деятельности Сун Цинлин, начавшейся еще в 1920-е гг., и немаловажным фактором в укреплении китайско-советских отношений.

Сун Цинлин неоднократно бывала в СССР. 13 января 1953 г. ее принял И.В. Сталин. Вероятно, между ними установились добрые отношения. В архивах сохранились поздравительные телеграммы, которыми Сун Цинлин обменивалась с руководителем Советского Союза. 5 марта 1953 г. в день смерти Сталина пришла ее запоздавшая телеграмма со словами: «...услышав печальную весть о Вашей болезни, я с чувством глубокого беспокойства выражаю Вам свое сочувствие...». На следующий день, когда стало известно о смерти Сталина, Сун Цинлин посетила генконсульство СССР в Шанхае и принесла свои соболезнования. 8 марта 1953 г. газета «Жэньминь жибао» опубликовала ее статью памяти Сталина³³ со словами: «мы потеряли вождя... защитника мира». В следующий раз она побывала в Москве в составе китайской делегации, когда Мао Цзэдун получил от Н.С. Хрущева приглашение прибыть на празднование 40-й годовщины Октябрьской революции и на Совещание представителей коммунистических и рабочих партий в Москве.

На протяжении многих лет Сун Цинлин оставалась другом советского народа. Ее статьи и выступления, касающиеся китайско-советских отношений, неизменно подчеркивали дружбу и братскую помощь Советского Союза в самые трудные для Китая годы, начиная с периодов революции 1924–1927 гг. и отражения японской агрессии в 1937–1945 гг., до широкомасштабной поддержки строительства нового Китая. «Без советской поддержки, — писала она, — борьба китайского народа была бы еще продолжительнее и еще более тяжелой... Дружба между СССР и Китаем вечна и нерушима». Сун Цинлин неоднократно подчеркивала, что укрепление международного положения КНР стало возможным благодаря «постоянному стремлению Советского Союза привести международные отношения в соответствие с реальными фактами». Это означало, что Китай должен занять свое законное место на международной арене. В качестве примера Сун Цинлин приводила заявление Советского Союза в ООН о том, что «без Китая не может быть решен ни один вопрос, касающийся Дальнего Востока»³⁴. Высоко оценивала она щедрую советскую помощь в виде льготных кредитов, предоставленных КНР, братский дух и новый тип международных, торгово-экономических и культурных отношений двух стран³⁵.

До 1960 г. Сун Цинлин не пропускала ни одного знаменательного события в жизни СССР, публикуя статьи по поводу годовщин Октября, подписания Договора 1950 г. о дружбе между КНР и СССР, создания Общества китайско-советской дружбы. С началом ухудшения китайско-советских отношений она продолжала поздравлять советский народ со всеми крупными событиями, в том числе в связи с полетом в космос Ю.А. Гагарина, с запуском космических кораблей «Восток-5» и «Восток-6». Последней теле-

граммой стало поздравление Сун Цинлин как председателя Исполкома Общества китайско-советской дружбы с праздником международной солидарности трудящихся 1 мая 1966 г., направленное Председателю президиума ССОД Н. Поповой и А.А. Андресву, где по-прежнему говорилось о нерушимости дружбы народов. Одно из последних ее публичных упоминаний о Советском Союзе прозвучало в выступлении на мероприятиях по случаю 100-летия Сунь Ятсена 8 декабря 1966 г., когда Сун Цинлин иногда прямо, иногда иносказательно показала влияние Ленина, политики СССР на формирование взглядов Сунь Ятсена, важность его борьбы за дружбу с СССР для Китая. С другой стороны, не было в ее речи и отрицания звучавших в то время повсеместно антисоветских положений.

Как женщина-политик Сун Цинлин традиционно много занималась одной из важнейших задач женского движения того времени — фактической реализацией прав женщин в законодательном порядке, их участия в общеполитической борьбе. В выступлении на 30-м заседании Центрального народного правительственного совета во время обсуждения и принятия проекта Конституции КНР Сун Цинлин особо отметила, что в проекте Конституции специально определено, что «женщины во всем пользуются одинаковыми правами с мужчинами»³⁶. Женщины Китая принимали деятельное участие в экономическом и культурном строительстве и в общественной жизни страны. Вместе с тем, ширился круг общесоциальных, национальных и международных проблем, входящих в сферу интересов участниц женского движения того времени. Сун Цинлин поднимала женщин на борьбу за предотвращение мировой термоядерной войны, против гонки вооружений, против расизма и нищеты, за поддержку национально-освободительного движения. В декабре 1949 г. Сун Цинлин участвовала в Конференции представителей женщин Азии. В ее докладе, звучал призыв к женщинам Азии равняться на КНР, бороться за равноправие и национальное освобождение. В 1949, 1953, 1957 гг. Сун Цинлин неизменно избиралась почетным председателем Всекитайской демократической федерации женщин (в настоящее время Федерация китайских женщин). В 1950 г. на заседании Китайского фонда общественного благосостояния, преобразованного из Лиги защиты Китая, она была избрана председателем Исполнительного комитета. После 1950 г. Китайский фонд общественного благосостояния находился в Шанхае, его работа и бюджет стали подчиняться государству. В число функций была включена забота о здоровье женщин и детей, охрана материнства и защита подрастающего поколения. Общество выпускало детский журнал «Эртун шидай» (Детские годы), с 1950 г. вышло 389 номеров. Журнал помогал детям в учебе. Сун Цинлин часто писала статьи для детей в этот журнал.

Вопросы женского движения и помощь детям были для Сун Цинлин неразрывно связаны. Статьи, опубликованные в китайской и зарубежной печати, свидетельствуют о том, что она придавала этим вопросам чрезвычайно важное значение. Она считала, что прогресс человечества невозможен без успешной защиты мира и прав женщин и детей. Для освобождения женщин от закабаления в семье, считала она, необходимо создать инфраструктуру сферы обслуживания: детские сады и ясли, прачечные и т.п.³⁷ Не имея своих детей, Сун Цинлин как заботливая мать прикладывала усилия для создания благоприятных условий для воспитания и обучения детей. 26 ноября 1951 г. Сун Цинлин была избрана председателем созданного Всекитайского народного комитета защиты детей, а 6 декабря 1951 г. — членом Международного патронажного комитета и Международного комитета защиты детей. В заявлении по случаю Международной конференции в защиту детей в Вене она заметила, что человечество впервые собралось обсудить будущее детей в связи с войнами. Рассказав о положении детей, окруженных в КНР заботой и лаской, Сун Цинлин призвала людей всего мира «защитить детей, защитить их от всех бед... дети должны быть уверены в своем будущем»³⁸. Ее слова — «Народы всего мира! Укреп-

ляйте братское сотрудничество для спасения детей!» — вошли в резолюцию Венского конгресса.

Руководствуясь указанием Мао Цзэдуна о том, что молодое поколение должно «учиться и прогрессировать изо дня в день», Сун Цинлин основное внимание уделяла идеологическому воспитанию молодежи, которое «сможет уберечь новое поколение от перерождения». Она полагала, что честность, смелость, труд, простота и бережливость, сила коллектива необходимы молодежи для движения человека вперед, для служения родине и человечеству. Эти и другие качества должны покониться на вере в коммунизм³⁹. Еще одной составляющей воспитания из китайских детей стойких революционеров Сун Цинлин считала заботу партии, поскольку воспитание детей — это важнейшая часть социалистической революции и социалистического строительства. Третьей составляющей, по ее мнению, являлся классовый характер воспитания и обязательный физический труд. Отвечая на западную критику о принудительном труде в Китае, Сун Цинлин заявляла: «Наша молодежь считает, что поход в горы и деревни дает ей возможность создать новый мир своими руками и революционной волей»⁴⁰.

В Китае Сун Цинлин по праву была признана руководителем китайских женщин и заботливой бабушкой для китайских детей. Ее усилия по обеспечению демократических прав женщин принесли плоды не только в Китае и Юго-восточной Азии, но и снизили уважение во всем мире. Некоторые университеты присудили ей звание почетного доктора права. Ее международные инициативы по объединению женщин Азии и Тихоокеанского региона в борьбе за свои права приносят плоды и в настоящее время.

В 1960-е гг. Сун Цинлин продолжала участвовать в заседаниях сессий ВСНП, причем 21 декабря 1963 г. на 1-м заседании 3-й сессии ВСНП в качестве исполнительного председателя, на которой в январе 1964 г. вновь была избрана вице-президентом. Сведения о жизни Сун Цинлин в 1966–1976 гг. скудны по ряду причин и большей частью основаны на сообщениях западных агентств из Гонконга. Безусловно, она была уже немолода и менее активна. Но не это стало решающим в ее уходе из политики. В стране началась «культурная революция», изменившая жизнь страны, прекратившая работу всех государственных учреждений. Многие изменилось и в судьбе Сун Цинлин.

Около месяца «с момента возникновения движения «красных охранников» Сун Цинлин не появлялась публично. 2 мая 1966 г. красные охранники подвергли заместителя председателя КНР Сун Цинлин серьезной критике⁴¹, а 20 сентября 1966 г. учинили обыск в ее шанхайском доме. Они обвинили 76-летнюю Сун Цинлин в том, что она ведет роскошную жизнь, и потребовали от нее отдать деньги и имущество государству⁴². На ее защиту встал Чжоу Эньлай: 2 сентября 1966 г. он разработал проект документа, где говорилось, что «красные охранники» не должны трогать демократических деятелей и деятелей единого фронта. Его поддержали Чэнь И и Тао Чжу, но из-за противодействия Кан Шэна документ не появился⁴³. В сентябре в нескольких дацзыбао была поставлена под сомнение практика почитания отца китайской революции Сунь Ятсена, а в некоторых из них вновь была подвергнута критике его вдова⁴⁴. Лишь в конце сентября 1966 г. Сун Цинлин в числе 13 «неприкасаемых» деятелей была взята под охрану в соответствии с письмом Чжоу Эньлая, что прекратило эти унижения. С того момента Сун Цинлин лишь 2–3 раза появилась на людях: в октябре 1966 г. на трибуне по случаю празднования 17-й годовщины КНР, 12 ноября 1966 г. и 8 декабря 1966 г. на мероприятиях по поводу 100-летия Сунь Ятсена⁴⁵. В ноябре 1966 г. был опубликован подготовленный ранее сборник «Сун Цинлин. Избранные труды». Оттеснение Сун Цинлин с прежних позиций произошло с ведома Мао Цзэдуна, который на рабочем совещании в октябре 1966 г. в Пекине обозначил положение Сун Цинлин «на 2-й линии руководства», т.е. не на передовой⁴⁶.

Как политик 2-й линии руководителей в 1967–1972 гг. Сун Цинлин появлялась иногда на трибуне во время праздников, принимала верительные грамоты вновь назначенных послов. Популярность ее упала, а имя годами не упоминалось в прессе. Неко-

торый всплеск интереса к Сун Цинлин случился в 1972 г. и был связан с частичной реабилитацией и привлечением к работе репрессированных в годы «культурной революции» деятелей старшего поколения, когда Сун Цинлин вновь появилась на политической сцене.

Знаковым событием в этой связи стало участие в начале января 1972 г. «старой гвардии» — Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая, Сун Цинлин и др. в похоронных мероприятиях, связанных с кончиной министра иностранных дел Чэнь И, что послужило поводом для обсуждения в западной прессе сложившейся расстановки сил в китайском руководстве. Имя Сун Цинлин фигурировало в главной группе наряду с именами Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и Чжу Дэ⁴⁷.

Некоторый интерес к Сун Цинлин возник на Западе при потеплении китайско-американских отношений и в связи с подготовкой визита президента США Р. Никсона в Китай (21–28 февраля 1972 г.). «Вашингтон Пост» 12 января 1972 г. напечатала сообщение о статье Сун Цинлин в журнале «Китай на стройке» от 10 января о предстоящем событии. «Реальная китайская действительность в последние 20 лет, — писала Сун Цинлин, — привела к изменению позиции Никсона... Визит Никсона взволновал весь мир... Любой политический курс США в отношении Азии должен принимать во внимание Китай»⁴⁸. В западной прессе обсуждалась возможность приема Сун Цинлин Р. Никсона и его супруги в Китае, поскольку в КНР к тому времени не было президента: Лю Шаоци впал в немилость и был смещен в 1968 г. После визита Р. Никсона. Гаррисон Солсбери — заместитель главного редактора газеты «Нью-Йорк Таймс» — опубликовал статью о встрече с Сун Цинлин в ее доме, «где раньше жил маньчжурский принц, на берегах императорских озер»⁴⁹. Интерес к Сун Цинлин исчез так же быстро, как и возник. На протяжении 1972–1974 гг. законодательные государственные органы власти по-прежнему практически бездействовали, и Сун Цинлин, в силу преклонного возраста и особенно вследствие последовавших за «культурной революцией» политических кампаний, своих функций практически не осуществляла. На публике она появлялась крайне редко, жила замкнуто, занимаясь разбором архива и личных писем. Сун Цинлин понемногу распродавала вещи, поскольку финансовое положение у нее было не самым лучшим.

Все изменилось после 1974 г., когда начался процесс возобновления деятельности общественных и государственных органов КНР. 17 января 1975 г. на 1-м заседании 4-ой сессии ВСНП Сун Цинлин вновь была избрана зампредела ПК ВСНП и еще раз 5 марта 1978 г. переизбрана на эту должность на 1-й сессии ВСНП 5-го созыва. В сентябре 1975 г. и в сентябре 1978 г. вновь избрана Почетным председателем Национальной федерации женщин. В те же годы Сун Цинлин была восстановлена во всех прежних должностях: председателя Всекитайского комитета защиты детей. Почетного председателя Общества китайско-советской дружбы, председателя общества благосостояния.

Возобновилась деятельность любимого детища Сун Цинлин — Всекитайской Ассоциации социального обеспечения, отметившей 14 июня 1975 г. 40-ю годовщину образования. В статье «40 лет на службе народа» Сун Цинлин осветила историю деятельности китайского общества благосостояния, основанного в 1938 г. для оказания помощи нуждающимся. 1 апреля 1978 г. возобновилось издание журнала «Эртун шидай». 1 июня 1978 г. Сун Цинлин обратилась к молодежи со статьей «Мы возлагаем надежды на новое поколение». Помимо этого Сун Цинлин участвовала в различных юбилейных и памятных мероприятиях.

Однако к тому времени Сун Цинлин была уже пожилой женщиной с больными ногами и не могла активно участвовать в жизни страны. Ее высокие должности были номинальными, скорее говорящими о возвращении ей прежнего уважения со стороны государства. С другой стороны, не могла она и оставаться равнодушной к происходящим событиям. Одним из ярких ее выступлений в печати стала статья «Народная воля непо-

бедима», опубликованная 29 января 1979 г. в год 30-летия образования КНР, в которой Сун Цинлин доказывала, что подрывные элементы и интриганы «разобьют свои головы» о «стальную волю народа», доказательством чего являются все 30 лет существования КНР. Последняя из знаковых должностей Сун Цинлин — избрание 10 сентября 1980 г. на 3-ей сессии ВСНП 5-го созыва заместителем председателя комиссии по внесению изменений в Конституцию, возглавлявшейся Е Цзяньнингом.

Формально Сун Цинлин не состояла в КПК. Тем не менее, анализ ее выступлений и публикаций свидетельствует, что ее мировоззрение после образования КНР целиком и полностью находилось в русле политики партии. Руководство страны, признавая ее заслуги, авторитет, общественный темперамент и международную известность, тем не менее, не забывало ее «гоминьдановское» прошлое. Неоднократные просьбы Сун Цинлин о приеме ее в КПК оставались без ответа до самых последних дней ее жизни.

В 1981 г. Сун Цинлин был поставлен медицинский диагноз — лейкемия и болезнь сердца. Руководство страны обеспечило ей должный медицинский уход. Сун Цинлин вновь обратилась с просьбой принять ее в ряды КПК. По единогласному решению Политбюро ЦК КПК 15 мая 1981 г. Сун Цинлин стала коммунистом, а 16 мая Постоянный комитет ВСНП постановил присвоить ей звание Почетного председателя КНР. 16 мая 1981 г. в газетах был опубликован первый бюллетень о состоянии ее здоровья. Сразу же после 18-й сессии ПК ВСНП Пэн Чжэнь и Ляо Чэнчжи приехали в резиденцию Сун Цинлин и сообщили ей о постановлении ПК о присвоении ей звания Почетного председателя КНР. Все центральные газеты сообщили об этом 17 мая 1981 г.⁵⁰

18 мая 1981 г. Дэн Сяопин посетил в больнице Сун Цинлин и поздравил ее с осуществлением заветной мечты — вступлением в ряды КПК⁵¹. В этот же день Сун Цинлин была удостоена звания почетного профессора юриспруденции Канадского университета Виктории. 19 мая 1981 г. руководители партии и государства навестили Сун Цинлин. Хуа Гофэн сказал о большом вкладе Сун Цинлин в дело революции и пожелал ей скорейшего выздоровления⁵².

Сун Цинлин скончалась 29 мая 1981 г. в 20 час. 18 мин. В тот же день руководители ЦК КПК, ПК ВСНП, Госсовета, Военного совета ЦК КПК и Всекитайского комитета ВСНП, НПКСК направились в резиденцию Сун Цинлин, чтобы проститься с телом покойной. 30 мая 1981 г. первые полосы центральных газет опубликовали сообщение ЦК КПК, ПК ВСНП, Госсовета КНР о кончине Сун Цинлин. Траурную церемонию похорон Сун Цинлин в присутствии руководителей страны освещали все средства массовой информации. После ее смерти государство организовало «Мемориальный дом Почетного председателя Китайской Народной Республики товарища Сун Цинлин» и поставило его как памятник культуры под государственную охрану.

Подводя итоги общественно-политической деятельности Сун Цинлин, можно сказать, что всю жизнь она посвятила служению своей стране и народу. Демократические взгляды Сун Цинлин, оказавшие определенное влияние на ход политической истории Китайской Республики и строительство нового Китая, особенно востребованы на ее Родине в последние 30 лет, в течение которых Китай осуществляет политику «реформ и открытости».

1. Неизвестные письма Сун Цинлин и Сунь Ятсена М.М.Бородину / Публ. К. Шевелева // Пробл. Дальнего Востока. 2003. № 3. С. 170-173.
2. *Сорокин Г.З.* Антимпериалистическая Лига, 1927-1935: Ист. очерк. М., 1965. С. 104-105.
3. Информационная записка заместителя наркома иностранных дел СССР Г.Я. Сокольникову наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову об образовании независимого правительства в китайской провинции Фуцзянь (№ 165). 1933 г., ноября 25-26 // Русско-китайские отношения в XX веке: Документы и материалы. Т. 3 (сент. 1931 — сент. 1937). М., 2010. С. 234-235.

4. Очерки истории Китая в новейшее время. М., 1959. С. 284.
5. Письмо полпреда СССР в КР Д.В. Богомолова из Шанхая заместителю наркома иностранных дел СССР Б.С. Стомякову о причинах и последствиях японской агрессии в Китае (№ 399) 1937 г., июля 17 // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 3. С. 656–657.
6. Заявление Сун Цинлин, видного деятеля Китайской Республики и Гоминьдана, о необходимости, следуя заветам Сунь Ятсена, сплотить весь народ для борьбы с японской агрессией (№ 2) 1937 г., февраля 22 // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4 (1937–1945), кн. 1. М., 2000. С. 39.
7. Там же.
8. Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости. С. 342–376.
9. Запись беседы посла СССР в Китайской Республике А.С. Панюшкина с Сун Цинлин, видным общественным и государственным деятелем Китая, о проблеме возобновления гражданской войны в Китае, позиции США и Великобритании в этом вопросе (№ 513). 1942 г., мая 22 // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4, кн. 1. С. 695.
10. Там же. С. 695.
11. Запись беседы советника посольства СССР в Китайской Республике Л.М. Миклашевского и первого секретаря посольства СССР в Китайской Республике Н.Т. Федоренко с Сун Цинлин о демократическом движении в Китае (№ 513) 1945 г., мая 3 // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4 (1937–1945), кн. 2. (№ 626). С. 695.
12. Запись беседы первого секретаря посольства СССР в Китайской Республике Н.Т. Федоренко с Сун Цинлин о роли СССР в улучшении политического климата в Китае (№ 683) 1945 г., июля 21 // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4 (1937–1945), кн. 2. С. 143.
13. См. подробнее: Док №№ 683, 733 // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 4, кн. 2 (1946 — февраль 1950).
14. Запись беседы посла СССР в КР А.А. Петрова с членом ЦК КПК Чжоу Энъяем об итогах Политической консультативной конференции и о внутривосточном положении в стране. 1946 г., февраля 6 // Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5 (1946 — февраль 1950), кн. 1. (№ 20). С. 55.
15. Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5, кн. 2. Приложение 4. С. 391.
16. *Мировицкая Р.А.* Сун Цинлин — видный государственный и общественный деятель Китая // Пробл. Дальнего Востока. 1986. № 3. С. 128.
17. *Давыдов А. К* 110-летию со дня рождения Сун Цинлин // Пробл. Дальнего Востока. 2003. № 3. С. 168.
18. Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5, кн. 2. Приложение № 9. С. 443.
19. Там же. С. 443.
20. Там же. С. 85.
21. Там же.
22. Там же. С. 335.
23. *Сун Цинлин.* Радостное событие // Народный Китай. 1954. 16 июля. № 14. С. 7.
24. Жэньминь жибао. 1957. 13 июля.
25. Жэньминь жибао. 1957. 21 июля.
26. Жэньминь жибао. 1957. 1 октября.
27. *Сун Цинлин.* Славная эпоха, славный народ // ТАСС. 1958. 3 нояб.
28. Жэньминь жибао. 1960. 24 апр.
29. *Сун Цинлин.* Шестнадцать лет освобождения // Китай на стройке. 1966 г. № 1. С. 2–9.
30. *Сун Цинлин.* Мира хотят все народы // Комсомольская правда. 1951. 12 апр.
31. *Сун Цинлин.* Выступление на Всемирном конгрессе (Всна) // ТАСС. 1952. 14 декаб.
32. Русско-китайские отношения в XX веке. Советско-китайские отношения. Т. 5, кн. 2. С. 168–169.
33. Жэньминь жибао. 1953. 8 марта.
34. *Сун Цинлин.* Великий оплот мира и прогресса: К 5-летию Общества китайско-советской дружбы // Известия. 1954. 5 окт.
35. *Сун Цинлин.* Новый, высший тип отношений между народами // Правда. 1955. 15 февр.
36. *Сун Цинлин.* Радостное событие // Народный Китай. 1954. № 14. С. 7.
37. Жэньминь жибао. 1960. 2 июня.
38. Жэньминь жибао. 1952. 14 апр.; Известия. 1952. 16 апр.

39. Чжунго уной. 1958. 1 июня.
40. *Сун Цинлин*. О воспитании китайских детей // *Beijing Review*. 1965. № 1.
41. France-Presse. 1966. 2 мая.
42. Reuters. 1966. 20 сент.
43. Чжоу Эньлай няппу [Хроника жизни Чжоу Эньлая (1949–1976)]. Пекин, 1997. Т. 3. С. 57.
44. Reuters. 1966. 26 сент.
45. Позже, в 1971 г., доступ в мемориальный зал Сунь Ятсена был прекращен по приказу Цзян Цин, а экспонаты были вывезены. 13 ноября 1977 г. к 111-ой годовщине со дня рождения Сунь Ятсена мемориальный зал вновь был открыт.
46. *Маамао*. Мой отец Дэн Сяопин в годы культурной революции. М., 2003. С. 147–148.
47. *Corriere della Sera* (Гонконг). 1972. 13 янв.
48. *The Washington Post*. 1972. 12 янв.
49. *Harrison Salisbury*. Lunch with Madame Sun Yat-sen at the old Beijing // *The New York Times*. 1972. 3 июня.
50. Жэньминь жибао, Гуанмин жибао. 1981. 17 мая.
51. Жэньминь жибао, Бэйцзин жибао. 1981. 18 мая.
52. Жэньминь жибао, Гуанмин жибао. 1981. 19 мая.

Полковник И.И. Стрельбицкий — первый русский «военный агент» в Корее*

© 2012

Д. Павлов, Н. Павлова

В статье, основанной на документах Российского военно-исторического архива, рассматривается деятельность в 1896–1903 гг. первого русского военного атташе в Корее полковника И.И. Стрельбицкого. Авторы приходят к выводу, что вклад Стрельбицкого в развитие российско-корейских отношений неверно оценен в историографии. Его деятельность в значительно большей мере способствовала культурному общению и «взаимознаванию» двух соседних стран нежели развитию между ними военного сотрудничества.

Ключевые слова: российско-корейские отношения на рубеже XIX–XX вв., русский военный атташе.

Генерального штаба полковник И.И. Стрельбицкий, первый из четырех военных атташе («военных агентов») царской России в Корее¹, долгое время оставался забытым и недооцененным участником русско-корейских отношений рубежа XIX–XX вв. За шесть с половиной лет его пребывания на корейской земле (с августа 1896 г. по февраль 1903 г.) эти отношения развивались динамично и драматически. За беспрецедентным русско-корейским сближением 1896–1898 годов последовало угасание влияния России на полуострове, а затем и попытка ее экспансии под прикрытием «частной» лесопромышленной компании «безобразовцев» на фоне роста подозрительности и недоверия с обеих сторон. Фигура Стрельбицкого оказалась в тени этих масштабных событий, и в российской историографии первые исследования об этом военном дипломате стали появляться лишь столетие спустя — в 2000-е гг.² Однако при этом сильные стороны его работы в Корее оказались не освещены, напротив, слабые — преувеличены, и вся деятельность Стрельбицкого, вырванная из контекста русско-корейских реалий, однобоко истолкована и оценена. Его взгляды на характер и перспективы русского курса в Корее, которые стали частью дискуссии в российских верхах относительно общей стратегии на Дальнем Востоке, вообще остались не рассмотренными. Настоящая статья есть попытка восполнить указанные пробелы и недочеты.

Одной из их вероятных причин является скудость источниковой базы, которая исчерпывается материалами официального делопроизводства. В распоряжении историков имеется не более десятой части из тех 300–350 донесений, которые Стрельбицкий в общей сложности направил из Сеула в Главный штаб, да и те рассредоточены по делам

Павлов Дмитрий Борисович, доктор исторических наук, профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва). E-mail: dpavlov2003@mail.ru.

Павлова Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ культурологии. E-mail: 4nat@list.ru.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 10-01-00502а.

нескольких фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Их основная часть отложилась в документах фондов 448 (Коллекция «Корея»), 400 (Главный штаб) и 846 (Военно-ученый архив) РГВИА. Источники других видов по данной теме нам обнаружить не удалось.

27 января/8 февраля 1896 г. состоялось назначение подполковника Ивана Ивановича Стрельбицкого на вновь учрежденную Россией в одностороннем порядке должность «военного агента» в Сеуле. К этому времени за плечами этого 35-летнего потомственного дворянина, уроженца Петербургской губернии были Николаевское кавалерийское училище и Николаевская академия Генерального штаба, оконченная по 2-му разряду, затем — служба в Закаспийской области, в Сибири (во 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригаде) и многомесячные рекогносцировки в Персии (в 1889 и 1891 гг.), Монголии (1894 г.), Корее (1894 г.) и Маньчжурии. К моменту назначения в Сеул Стрельбицкий на протяжении полугода (с августа 1895 г.) снова находился «в поле» — на рекогносцировке маньчжуро-корейской границы, по результатам которой в марте 1896 г. получил полковничьи погоны. Именно здесь, на севере и северо-востоке «дальневосточной Италии», как нередко называли Корею в западной публицистике, оказалась в дальнейшем сосредоточена его деятельность как военного топографа. 15/27 июля 1896 г. он в новом качестве отправился в Сеул.

Ближайшим поводом к учреждению российским военным ведомством должности своего постоянного представителя в Корее явилась последовавшая в январе 1896 г. просьба корейского короля направить в его страну русский военный отряд для защиты от происков японцев. В феврале того же года корейский монарх тайно переехал в российскую миссию, а вскоре через российского поверенного в делах запросил Петербург об отправке в Сеул военных инструкторов и военного советника при своей персоне «для устройства корейских войск». В российской столице эти демарши были истолкованы как свидетельство решимости Коджона «вверить судьбы своей страны России»³. Первое зарубежное (в страны Запада) посольство Кореи, направленное на коронационные торжества в Москву весной 1896 г., устами своего главы Мин Ёнхвана подтвердило и конкретизировало эти планы своего монарха. Итогом переговоров Мин Ёнхвана в российских министерствах иностранных дел и военном летом того же года явилось согласие Петербурга направить в Корею военного советника и отряд военных инструкторов. Советником был назначен ведущий на тот момент эксперт Главного штаба по дальневосточным делам полковник Д.В. Путята, которому надлежало самостоятельно набрать инструкторов в войсках Приамурского военного округа. 3/15 октября 1896 г. «русская военная миссия», как ее называли корейцы, с соблюдением конспирации отплыла из Владивостока в Сеул на канонерской лодке «Гремящий»⁴. Кроме самого Путяты в состав «миссии» вошли два младших офицера, военный врач и десять унтер-офицеров. Вместе с ними к родным берегам отправилось и посольство Мина.

Учреждая пост «военного агента» в Сеуле, Петербург, очевидно, не имел в виду изучить состояние вооруженных сил королевства. Несовершенство тогдашней военной организации Кореи не являлось секретом (об этом в русском военном ведомстве было известно из донесений своих офицеров, совершивших путешествия по полуострову), а появление при дворе Коджона Путяты и его подопечных гарантировало поступление в скором будущем еще более полной и точной информации на этот счет. Перед военным атташе в Сеуле вставали более общие и масштабные задачи, в конечном счете нацеленные на укрепление и наращивание российского военно-политического влияния в Корее и в дальневосточном регионе в целом.

Российские военные теоретики рассматривали Корейский полуостров как «крайний восточный фланг русской сибирской границы» и, одновременно, вероятный плацдарм для операций японцев против своей сухопутной (в середине 1890-х гг. 30-тысячной) дальневосточной группировки⁵. Исходя из этого, чисто географически полу-

остров представлял собой потенциальную угрозу русскому Приморью с юга, а в случае занятия Россией северо-восточного Китая — и ее маньчжурской группировке. В то же время Корея оценивалась русским командованием как неподходящий объект для собственного масштабного военного присутствия и даже как нежелательный театр военных действий по причине почти полного бездорожья, сложного горного рельефа, удаленности от собственных баз снабжения, низкого экономического потенциала и общей отсталости страны, бедности ее населения. Были приняты во внимание и претензии соседней Японии на единоличное господство на полуострове. «Чтобы в будущем Россия действительно могла прочно стоять на Тихом океане», указывал в 1895 г. виднейший русский военный аналитик генерал-адъютант Н.Н. Обручев, ей необходимо занять северную Маньчжурию и «небольшую часть северной Кореи [здесь и далее подчеркнуто военным министром. — Авт.] с бассейном р. Тумень-улы и портом Шестакова», тем самым «уравновесив» и исключительное японское влияние в остальной части королевства, с которым, по мнению Обручева, России впредь следовало смириться⁶.

В противовес этим взглядам армейского командования русские военные моряки с вожделенным взирали на незамерзающие и удобные южно-корейские гавани, как на идеальные места для базирования своей Тихоокеанской эскадры. На русском военно-политическом Олимпе тех лет продолжала обсуждаться и целесообразность установления над Кореей протектората — вопроса, инициированного самим Сеулом еще в середине 1880-х гг.⁷ Но прежде, чем принимать то или иное стратегическое решение, Корею предстояло обследовать и изучить, тщательно и всесторонне проанализировав ее современное положение.

Между тем, российское военное руководство имело весьма поверхностное представление о политическом состоянии соседнего королевства, его государственном устройстве, о ситуации в королевском дворце, в столице и на местах, о положении в финансах и экономике Кореи, о настроениях в ее правящих сферах и в различных слоях общества. Достоверные карты полуострова, пригодные для военных целей, отсутствовали, очертания большей части береговой линии были гадательны, многочисленные бухты и острова не описаны. Маршрутные съемки, путевые записи и отчеты горстки сухопутных путешественников из числа офицеров Генерального штаба (В.А. Альфтана, М.А. Соковнина, В.П. Карнеева, И.И. Стрельбицкого) — вот, практически, все, что к весне 1896 г. имела в своем распоряжении о Корее Азиатская часть российского Главного штаба.

В отличие от МИДа, в военном ведомстве не было принято снабжать своих зарубежных представителей письменными инструкциями, а содержание напутственных бесед, которое вело со Стрельбицким командование, документально не отражено. Однако из донесений Стрельбицкого первых лет его пребывания в Сеуле поставленные перед ним в Петербурге задачи просматриваются довольно явственно. Ближайшей из них было создать благоприятные условия для работы группы полковника Путьаты, и дело тут заключалось не только в решении организационно-бытовых вопросов. По выражению осведомленного наблюдателя, в преддверии прибытия в Сеул «команды» русских военных специалистов «нельзя было допустить короля склониться на сторону тех политических партий, которые не видели иного способа в улажении внутренних политических затруднений, как обратившись за содействием к Японии»⁸. Другими словами, Стрельбицкому следовало не просто выявлять антироссийские «пронски Токно» (на чем делает акцент историк Е.В. Добычина), но и нейтрализовать их на месте.

10/22 октября 1896 г. Путьату и его спутников в Чемульпо встречали русский поверенный в делах К.И. Вебер и наш герой, к которым на полдороге в Сеул присоединились корейские сановники, посланцы короля. «Русская военная миссия» была с почетом доставлена в столицу и на следующий день представлена монарху. В начале ноября того же года инструкторы приступили к обучению батальона корейских войск, после возвращения короля во дворец в феврале 1897 г. превращенного в его личную охрану и затем

получившего гвардейский статус. Полковник Путята с первых дней в Корее был наделен особыми полномочиями, став советником короля по вопросам реформы корейских вооруженных сил. Таким образом, свою первую важную функцию на корейской земле Стрельбицкий успешно выполнил, тем самым внося заметный вклад в дальнейшее русско-корейское сближение.

Следующим его шагом стало обстоятельное знакомство с общественно-политической ситуацией в этой стране, которой он целиком посвятил свое первое подробное донесение в Главный штаб. Анализируя деятельность четырех сеульских «партий» («национально-народной», «американской», «японской» и «русской»), попутно он охарактеризовал виднейших государственных и общественных деятелей Кореи в ее настоящем и недавнем прошлом — отца короля и его бывшего регента («Тай-Вон-Гуна»), первого министра («Ким-Пьен-Си»), министра иностранных дел («И-Ван-Иона»), самого короля (который, по мнению Стрельбицкого, в тот момент являлся «искренним и могущественным, но едва ли надежным союзником» России), покойную королеву Мин, новоиспеченного гражданина США Филиппа Джейсона (урожденного «Со-Джай-Пиль») и др. Главный вывод русского военного атташе относительно текущего «состояния умов» в Корее заключался в том, что *«убеждение в необходимости самостоятельной внутренней политики стало положительно общим достоянием нации»*. Как показали последующие события, это была вполне адекватная оценка.

Однако, вопреки подобным настроениям большинства корейцев, в том же донесении Стрельбицкий предрекал «неизбежное» в скором будущем включение полуострова в состав Российской империи. *«Обстоятельства вынудят нас рано или поздно занять страну, — утверждал он, — и всякая попытка иначе устроить дело независимой Кореи окажется лишь паллиативом, за которым всегда будет стоять призрак военного вмешательства»*. Присутствие в Корее русского военного советника и армейских инструкторов он считал ситуацией зыбкой и, в сущности, ничего не гарантирующей («все это само по себе далеко не составляет еще достаточно веских гарантий прочного влияния на страну»), намекая, таким образом, на необходимость установления российского протектората. Осуществимость и последствия такого шага, который он одновременно рассматривал как ступень к занятию полуострова, Стрельбицкий оценил следующим образом: *«Установление более прочной и определенной формы влияния России, напр[имер], в виде протектората, по всем данным, не встретило бы затруднений со стороны собственно массы народа, но лишь при неперемennom условии полного невмешательства на первое время в дела внутренней жизни страны, при сохранении старинной религии, старых обычаев и даже предрассудков, прежней формы правления и т.д.»*⁹. В общем, по логике рассуждений русского военного атташе, России следовало воспользоваться своим настоящим «исключительно благоприятным положением в Корее» и без замедления объявить ее своим протекторатом, имея в виду последующую аннексию королевства. Неизбежную в таком случае острую реакцию Токио Стрельбицкий в расчет совершенно не брал.

Однако в Главном штабе в то время преобладали иные настроения. С подачи Путяты и с учетом мнения российского внешнеполитического ведомства, которое старалось всеми способами избежать обострения отношений с Японией, в 1896–1897 гг. здесь набирала силу программа мирного проникновения и закрепления в Корее с опорой на институт военных инструкторов, без формального покушения на независимость королевства или попыток оккупации его территории. Поэтому на идеи Стрельбицкого в Петербурге отреагировали вяло. Из числа крупных военных чинов за немедленную высадку батальона русских войск в стратегически важных пунктах полуострова высказался лишь командующий Тихоокеанской эскадрой контр-адмирал Ф.В. Дубасов¹⁰. Но император Николай II, тогда же (в декабре 1897 г.) лично инструктируя отбывавшего в Сеул нового посланника (Н.Г. Матюнина), подчеркнул, что Россия не стремится ни к завоеванию Кореи, ни к установлению протектората над ней, почему наиболее желательным для Петер-

бурга является сохранение независимости королевства¹¹. В итоге «корейскую» инициативу Стрельбицкого в Петербурге проигнорировали.

Уловив скепсис начальства, в своих последующих донесениях к стратегическим вопросам русской политики в Корее Стрельбицкий более не возвращался, сосредоточившись на анализе корейской политической «злобы дня» с экскурсами в недавнюю историю страны и подробными комментариями относительно устройства и особенностей функционирования государственного аппарата королевства, придворных нравов и обычаев, религиозно-конфессиональной, общественно-политической и финансово-экономической жизни страны. В мае 1897 г. он направил в Петербург сведения о бюджете Кореи на текущий год (в общей сумме чуть менее 4,2 млн долларов) с росписью его доходной и расходной частей; в начале 1898 г. — перечень казенных рудников с обозначением их на карте; в 1897–1898 гг. — донесения о ходе железнодорожного и телеграфного строительства на полуострове, в ноябре 1898 г. — 56 листов съёмки японских маршрутов по Корее в ходе японо-китайской войны 1894–1895 гг.¹² В 1897–1898 гг. в поле зрения Стрельбицкого постоянно находилась и ситуация вокруг русских военных советника и инструкторов — отношение к ним короля, придворной «партии» и правительства, противодействие их деятельности со стороны официальных представителей Японии, Великобритании и США. Козни японских и британских дипломатов были ожидаемы, но интриги их американского коллеги привели русского атташе к выводу, что и «эта нация является в Корее далеко не нейтральной силой, а силой, при известных обстоятельствах, прямо-таки нам враждебной»¹³.

Помимо сбора разнообразных военно-статистических данных Стрельбицкому приходилось выполнять разовые поручения штаба Приамурского военного округа (в основном они касались выяснения текущей ситуации на маньчжуро-корейской границе и топографической съёмки приграничных территорий со стороны Кореи), русской миссии в Сеуле (по ее заданию в декабре 1897 г. он осматривал местность, прилегающую к порту Мокпо) и, разумеется, своего высшего начальства. Вскоре после заключения русско-китайского договора об аренде Ляодунского полуострова в марте 1898 г. «военный агент» получил указание министра А.Н. Куропаткина «исследовать вопрос о снабжении порта Артура углем из Кореи, например, из Пхеньяна»¹⁴. Результаты обследования «Пенианских копей» Стрельбицкий телеграфировал в Петербург в июне 1898 г., предварительно отправив взятые на месте образцы корейского угля в Порт-Артур для его испытания на русских военных судах.

Сбор всех этих сведений представлял немалые трудности. «В Корее нет ни статистики, ни каких-либо военных, экономических, парламентских и т.п. отчетов, ни серьезно осведомленной прессы, ни возможности получать известия из провинции, ни даже того нейтрального в политическом отношении общества, среди которого можно было бы почерпнуть какие-нибудь сведения, — описывал Стрельбицкий в 1902 г. условия своего повседневного существования в Сеуле. — Те материалы, которые имеются у правительства, представляют либо устарелые на полвека, либо заведомо фиктивные данные, причем без крайне трудной фактической проверки здесь нельзя пользоваться даже такими документами, как императорские эдикты, государственные бюджеты, таможенные отчеты и т.п.»¹⁵. Недостатки официальной информации Стрельбицкий восполнял личными наблюдениями, данными своих наблюдательных агентов и представителей сеульского чиновного мира, а также «старожилов» местной европейской колонии. В числе прочих добровольным конфидентом русского военного атташе состоял глава французской католической миссии монсеньор Мютель, который, по словам Стрельбицкого, являлся «одним из авторитетов по всем вопросам, касающимся взглядов и настроений народа»¹⁶.

Много времени и сил у Стрельбицкого отнимала проверка разнообразных слухов, которые в основном касались военных приготовлений Японии относительно Кореи, и связанные с этим командировки, бумажная и канцелярская работа — переводы¹⁷, копии

рование секретных карт, планов и схем, добытых агентурным путем или приобретенных «по случаю», составление обширных донесений в Главный штаб, переписка по финансово-хозяйственной отчетности и т.д. Самостоятельным участком его деятельности была работа с секретной агентурой. В основном в ней были представлены корейцы, которых он направлял на север страны для наблюдения за положением на китайско-корейской границе или в те пункты юга и запада полуострова, в которых Япония, по слухам, готовила десантные операции. Постоянных информаторов в высшем военном руководстве королевства он не имел, очевидно, руководствуясь вышеприведенной оценкой степени осведомленности корейских правительственных чинов.

Весной 1898 г. ситуация в Сеуле круто изменилась. Под влиянием патриотических настроений корейских правящих кругов, которые Стрельбицкий зафиксировал еще в начале 1897 г., придворных интриг и в результате давления великих держав корейское правительство вынудило Петербург отозвать своих военных инструкторов (полковник Путята покинул страну еще в августе 1897 г.). В ответ на сообщение своего сеульского представителя, что русская миссия «в виде наказания» за это ходатайствует о «занятии севера Кореи», военный министр телеграфно приказал Стрельбицкому не пытаться как-либо воздействовать на вновь создавшуюся ситуацию, «не вмешиваясь [во] внутренние и политические дела» Кореи вообще¹⁸. На следующий день, 31 марта/12 апреля 1898 г., военный атташе получил указание в своих последующих донесениях «не касаться ни политических, ни внутренних дел страны», а «ограничиться сферой строго военных вопросов» — изучением полуострова «как театра военных действий и собиранием материалов для карты и описания Кореи»¹⁹.

Однако картографические работы не заладились. 25-верстную маршрутную карту по линии: залив Посьета-Гирин-Мукден-Хамхын общей протяженностью в 5 тысяч верст Стрельбицкий смог закончить лишь в сентябре 1900 г., отчетливо при этом сознавая, что подготовленный им документ представляет собой не более, чем «материал для точных карт страны и попытку передать в общей сводке сеть путей и военно-географическую характеристику края»²⁰. Планы же картографирования севера Корейского полуострова вообще реализовать не удалось — правда, не по его вине. В итоге незадолго до начала войны с Японией российский Главный штаб констатировал, что «имеющиеся в нашем распоряжении карты Кореи в случае войны *не могут служить даже для предварительных общих соображений* и вообще при пособии их немыслимо изучение Кореи как возможного района военных действий». Стрельбицкий был вынужден согласиться с такой крайне нелюбимой для себя оценкой²¹. Российскому военному руководству не осталось ничего другого, как поручить своему токийскому представителю попытаться добыть карты Кореи, ранее составленные японскими штабными офицерами. На этом фоне странно выглядит стремление историка Е.В. Добычиной поставить создание военных карт Кореи в заслугу Стрельбицкому в бытность того в Сеуле.

Как того и требовало петербургское начальство, со второй половины 1898 г. пристальное внимание военного атташе стали привлекать корейские вооруженные силы. В 1899–1902 гг. Стрельбицкий представил в Главный штаб серию обзоров структуры, системы управления, вооружения, обучения, снабжения, состава и численности корейской армии по состоянию на январь и июль-август 1899 г., на середину 1900 г. и на конец 1902 г. с приложением дислокационных карт и разного рода таблиц. Такое внимание к корейской армии было вполне закономерным — в эти годы она быстро прогрессировала. Если в январе 1899 г. в вооруженных силах Кореи, по данным русского военного атташе, насчитывалось в общей сложности около 200 офицеров и 8 500 «нижних чинов»²², то в конце 1902 г. — уже порядка 15 тысяч в большинстве хорошо обученных и вооруженных солдат. На содержание этого войска, включая управленческие расходы, в 1902 г. ушло свыше четверти бюджета страны, или более 2,8 млн иен (во второй половине 1890-х гг. армейские затраты находились с корейским государственным бюджетом примерно в том

же соотношении, но в абсолютном исчислении были вдвое-втрое меньше, не превышая 1–1,2 млн чел). По мнению западных наблюдателей, в корейских войсках, которые еще в середине 1890-х гг. считались ни на что не годным «сбродом»²³, стал наблюдаться невиданный в них доселе «подъем духа»²⁴. Начальник образованного в 1900 г. Главного штаба Корей (это был все тот же Мин Ёнхван) выступил с инициативой в скором будущем довести численность регулярной корейской армии до 100 тыс. солдат.

Стрельбицкий со своей склонностью к кабинетной аналитической работе за столь стремительными изменениями перестал успевать, сказалась и его недооценка конфиденциальных источников информации²⁵. Как признавался он сам, в новых условиях свою главную задачу он видел в том, чтобы «хоть сколько-нибудь ориентироваться в положении дел и не оказаться захваченным врасплох какими-нибудь крупными событиями военного значения»²⁶. За период с января 1901 по май 1902 гг., то есть за 16 месяцев, Стрельбицкий сумел подготовить всего восемь докладов в военное министерство, что начальник Главного штаба поставил ему «на вид», предписав впредь доносить «обо всем происходящем в Корее» по крайней мере вдвое чаще — ежемесячно²⁷. Начальственный окрик не подействовал, и вскоре последовали более строгие меры — летом 1902 г. генерал Сахаров потребовал вообще отозвать Стрельбицкого из Сеула. «Ускорившийся ход политических событий на Дальнем Востоке и быстрота в развитии военной организации азиатских государств его, — мотивировал он императору необходимость замены Стрельбицкого подполковником Л.Р. фон Раабеном, — требуют особой энергии и наблюдательности от находящихся там наших агентов»²⁸. 28 августа 1902 г. Николай II санкционировал эту замену, как и предложение Главного штаба задержать Стрельбицкого в Сеуле до конца января 1903 г. для составления общего военно-статистического обзора Кореи. 11/24 февраля 1903 г. отставленный военный атташе сдал дела своей миссии фон Раабену (свое последнее донесение он направил в Главный штаб 13/26 февраля) и вернулся в Россию.

Подводя итог его деятельности на посту военного атташе в Сеуле, нельзя не признать, что главным ее результатом стало составление информационно-аналитических обзоров Кореи общеполитического характера, благодаря которым русское военное руководство впервые с момента установления русско-корейских дипломатических отношений оказалось детально осведомлено о состоянии Корейского государства и о его повседневной жизни. Благодаря вниманию Стрельбицкого к общественно-политической и финансово-экономической тематике, его донесения объективно явились частью культурного общения двух стран и по сей день остаются ценным источником для изучения русско-корейских отношений и истории самой Кореи. В собственно военных областях, особенно в картографии и сборе сведений о японском военном присутствии на полуострове, успехи Стрельбицкого оказались куда скромнее. Не случайно, что подготовленные им статистические и военно-топографические материалы не потребовались даже для составления специального доклада «О силах и средствах японцев для активных военных действий и о вероятных сроках высадки японских войск в Корее», который был подготовлен в Главном штабе весной 1901 г.²⁹

В конце июня 1903 г. Стрельбицкий прибыл в Петербург и «временно» поступил в распоряжение начальника Главного штаба. Знания, опыт и связи, приобретенные им на Востоке, оказались русским командованием не востребованы, сколько-нибудь самостоятельного участка штабной работы он не получил и к дальневосточным делам более не привлекался. Весной 1904 г., в разгар русско-японской войны, начальник Главного штаба, по просьбе эфиопского императора Менелика, командировал его как опытного разведчика вместе с военным топографом капитаном Я.И. Алексеевым в Абиссинию для работы в англо-египетской разграничительной комиссии³⁰. Деятельность Стрельбицкого на севере Африки, которая продолжалась до октября 1904 г., была отмечена орденом Эфиопской звезды 2 степени.

По возвращении Стрельбицкого из Абиссинии на родину его стали перемещать из одного подразделения Главного штаба в другое. В мае 1905 г. он был прикомандирован к военно-статистическому отделу Управления 2-го генерал-квартирмейстера, в июне 1906-го — к Главному управлению, в декабре 1907-го — к Военно-исторической комиссии по описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В результате служебный рост Стрельбицкого остановился, прекратились и «пожалования» знаками отличия — свой последний русский орден (скромного Св. Станислава 3 степени) он получил еще в 1904 г. В 1911 г., на 34-м году военной службы, ссылаясь на «общее нервное расстройство», Стрельбицкий вышел в отставку с производством в генерал-майоры, мундиром и «усиленной» пенсией в 1613 руб. в год (которая, впрочем, составляла менее половины его прежнего жалованья в 3750 руб. в год)³¹. В 1914 г., 54-х лет, Стрельбицкий скончался, оставив вдову, урожденную княжну Андроникову, и детей — дочь Екатерину 21-го года и сына Георгия 18 лет.

1. Преемниками Стрельбицкого на этом посту стали: Генерального штаба подполковник Л.Р. фон Раабен (1871–1904), назначенный в августе 1902 г. (в Сеул прибыл 11 февраля 1903 г.); гвардии капитан (с конца 1903 г. Генерального штаба подполковник) Потапов — с октября 1903 г. и Генерального штаба полковник А.Д. Нечволодов (1864–1938), назначенный на этот пост 29 ноября 1903 г. В связи с началом русско-японской войны и оккупации Кореи Японией к месту службы Нечволодов доехать не успел и по прибытии на Дальний Восток был направлен в распоряжение штаба Маньчжурской армии, по поручению которого в годы войны руководил разведывательно-подрывными операциями против Японии в Корее.
2. См.: *Добычина Е.В.* О промислах Токио в Корее на рубеже XIX–XX вв. исправно докладывал в С.-Петербург Генерального штаба подполковник И.И. Стрельбицкий // Военно-исторический журнал. 2004. № 3; *она же.* Российские военные агенты на Дальнем Востоке о реорганизации разведслужбы в регионе в 1901–1902 гг. // Военно-историч. журн. 2010. № 8.
3. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 9. Л. 1 — Доклад военному министру генерал-адъютанту П.С. Ванновскому начальника Главного штаба генерал-адъютанта Н.Н. Обручева. С.-Петербург. 9 апреля 1896 г.
4. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 9. Л. 21 — Донесение полковника Д.В. Путяты в Военно-ученый комитет Главного штаба. Сеул, 18/30 октября 1896 г. № 82.
5. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 9. Л. 353 об. — Всеподданнейшая записка полковника Д.В. Путяты. С.-Петербург, 6 ноября 1897 г.
6. РГВИА. Ф. 447 (Коллекция «Китай»). Оп. 1. Д. 69. Л. 4 об-5, 6 — Записка генерал-адъютанта Н.Н. Обручева о задачах России на Дальнем Востоке. 1895 г.
7. Подробнее об этом см.: *Симбирцева Т.М.* «Загадочный» барон фон Мёллендорф и его «прорусская» деятельность в Корее (1882–1885) // Вопросы истории Кореи. Петербургский научный семинар. 2001. СПб., 2002. С. 25–44; *Пак Б.Д.* Россия и Корея. Изд. 2-е. М., 2004. С. 145–147.
8. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 9. Л. 21 — Донесение полковника Д.В. Путяты в Военно-ученый комитет Главного штаба. Сеул, 18/30 октября 1896 г. № 82.
9. Там же. Д. 10. Л. 81 об., 85 об., 86, 102 — Рапорт И.И. Стрельбицкого в Главный штаб. Сеул, 10/22 января 1897 г. № 1.
10. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 10. Л. 173 — Копия телеграммы в Главный морской штаб контр-адмирала Ф.В. Дубасова. Владивосток, 27 декабря 1897 г.
11. Цит. по: *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начала XX вв. СПб., 2008. С. 266.
12. РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 111. Л. 3.
13. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 10. Л. 128 об. — Рапорт И.И. Стрельбицкого в Главный штаб. Сеул, 25 мая/6 июня 1897 г. № 33.
14. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 8. Л. 50. — Записка генерал-лейтенанта А.Н. Куропаткина. С.-Петербург, 23 марта 1898 г.
15. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 3 об. — Рапорт И.И. Стрельбицкого в Главный штаб. Сеул, 17/30 сентября 1902 г. № 78.
16. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 10. Л. 86 об.

17. Самым крупным текстом иностранного происхождения, который Стрельбицкий направил в Петербург, стал перевод на русский язык дебатов японского парламента по вопросу о Сеул-Фузанской железной дороге. Не владея восточными языками (он знал только английский и французский), для знакомства с документами на корейском и японском языках Стрельбицкий был вынужден прибегать к услугам переводчиков.
18. РГВИА. Ф. 448. Оп. 1. Д. 10. Л. 178 об., 186 — Шифрованная телеграмма И.И. Стрельбицкого в Главный штаб (Сеул, 5/17 марта 1898 г.) и ответ начальника Азиатской части Главного штаба генерал-майора В.У. Соллогуба от 30 марта/11 апреля 1898 г.
19. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 3 — Рапорт И.И. Стрельбицкого в Главный штаб. Сеул, 17/30 сентября 1902 г. № 78.
20. РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 111. Л. 21 — Объяснительная записка И.И. Стрельбицкого к 25-верстной маршрутной карте. Сеул, 2/15 сентября 1900 г.
21. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 41–41 об. — Справка по Главному штабу о положении дел в Корее. С.-Петербург, 13 июля 1903 г. «Мнение это совершенно сходится с заявлениями бывшего военного агента в Корее, Генерального штаба полковника Стрельбицкого», говорилось в примечании к документу.
22. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 317. Л. 19–28 об. — Отчет И.И. Стрельбицкого в Главный штаб о состоянии вооруженных сил Кореи к началу 1899 г. Сеул, 4/16 января 1899 г. № 1.
23. Именно так («rabble») о корейском войске в частной переписке тогда отзывался британский генеральный консул в Сеуле Джордан (J.N. Jordan). Цит. по: *Lensen, George A. Balance of Intrigue: International Rivalry in Korea & Manchuria, 1884–1899. Tallahassee: University Press of Florida, 1982. Vol. II. P. 889.*
24. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 321. Л. 287–288 — Всеподданнейшая записка А.Н. Куропаткина с приложением перевода статьи из газеты «The China Telegraph». С.-Петербург, 16 января 1901 г.
25. О том, какие возможности для приобретения секретной агентуры среди высокопоставленных чиновников открывались в Корее тех лет, говорит опыт Л.Р. Фон Раабена. Тому понадобилось менее полугода, чтобы заполнить в негласные информаторы дворцового адъютанта, начальника Сеульского юнкерского училища и даже особо приближенного к корейскому монарху руководителя его военной канцелярии. — РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 41 — Справка по Главному штабу о положении дел в Корее. С.-Петербург, 13 июля 1903 г.
- РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 5 — Рапорт И.И. Стрельбицкого в Главный штаб. Сеул, 17/30 сентября 1902 г. № 78.
1. РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 13 — Отношение начальника Главного штаба генерал-лейтенанта В.В. Сахарова полковнику И.И. Стрельбицкому в Сеул. С.-Петербург, 15 мая 1902 г. № 1581.
28. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3002. Л. 2 — Всеподданнейший доклад начальника Главного штаба генерал-лейтенанта В.В. Сахарова. С.-Петербург, 23 августа 1902 г. № 41 с пометой о «высочайшем соизволении». В том же представлении начальник Главного штаба ходатайствовал об отзыве полковника Г.М. Ванновского, «военного агента» в Токио.
29. РГВИА. Ф. 846. Оп. 2. Д. 111. Л. 35 — Справка генерал-квартирмейстера Главного штаба генерал-майора Я.Г. Жилинского. С.-Петербург, 21 марта 1901 г.
30. РГВИА. Ф. 400. Оп. 21. Д. 3002. Л. 47 — Всеподданнейший доклад начальника Главного штаба генерал-лейтенанта В.В. Сахарова. Петербург, 8 марта 1904 г. № 8 с пометой о «высочайшем соизволении».
31. См.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Л/с 7822. О производстве с увольнением от службы числящегося по Генеральному штабу полковника Стрельбицкого.

Российское китаеведение

Изучение китайской культуры и образования в России в 1990-е гг.*

© 2012

С. Торощев

В центре статьи — тенденции развития российского китаеведения в сферах культуры и образования в 1990-е гг. Автор оценивает вставшие перед китаеведением новые вызовы и задачи, выявляет основные направления исследований в филологии, языкознании, театроведении, киноведении, изобразительном искусстве и системе образования Китая, анализирует научные и переводческие проблемы, отмечает появление новых концепций в теоретической базе культурологических китаеведческих работ.

Ключевые слова: китаеведение, культура, литература, искусство, образование.

Для отечественного китаеведения, как и для многих других сфер научной и творческой деятельности, 1990-е гг. были трудным рубежом смены моделей функционирования. Предыдущий, советский, период характеризовался преимущественно государственным финансированием издательств и научных учреждений, избавляющим авторов от коммерческих забот. Это, однако, осложнялось цензурным контролем, для которого первостепенным был не творческий, а политический момент, и необходимостью вписать конкретную работу в общий поток государственного мировосприятия.

Эта отмиравшая модель надолго задержалась в форме так называемого «внутреннего редактора» — не только у работников издательств, но и у авторов, за долгие десятилетия привыкших созвучие своей работы с государственной политикой ставить выше художественного и научного уровня подготовленного к публикации произведения.

Надвигающаяся новая модель резко сменила принципы оценки. Выброшенные на рынок, не подготовленные к этому издательства вынуждены были абсолютизировать проблему «выживания», и доходность издаваемого произведения обернулась той же «цензурой», только уже не с политическими, а коммерческими акцентами. При этом нельзя не отметить, что необходимый для оптимального функционирования такой модели механизм спонсорства в России был совершенно не развит.

Торощев Сергей Аркадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН, Заслуженный деятель науки РФ. E-mail: tor-borev@mtu-net.ru.

* Статья написана при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского китаеведения».

В такой ситуации ответственность взяли на себя академические и университетские научные учреждения, которые крохотными тиражами (200—300 экземпляров, часто без права выхода на рынок сбыта) печатали в своих множительных лабораториях серьезные монографии, поддерживавшие высокий уровень отечественного Китаеведения, а порой даже спонсировали публикацию в издательствах более широкими тиражами работ, позднее находивших отклик в мировом Китаеведении. Лидерами Китаеведческих исследований на тот период являлись московские Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, Институт мировой литературы РАН, Институт стран Азии и Африки при МГУ и Восточный факультет СПбГУ — то есть те научные учреждения, чьи исследовательские традиции закладывались десятилетиями. Именно в этот период сотрудники группы литературы и искусства ИДВ РАН были сконцентрированы на создании монументальной «Энциклопедии духовной культуры Китая». Разделы «Литература» и «Искусство», написанные вместе с коллегами из других востоковедных учреждений Москвы и Санкт-Петербурга, включали в себя статьи по литературе (В.Ф. Сорокин, Д.Н. Воскресенский, К.И. Голыгина, А.Н. Желоховцев и др.), театру (И.В. Гайда — современный театр, С.А. Серова — традиционный театр), кинематографии (С.А. Торощев), изобразительному искусству (С.Н. Соколов), архитектуре (Н.Ю. Демидо), музыке (А.Н. Желоховцев), песенно-повествовательному искусству (Н.А. Спешнев). Эта эпохальная работа, завершенная в 2000-е гг. — шеститомная «Энциклопедия духовной культуры Китая» — была отмечена Государственной премией РФ.

Целая серия коллективных публикаций сотрудников группы литературы и искусства ИДВ РАН, начатая с 1970-х гг., в целом очертила трудный, извилистый путь китайской культуры в разных аспектах ее проявления: литература, театр, кинематография, изобразительное искусство, образование. В 1990-е гг. эта серия была продолжена¹.

Важнейшей особенностью этого периода, принципиально определившей его структурные изменения и достижения, стала открытость государства и общества. Китаеведы получили возможность непосредственного наблюдения за жизнью литературы и искусства Китая во время научных командировок и стажировок в стране, знакомства с научной деятельностью западных коллег и методологией их анализа, отличающейся от принятой в нашей стране в советский период. Сближение с мировым научным сообществом принципиально изменило российское Китаеведение.

Поскольку глубокое проникновение в художественную ментальность китайского автора не будет полноценным без творческого освоения его наследия, данная статья не ограничивается собственно научными изысканиями, а освещает также публикации переводов художественных текстов, пьес, кинематографических сценариев, произведений изобразительных искусств (альбомов картин и скульптур). Кроме того, если Китаеведение как наука будет отделено от читательских и зрительских масс, оно зачахнет, ему необходимы эрудированные и созвучные реципиенты, и потому распространение художественного артефакта должно быть заботой не одного только транслятора, но и Китаеведческой науки в целом.

Одной из наиболее высоких вершин Китаеведческих исследований десятилетия стала нестандартная, выдающаяся книга К.И. Голыгиной, в которой развитие китайской прозы анализируется в контексте эволюции космогенической ментальности китайцев, формулируются основные черты китайской модели мира и ее структуризация в философских и эстетических системах неоконфуцианства².

Серьезным вкладом в анализ китайской культуры явилась многогранная работа известного синоведа В.В. Малявина. В двух своих монографиях он дал панораму художественной культуры, миропонимания и быта Китая в XVII в. — времени, когда искусство и весь жизненный уклад получили, с одной стороны, полное и угонченное выражение, а с другой стороны, подошли к закату традиционной культуры. На примере различных видов искусства — живописи, каллиграфии, архитектуры, театра, скульптуры — ав-

тор выявил общую основу художественного канона, проследил соотношение в китайской традиции культуры, природы и человека, подробно остановившись на символизме китайской культуры³. В.В. Малявин проанализировал общие вопросы практики духовного развития человека в традиционных китайских учениях, затронул проблемы влияния этих практик на культуру, «просветления сознания» субъектов творческого процесса⁴. Его перу принадлежит новаторское комплексное исследование цивилизационной конструкции Китая, в том числе письменности, литературы, искусства. — широкое полотно китайского быта, ментальности, духовности⁵.

Работы российских ученых не ограничились рамками одной дисциплины, а вышли в пространство культурологии как единого комплекса различных ветвей культуры⁶.

Филологические исследования

Изучение литературы во всех ее модификациях (проза, поэзия, мифология) и временных пластах (древность, средневековье, современность) изначально (с XIX в.) было ведущей характеристической спецификой отечественного китаеведения. Оно исходило из того, что в основе формирования китайской ментальности лежит сакральное почтение к Слову. Термин *вань*, каким во все века обозначали изящную словесность, первичным своим значением имеет «небесные узоры», и с такого «космического» ракурса китаец обычно и взирает на литературу.

К 1990-м гг. в нашем китаеведении сложился прочный фундамент переведенных текстов и их интерпретации. Надо, однако, заметить, что переводы прозы, сделанные знатоками китайского языка, в массе своей игнорировали достижения блестящей советской переводческой школы, рассматривавшей перевод литературного текста не как механическую подстановку слов своего языка к словам оригинала, а как творческую работу, «воссоздающую», по формулировке М. Лозинского, художественную поэтику оригинала. Они были выполнены нередко на уровне грамотного подстрочника, что, конечно, не придавало оригиналу авторитета и не завоевало для китайской литературы достаточно широкого читателя. В части переводов китайской литературы на русский язык в 1990-е гг. серьезных новаций не наблюдалось. В основном, это были перепечатки того, что публиковалось в предыдущие десятилетия.

Однако в этот период вышел ряд переводов произведений, представляющих «неофициальную» эротическую литературу, которые не удавалось опубликовать в предшествующие периоды отечественной истории⁷. Представительную антологию древнекитайской литературы подготовил И.С. Лисевич⁸.

Среди новых переводов, сделанных большой группой китаеведов, обратила на себя внимание работа писателей Чжан Синьсинь и Сан Е, которые выпустили беллетризованные интервью с самыми разными представителями народа, дав срез социального и ментального облика китайцев⁹. Были продолжены переводы классика современной литературы Ба Цзиня¹⁰, вышел сборник новейшей прозы¹¹.

Больше повезло поэзии, которую донесла до читателя целая плеяда талантливых переводчиков (Л.Е. Черкасский¹², Л.Н. Меньшиков, И.С. Голубев, Г.Б. Ярославцев), а также известных поэтов, среди которых выделяется великая Анна Ахматова, которой даже подстрочник не преградил глубокое проникновение в поэтический мир оригинала. Нельзя не отметить небольшой сборник, вобравший в себя переводы патриарха отечественного китаеведения академика В.М. Алексеева¹³, поскольку любые публикации этого выдающегося ученого вносят значительный вклад в наши китаеведческие штудии.

Среди работ такого плана, многие из которых представляют собой перепечатки ранее уже опубликованных произведений, стоит обратить внимание на антологию¹⁴ — частичное повторение выпущенного в 1970-е гг. издательством МГУ сборника средневековой пейзажной лирики, составленного И.С. Лисевичем. В переводах И.С. Голубева,

С.А. Торощева (непосредственно с китайских оригиналов), поэта Э.В. Балашова (по подстрочникам И.С. Лисевича) китайское стихотворение на русском языке воспроизводит элементы духовного контента оригинала.

Исследования китайской литературы в нашей стране чаще всего шли по линии истории литературы, то есть произведения вставлялись в последовательный каркас литературного и социального контекстов. Те формальные изыскания в области поэтики, какие мы встречаем в начале XX в. у академика В.М. Алексеева, в середине века у академика Н.И. Конрада, частично у Л.З. Эйдилина, не получили продолжения и развития. Другими словами, изучения китайской литературы как художественного текста в советском и российском Китаеведении почти не встречалось, тем более в 1990-е гг., когда подобный формат в силу целого ряда причин, в первую очередь, социального характера, и не мог быть востребован.

Известный своими исследованиями буддийской духовности и обрядности Г.Б. Дагданов вслед за анализом творчества Ван Вэя выпустил аналогичную работу уже о другом великом средневековом поэте, в стихах которого явно прослушивается буддийское звучание¹⁵. Появились интересные публикации, поставившие в фокус исследований творчество конкретных писателей XX в.¹⁶

В это же десятилетие вышли работы М.Е. Кравцовой¹⁷, в одной из которых текст «Канона поэзии» («Шицзин») рассмотрен в связи с целой серией канонов, а также в аспекте мифологии и традиционной обрядности, проанализированы проблемы происхождения и начальной стадии развития классической китайской поэзии на материале двух основополагающих памятников антологии «Шицзин» и свода «Чуские строфы», а другая¹⁸ представляет собой учебное пособие, рассматривающее литературу с культурологического ракурса.

В синологии постепенно вызревало понимание необходимости отхода от социологизированного жанра истории литературы и погружения в собственно литературоведческий анализ с привлечением как общей теории литературы, так и новейших методов исследования¹⁹. Интерес к китайской литературе начали проявлять крупные специалисты общего литературоведения²⁰.

В ИДВ РАН был выпущен сборник, в котором на материале как литературы, так и изобразительного искусства, кинематографии, образования, были комплексно исследованы положительные тенденции развития культуры и откровенно обозначены препятствия к этому развитию, возникшие в китайском обществе, особенно в 1920-е—1940-е гг.²¹

Интересными работами была отмечена область китайской мифологии, исследования которой показали расширение и углубление процесса — в сторону Тайваня (лидер этого направления в отечественном Китаеведении академик Б.Л. Рифтин собрал сказания народностей Тайваня и издал их на китайском языке²²) и даже за пределы земной цивилизации (И.С. Лисевич, к сожалению, не завершивший свои нестандартные начинания в области мифологии, в целом ряде легенд китайской древности обнаружил очевидные следы внеземных контактов, тем самым вплотную подождая к эзотерическим тайным доктринам, коими так богат многогранный Китай)²³.

Российское Китаеведение в этот период обогатилось за счет исследований и переводов работ зарубежных коллег, обобщая культурологические поиски западных сиологов²⁴ и переводя на русский язык наиболее содержательные исследования (в частности, книгу крупного английского сиолога профессора С.П. Финдджеральда — обширный и глубокий очерк истории Китая от неолита до конца XIX в., в котором достойное внимание уделено духовной культуре, искусству и литературе традиционного Китая)²⁵. Известный переводчик русской литературы Гао Ман сформулировал подходы китайских литературоведов к русской классике (статьи о Пушкине и Ахматовой)²⁶. В комплексный сборник, посвященный Л.Н. Толстому, была включена работа китайского автора, в кото-

рой в методике сравнительного анализа были сопоставлены два выдающихся представителя китайской и русской литератур²⁷.

Языкознание

Языкознание — достаточно специфическая сфера науки, рамки которой не слишком широки, и силы специалистов, ею занимающихся, ограничены. Тем не менее, уже в 1980-е гг. отечественные языковеды завершили гигантский фундаментальный труд по созданию «Большого китайско-русского словаря» под редакцией И.М. Ошанина, который серьезно облегчил исследовательские и переводческие работы во всех областях китаеведения.

Расширение китаеведческой базы в России потребовало большего количества языковых учебников. Для этого были привлечены наработки китайских коллег. Вышедший на рубеже 1990-х и 2000-х гг. российский учебник сохранил основную концепцию, содержание и структуру китайского издания (Пекин, 1986), максимально адаптировав его к задачам и условиям преподавания современного китайского языка в российских учебных заведениях. В связи с этим были уточнены тексты исходных комментариев китайского издания, введены новые упражнения по переводу, переработаны и дополнены страноведческие справки²⁸.

Среди языковедческих исследований 1990-х гг. обращают на себя внимание новаторские работы О.И. Завьяловой, посвященные исламским текстам в Китае и диалектам китайского языка.

Ислам проник в Китай при династии Тан (618–907 гг.) и шел по двум направлениям — северо-западному, вдоль Великого шелкового пути, и юго-восточному, морскому. На протяжении столетий китаеязычными мусульманами, жившими в разных регионах страны и говорившими на разных диалектах китайского языка, были созданы религиозные памятники двух основных типов. Первый — это неоднократно описанные в литературе иероглифические тексты. Арабские и персидские термины — как и вообще заимствования, входившие в китайский язык, — представлены в этих текстах в иероглифической записи и могут варьироваться в разных памятниках и регионах. Второй тип памятников, до последнего времени почти неизвестный за пределами сино-мусульманского мира, — это особые алфавитные тексты на китайском языке, записанные арабскими и персидскими буквами в системе, именуемой *сяоцзин* (*сяоэцзин*). Эти тексты, которые ныне во множестве издаются в современном Китае, до начала периода «реформ и открытости» были практически недоступны за пределами мира китайских мусульман. В нашей стране уникальные образцы подобных текстов хранятся в фонде Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Кроме того, они сохранились у дунган — потомков китаеязычных мусульман, в XIX в. переселившихся на территорию Российской Империи из северо-западного Китая. Эти тексты, как было показано в работах О.И. Завьяловой, не только отражают особенности соответствующих китайских диалектов, но также обнаруживают явное персидское влияние — следствие активных культурных контактов между Китаем и Персией в период монгольской династии Юань²⁹.

В другой работе О.И. Завьяловой диалекты рассматриваются как носители высоко ценных ныне региональных культур и средство этнической самоидентификации жителей разных районов страны. Впервые в истории изучения китайского языка было проведено лингвогеографическое исследование диалектов *гуаньхуа* (северных, мандаринских), основанное на выполненных автором картах, каждая из которых включала более чем тысячу пунктов. Эти карты позволили сделать важнейшее лингвистическое и этнокультурное открытие — ранее неизвестную диалектную границу вдоль реки Хуайхэ и хребта Циньлин. Географически это рубеж, разделяющий два природных региона — бассейны Хуанхэ и бассейны Янцзы. Исторически же открытая граница совпадает с несколь-

кими политическими границами, существовавшими в пределах современного Китая, в частности, в период формирования северных диалектов — с границей между чжурчжэньским государством Цзинь (1115–1234) и южным китайским государством Сун (1127–1279). По своему значению, как это подтвердили новейшие исследования китайских ученых, обнаруженная О.И. Завьяловой граница сопоставима или даже является более существенной, чем давно известный рубеж между так называемыми лингвистическим севером и лингвистическим югом страны вдоль реки Янцзы³⁰.

Театроведение

Изучение театра, имеющее в отечественном китаеведении давние корни и в 1935 г. стимулированное триумфальными гастролями великого Мэй Ланьфана, в 1990-е гг. обрело несколько заметных работ, в которых были исследованы различные тенденции китайского театра, его социальные корни, а также проникновение театральных традиций Востока в Европу.

Т.А. Малиновской были продолжены исследования жанра *цзинцзюй*, начатые В.Ф. Сорокиным в 1970-е гг.³¹. Современный драматический театр Китая был подвергнут анализу в ряде статей И.В. Гайды, опубликованных в журналах и книжных изданиях³². Некоторые исследователи посвятили свои работы творческим портретам известных деятелей театра и драматургии³³.

В течение десятилетий последовательно продолжает и углубляет свои театроведческие исследования С.А. Серова, до настоящего времени остающаяся ведущим специалистом по театру Китая. В работах 1990-х гг. она разрабатывала различные аспекты взаимосвязи и взаимовлияния китайского классического театра и общества, показав глубинную связь театра, театральной эстетики и драмы с явлениями общественной жизни³⁴. На новый — компаративистский — виток вышли ее исследования к концу десятилетия³⁵. Акцент в этой монографии сделан на обогащении русской культуры такими художественными традициями Востока, как пустое пространство, рассматриваемое как эстетический принцип, минимализация деталей и аксессуаров на сцене, вовлечение зрителя в сотворчество, мифологизация зрелища, возвращающего контекст к изначальной целостности времени и пространства.

Киноведение

Несмотря на то, что кинематография Китая — одна из старейших в мире (первый отечественный фильм был снят в 1905 г.), советское китаеведение ни до 1949 г. (образование КНР), ни после этого рубежа не включало анализ киноискусства в сферу своих научных интересов, оставив информацию о китайских фильмах журналистам и кинематографистам. Только в 1960-х гг. появились первые работы по истории китайского кино, а систематическое научное изучение его началось лишь в 1970-е гг. Межгосударственное потепление отношений дало возможность непосредственного ознакомления с фильмами и киносценариями, с аналитическими публикациями прессы КНР в ходе визитов в страну и стажировок в различных научных и учебных заведениях, в том числе и в Пекинском институте кинематографии. Это открыло пути к углублению киноведческой аналитики. Серьезный специалист общего профиля впервые заинтересовался китайским киноискусством и включил аналитическую статью о режиссере Чжан Имоу в свою книгу, где собраны творческие портреты крупнейших кинорежиссеров мира³⁶, в 1999 г.

Серьезные и последовательные исследования кинематографии как киновед и историк кино вел с 1970-х гг. С.А. Торопцев³⁷, который фактически открыл для отечественного китаеведения это научное направление. В 1990-е гг. им были разработаны такие аспекты, как социально-политический статус кинематографии КНР³⁸, эстетика китайского кино³⁹. Позже он сконцентрировал внимание на бесспорном лидере китайского киноис-

куства Чжан Имоу, неоднократно призере ведущих международных кинофестивалей (Канн, Венеция, Берлин). Через целую серию статей об этом режиссере⁴⁰ он постепенно подошел к изданной уже в 2000-е гг. первой за пределами Китая монографии об этом крупнейшем режиссере, где не только подверг анализу его сложное, состоящее из нескольких направлений и жанров, творчество, но и проанализировал через призму этой фигуры развитие китайской кинематографии в целом.

Новым направлением в изучении китайской кинематографии стали работы по киноискусству Тайваня, до тех пор совершенно неизвестному в нашей стране. Это стало возможным после длительной стажировки в Национальном киноархиве в Тайбэе, возможность которой была предоставлена С.А. Торопцеву в 1994 г. Итогом этой работы стала первая в России книга по истории этого островного киноискусства⁴¹, имеющего высокий авторитет в мире и принципиально отличающегося от континентального искусства, а также анализ авангардной молодой «новой кинематографии» Тайваня⁴². Привезенный С.А. Торопцевым из Тайбэя фильм «Осенняя казнь» маститого режиссера Ли Сина стал первым фильмом Тайваня, показанным по российскому телевидению.

Авторитет российских исследований китайской кинематографии получил признание в мире, и ряд работ были опубликованы на китайском языке в КНР (в 1980-е гг.) и на английском языке в Индии⁴³ — в журнале, авторитетном не только в этой стране, но и во всем мировом киносообществе.

Изучение изобразительного искусства

Создание музейных коллекций китайских художественных артефактов началось в России в XVIII в., сначала в Кунсткамере, в XIX в. — в Эрмитаже и в XX в. в Москве в Музее искусств Азии.

В начале XX в. началось изучение этих коллекций, была опубликована первая серия статей этнографо-музееведческого характера. Важнейшую роль в становлении искусствоведческой составляющей в советском китаеведении сыграл академик В.М. Алексеев. В 1970–1990-е гг. целый ряд оригинальных и глубоких исследований, преимущественно в сфере эстетики и философии искусства, были подготовлены Е.В. Завадской⁴⁴.

В 1990-е гг. лидерами в этой сфере продолжали оставаться китаеведы Москвы и Петербурга, которые занимались предметами знаменитой китайской керамики⁴⁵, шелковыми изделиями⁴⁶, атрибуцией произведений⁴⁷, портретной живописью⁴⁸, общими искусствоведческими проблемами китайской живописи⁴⁹.

Изучение системы образования

Еще в 1970–1980-е гг. китаеведы Института Дальнего Востока АН СССР начали вести последовательные исследования системы образования в КНР, утверждая их как *новое направление в советском китаеведении*, хотя и достаточно разработанное в то время в трудах западных и японских специалистов по Китаю. В 1974 г. появилась первая небольшая монография на эту тему, охватывающая период от «большого скачка» до 1972 г., а в 1980 г. — коллективный труд, анализирующий курс руководства КНР в первые тридцать лет становления и развития науки и образования в КНР в контексте политической борьбы и экономических экспериментов⁵⁰. В конце 1980-х гг. китаеведы ИДВ АН СССР вслед за их предшественником из Академии педагогических наук В.З. Клепиковым, защитившим диссертацию по образованию в Китае второй половины XIX — первой половины XX в., обратились к анализу значения республиканского периода 1920–1940-х гг. для исследования тенденций современных реформ в сфере образования⁵¹.

Возобновившийся с середины 1980-х гг. обмен студентами, преподавателями и научными работниками по линии министерств образования двух стран, к началу 1990-х гг. дал возможность научным сотрудникам АН СССР, получившей свою квоту в обмене,

вести полугодовые и даже годовые полевые исследования в КНР. Благодаря этому к началу десятилетия появляются статьи советских ученых, черпавшие материал не только из бумажных источников (китайской периодики и немногочисленных доступных в СССР трудов зарубежных ученых), но и обогащенные полевыми исследованиями — посещениями школ и университетов КНР, отделов образования разных провинций, интервью с преподавателями и сотрудниками органов образования. Пребывание в стране, помимо прочего, резко расширяло доступ российских китаеведов к первоисточникам, в частности, к весьма обширной педагогической периодике, в том числе и провинциальной.

Все вышеназванные факты, а также опыт исследований политики КНР в области образования, накопленный молодыми учеными Института Дальнего Востока АН СССР РАН в течение двух десятилетий, позволили им в 1990-е гг. впервые выйти за рамки узкополитических и чисто китаеведческих работ. Китай в те годы декларировал цель создания собственной национальной модели социалистической системы образования. При этом после почти 20-летней самоизоляции от внешнего мира он обратился к зарубежному опыту, заимствуя его и пытаясь перенести лучшее на китайскую почву. Подобные эксперименты вновь после 1950-х гг. возродили интерес китайских педагогов к трудам советских коллег. Более того, этот интерес оказался взаимным — после почти тридцатилетнего перерыва статьи по реформе образования в КНР начал публиковать ведущий теоретический журнал «Педагогика». Все это потребовало от китаеведов, посвятивших себя образовательной тематике, расширить свой кругозор, обогатив его междисциплинарными концепциями и достижениями западной теоретической мысли.

Одной из сквозных тем исследований в сфере образования КНР стало формирование национальной образовательной модели в условиях интернационализации. Первым подходом к теме явилась публикация пока еще поверхностной обзорной статьи «О восприятии идей мировой педагогики в Китае», бегло охватывающей более чем вековой период внедрения в Китае «западных учений» с акцентом на прошлое, настоящее и будущее взаимодействия российской и китайской педагогик. В статье подчеркивался ряд принципиально новых моментов заимствования Китаем зарубежного опыта — установка на предварительный глубокий теоретический анализ с последующими осторожными экспериментами, учитывающими национальную специфику, а также преимущественная ориентация на совершившие «прыжок» развивающиеся страны Юго-Восточной Азии⁵². В этом контексте весьма своевременным стала публикация обзора о специфике образования на Тайване⁵³.

Внедрение ряда западных методик в теорию образования и практику учебных заведений вызывало бурные дискуссии как в самом Китае, так и среди зарубежных ученых. Поэтому не случайно изучение направленности китайских реформ — модернизация или вестернизация — занимало умы и российских китаеведов. Проведенный ими анализ позволил сделать вывод, что Китаю не грозит «вестернизация» в устоявшемся толковании этого термина, скорее речь идет об активизации процессов интернационализации при том, что именно синтез педагогической традиции стран Юго-Восточной Азии с идеями западной педагогики может стимулировать развитие образования в XXI в.⁵⁴

В 1990-е гг. стремительно развивающиеся информационные системы, рост активности международных фондов и организаций, интернационализация рынка труда сделали развитие образования внутри стран зависимым от многих международных факторов. Рождалась парадигма мирового системного анализа. Пересмотру подверглась и роль образования в процессе модернизации — больше внимания обращалось на воспроизводство им социального неравенства. Для проведения исследований на современном международном уровне нужны были специалисты иного класса, способные осуществлять исследования в транснациональном контексте.

К сожалению, в России и без того немногочисленные ряды специалистов по Китаю, заинтересованных в разработке образовательной тематики, к тому времени пореде-

ли. Данное направление в основном продолжала разрабатывать в то время кандидат филологических наук, а впоследствии — доктор исторических наук сотрудник Института Дальнего Востока РАН Н.Е. Боревская. Ее почти годовая стажировка в Центре сравнительных и международных исследований образования Университета штата Нью-Йорк (США) в 1995—1996 гг. дала возможность вывести тематику российских исследований по китайскому образованию на уровень современной международной компаративистики, а также обогатить принятую в советский период теоретическую платформу этих исследований передовыми западными теориями модернизации и человеческого капитала.

В результате в 1997 г. появилась статья, впервые исследовавшая китайскую модель образования как часть столь модной в то время в западной синологии «азиатской модели», противопоставляемой кризису западной школы⁵⁵. В статье в новом для российской синологии 1990-х гг. русле был дан критический анализ работ американских компаративистов, ставивших спорный вопрос об уникальности «азиатской модели». Некоторые из них связывали эффективность развития их образовательных систем с особыми методами накопления человеческого капитала, другие рассматривали «азиатскую модель» в контексте конфуцианской цивилизационной традиции. В целом, в работе отмечены как аспекты, отличавшие китайскую систему образования от модели «драконов» Юго-Восточной Азии, так и их общие характерные черты. К последним относится традиционная для стран этого региона патерналистская роль государства.

1990-е гг. явились переходным периодом к новой экономической, а иногда и политической модели не только для Китая и России, но и для ряда стран Восточной Европы. Соответственно ученым этих стран, и китаеведам в том числе, пришлось обратиться к компаративистике, чтобы полнее исследовать ряд общих проблем, в том числе изменение ряда функций государства и появление его новых обязательств, в частности, поиск баланса децентрализации микрополитики и централизации макроконтроля (в т.ч. разработка государственных учебных программ и стандартов). С этих позиций опыт Китая первой половины 1990-х гг. оказался весьма интересен для ряда развитых стран Запада, в частности, США с его крайностями независимой образовательной политики каждого штата. Пристальному изучению азиатской модели государственного регулирования образовательной политики при достаточно ограниченной, но все же самостоятельной роли местных властей была посвящена изданная в США международная монография, в которой приняли участие и российские китаеведы⁵⁶.

К середине 1990-х гг. Россия все отчетливее осознает необходимость перехода от реформы образования к его модернизации, возрастает роль образования в создании информационного общества. Следствием этого является и растущий интерес педагогической общественности к успехам модернизации образования в прежде столь отсталой стране, как КНР. Поэтому столь востребованным оказался и первый достаточно систематизированный сравнительный анализ образовательной политики двух стран, где акцент был сделан на сопоставлении роли государства в определении целей, задач и структурной реформы системы образования на основе Законов об образовании двух стран и других основополагающих государственных документов. Особое внимание уделялось обеспечению государством приоритетности образования в процессе социально-экономических преобразований, а также его образовательной политике в условиях растущего социального расслоения⁵⁷. С этих пор в работах по данной тематике все отчетливее высвечивается такой новый аспект, как потенциал использования Россией опыта соседней страны при решении сходных проблем модернизации системы образования.

В течение всего десятилетия российские китаеведы исследовали базовые составляющие новой образовательной стратегии КНР. Впервые появляются статьи по отдельным направлениям образовательных реформ в КНР — управленческой, финансовой и пр., их реализации на разных уровнях системы образования — школьном и университетском. Публикация фактологически насыщенной статьи на тему децентрализации

управления учебными заведениями в Китае оказалась чрезвычайно актуальной для новой России, проводившей в начале 1990-х гг. (см. Закон РФ об образовании от 1992 г.) реформу советской системы образования и остро заинтересованной в изучении опыта соседа, насчитывавшего к тому времени уже более десятилетия. С научных позиций ценность данной публикации усиливалась привлечением материала полевых исследований, проведенных автором в пров. Цзянсу⁵⁸.

Успешно продолжались исследования соотношения централизации с регионализацией управления и финансирования учебных заведений в КНР, специфики создания там различных моделей региональных образовательных систем, определяемых как экономическими, так и социо-культурными факторами, но при стимулировании наиболее продвинутых регионов. При этом на основании статистических данных подтверждался вывод о том, что региональный разрыв в уровне образования определялся не столько количественными, сколько качественными показателями, этот разрыв углублялся, и его сокращение следовало искать на пути создания собственной, оптимальной для местных условий структуры образования, а также в сотрудничестве регионов⁵⁹.

Продолжением исследований роли государства в ходе модернизации системы образования стала работа, посвященная анализу его политического и финансового участия в процессе приватизации в сфере образования⁶⁰.

* * *

Итак, в целом в 1990-е гг. в российских исследованиях китайской культуры, несмотря на все сложности переходного периода, появляется проблемный подход и современная методология, в т.ч. компаративистская, что вывело их на международный уровень. В наибольшей степени это проявилось в сфере изучения образования. Были проанализированы (пока еще в общем виде) основные направления модернизации системы образования КНР, характерные и для других стран: интернационализация, децентрализация, приватизация, дифференциация. Они были систематизированы в посвященной 50-летию КНР статье «От школы классической к школе постиндустриальной»⁶¹.

И в других областях культуры отечественное китаеведение вышло на новый уровень глубины исследований и широты охвата исходного материала. Так был заложен фундамент для более глубокого анализа проблем культуры и образования в XXI в.

-
1. Литература и искусство КНР начала 90-х годов. М., 1992.
 2. Голыгина К.И. "Великий предел": Китайская модель мира в литературе и культуре (I-XIII вв.). М., 1995.
 3. Малявин В.В. Китай в XVI—XVII вв.: Традиция и культура. М., 1995; Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М., 2000.
 4. Малявин В.В. Молния в сердце. Духовное пробуждение в китайской традиции. М., 1997.
 5. Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2000.
 6. Зинин С.В. Космос и человек в китайской культуре: звезды и восемь ветров "ба фэн". М., 1993.
 7. Цзинь, Пин, Мэй. Иркутск, 1994 / пер. В.С. Манухина, вступ. ст. Б.Л. Рифтина; *Ли Юй*. Полуночник Вэйян, или Подстилка из плоти / пер. и предисл. Д.Н. Воскресенского. М., 1996.
 8. Бамбуковые страницы: Антология древнекитайской литературы. Пер. с дрекнекит / Сост., вступит. ст., коммент. И.С. Лисевича. М., 1994.
 9. Чжан Сяньшань, Сан Е. Дракон меняет облик. Китайцы сегодня. М., 1992.
 10. Ба Цзинь. Избранное: Сборник. Пер. с кит. / Сост. и предисл. В. Сорокина. М., 1991 (Мастера соврем. прозы).
 11. Взлетающий феникс. Современная китайская проза / Сост. Н.В. Захарова, В.И. Семанов. М., 1995.
 12. Черкасский Л. Ай Цин — подданный Солнца. Книга о поэте. М., 1993.
 13. Постоянство пути. Избранные танские стихотворения в переводах В.М. Алексеева. СПб., 2000.
 14. Китайская пейзажная лирика. 2-е изд. В 2 т. М., 1999.

15. *Дэгданов Г.Б.* Мэн Хаожань в культуре средневекового Китая. М., 1991.
16. *Лебедева Н.А.* Сяо Хун. Жизнь, творчество, судьба. Владивосток, 1999.
17. *Кравцова М.Е.* Поэзия древнего Китая: Опыт культурологического анализа. СПб., 1994.
18. *Кравцова М.Е.* История культуры Китая. Учебное пособие. СПб., 1998.
19. *Зитин С.В.* Протест и пророчество в традиционном Китае: Жанр *яо* с древности до XVII в. н.э. СПб., 1993.
20. *Бахтин М.М.* Особенности китайской литературы и ее история // *Бахтин М.М.* Эстетическое наследие и современность. Саранск, 1992.
21. Китайская культура 20–40-х годов и современность. М., 1993.
22. *Рифтин Б.Л.* От мифа к быличке: Сравнительное исследование мифов и сказок аборигенов Тайваня. Тайчжун, 1998; Пекин, 2001 (на кит. яз.).
23. См. мемориальный сборник: Лисевич И.С. Мозанка древнекитайской культуры. М., 2010.
24. *Зитин С.В.* Новые западные исследования по средневековой китайской литературе». — «Восток», 1993, № 6.
25. *Фицджеральд С.П.* Китай. Краткая история культуры. М., 1998.
26. Пробл. Дальнего Востока. 1990. № 3; Наш современник. 1999. № 10.
27. *Ни Жүйцзинь.* Ба Цзинь и Л.Н. Толстой // Слово и мысль Льва Толстого. Казань, 1993.
28. *Кондрашевский А. Ф., Румянцева М. В., Фролова М. Г.* Практический курс китайского языка. В 2 т. М., 2000.
29. *Завьялова О.И.* Сино-мусульманские тексты: графика — фонология — морфонология // *Вопр. языкознания.* 1992. № 6.
30. *Завьялова О.И.* Диалекты китайского языка. М., 1996.
31. *Малшиновская Т.А.* Очерк истории китайской классической драмы в жанре *цзацзюй* (XIV–XVII вв.). М., 1996.
32. *Гайда И.В.* Время и драматургия (театр КНР начала 90-х гг.). // Информ. бюлл. ИДВ. М., № 1. 1995.
33. *Аджимамудова В.С.* Тянь Хань: портрет на фоне эпохи. М., 1993.
34. *Серова С.А.* Китайский театр и традиционное китайское общество. XVI — XVII вв. М., 1990.
35. *Серова С.А.* Театральная культура Серебряного века в России и художественные традиции Востока (Китай, Япония, Индия). М., 1999.
36. *Плахов А.* Всего 33. Звезды мировой кинорежиссуры. Винница, 1999.
37. *Торопцев С.А.* Трудные годы китайского кино. М., 1975; *Торопцев С.А.* Очерк истории китайского кино, 1966–1986. М., 1979; *Торопцев С.А.* Свеча на закатном окне: Заметки о китайском кино. М., 1987.
38. *Торопцев С.А.* Китайское кино в «социальном поле». М., 1993.
39. *Торопцев С.А.* Изображение и слово в китайском «новом кино» // *Пробл. Дальнего Востока.* 1998. № 4; *Торопцев С.А.* Тайваньское кино на скрещении традиций и авангарда (творческий облик режиссера Хоу Хаосяня) // *Пробл. Дальнего Востока.* 1997. № 3; *Торопцев С.А.* Реальное и чувственное («восточный» и «западный») типы сексуальных отношений в фильмах КНР) // *Пробл. Дальнего Востока.* 1996. № 6.
40. *Торопцев С.А.* К «Красному гаолян» через Ницше, Фромма, Лаоцзы» // *Восток. Запад. Взаимодействие цивилизаций.* 1992. № 0. С. 20–22.
41. *Торопцев С.А.* Кинематография Тайваня. М., 1998.
42. *Торопцев С.А.* «Новое кино» Тайваня. М., 1997.
43. *Toroptsev S.* The Viewer Viewed // *Cinemaya.* Delhi, 1991, №12. P. 4–8; *Toroptsev S.* The Space of the Subjective // *Cinemaya.* Delhi, 1992, №16. P. 14–17.
44. *Завадская Е.В.* Ихэюань — сад, творящий гармонию. М., 1991.
45. *Аратова Т.Г.* Дальневосточный фарфор в России 17–20 вв. СПб., 1994.
46. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Китай на Шелковом пути. М., 1994; *Меньшикова М.Л.* Китайские шелковые ткани из Египта // *Сообщ. Гое. Эрмитажа.* СПб., 1997. Вып. 7.
47. *Меньшикова М.Л.* Ли Хун-чжан и Николай II: к вопросу об истории некоторых китайских вещей в коллекции Эрмитажа // *Кунсткамера: Этногр. тетради.* СПб., 1995. Вып. 7.
48. *Самосюк К.Ф.* Портреты гангутских императоров / Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 1993.

49. *Виноградова Н.А.* Пань Тянь-шоу и традиции живописи гохуа. М., 1993; *Соколов-Ремизов С.Н.* Между прошлым и будущим: Живопись и каллиграфия Китая и Японии на рубеже веков // XXVIII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1998.
50. *Боревская Н.Е.* Школа в КНР, 1957–1972 гг. М., 1974; *Антитовский А.А., Боревская Н.Е., Франчук Н.В.* Политика в области науки и образования в КНР, 1949–1979 гг. М., 1980.
51. Современное образование и реформа школы 20–40-гг. // Китайская культура 20–40-х годов и современность. М., 1989. С. 200–234.
52. *Боревская Н.Е.* О восприятии идей мировой педагогики в Китае // Педагогика. 1991. № 9. С. 128–135.
53. *Боревская Н.Е.* Образование на Тайване // Современный Тайвань. Информ. бюлл. ИДВ. 1992. Вып. 2.
54. *Боревская Н.Е.* Модернизация или вестернизация? (Специфика китайской школы) // Пробл. Дальнего Востока. 1993. № 4, С. 82–92.
55. *Боревская Н.Е.* Китайская образовательная стратегия в азиатском контексте // Педагогика. 1997. № 3. С. 86–95.
56. *Borevskaya N.* The Role of the State in Educational Reform in the PRC. // The Challenge of Eastern Asian Education: Implications for America (W.K.Cummings, Ph. G. Altbach eds.). Albany, 1997. P. 265–274.
57. *Боревская Н.Е.* Образовательная политика в Китае и России: сравнительный анализ // Педагогика. 1996. № 1. С. 94–103.
58. *Боревская Н.Е.* Управление образованием в Китае // Педагогика. 1992. № 11–12. С. 108–114.
59. *Боревская Н.Е.* Регионализация как составная стратегии образования в Китае в 90-е годы // Пробл. Дальнего Востока. 1997. № 3. С. 129–141.
60. *Боревская Н.Е.* Негосударственные образовательные учреждения в Китае // Педагогика. 1999. № 1. С. 92–102.
61. *Боревская Н.Е.* От школы классической к школе постиндустриальной // Китай на пути модернизации и реформ. М., 1999. С. 559–579.

Изучение Тайваня в России (1990-е гг.)*

© 2012

А. Ларин

Открыв для себя Тайвань в 90-е гг. XX в., российские ученые смогли создать картину важнейших составляющих тайваньской проблематики, выявить тенденции развития ситуации на острове и вокруг него, начиная с «межбереговых» отношений, определить оптимальную позицию России по тайваньскому вопросу и его значение для нас.

Ключевые слова: изучение Тайваня в России, российско-тайваньские связи, Тайвань в российско-китайских отношениях.

Открытие Тайваня. 1990-е гг. стали для российской науки периодом открытия Тайваня. До этого тайваньская тематика в силу политической конъюнктуры и идеологических соображений, обусловленных "холодной войной" и сложными отношениями СССР с КНР, в течение длительного времени находилась под запретом. Единственно, что допускалось и даже поощрялось — это изображать Тайвань в соответствии с типичными для СССР того времени убеждениями как "непотопляемый авианосец" США, а Чан Кайши — как "американскую марионетку"¹. Однако даже в этих обстоятельствах российским ученым иногда удавалось создавать объективные научные труды, посвященные Тайваню. Самым крупным из них, правда, далеким от злобы дня, была монография Ф.А. Тодер "Тайвань и его история (XIX в.)"². Одна из глав в книге А.В. Меликсетова "Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949)"³ вопреки заголовку была посвящена периоду после перебазирования Гоминьдана на Тайвань.

В конце 1980-х гг. в условиях ослабления идеологических запретов внимание исследователей не могли не обратить на себя экономические успехи "четырёх тигрят" Азии. Был опубликован ряд работ, в которых наряду с достижениями Южной Кореи, Сянган и Сингапура достаточно объективно (впрочем, без особых восторгов) рассматривалось и "тайваньское экономическое чудо"⁴. В тот же период увидела свет первая политическая биография Чан Кайши⁵, выдержанная, впрочем, в сугубо критических тонах.

В новой России у ученых не только появилась возможность, но и возникла потребность свободно изучать запретный прежде Тайвань, от сотрудничества с которым в тот момент ждали многого. Ожидания были взаимными, и стороны быстро наладили контакты, в том числе научные. Деятельность российских ученых на тайваньском направлении сразу же оживилась. С 1992 г. Институт Дальнего Востока РАН стал публиковать неперIODические выпуски под названием "Тайвань. Краткие справочные сведения" (позже — "Современный Тайвань. Информационно-аналитические материалы").

1993 г. ознаменовался всплеском публикаций по Тайваню. В академических институтах одновременно увидели свет два справочника⁶, журнал "Проблемы Дальнего

Ларин Александр Георгиевич, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН. E-mail: larin@ifes-ras.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ. Грант №12-33-09006 «Основные направления и проблемы российского Китаеведения».

Востока" № 5 опубликовал большую подборку материалов о Тайване, в Дипломатической академии МИД состоялась двусторонняя научно-практическая конференция, доклады которой также были опубликованы⁷. Пиком "пускового" периода российского тайвоведения стало издание большого сборника "Современный Тайвань"⁸, большая часть материалов которого была представлена нашему читателю впервые.

Всего в течение 1990-х гг. количество научных публикаций по Тайваню составило, по нашим подсчетам, приблизительно 200 работ. Были изданы и некоторые работы тайваньских авторов, например, Ширли Го⁹. В научных центрах стали проводиться конференции по тайваньской проблематике, в том числе с участием тайваньских ученых. Ведущее место здесь занял ИСАА при МГУ, где в течение многих лет велось исследование по истории Китайской Республики и Гоминьдана, распространенные затем и на ее тайваньский период. В Институте востоковедения РАН и Институте Дальнего Востока РАН были созданы структуры по изучению Тайваня. В организации научной работы по тайвоведению особенно заметную роль сыграл заведующий кафедрой истории Китая ИСАА при МГУ проф. А.В. Меликсетов. Много усилий в этом направлении приложил также руководивший одним из отделов ИДВ РАН проф. Л.М. Гудошников.

Изучение российско-тайваньских связей. Поскольку изучение Тайваня велось с российского "угла", специалистов, естественно, в первую очередь интересовали проблемы двусторонних связей. Открывшиеся возможности их установления поставили российскую общественность перед вопросом: что может дать нашей стране сближение с этим небольшим квазигосударственным образованием, учитывая его экономический потенциал, его намерения, его место в АТР и, прежде всего, отношения с материковым Китаем? До какой степени имеет смысл развивать двустороннее сотрудничество в свете интересов и потребностей РФ?¹⁰

Тайвань представлялся России как ценный торговый партнер и потенциальный крупный инвестор, обладатель крупнейших золотовалютных запасов. Для Тайваня на первом месте стояло желание если не прорвать, то хотя бы ослабить навязанную ему дипломатическую изоляцию, однако он не собирался пренебрегать и торгово-экономическим сотрудничеством и обещал посредничество в выводе российской продукции на международные рынки, где у Тайваня имелись обширные связи.

Однако ожидания обеих сторон оказались завышенными. Указ Президента Б.Н. Ельцина от 15 сентября 1992 г. "Об отношениях между Российской Федерацией и Тайванем" однозначно определил рамки этих отношений как неофициальных, не дипломатических. А на развитии инвестиционного сотрудничества сказалось губительным образом качество инвестиционного климата в России плюс некоторые препятствия политического происхождения, к числу которых можно отнести сложности с выдачей Тайваню правительственных гарантий, предполагающих взаимодействие государственных структур¹¹. Тем не менее, двусторонние торгово-экономические и культурные отношения, достигнув в первой половине 1990-х гг. определенного объема, приобрели стабильный характер с тенденцией к медленному расширению.

Подробное описание истории становления и эволюции этих отношений до конца 1990-х гг. с завидным знанием фактуры и четкостью, даже резкостью оценок сделал сотрудник Института Востоковедения РАН П.М. Иванов (работы которого будут упоминаться ниже). Он же констатировал: "Российско-тайваньские отношения состоялись, стали фактом международной жизни"¹². Вместе с тем, в перспективе, по его мнению, "новых качественных изменений ожидать не приходится, да они и не являются необходимым условием для поступательного движения в консервативных рамках достигнутой стабилизации"¹³. С другой стороны, как отметил М.В. Карпов (ИСАА при МГУ), "у этих отношений есть будущее, факторы, способные привести к их полному прекращению, вряд ли эффективны"¹⁴.

Российские исследователи, как и политики, единодушно признали, что состоявшие отношения между Москвой и Тайбэем по большому счету лимитируются и будет лимитироваться впредь позицией Пекина. "Развивая свои связи с Тайбэем, Россия ни в коем случае не намерена делать это в ущерб интересам КНР и вопреки официальной позиции КНР по тайваньской проблеме", — писал в журнале "Международные отношения" глава Московского представительства в Тайбэе В.И. Трифонов¹⁵.

Развертывая этот тезис, академик В.С. Мясников (ИДВ РАН) подчеркивал: "Уровень торгово-экономических, научно-технических и культурных связей российских деловых кругов и неправительственных организаций с Тайванем будет зависеть от развития "через-проливных" отношений"¹⁶. На практике эта зависимость, действительно, ощущалась, причем большое значение имела и ее степень. Готовность Москвы считаться с мнением Пекина не означала, что Россия согласна полностью им руководствоваться, поступившись собственными выгодами. Пекин, добиваясь максимальной международной изоляции Тайваня с самого начала 1990-х гг. стремился свести к нулю общение с ним России, что существенным образом противоречило ее экономическим интересам. Кроме того, как отмечал П.М. Иванов, "попытки коммунистического Китая навязать России дополнительные ограничения означали дискриминацию РФ по сравнению с другими странами мира, сотрудничающими с КР"¹⁷. Не удивительно, что российские ученые выступили за более широкое сотрудничество с Тайванем (в границах обязательств перед КНР).

Наиболее обстоятельно высказался на эту тему Ю.М. Галенович (ИДВ РАН). По его мнению, "прекращение, сокращение или замораживание отношений с островной частью Китая только нанесло бы вред нашим национальным интересам"¹⁸: произошедшее в начале 1990-х гг. установление отношений Москва — Тайбэй — это "избавление от ущербности нашей политики в прошлом, неотъемлемая часть становления независимой и самостоятельной политики нашей страны"¹⁹. Рассматривая в теоретико-методологическом плане население материка и острова в виде двух частей одной нации, он расценил установление связей Москва — Тайбэй как "еще один позитивный элемент общей картины отношений наших двух наций — России и Чжунхуа" и предложил строить эти отношения на принципах независимости и самостоятельности, равноправия и невмешательства во внутренние дела, на идеях демократии, свободы, прогресса²⁰.

Важно отметить, что в итоге Москва и Пекин достигли взаимопонимания в том, что "Россия не должна предпринимать никаких серьезных шагов по развитию отношений с Тайбэем без согласия Пекина, а Пекин соглашается не препятствовать развитию неофициальных контактов и торговли"²¹.

Отношения между берегами Тайваньского пролива были, естественно, центральной темой исследований. На протяжении всех 1990-х гг. они оставались весьма напряженными, несмотря на отказ Тайбэя от реваншистских планов Чан Кайши и поворот Пекина к мирному решению проблемы объединения. Главная причина сохранения напряженности заключалась в подъеме на острове сепаратистских тенденций, спровоцированных эйфорией после успешного перехода Тайваня от авторитарного режима к демократической системе. Пекин неоднократно напоминал о возможном применении силы в случае провозглашения Тайваня независимым государством.

Тем не менее, российские эксперты, постоянно следившие за ситуацией в Тайваньском проливе, неизменно приходили к выводу, что использование силы едва ли будет иметь место в силу крайне неблагоприятных для КНР экономических, а также международно-политических последствий, и нынешний статус Тайваня не будет нарушен. А.Г. Ларин (ИДВ РАН), проанализировав факторы, влияющие на состояние тайваньской проблемы, заключил: «В ситуации вокруг Тайваня происходят процессы, одни из которых делают нынешнее положение острова менее устойчивым, другие, наоборот, способствуют закреплению статус-кво... В итоге же, несмотря на нынешнее достаточно напряженное состояние отношений через пролив, положение Тайваня остается достаточно ста-

бильным... В долгосрочном плане указанные процессы работают на перспективу объединения обеих частей Китая»²².

Возможность грядущего объединения Китая российские специалисты, как правило, связывали с ожиданием в отдаленном будущем трансформации китайского общества. «Думается, — писал Л.П. Делюсин (Институт международных экономических и политических исследований РАН), — что дальнейшее осуществление реформ, расширенные рыночные отношения, демократизация политической системы благоприятно повлияли бы на процесс решения тайваньской проблемы»²³.

Вместе с тем, в России внимательно исследовали феномен постоянно возрастающего экономического сближения сторон, справедливо полагая, что оно увеличивает заинтересованность Пекина в поддержании стабильности тайваньской экономики, создаст мощный императив для смягчения политической атмосферы в Тайваньском проливе и, возможно, будет способствовать объединению. С.Г. Лузянин и Е.Н. Сафронова (ИДВ РАН) высказали плодотворную мысль: «На наш взгляд, руководство КНР поступит дальновидно, если усилит свой курс на экономическое вращение Тайваня в тело материкового Китая, приглушив императивный тон в переговорах с тайваньским руководством»²⁴. (Позже, в «нулевых», в отношениях через пролив вслед за изменением ряда обстоятельств возобладали именно такая тенденция). В.В. Михеев (ИДВ РАН) предложил: «В свете глобализации перенести внимание пекинских и тайбэйских лидеров с вопроса, кто прав, а кто виноват в длящейся десятилетиями конфронтации, на другой вопрос: как создать Единый рынок и единую экономику в Восточной Азии с участием Японии, Кореи, АСЕАН, может быть, России, а также материкового Китая и Тайваня»²⁵. В.В. Кузнецова (Институт практического востоковедения) высказала предположение, что в конечном счете благодаря процессу углубления экономической интеграции через Тайваньский пролив «между материком и островом сформируется «естественная» экономическая территория, в рамках которой государственные границы полностью утратят свое значение»²⁶.

Рассматривались также возможности сотрудничества обеих частей Китая в вопросах международной безопасности (Ю.В. Цыганов²⁷, В.Г. Гельбрас²⁸). А.В. Воронцов (ИВ РАН) отметил, что в призыве Тайваня к созданию региональной системы коллективной безопасности «просматривается общая или близкая основа с видением проблем безопасности и сотрудничества в АТР Москвой»²⁹. Внимание российских специалистов к этому вопросу объяснялось их оценкой тайваньской проблемы как «одной из ключевых проблем в системе обеспечения региональной безопасности»³⁰. Данное обстоятельство, а также интерес к развитию торгово-экономических отношений с Тайванем побуждали российских экспертов, признавая тайваньскую проблему внутренним делом Китая, вместе с тем, неизменно высказываться в пользу мирных способов ее решения.

Интересно, что российские эксперты почти ничего не писали об американо-тайваньских отношениях. По-видимому, дело заключалось в том, что позиция США, при всех ее подвижках, по большому счету оставалась константой. Среди немногих исключений здесь можно назвать статьи А.В. Ломанова (ИДВ РАН)³¹ и сотрудника Института США и Канады РАН С.М. Труша³².

В качестве важного в долгосрочном плане компонента отношений через пролив в России исследовалась модернизация Тайваня как модель развития для материкового Китая. История тайваньской модернизации как будто бы подтверждала тезис о том, что расширение рыночных отношений ведет к демократизации политической системы, а в рыночных реформах в КНР проглядывало определенное повторение тайваньского опыта. А.В. Меликсетов писал по этому поводу: «Сегодняшний Тайвань демонстрирует кое-что существенное из будущего развития КНР и позволяет лучше представить и понять, в частности, логику политического развития КНР... Второй исторический социальный эксперимент на Тайване завершен. Дело теперь за КПК — надо сделать правильные выводы!»³³. Вместе с тем, Л.М. Гудошников и К.А. Кокарев предостерегали от упрощений:

«Проецировать опыт 20-миллионного острова на страну с более чем миллиардным населением вряд ли корректно»³⁴. Добавим, что, на наш взгляд, прямое заимствование тайваньского опыта материком невозможно не столько из-за несоответствия масштабов, сколько из-за различий в условиях, к которым прежде всего относится разрыв в уровнях жизненных стандартов.

Сопоставление путей развития Тайваня и материкового Китая подводило исследователей к вопросу: сокращается или увеличивается с течением времени разница между их общественными системами? К.М. Барский (МГИМО) обнаружил по обе стороны Тайваньского пролива «первые признаки тенденции конвергенции политсистем», а именно: в КНР — «неуклонное возвращение страны на магистральный путь развития китайской цивилизации», а на Тайване — шаги с целью «стабилизации политсистемы, развития конструктивного начала во взаимодействии различных политических сил на благо государства». Автор выдвигал предположение, что «конвергенция политических культур, а может быть, и политических систем постепенно создаст уникальные условия для развития нормального диалога, поиска путей урегулирования тайваньской проблемы»³⁵. С высоты наших сегодняшних знаний очевидно, что указанная конвергенция была достаточно поверхностной и пока еще не получила продолжения.

Политические процессы на Тайване. Среди работ на данную тему наиболее значительной является уже упоминавшаяся монография Л.М. Гудошниковой и К.А. Кокарева «Политическая система Тайваня»³⁶. В монографии дан тщательный структурный и функциональный анализ основных политических институтов острова и их эволюции с конца 40-х гг., подробно рассмотрены центральные и местные органы управления, избирательная система, политические партии, история Конституции.

В числе движущих сил демократического процесса на Тайване авторы называют: общее изменение международного климата, начатое перестройкой в СССР; становление КНР на путь реформ, ослабившее конфронтацию между Пекином и Тайбэем; влияние США с их нелюбовью к тоталитарным режимам; реформаторские усилия как «сверху» так и «снизу», включая лагерь оппозиции.

Полезным дополнением к монографии послужила подготовленная теми же авторами книга «Многопартийность на Тайване»³⁷, содержащая уставы основных политических партий.

Отдельные аспекты эволюции политической системы Тайваня из числа рассмотренных выше разрабатывались более подробно в статьях Г.А. Степановой³⁸ (ИДВ РАН) и других авторов. В то же время ряд исследователей подверг анализу иные стороны многогранных и неоднозначных политических процессов. Э.О. Батчаев (ИДВ РАН) выступил с тезисом: хотя в тайваньской политической культуре «по-прежнему сильны архаичные, авторитарные черты, вместе с тем в политической практике острова явно закрепились важные демократические стереотипы и соответствующие демократическим ценностям политические ориентации»³⁹.

Ряд статей был посвящен актуальной для российского читателя теме коррупции. А.Н. Карнеев (ИСАА при МГУ) в своих статьях показал, что демократизация на Тайване сопровождалась расцветом теневых отношений — оргпреступности, махинаций с общественными фондами и т.п. (так называемое «черное золото»); этот феномен есть «продукт определенных условий эволюции общества», вследствие чего «борьба с такими явлениями потребует, вероятно, больше времени, чем предполагалось, и не будет ограничиваться только областью правоохранительной деятельности»⁴⁰. В.А. Козырев (ИСАА при МГУ) проанализировал огромную роль местных группировок, по сути своей неполитических, с которыми, однако, вынуждены считаться в борьбе за влияние все политические партии⁴¹.

Важнейшим событием в политической жизни острова стали президентские выборы 2000 г., по итогам которых впервые за всю его послевоенную историю произошла

смена правящей партии. Это было сделано безупречным конституционным путем, и российские эксперты расценили результат выборов как свидетельство зрелости тайваньской демократии.

Экономическое развитие Тайваня. На этом направлении исследований в 1990-е гг. появились две крупных по теме монографии. А.А. Максимов (Институт востоковедения РАН) в своей пионерской работе⁴² рассмотрел важнейшие аспекты экономического развития острова, начиная со времени японской колонизации и до конца 1980-х гг. Отдельную главу он посвятил роли государства в экономике Тайваня, что представляло особый интерес для российской общественности, переживавшей в тот момент период болезненный процесс ломки советской плановой системы. «Если бы не активное воздействие государства на формирование отраслевых, технологических и социальных пропорций производственного процесса, то, безусловно, рыночное саморегулирование осуществлялось бы с огромными социальными и экономическими издержками», — доказывал автор⁴³.

Монография А.В. Островского «Тайвань накануне XXI века»⁴⁴, будучи подготовлена профессионалом-экономистом, вышла далеко за рамки экономики Тайваня, охватывая фактически все основные аспекты внутренней жизни острова, его отношения с материком и международные связи. Квинтэссенция впечатляющего прогресса Тайваня, по мысли автора, заключается в следующем: «В 80-е годы на Тайване была сделана попытка объединить возможности рыночной экономики, которую с 50-х годов насаждали США, а ранее Япония, и плановой экономики... Именно большие экономические достижения позволили Тайваню провести политические реформы и осуществить либерализацию политической жизни. И именно такая последовательность реформ — сначала экономические, а затем на базе достижений экономических реформ — политические — позволила говорить о «тайваньском чуде»⁴⁵.

По мнению автора, тайваньская экономика «в основе своей выстроена на принципах ленинского нэпа». В настоящее время в России могут быть использованы отдельные элементы тайваньского опыта, в том числе: передача земли в руки тех, кто ее обрабатывает, создание научно-технических парков, борьба с инфляцией одновременно с защитой сбережений населения, внедрение тайваньской экзаменационной системы при найме на работу в государственные структуры. «Государство должно держать под контролем те отрасли экономики, которые имеют определяющее значение для судеб страны, и обеспечивать социальную защиту населения»⁴⁶.

Помимо монографий, ряд важных исследований российских ученых нашел свое отражение в научных статьях. Назовем здесь для примера работы В.Г. Гельбраса «Экономические связи с материковым Китаем как фактор модернизации Тайваня»⁴⁷, Э.О. Батчаева «Тайваньский опыт приватизации предприятий общественного сектора»⁴⁸, В.В. Кузнецовой «Малый и средний бизнес Тайваня в условиях глобализации»⁴⁹, О.Н. Борох «Экономическая мысль современного Тайваня: взгляд из России»⁵⁰. В.А. Мельянец (ИСАА при МГУ) в статье «Тайвань: слагаемые эффективного экономического развития» развивал ту мысль, что «главным образом успех Тайваня определялся ответственной *проактивной* политикой правительства, — и заканчивал цитатой: «Нет бедных и богатых стран, есть только плохо и хорошо управляемые страны»⁵¹. В.А. Козырев показал, что специфика кризиса 1998 г. на Тайване «во многом определялась особыми отношениями в рамках модели «партийно-государственные элиты — предпринимательские круги», постоянно воспроизводящей элементы «кумовского» капитализма»⁵².

«Модернизация Тайваньского общества» — таково название монографии, в которой В.Г. Буров (Институт философии РАН) развил комплексный подход к названной теме, рассматривая не только политическую и экономическую модернизацию, но и уделяя особое внимание ее идеологическим аспектам. Последнее и составляет яркую особенность книги. Сопоставляя модернизационные процессы на материке и на острове, проводившиеся на едином этническом «материале», автор делает вывод: на Тайване на-

чали раньше и ушли гораздо дальше в использовании в интересах модернизации конфуцианских этико-политических традиций. На Тайване «идея развития соединяется с собственным социокультурным комплексом, именно он служит духовной основой модернизации», несмотря на очевидное влияние западной, американской культуры⁵³. В Китае же этому препятствует утверждение марксизма в качестве государственной доктрины, и потому там перед обществом возникла непростая задача «синтеза конфуцианства и марксизма, который (синтез) «вполне возможен, учитывая совпадение некоторых их идейных установок»⁵⁴.

История Тайваня нашла свое отражение в очерке П.М. Иванова⁵⁵, остающимся до нынешнего времени ее наиболее цельным и полным изложением. Небольшое количество исторических сюжетов было рассмотрено в работах В.А. Козырева⁵⁶, Н.Л. Мамаевой (ИДВ РАН)⁵⁷. Чуть больше публикаций было посвящено различным эпизодам из истории российско-тайваньских отношений: работы В.А. Корсуна (МГИМО)⁵⁸, А.Н. Хохлова (ИВ РАН)⁵⁹, М.Ф. Чигиринского⁶⁰.

Одна из глав в монографии Ю.М. Галеновича «Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши»⁶¹ была отведена тайваньскому периоду деятельности китайского лидера. В ней автор опровергает представление о Чан Кайши как об американском «ставленнике» на якобы «оккупированном» США острове.

К истории и Тайваня, и российско-тайваньских связей можно отнести монографию А.Г. Ларина «Два президента, или путь Тайваня к демократии»⁶² — политическую биографию Цзян Цзинго и Ли Дэньхуэя на фоне широкого круга исторических событий. Книжке придает специфический привкус описание ряда советских реалий, перенесенных усилиями Гоминьдана и, в частности, Цзян Цзинго на китайскую, а позже на тайваньскую почву. Другая ее особенность — постановка некоторых теоретико-методологических проблем. Что заставило прочно утвердившийся диктаторский режим с его экономическими успехами начать преобразование самого себя в многопартийную систему? Заставили, помимо определенных внешних факторов, именно эти экономические успехи. Экономический прогресс сопровождался возникновением значительного слоя интеллигенции, формированием мощного класса предпринимателей и менеджеров из частного сектора — они и стали движущей силой демократизации.

Чем объяснить «гладкость» тайваньского взлета, прошедшего без «великих потрясений»? Тому есть несколько причин: изначальное существование в исходном обществе среднего класса; наличие в этом обществе альтернативных выборов в местные органы власти; учение Сунь Ятсена с его настроем на сотрудничество всех слоев общества; чувство ответственности элиты за единство общества в условиях внешних вызовов.

Не осталась без внимания российских специалистов и *духовная культура* Тайваня. А.В. Ломанов в своих работах, посвященных философским вопросам, показал, что «тайваньские философы находятся внутри потока развития современной китайской культуры, вместе с тем их характеризует открытость идеям современной западной философии, профессиональность в исследованиях»⁶³. По его мнению, одной из задач ученых на Тайване, как и на материке, должно стать «подведение прочных демократических оснований под конфуцианские идеалы социальной гармонии и равенства людей»⁶⁴. Любопытно, что в те же годы Л.А. Переломов (ИДВ РАН) задался непростым вопросом: существует ли тайваньское конфуцианство?⁶⁵ Похожий вопрос был поставлен филологом В.Ф. Сорокиным: существует ли «тайваньская литература»?⁶⁶. Из двух возможных ответов: «тайваньская литература является самостоятельной» и «она является особой, но органичной частью великой китайской культуры» автор признал правильным второй и в дальнейшем уже исходил из этой посылки⁶⁷. Пласт аборигенной литературы поднял Б.Л. Рифтин⁶⁸.

Изучение культуры Тайваня включало также в себя труды по тайваньской кинематографии (монография С.А. Торопцева⁶⁹, ИДВ РАН), изобразительному искусству (Е.В. Завадская⁷⁰, ИВ РАН), религии (П.М. Иванов⁷¹; К.М. Тертицкий⁷² — ИСАА при МГУ).

Тайваньской тематике прибавили широты публикации по *этнографии* (труды А.М. Решетова⁷³, Д.А. Жоголева⁷⁴ из ИДВ РАН) и многие десятки других работ, рассказать о которых не позволяет ограниченный объем данной статьи.

В 1990-е гг. российские ученые, открыв для себя Тайвань, смогли создать картину важнейших составляющих тайваньской проблематики, выявить тенденции развития ситуации на острове и вокруг него, начиная с «межбереговых» отношений, определить оптимальную позицию России по тайваньскому вопросу и его значение для нас. Были сформированы оценки по основным аспектам тайвановедения и по целому ряду более частных. Это было осуществлено в условиях недостатка информации, небольшими силами, главным образом китаеведов, нехватка которых не позволила сделать большего на этом важном направлении синологии.

1. См., например: *Барышников В.Н.* Тайваньский вопрос в китайско-американских отношениях (1949–1958). М., 1969. 270 с.; *Капустин Д.Т.* Тайвань и Южная Корея в китайско-американских отношениях (1969—1979). М., 1980. 197 с.
2. *Тодер Ф.А.* Тайвань и его история (XIX в.) / Отв. ред С.Л. Тихвинский. М.: Наука, 1978. 338 с.
3. *Меликсетов А.В.* Социально-экономическая политика Гоминьдана в Китае (1927–1949). М. Наука. 1977. 317 с.
4. *Сычева В.А.* Трудящиеся четырех "маленьких драконов". М.: Наука, 1991. 135 с.; *Шин И.А.* Новые индустриальные страны Азии. Социально-экономические сдвиги и рабочий класс. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. 180 с.; *Мостовая Н.А.* Экспортная индустриализация и структурные сдвиги в экономике "новых индустриальных стран Азии. Хабаровск, 1986.
5. *Воронцов В.Б.* Судьба китайского Бонапарта. М., 1989. 336 с.
6. Тайвань: Справочник для деловых людей / Алексахина С.Н. и др. М.: Фабула, 1993. 192 с.
7. Тайвань: Справочник / Тригубенко М.Е. и др. М.: Наука, 1993. 115 с.
8. Современный Тайвань / Отв. ред П.М. Иванов. Иркутск: Уллис, 1994. 350 с.
9. Го Ширли В.Н. Экономическая политика Тайваня. М.: Муравей-Гайд, 1999.
10. Четким примером такого подхода может служить статья: *Писарев А.* «Два берега Китая» и интересы России // *Pro et contra*. М., 1998. Т. 3, № 1. С. 101–114.
11. Подробнее см.: *Мозиас П.* Перспективы инвестиционного сотрудничества России с Тайванем // *Финансы и бизнес*. М., 1997. № 4. С. 39–42.
12. *Иванов П.М.* Современное состояние российско-тайваньских отношений // Тайваньский пролив в Азиатско-Тихоокеанском стратегическом контексте / Моск. обществ. науч. фонд. Федерация мира и согласия. М.: Academia, 1998. С. 40.
13. *Иванов П.М.* Некоторые проблемы развития российско-тайваньских отношений на современном этапе // Сб. докл. конф. "Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона / МГУ. ИСАА. М., 1997. С. 49.
14. *Картов М.В.* Эволюция пекинского фактора в треугольнике отношений Москва — Пекин — Тайбэй // Сб. докл. конф. "Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона / МГУ. ИСАА. М., 1997. С. 58.
15. *Трифонов В.* Российско-тайваньские контакты // *Международ. отношения*. 1998. № 6. С. 53.
16. *Мясников В.С.* Стратегическое взаимодействие России с Китаем и проблема Тайваня // Пробл. модернизации Тайваня. Материалы науч. конф. 8 дек. 2000 г. Москва / ИДВ РАН. Ассоциация китаеведов. Сост. А.Г. Ларин. М., 2001. С. 12.
17. *Иванов П.М.* Некоторые проблемы развития российско-тайваньских отношений на современном этапе... С. 45.
18. *Глзенович Ю.М.* Тайвань — отрезанный ломоть Китая? // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. Материалы науч. конф. 4 мая 2000 г. / МГУ. ИСАА. Сост. А.Н. Карнесв, В.А. Козырев. М., 2000. С. 102.

19. *Галенович Ю.М.* Углубление взаимопонимания — ключ к развитию сотрудничества России и Тайваня // Сб. докл. конф. "Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона / МГУ. ИСАА. М., 1997. С. 24.
20. *Галенович Ю.М.* Москва — Пекин, Москва — Тайбэй: новое начало / Информбанк ИДВ РАН. М., 1994. С. 96. 97.
21. *Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом: Образ Китая в России в XVII—XXI вв. М., 2007. С. 463.
22. *Ларин А.Г.* Отношения «через пролив»: некоторые итоги и перспективы // Пробл. модернизации Тайваня. Материалы науч. конф. 8 дек. 2000 г. Москва / ИДВ РАН. Ассоциация китаеведов. Сост. А.Г. Ларин. М.: Памятники историч. мысли, 2001. С. 40.
23. *Делюсин Л.П.* Выступление по докладу проф. Чжэн Шу-пина // Опыт разделенных государств и отношения между двумя берегами Тайваньского пролива (материалы конф.) / Центр по изучению Тайваня ИВ РАН. Ин-т по изучению коммунистич. Китая (Тайбэй). М., 1997. С. 16.
24. *Лузянин С.Г., Сафронова Е.И.* Некоторые социально-политические аспекты тайваньской действительности на рубеже веков // Пробл. модернизации Тайваня. М., 2001. С. 112.
25. *Mikheev V.* Mainland China — Taiwan relations in the light of globalization // Там же. С. 29–30.
26. *Кузнецова В.В.* Экономические связи Тайваня с КНР: проблемы безопасности острова // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. Материалы науч. конф. 4 мая 2000 г. / МГУ. ИСАА. М.: Гуманитарий, 2000. С. 279.
27. *Цыганов Ю.В.* Тайвань в структуре региональной безопасности Восточной Азии. М., 1999. 152 с.
28. *Гельбрас В.Г.* Проблемы международной безопасности в Тайваньском проливе // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. М., 2000. С. 131–142.
29. *Воронцов А.В.* Тайбэй — Пекин — международное сообщество // Тайваньский пролив в Азиатско-Тихоокеанском стратегическом контексте / Моск. обществ. науч. фонд. Федерация мира и согласия. М.: Academia, 1998. С. 84.
30. *Цыганов Ю.В.* Тайвань в структуре региональной безопасности Восточной Азии. М.: Academia, 1999. С. 35, 118.
31. *Ломанов А.В.* Военно-технические вызовы президентству Чжнь Шуй-бяня // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. М., 2000. С. 143–151.
32. *Труш С.М.* Эволюция трехсторонних отношений США — КНР — РФ и проблема Тайваня // Там же. С. 152–154.
33. *Меликсетов А.В.* Тайваньский прецедент // Там же. С. 7, 9.
34. *Гудошников Л.М., Кокарев К.А.* Политическая система Тайваня. М.: Комрам, 1999. С. 193.
35. *Барский К.М.* Эволюция политической системы Тайваня: последствия для геополитической ситуации в АТР // Сб. докл. конф. "Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона / МГУ. ИСАА. М., 1997. С. 108, 109.
36. *Гудошников Л.М., Кокарев К.А.* Политическая система Тайваня. М.: Комрам, 1999. 200 с.
37. Многопартийность на Тайване / сост. Л.М. Гудошников. М.: Вост. Лит., 1999. 160 с.
38. *Степанова Г.А.* Модернизация партийной системы на Тайване // Пробл. модернизации Тайваня: Материалы науч. конф. 8 дек. 2000 г. Москва. М., 2001. С. 120–133.
39. *Батчаев Э.О.* Становление демократической политической культуры на Тайване // Там же. С. 144–145.
40. *Карнеев А.Н.* Перипетии борьбы с «черным золотом» на Тайване после президентских выборов // Там же. С. 164, 165; См. также: *Карнеев А.Н.* Президентские выборы на Тайване, проблемы «черного золота» и политической трансформации // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. М., 2000. С. 192–223.
41. *Козырев В.А.* Феномен местной фракционности и демократизация на Тайване // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. М., 2000. С. 224–245.
42. *Максимов А.А.* Экономика Тайваня: итоги и перспективы развития. М.: Наука, 1991. 209 с.
43. Там же. С. 129.
44. *Островский А.В.* Тайвань накануне XXI века. М.: Наука, 1999. 224 с.
45. Там же. С. 11.
46. Там же. С. 200.

47. Проблемы модернизации Тайваня. М., 2000. С. 57–69.
48. Пробл. Дальнего Востока. 1997. № 3. С. 95–100.
49. Проблемы модернизации Тайваня. М., 2000. С. 70–79.
50. Сборник докладов конференции «Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона / МГУ. ИСАА. М., 1997. С. 112–129.
51. Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. М., 2000. С. 282–291.
52. «Местный финансовый кризис» на Тайване 1998–1999 гг. и его особенности // Проблемы модернизации Тайваня. М., 2001. С. 80.
53. Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества / РАН. Ин-т философии. М., 1998. С. 212.
54. Там же. С. 197.
55. Иванов П.М. Очерк истории Тайваня // Современный Тайвань. Иркутск, 1994. С. 28–86.
56. Козырев В.А. Гоминьдан и разработка послевоенной экономической политики на Тайване (1945–1949) // Гоминьдан и Тайвань: история и современность. Материалы науч. конф. 23 апр. 1999 г. / ИСАА при МГУ. Ред.-сост. А.Н. Карнеев, В.А. Козырев. М., 1999. С. 47–63..
57. Проблема исторической преемственности и политика Гоминьдана на Тайване // Президентские выборы 2000 г. на Тайване и проблемы безопасности в Дальневосточном регионе. М., 2000. С. 57–66.
58. Корсун В.А. Пекин и Тайбэй в борьбе за «советское наследие» // Сб. докл. конференции "Российско-тайваньские отношения и их роль в развитии Азиатско-Тихоокеанского региона / МГУ. ИСАА. М., 1997. С. 130–134.
59. Хохлов А.Н. Исторические связи России с Тайванем (до 1917 г.) // Проблемы и перспективы развития неправительственных связей между Россией и Тайванем: Материал междунар. конф. М.: Дипломат. Академия МИД РФ. 1993. С. 123–124.
60. Чигиринский М.Ф. Путешествие С.Г. Елисеева на Тайвань // Маклаевские чтения. СПб, 1992. С. 28–31.
61. Галенович Ю.М. Цзян Чжунчжэн, или неизвестный Чан Кайши. М.: Муравей, 2000. 359 с.
62. Ларин А.Г. Два президента, или путь Тайваня к демократии. М.:Academia, 2000. 199 с.
63. Ломанов А.В. Современная философия на Тайване: тенденции и перспективы // Пробл. Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 130.
64. Ломанов А.В. Тайвань на рубеже веков: философские традиции и культурная идентичность // Гоминьдан и Тайвань: история и современность. Материалы науч. конф. 23 апреля 1999 г. / ИСАА при МГУ. М., 1999. С. 161.
65. Переломов Л.А. Существует ли тайваньское конфуцианство? // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX — начале XXI века. М., 1997. Ч. 2. С. 35–39.
66. Сорокин В.Ф. Существует ли «тайваньская литература»? // Пробл. Дальнего Востока. 1993. № 5. С. 129–137.
67. Сорокин В.Ф. Об особенностях развития региональной литературы на Тайване // Пробл. модернизации Тайваня. М., 2000. С. 183–189.
68. Рифтин Б.Л. Предания о злых духах фольклоре аборигенов Тайваня // Восточная демонология. От народных верований к литературе. М., 1998. С. 44–60.
69. Торощев С.А. Кинематограф Тайваня. М., 1998. 199 с.
70. Завадская Е.В. Тайваньский постмодернизм (1981–1992) // Пробл. Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 138–148.
71. Иванов П.М. Христианство на Тайване // Гоминьдан и Тайвань: история и современность. М., 1999. С. 137–146.
72. Тertiцкий К.М. Синкретические религии на Тайване // Гоминьдан и Тайвань: история и современность. М., 1999. С. 119–136.
73. Решетов А.М. Современные этнокультурные процессы на Тайване // Маклаевские чтения. СПб., 1992. С. 41–46.
74. Жоголев Д.А. Малые народности Тайваня // Пробл. Дальнего Востока. 1995. № 3. С. 108–117.

Религия

Этнографические материалы 1920–1930 гг. о практиках поклонения божествам загробного мира в храмах Китая

© 2012

Е. Завидовская

В статье дан обзор этнографических материалов, вышедших в основном в 1920—1930 гг., о божествах, связанных с загробным миром, и религиозных практиках в посвященных им храмах¹. Исследование полевых отчетов этого периода позволяет восстановить картину религиозной жизни населения страны до начала массированных компаний по ограничению и устранению народных верований, инспирированных Гоминьданом и продолженных КПК.

Ключевые слова: народная религия, этнографические исследования, региональные особенности.

В 1924 г. этнограф и историк Гу Цеган опубликовал в журнале «Гэю чжоукань» (еженедельник «Песни») статьи о своих посещениях храмов Владыки Восточного пика *Дун-юэ дади мяо* в двух городах — Пекине и Сучжоу². Гу Цегана заинтересовала система департаментов (*сы*, или *ань*), над которыми главенствует Дун-юэ дади, он пытался классифицировать их по группам и выяснить принцип, по которому те или иные явления были распределены по департаментам, но многие его вопросы остались без ответа³. Исследование храмов Восточного пика и других богов, отвечающих за загробный мир и суд над душой умершего, стало направлением, в котором работали многие этнографы того периода. В журнале «Миньсу» («Народные обычаи») выходили статьи ряда авторов о системе департаментов в храмах Восточного пика других городов, в основном из района Сучжоу и Ханчжоу. Ниже остановимся на наиболее значимых публикациях.

Этнограф Лоу Цыкуан в своей статье «Семьдесят два департамента продления жизни в храме Восточного пика» говорит о посещении храма возле горы Фахуа шань, близ г. Ханчжоу, в центре его внимания была не ритуальная практика народной религии, а система департаментов под управлением Владыки Восточного пика. Он опирался на данные Гу Цегана о пекинском храме, а также сравнивал его с более ранним храмом Восточного пика к югу от озера Сиху в Ханчжоу. Он выделил четыре группы департаментов: связанных с делами людей, с природными явлениями, с миром духов и демонов и, наконец, загробную судебную канцелярию *инь сы*. Лоу Цыкуан следовал классифика-

Завидовская Екатерина Александровна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры филологии Китая СПбГУ. Тел.: 8 (931) 306-59-86. E-mail: katushaza@yahoo.com.

ции, предложенной Гу Цзеганом, он отметил, что многие отделы *ань* имеют одинаковые функции, одинаковы даже их названия, но напоминает себе и читателю, что было бы неверно оценивать эти явления, опираясь на логику современного человека (т.е. западную логику). Лоу Цзыкуан приводит сведения о департаментах в храмах городов Сучжоу и Хуайян в пров. Цзянсу. Сравнивая названия департаментов в пяти храмах, автор сделал вывод о том, что наиболее сложная и полная система имеется в пекинском храме и храме у горы Фахуа шань⁴.

1. Ритуальная практика в храмах Владыки восточного пика на юге Китая.

Храм Восточного пика у горы Фахуа шань близ г. Ханчжоу, славившийся своим храмовым праздником по случаю середины седьмого месяца, посетили многие этнографы, включая Гу Цзегана и Лоу Цзыкуана (об этом см. выше), но самое обстоятельное описание ритуалов «суда, вершимого Владыкой» и «аудиенции у Владыки» было составлено только в 1936 г. двумя школьными учителями Линь Юнчжуном и Чжан Суншоу. В предисловии к их отчету известный этнограф Чжун Цзинвэнь упоминает исследование паломничества на гору Мяофэн шань близ Пекина десятилетней давности (1925 г.), которое имело революционное значение для китайской этнографии, невзирая на то, что работа была недостаточно полной⁵. Там же Чжун Цзинвэнь добавляет, что храмовые празднества — это лучшее место для понимания нужд и чаяний народа, где проявляются его энтузиазм и способность к самоорганизации.

Линь Юнчжун и Чжан Суншоу прежде не имели опыта полевой исследовательской работы, при проведении исследования они пользовались поддержкой местной администрации и школ. Чжун Цзинвэнь указывает, что с точки зрения организации, праздник в храме Восточного пика возле Ханчжоу был более сложным, чем паломничество на гору Мяофэн шань. Этот праздник собирает не менее 100 тыс. посетителей. В предисловии авторы посчитали своим долгом высказаться по поводу предрассудков *лисинь* и отметить, что виденное ими заслуживает уважения и не должно подвергнуться искоренению.

В округе г. Ханчжоу имелось три храма Владыки восточного пика, но именно храм у горы Фахуа шань являлся крупнейшим центром паломничества в регионе. Он пережила множество разрушений, наводнений и пожаров, возводился на средства местных купцов и чиновников. В храме порядка трехсот статуй божеств, в том числе Владыки восточного пика, членов его семьи, владык остальных четырех Пиков, а также шестидесяти судей, сидящих в двух боковых залах. В уходя расположены залы со статуями сангхарам *галань*, защитников храма, и Пяти неистовых — У-чан (преследуемый властями «непристойный» культ Пяти неистовых было широко распространен в южном Китае)⁶. Авторы приводят полный список фамилий шестидесяти судей департаментов преисполней (называемых *ань*). Важно, что все храмовые помещения построены объединениями верующих, называемыми *баньху*, помещения являются коллективной собственностью, в то время как земля под храмом принадлежит клану Чжэн, члены этого клана составляют основную часть населения поселка с рынком, выросших возле храма. Интересно то, что обязанности даосских служителей культа выполняют также представители этого клана, на период праздника они переоблачаются в даосские одежды и проводят ритуалы для посетителей. В этот период они получают основной доход за весь год⁷. Экономика поселка полностью зависит от доходов во время ярмарок.

Каждый год проводится два храмовых праздника, 8 числа 3 лунного месяца (день рождения Владыки Восточного пика) и в течение пятнадцати дней до 15 числа 7 месяца (день поклонения душам умерших и умиротворения голодных демонов). Исследователи выделили два мероприятия, которые можно назвать ядром храмового праздника. Прежде всего, это «суд, вершимый над умалишенным» *шэнь фэйдянь*, называемый

также «осенним судилищем» *цю шэнь*. Владыка восточного пика наделен правом предавать суду грешных мужчин и женщин в Поднебесной, он видит все добрые дела и преступления. «Умалишенный» — это медиум, в тело которого вселяется душа голодного духа (в статье не указано, называют ли его «умалишенным» и сами местные жители). После падения династии Цин в 1911 г. эта процедура была запрещена чиновниками как предрассудок.

Процедура суда состоит в следующем: сначала «умалишенного» затаскивают в помещение, которое считается «преисподней». Вместе с ним туда входят переодетые и с раскрашенными лицами люди, изображающие Белого и Черного Учанов, демона Большая голова с бумажным веером, демона Малая голова с курительной трубкой, судью преисподней *паньгуаня* с вырывающимся из ноздрей пламенем, демонов посланцев из преисподней с наручниками и крюками, а также демонов *якшасы е ча*, это Лошадиная морда *ма мянь* и Коровья голова *ню тоу*. Там они рассаживаются, угощаются кушаньями и курят опиум. Помещение запирают снаружи, на дверь наклеивают «бумажный засов» с именем Владыки восточного пика. После трапезы сумасшедшего укладывают лицом на землю, на спину ему крепят соломенное чучело человека. После третьей стражи, внутрь помещения (ада) пускают дым от сжигаемой смолы и серы, в этот момент начинают издавать пронзительные крики и бить в металлические пластины, под этот грохот из помещения выводят «умалишенного», за ним выскакивают демоны с раскрашенными лицами. За спиной медиума привязана соломенная фигура, которая обозначает душу, которая будет подвергнута суду и претерпит муки наказания. Демоны солдаты втыкают свои пики и крюки в бока соломенного человека. Голова и лицо человека в состоянии транса облиты рисовым вином, его подводят к узкому судейскому столу, за которым помещается статуя Владыки Восточного пика. В это время загораются неяркие фонари красного и зеленого цветов, отчего облик демонов становится еще более устрашающим. Диалог между чучелом и Владыкой восточного пика напоминает диалоговое пение в жанре *цуньхуан*, человек, стоящий за спиной статуи бога, нараспев задает вопрос, а стоящий за спиной медиума — отвечает. Божество ведет себя как судья, вначале выступает как примиритель, затем говорит об условиях наказания, сколько серебра надо выплатить в качестве штрафа, сколько раз прочесть сутры и сколько раз тексты о покаянии *чань* и *янь коу* (букв. «горящее горло» — литургические тексты, которые повествуют о раздаче пищи голодным духам). После окончания суда вся свита во главе с медиумом обходит десять залов храма. В это время звучит громкая музыка, судья *паньгуань* совершает ритуальный танец с зонтом, тем самым вызволяя из ада заточенные там блуждающие души. Статую бога уносят и возвращают назад на алтарь храма⁸.

Вторая церемония, привлекающая массы зрителей, называется «Владыка посещает суд» (*дади чао шэнь*). Сначала выносят и устанавливают стол для судебных заседаний, колокол отбивает первую ночную стражу, тут же звучит громкая музыка оркестра, все зрители хранят глубокое молчание. По двум сторонам от судейского стола выстроились шеренги свиты в темных одеждах с красными поясами с фонарями в руках. После трех ударов колокола из храма выносят статую бога. Он облачен в халат с драконами, на ногах сапоги на высокой подошве, на голове шапка императора. Две шеренги служащих делают поклоны, возжигают курения. Теперь начинается процедура суда, состоящая из следующих частей.

1. Управляющий делами наносит визит. Люди, одетые чиновниками, изображают Управление, отдающее приказания *фахао сылин*. Сначала велительный флаг вручается управителю судебных дел, взяв его двумя руками, он передает его от высших чиновников низшим, после чего перед столом судьи бьет поклоны и делает доклад. Он берет ключ и открывает южные ворота храма.

2. Доклады с поклонами делают представители отделов судебной канцелярии, которые относятся к более низкому второму рангу. Они держат в руках таблички чиновников

3. Выход по служебным делам. Теперь перед божеством опускается занавеска и вывешивается табличка «уехал по делам службы», свита по двум сторонам встает на колени с поклонами, они выкрикивают слова «уехал по службе». Человек с бумажным конвертом выходит во внутренний дворик, кланяется и читает молитву. Это и есть молитвенное обращение Владыки восточного пика к небу.

4. Визит в ямынь. Когда паланкин божества возвращается назад, вновь поднимается занавеска, 24 человека выстраиваются в одну шеренгу. В руке у каждого деревянная дубинка. Свита обходит коридоры храма три раза, оповещение о визите закончено.

5. Подписание. Из внутренних залов выносят печать и ставят ее на длинном листе бумаги, на нем написано следующее: «15 дня 7 месяца запираются южные ворота», человек берет эту полоску бумаги и делает поклон перед божеством. Киноварной краской он пишет нероглиф я («под надзором», «на замке»).

6. Прием у государя. Божества со всех четырех сторон света должны явиться к Владыке восточного пика на аудиенцию, подобно тому как военные и гражданские чиновники являлись к императору. Два человека изображают пришедшего и уходящего. На листке красной бумаги при этом ставится печать о посетителе. Длится эта церемония очень долго.

7. Слушание суда. Вновь опускается занавеска, владыка меняет одежды, с него снимают императорскую шапку и халат. В прошлом это была сцена суда над «умалишенным» (меднумом) (см. описание выше), но к моменту написания отчета эта церемония была запрещена.

8. Раздача воинского пайка (пропитания). Власть Владыки восточного пика распространяется на 18 провинций Поднебесной. Серебряные слитки для преисподней *мин дин*, которые верующие приносят в храм, затем раздают как паек восемнадцати провинциям. Паек имеет форму отпечатанных на бумаге купонов на пропитание *сян пяо*, на которых написано название провинции и дата, а также поставлена печать Владыки. Люди, выступающие в качестве представителей провинций, принимают паек в течение всей ночи.

В связи с церемонией раздачи пропитания можно привести еще одно свидетельство. В журнале «Миньсу» была помещена статья Ся Тиньюя «О храме Восточного пика в Ханчжоу» (вып. 41—42, 1928 г.). Он указывает, что в седьмом лунном месяце проходят интересные обряды в храме у горы Фахуа шань. Сам автор заметки там не бывал, он взял материал из газеты «Хан бао» (газета Ханчжоу). Он пишет о том, что этот храм славится такими церемониями, как «раздача пропитания», «суд над демонами» и «подача прошения». Люди, одетые в одежду служащих цинского ямыня, стоят по двум сторонам от главного зала храма. Статую Владыки восточного пика сажают лицом на юг, человек в роли письмоводителя высоко поднимает реестр и подносит его владыке с поклонами, человек за спиной статуи нараспев читает (от имени божества) имена из списка, ведет перекличку, стоящие внизу откликаются. Две шеренги свиты, стоящие внизу, проводят раздачу пайка, после чего проводится сжигание бумажных денег⁹. В этом более раннем свидетельстве указано, что после «раздачи пропитания» проводится суд над демонами *шэнь зуй*. Человек в роли письмоводителя громко выкрикивает имя демона, который будет предан суду, стоящие внизу откликаются. После этого сверху подается табличка, символизирующая передачу ее в ад. Выходят пятеро переодетых ранеными демонами с колодками на шее, они скачут и предстают перед главным залом, затем падают ниц. Письмоводитель допрашивает их, они нараспев отвечают, словно исполняя куплеты в жанре *шунанхуан*. После суда их уводят под стражу, звучит гонг, церемония завершена.

Вернемся к статье Линь Юйчжуна и Чжан Суншоу (1936 г.). Помимо яркого описания процедуры суда над душой голодного духа, они включили важные сведения об организациях внутри храма. Эти организации делятся на четыре разряда подобно системе цинского ямыня. Всего их несколько десятков, в них прислуживают Владыке восточ-

ного пика в основном жители поселка. На каждой двери внутри храма висит табличка с названием отдела.

Летняя ярмарка длится шестнадцать дней, в каждый из дней одна из групп *хао* выступает как управляющая, ей также достаются все пожертвования этого дня. Самый большой доход получает та группа, которая управляет храмом на 15 день 7 месяца, когда приходит больше всего посетителей.

Что касается организации прибывших издалека паломников, то многие из них состоят в группах *баньху*, в период Республики эти группы стали называть «чайными объединениями» *чахуй*. Помимо поклонения божествам, паломники могут преследовать и другие цели, например «подносить именную табличку» *сун пайвэй*, «подносить послание» *тоу вэнь* в связи с погребальным ритуалом, а также для подачи «пропитания» с тем, чтобы жертвования поступили умершим предкам, а также для предотвращения козней голодных духов.

Рассмотрим подробнее традицию «подачи послания». Верующие полагают, что душа после смерти может не найти дорогу в загробный мир. Они дают обет в храме Владыки восточного пика, а также подают богу документ *чжичжао*, где упомянуто, что после смерти можно стать посланцем в канцелярии у божества. Текст этого документа содержит данные об имени и месте проживания человека с просьбой более тщательно разобрать дело умершего в загробном суде. Помимо того, в этой местности принято иметь в двух экземплярах «удостоверение и лицензию для потустороннего мира» *мин пин*, который делает путь души к Желтым источникам беспрепятственным. Эти документы хранятся дома в желтом конверте, после смерти человека сначала сжигается «удостоверение» *мин пин*, а лицензия *чжичжао* дает право после смерти служить посланцем у Владыки восточного пика. Этот документ также приносят в храм Восточного пика вместе с именной табличкой умершего и там сжигают.

Именную табличку умерших членов объединений верующих храма Восточного пика у горы Фахуа шань принято после их смерти приносить в храм во время храмового праздника, табличку могут поместить в зале, принадлежащем объединению. Процессия, в состав которой входят сын и домочадцы в траурных одеждах, несет табличку, фонарь, направляющий душу (*инь хунь дэн*), бумажный флаг на бамбуковом шесте, за которым душа идет на Запад, а также бумажные изображения слитков. Приблизившись к храмовой горе, процессия останавливается и громко причитает, сообщая о своем прибытии божеству. У вторых ворот сыновья делают поклоны и причитают. Выходит даос и зачитывает текст обращения *тоувэнь*, все входят в главные залы храма, там *тоувэнь* сжигается перед статуей Владыки Восточного пика, сыновья исполняют ритуальное траурное причитание, когда даос дает команду прекратить плач, они замолкают. Помимо отправки именной таблички проводится чтение текстов сутр *янь коу* для освобождения души от мук ада. За все услуги семья умершего вносит плату¹⁰.

Приведенное выше полевое исследование содержит ценные сведения о ритуальной практике, которая была характерна для храмов Восточного пика, неразрывно связанной с представлениями об устройстве загробного мира, и идеей спасения души умершего из ада. Важно отметить, что с храмами божеств, ведавших преисподней, была связана традиция поднесения именной таблички умершего, а также мероприятия по замалыванию грехов и облегчению участи после загробного суда, для чтения заупокойных сутр нанимали буддистских или даосских служителей культа.

Божества этой группы были обязаны предавать справедливому суду опасных блуждающих духов *схуиень*. В качестве судьи мог выступать как Владыка восточного пика (божество высокого ранга), так и чэнхуан, являвшийся божественным правителем поселка, города, уезда или более крупной административной единицы, перед которым держало ответ местное чиновничество.

Важно отметить, что Владыкой восточного пика мог стать некий реальный исторический деятель, который был обожествлен за свои деяния и заслуги. Так в 41—42 выпусках журнала «Миньсу» приведены статьи о двух храмах уезда Дунгуан, провинции Гуандун. В статье «История храма Восточного пика в [селе] Часян [уезда] Дунгуан» ее автор Ли Цзяньцин повествует о том, что в эпоху Цин в этой местности жил один *цзюй-жэнь* Лю Кун-у. Он многократно сдавал экзамен в Пекине, но не получал высокого балла, поэтому он вознегодовал и собрал вокруг себя группу последователей, они намеревались захватить власть в Поднебесной. В селе Чаюань он воздвиг большой дворец, где хотел воцариться как император, власти направили в село войска для ареста мятежника. Перед тем как бежать, Лю Кун-у приказал приспешникам поместить во дворец статую Владыки восточного пика и прочие атрибуты храмовой обстановки, на воротах дворца приказал написать имя божества, чтобы сбить с толку солдат, которые не смогли найти признаков заговора. Так дворец превратился в храм Восточного пика, но местные жители называют его «императорским дворцом». Ли Цзяньцин, выходец из села Чаюань, вспоминает, что в его детстве на 17 день 10 месяца в храме проводилась большая ярмарка, но подробных сведений о ней не приводит¹¹.

2. Поклонение в храмах чэнхуана.

В уездном городе Дунгуане провинции Гуандун, как полагается, стоит храм чэнхуана. Гу Цзеган как главный инициатор полевой этнографии приезжал туда с коллегами для составления описания залов и статуй богов. Из уездной хроникки они узнали, что чэнхуану этого храма был пожалован титул графа, соответствующие регалии и печать. В его храме дважды в год надо было проводить поклонение «блуждающим неупокоенным духам», ему подчинялись все духи и божества, он видел добро и злодеяния, повелевал казнить или миловать¹². Жун Юань, автор статьи об этом храме, отмечает, что вера в магическую силу этого чэнхуана значительно окрепла после пожалования ему графского титула сунским императором. В храме чэнхуана могут поселиться больные люди, которые не верят врачам и считают, что в храме демоны болезни отступят, за постой с больных взимается плата как в гостинице. Важно то, что местный чэнхуан проводит ночные судилища над демонами *шэнь е тан*. В церемонии участвует пятеро мужчин шаманов, четверо читают сутры, в тело одного медиума вселяется чэнхуан. Медиум спрашивает у больного о его недуге. Он повелевает, чтобы демон болезни отпустил душу больного, если демон соглашается, то ему подносят расписную лодку из бумаги, бумажные деньги и билет в обратный путь. Если демон не соглашается, то чэнхуан пытается запугать его и совершает ритуальные движения руками¹³.

Еще одна традиция, близкая к описанной выше практике из храма Восточного пика возле Ханчжоу, называется выдача «подорожной» *луяю*. Если человек умирает на чужбине, то для призвания его души обратно и перед транспортировкой гроба на родину, необходимо взять в храме чэнхуана дорожный билет, который позволяет зазвать душу в родные края, иначе она станет опасным блуждающим духом на чужбине.

Кроме того, в Дунгуане проводят сжигание петиции чэнхуану, которую пишет незаслуженно обиженный или пострадавший, он сжигает документ в храме, тогда бог может способствовать восстановлению справедливости. Помимо того, чэнхуан выходит из храма, он обходит подшефную местность во время эпидемий и подавляет вредные влияния, статую сопровождает процессия, которая стреляет холостыми патронами для отпугивания нечисти. Во времена империи в случае долгой засухи, причиной которой считался демон засухи *ханьба*, крестьяне подавали уездному главе коллективную петицию с просьбой соблюсти пост, омовение и затем провести молебен о дожде в храме чэнхуана. Молящиеся одевались в траурные белые одежды, в руках держали белые флажки¹⁴. Далее Жун Юань приводит сведения о десятке других божеств, статуй кото-

рых находятся в храме чэнхуана, а также сообщает краткие сведения о местной специфике поклонения им.

Здесь можно добавить интересные сведения о храмах чэнхуана в городе Анцин провинции Аньхуй, которые вошли в книгу американского миссионера Дж. Шрока (John Shryock), который жил в этом городе в 1920 г. Анцин являлся столицей префектуры Аньцин-фу и уезда Хуай-нин, т.е. был столицей провинции и уезда¹⁵. Поэтому в городе были храмы двух чэнхуанов — префектуры и уезда. Внутри храмов есть помещения для десяти судей и прочих чиновников загробного мира. В главном зале находилось две статуи чэнхуана, одна из них покидала храм во время ежегодных процессий. В 1916 г. статуи были убраны из храма, который пребывал в запустении, но местное сообщество собрало средства на его восстановление, также оно добилось разрешения возобновить процессию чэнхуана по городу. По мнению автора, чиновники были не против возобновить поклонение чэнхуану как это делали их предшественники в эпоху Цин¹⁶. В храм чэнхуана иногда приносят больных или умирающих людей, которые считают почетной смерть в присутствии божеств.

Крупный храмовый праздник проходит на 15 день 5 месяца, в день рождения покровителя города. Интересно, что в дни праздника у статуй дежурят охранники, это молодые мужчины, которые желают отблагодарить за что-то чэнхуана. Они изображают демонов с раскрашенными лицами, во рту держат металлические предметы, изображающие клыки, таких же демонов автор наблюдал и во время праздника Владыки восточного пика. Оба чэнхуана совершают обход города в один и тот же день.

3. Храм Восточного пика в Пекине.

Помимо упомянутого в начале исследования Гу Цзегана, интересные сведения содержит «Исследование храма Восточного пика в Бэйпине», которое осуществила группа из шести исследователей под руководством Е Голи в 1939 г.¹⁷. Они исследовали стелы, расположенные во дворе храма, представили комплексное описание храма, куда вошли сведения обо всех помещениях и статуях храма, о легендах, связанных с Восточным пиком, о связанных с этим божеством местных пекинских верованиях, объединениях верующих, или «чайных объединениях» *чахуй*. Текст стел является важным историческим свидетельством религиозной жизни разных прослоек столицы в эпохи Мин и Цин, а также связи между императорским дворцом и храмами города. Е Голи обнаружил, что больше всего стел воздвигалось в годы правления Канси (1661—1722) и Цяньлуна (1736—1795), связывая это со стабильностью и процветанием в стране. Тексты стел указывают, что большие средства давались в храм дворцовыми евнухами, которые традиционно поддерживали столичные храмы. Современная американская исследовательница С. Накен (S. Naquin), изучившая стелы и другие материалы об истории этого храма, обнаружила свидетельство 1570 г. об одном из самых ранних благотворительных объединений *шаньхуй* придворных женщин и евнухов, которые поклонялись в этом храме. Между 1585 и 1640 гг. было установлено почти 26 стел, после 1600 г. названия объединений начинают содержать указания на типы подношений, которые делает именно эта группа. Например, «Священное объединение, подносящее белую бумагу», управляемое членом императорской фамилии, которое возникло около 1580 г., делало подношения в храме 28 числа 3 месяца, куда входили новые одеяния для статуй богов, бумажные деньги на белой бумаге, бумажная лошадь и другие предметы для 72 департаментов Владыки Восточного пика¹⁸.

Исследователь Е Голи в начале своего отчета упоминает о том, что поклонение в храме Восточного пика было внесено в реестр государственных ритуалов *сыдянь*, содержание ритуалов было утверждено в имперском управлении ритуалами Тайчан-сы в

эпоху Мин. Ритуалы, отправляемые чиновниками, и способы поклонения, принятые у простого народа, были различны. Автор выделяет три типа «ароматных объединений» паломников: 1) их членами могли стать все, кто желал поклоняться Владыке Восточного пика; 2) цеховые объединения людей одной профессии, при этом названия объединений либо содержат указание на профессию, либо имя божества покровителя (например, Луцзу для плотников); 3) объединения соседей или жителей одного района города, в названии которых может упоминаться этот район¹⁹.

После основания нового объединения оно рассылало уведомление о своем образовании другим группам, главы которых приходили с поздравлениями, утверждалось название объединения, которое потом писали на его флагах. После этого объединение считалось признанным. У каждого объединения был глава, которого называли «главным управляющим» *дзугань*, ему подчинялись люди *ба*, выполнявшие разные обязанности. Среди них были отвечающие за: 1) переноску зерна и денег к месту движения процессии *цянъян ба*; 2) приготовление пищи для членов объединения и для подношения богам прямо на территории храма *чжунхо ба*; 3) сжигание ароматных курений перед паланкином божества; а также 4) письмоводитель. Кроме того, могли быть музыканты, люди, ответственные за приготовление чая, за посуду, поднесение цветов. Деньги жертвовали члены объединения или проводился сбор средств, все работы проводились только бесплатно, кто не мог внести деньги, выполнял физическую работу. Автор упоминает, что разные прослойки горожан выбирают разные виды выступлений в качестве подношения богу, куда входят «песни молодых побегов» *янэ*, хождение на ходулях²⁰.

В заключительной части отчета Е Голи приводит краткие сведения о современном состоянии обрядности. Во время посещения храма в конце четвертого месяца он наблюдал церемонию с исполнением заупокойных молитв *янь коу* следующего содержания: напротив храма Трех Мао *сань Мао*³¹ был установлен временный алтарь, внутри вывешены изображения двадцати восьми звездных скоплений и четырех смотрителей *гунцао* (небесные чиновники невысокого ранга, отвечающие за год, месяц, день и час), все застелено белой тканью, на западной стене алтаря висят три изображения Махасаттвы (*да ши*, Великий воин)²², семеро чтецов сутр проводят заупокойную службу «раздачи пропитания» *фан янькоу* по умершему главе объединения. На столе перед алтарем выставлено много ритуальных предметов, свечи, три стола с чашками чая и свечами в стеклянных колбах и тарелки с едой. Позади стола с подношениями висит портрет усопшего. Подношения сделаны членами этого объединения. Вокруг алтаря выставлены флаги и вывешены ленты из бумаги с написанными на них соболезнованиями. После полудня процессия из членов объединения обходит алтари на территории храма²³.

Помимо Гу Цзегана и Е Голи храм Восточного пика в Пекине исследовала американская миссионерка Анн Гудрич (Anne Swann Goodrich), которая оставила описание храма по наблюдениям 1930—1932 гг.²⁴ Со слов своего просвещенного информанта г-на Ши, А. Гудрич отмечает, что к 1931 г. объединения верующих уже переживали упадок. Тем не менее, старинное Объединение поднесения цветов *сяньхуа хуй* отвечает за украшение бумажными цветами временных арок *пайлоу* на период праздников. Объединение очистки курильниц *цзинлу хуй* отвечает за поддержание в порядке курильниц. Раз в год, 23 числа 3 месяца, все его члены обходят храм, несут флаги, гонги и коробки с собранным пеплом, у храма Дун-юэ дади они сжигают обращение *бяо*, тем самым донося свои просьбы до божества. По тому, как сгорает бумага и улетает дым, определяют, будет ли в следующем году милость от богов. Члены объединения собирают этот пепел и уносят к домашним алтарям, излишки пепла могут быть проданы. Члены Объединения по уборке пыли *таньчэнь хуй* собираются в другой день 3 месяца, они бережно собирают и хранят пыль, сметенную в залах храма. Гудрич упоминает также объединение, которое обеспечивает уход за пришедшими издалека паломниками, особенно теми, которые проделали путь до храма, простираясь по земле через каждые два шага. В основном паломниками

становятся люди, выполняющие обеты. У каждой группы есть свой день для коллективного моления в храме, поднесения обращения и даров²⁵.

В 1933 г. было проведено масштабное исследование храмовых ярмарок *мяохуй* в ряде уездов провинции Шаньдун, где расположена гора Тайшань²⁶. Эти данные показывают, что в Шаньдуне была высокая концентрация ярмарок в храмах богини горы Тайшань, или Генеральши горы Тайшань *бия юаньцзюнь*, ее считали племянницей или дочерью бога горы Тайшань. Заслуживает внимания тот факт, что не упомянута ни одна ярмарка в храме Владыки восточного пика (вообще эти храмы не упомянуты), вероятней всего, это означает, что храмы этого божества, отвечающего за дела загробной канцелярии, не считались пригодными для увеселений, исполнения опер и торговли. При этом общеизвестно, что гора Тайшань привлекала огромные массы паломников со всего Китая. Важно помнить, что Владыка восточного пика (т.е. только одного пика горы Тайшань) был могучим загробным чиновником. Его культ в Китае был связан с погребальными ритуалами и идеей определения того, каким будет перерождение души умершего после загробного суда. Паломники восходили на гору Тайшань потому, что хотели молить божество об облегчении участи умерших родственников, но вероятно, не только за этим. В Шаньдуне и прилегающих провинциях отчетлива была идея о том, что Владыка является персонификацией священной горы Тайшань, дающей блага живым и умершим.

Заключение.

Нами были проанализированы материалы китайских и западных этнографов, касающиеся особенностей поклонения и массовых ритуалов в храмах Владыки восточного пика и чэнхуана из района г. Ханчжоу, провинций Гуандун и Аньхой и г. Пекина. Этнографы проявляли интерес к разным аспектам этих культов: будь то назначение и классификация более чем семидесяти департаментов в храме владыки Восточного пика, или практики «судилищ» над демонами (Ханчжоу, Дунгуан). Почти повсеместно отмечается активность объединений верующих при храмах Владыки восточного пика (Ханчжоу, Пекин). С храмами божеств владык ада, была связана литургия кормления голодных духов и спасения душ из ада *луду*, этим практикам посвящалось немало статей в этнографических журналах республиканского периода

1. Данная статья развивает тему, которая уже освещалась автором. См.: *Завидовская Е.А.* Этнографические материалы по народной религии Китая: республиканский период // *Вестн. СПб. ун-та. Сер. 13.* 2011. Вып. 2. С. 65—75.
2. *Гу Цзеган.* Дун-юэ мяо дэ сыши эр сы [72 департамента храма Восточного пика]; Дун-юэ мяо юэци [Заметки после прогулки в храм Вост. пика] // *Гу Цзеган дэ миньсу сюэ луныци* [Статьи Гу Цзегана по этнографии]. Шанхай, 1988. С. 399—412.
3. Более ранним исследованием назначения департаментов можно считать работу Лю Чжэн-юаня «Дун-юэ мяо ци ши сы каочжэи» [Изыскание о семидесяти шести департаментах храма Восточного пика], 1919.
4. *Лоу Цзыкуан.* Дун-юэ мяо дэ сыши эр яньшоу сы [72 департамента продления жизни храма Восточного пика] // *Миньцзянь юэкань.* Вып. 1—2. С. 15.
5. *Лиш Юйчжун, Чжэан Суншоу.* Дун-юэ мяохуй дяоча баогао // *Миньго шици шэцхуй дяоча цунбянь* [Собрание социологических исследований республиканского периода]. Цзун цзяо миньсу цюань [Г. «Религия и обычай»]. Фучжоу, 2005. С. 388.
6. В собрании общих сведений о храмах Сучжоу, составленном Чжоу Чжэньхэ в 1928 г., упомянут храм Пяти проникающих *У-тин*, который был разрушен по приказу генерала-губернатора, боровшегося с «цепристойными» культурами, в годы правления Канси, и был изменен на храм в честь Гуань-юя. См.: *Чжоу Чжэньхэ.* Сучжоу фэнсу [Обычай Сучжоу] // *Дяньцзан миньсу сюэ цуишу* [Избранные собрания по этнографии]. Харбин, 2003. С. 735.
7. *Лиш Юйчжун, Чжэан Суншоу.* Указ. соч. С. 342.

8. Там же. С. 344.
9. *Ся Тинъюй*. Гуаньюй Ханчжоу дэ дун-юэ мяо [О храме Восточного пика в Ханчжоу] // Миньсу. 1928. Вып. 41—42. С. 77—78.
10. *Ли Юйчжун*. *Чжан Суншоу*. Указ. соч. С. 344.
11. *Ли Цзяньцин*. Дунгуань чаюань дун-юэ мяо дэ гуши [История храма Восточного пика в [селе] Чаюань, [езда] Дунгуань] // «Миньсу». 1928. Вып. 41—42. С. 113—114.
12. *Жун Юань*. Дунгуань чэнхуан мяо тушо [Пояснение к карте храма Чэнхуана в Дунгуане] // Миньсу. 1928. Вып. 41—42. С. 32.
13. Там же. С. 33.
14. Там же. С. 33—34.
15. *Shryock J. K.* The temples of Anking and their cults: a study of modern Chinese religion. Paris: Librairie Orientaliste Paul Geuthner, 1931.
16. Там же. С. 102.
17. *Е Голи*. Бэйпин дун-юэ мяо дяоча [Исследование храма Восточного пика в Бэйпине] // Миньсу цуншу. Голи Бэйцин дасюэ чжунго миньсу сюэхуй, Тайбэй, 1971. Т. 46.
18. *Naquin S.* Peking: Temples and City Life, 1400–1900. Berkeley, 2000. С. 232—234.
19. *Е Голи*. Указ. соч. С. 55—56.
20. Там же. С. 63—34.
21. Сань Мао — три государя Мао, братья по фамилии Мао — Ин, Гу, Чжун, популярные даосские святые. Учитель Мао Ина, прибывший с горы Тайшань, выдал за него свою племянницу Юйной (Нефритовую деву), к-рая ассоциируется с богиней горы Тайшань. См.: Сань Мао // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 2. Мифология, религия. М., 2007. С. 559.
22. *Даши* также имеет название *мянь жань даши* — Воин с горящим лицом, Князь демонов с горящим лицом *мяньжань гуйван*, или Владыка демонов с воспаленным горлом *янькоу гуйван*, считается главой всех демонов, заточенных в аду, надзирает за тем, чтобы они не проникали к месту проведения литургии *янькоу*.
23. *Е Голи*. Указ. соч. С. 82—83.
24. *Goodrich A. S.* The Peking Temple of the Eastern Peak: the Tung-yüeh miao in Peking and its lore, with 20 plates. Appendix, description of the Tung-yüeh miao of Peking in 1927, by Janet R. Ten Broeck. Nagoya, Japan, 1964.
25. Там же. С. 29—33.
26. Шаньдун мяохуй дяоча цзи [Собрание исследований храмовых ярмарок Шаньдуна] // Миньго шици шэхуй дяоча цунбянь [Собрание социологических исследований республиканского периода]. Цзун цзяо миньсу цзяоань [Т. «Религия и обычань». Фучжоу, 2005. С. 195—247.

Научная жизнь

Корейский полуостров: накануне перемен

29–30 марта 2012 г. в Институте Дальнего Востока Российской академии наук состоялась XVI научная конференция корееведов России и стран СНГ, посвященная актуальным проблемам Корейского полуострова и вопросам региональной безопасности сотрудничества.

С приветственным словом к ее участникам обратились директор ИДВ, академик РАН, профессор М.Л. Титаренко, министр Посольства Республики Корея в Российской Федерации Ли Сок Пэ и заместитель директора 1-го Департамента Азии МИД РФ А.Н. Мацегора.

В работе конференции приняли участие ученые, представляющие различные академические и учебные институты, государственные структуры, средства массовой информации. Были представлены 30 докладов, которые будут опубликованы отдельным научным сборником.

Благодаря спонсорской поддержке Академии Корейских исследований (РК), на конференцию в Москву прибыли и смогли принять участие корееведы из Санкт-Петербурга, Владивостока, Сургута, Новосибирска, Нукуса, Томска, Иркутска, Хабаровска, Ташкента и Киева. Благоприятным признаком было и то, что значительная часть участников конференции была в возрасте до 35-ти лет, — аспиранты и молодые ученые, принимавшие активное участие в научной дискуссии.

Конференция была проведена с активным использованием современных информационных технологий. В частности, впервые был опробован удаленный доступ, когда не имевший возможности личного присутствия участник выступил с докладом по Скайпу, а также принял участие в его обсуждении.

На политической секции обсуждались как теоретические вопросы безопасности и перспективы геополитической архитектуры в СВА, так и срыв американо-северокорейских соглашений о возобновлении шестисторонних переговоров и подготовка к запуску северокорейского спутника "Кванменсон-3", приуроченная к 100-летию со дня рождения Ким Ир Сена.

В докладе руководителя ЦКН ИДВ РАН А.З. Жебина отмечалось, что, как следует из факта публикации США и КНДР отдельных заявлений по итогам февральских встреч, а также из текстов самих документов, приоритеты КНДР и США и даже очередность решения вроде бы согласованных задач остаются по-прежнему далеко не всегда совпадающими.

Участники конференции отметили, что в столь непростых условиях нельзя предпринимать непродуманных и скоропалительных решений даже из самых благих побуждений: с одной стороны, КНДР как член ООН обязана выполнять ее резолюции; с

другой, проведение диалога с КНДР в атмосфере сотрудничества и доверия является основным действенным способом позитивного урегулирования проблемы; с третьей, даже из текста двусторонних соглашений между США и КНДР очевидно, что стороны по-разному видят очередность решения поставленных задач, и потому не стоит считать Северную Корею единственным виновником создавшегося положения.

Между тем, как подчеркнул в своем выступлении преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского и монгольского языков МГИМО (У) МИД РФ И.В. Дьячков, при попытке рассмотрения северокорейской ядерной проблемы через призму структуры безопасности в Северо-Восточной Азии заметно противоречие между деструктивным и конструктивным воздействиями. Хотя количество факторов обоого рода оказывается примерно равным, «срок жизни» конструктивных влияний, как правило, ограничен одним витком цикла ядерной проблемы, а деструктивные тенденции не только сохраняются, но и укрепляются из кризиса в кризис.

Это означает, что консервация проблемы и политика «стратегического терпения» не замораживают ситуацию, а создают предпосылки для ее ухудшения, и потому ЯПКП нуждается в скорейшем разрешении.

Что же до внутривнутриполитической ситуации в КНДР, то было отмечено, что режим обладает достаточным запасом устойчивости: ведущий научный сотрудник ЦКИ ИДВ РАН К. В. Асмолов указал на то, что периодически возникающие в западных экспертных кругах и СМИ предположения по поводу возможности начала в КНДР "цветной революции" или прямого вторжения США и их союзников в Северную Корею являются одинаково маловероятными.

Так называемый «арабский сценарий» невозможен по целому комплексу причин, от внешнеполитических до демографических. Место молодежи в системе и ее представления о будущем, отсутствие в стране структурных и идеологических предпосылок для организованной оппозиции, исключая развитие коллаборационизма политика РК и поддержка РФ и КНР исключают подобное развитие событий. Столь же нереальным является и прямое вторжение в КНДР США и их союзников, предпринятое в демонстрационных целях на фоне новой волны экономического кризиса. Несмотря на высокий уровень демонизации, КНДР не соответствует остальным критериям идеальной мишени для "маленькой победоносной войны".

Участники конференции отметили специфику современной ситуации, когда все страны-участники шестисторонних переговоров либо прошли смену высшего политического руководства, либо стоят перед такой сменой при том, что каждая смена руководства приводит к заметным изменениям политического курса страны.

В этом контексте был очень важен доклад, который сделал ведущий научный сотрудник ЦКИ ИДВ РАН Ким Ен Ун, рассмотревший политические перемены в Северо-Восточной Азии и перспективы объединения Кореи. Изменение баланса сил в Северо-Восточной Азии вызывает новые конфигурации взаимоотношений стран и новые акценты во внешней политике этих государств, в том числе и по Корейской проблеме. В то же время продолжает увеличиваться разрыв в экономической, военной мощи КНДР и Республики Корея, а также их политического влияния. Это может привести к двум возможным результатам. С одной стороны, будет больше возможности оказать помощь КНДР в решении ее экономических проблем и нормализации политических и военных отношений и создание реальных условий для объединительных процессов на Корейском полуострове. С другой стороны, такая ситуация может породить неоправданные ожидания и действия по ускорению объединения, что может привести к консервации или даже обострению конфликта на полуострове. Задача России в таких условиях — максимально содействовать нормализации отношений между всеми странами региона и добиться реального решения проблемы денуклеаризации Корейского полуострова политико-дипломатическими методами.

Остальные доклады политической секции развивали тему внешней политики РК на отдельных направлениях, будь то китайско-южнокорейский спор вокруг континентального шельфа в Восточно-Китайском море (доклад доцента кафедры корейского языка факультета восточных языков ДВГУ А.Ю. Иванова) или очерк современного состояния и дипломатических отношений Республики Корея и Узбекистана (выступление зав. отделом Кореи Института Востоковедения АН РУз Э.Р. Расулова)

Среди экономических проблем региона на конференции серьезно анализировались вопросы и перспективы развития экономических взаимоотношений России и РК, а также — возможности их экономического взаимодействия на фоне того или иного варианта реформ, которые будут носить свою определенную специфику. Директор Международного центра корееведения МГУ имени М.В. Ломоносова П.С. Лешаков отметил важность текущего года как года празднования 100-летия основателя КНДР и ее бессменного президента Ким Ир Сена, которое должно воочию продемонстрировать построение на севере Корейского полуострова «мощной и процветающей державы», хотя достижение этого статуса остается под большим вопросом.

Важнейшей дилеммой, встающей перед новым северокорейским руководством, является соотношение политики приоритета армии и необходимости развития гражданской экономики, единственно способной повысить благосостояние народа. Ставка некоторых участников на экономический коллапс и смену режима себя не оправдала, и на передний план снова выходит задача постепенной экономической, гуманитарной и политической вовлеченности КНДР в современные мировые процессы, от которых страна отстала на многие десятилетия. Только отход от изоляционизма, консервирующего эту отсталость, действительно позволит создать на севере Корейского полуострова вполне процветающее государство. И у России есть реальный шанс принять активное участие в «открытии» КНДР, сместив акценты в северокорейском векторе своей азиатской политики с пассивного добрососедства на экономический прагматизм взаимовыгодного сотрудничества.

По мнению главного научного сотрудника ЦКИ ИДВ РАН С.С. Суслиной, тенденции в экономическом развитии Северной Кореи в 2000-х гг. свидетельствуют о ее попытках изменить внутриэкономическую ситуацию и оптимизировать северокорейскую модель хозяйственного управления в соответствии с вызовами времени. Однако разрыв в уровнях развития Севера и Юга Кореи еще более усугубляет проблемы в экономическом сотрудничестве и сближении двух корейских государств, а попытки КНДР преобразовать и использовать опыт китайских переходных реформ на корейской почве дали не совсем адекватный результат, и гораздо более интересным для КНДР может оказаться опыт Вьетнама.

В этом контексте был очень важен анализ энергетической стратегии России на Корейском полуострове, сделанный зав. отделом Кореи и Монголии Института востоковедения РАН А.В. Воронцовым. Докладчик подчеркнул, что идея поставок сетевого газа из РФ в РК — почти ровесница дипломатическим отношениям между нашими государствами, двадцатилетний юбилей которых мы торжественно отметили в 2010 г. Менялись планы строительства, включая базовые месторождения газа, и их собственники, страны — потенциальные участники проекта и правительства в них, маршруты и протяженность прокладки трубопроводов, но неизменным оставалось ядро концепции. Этот феномен красноречивее многочисленных доказательств подтверждает объективную экономическую обоснованность данной идеи и тот непреложный факт, что Россия и Южная Корея нужны друг другу в качестве поставщика и потребителя газа. Поэтому в будущее трехстороннего проекта по строительству газопровода Россия — КНДР — РК можно смотреть с осторожным оптимизмом, хотя перспективы российско-корейского сотрудничества в сфере энергетики требуют выработки более комплексной программы взаимодействия.

С другой стороны, редактор Информационного агентства «Илбек Сибирь» Д.Н. Верхотуров обратил внимание участников конференции на то, что в ситуации вокруг газопроводных проектов на Корейском полуострове произошли значительные изменения. Главным ресурсом стали газовые месторождения Сахалина, Россия построила газопровод Сахалин — Хабаровск — Владивосток. Это сделало возможным реализацию проекта в ближайшем будущем. Однако, в Южной Корее происходит постепенное сокращение потребления природного газа, кроме того, газопровод через территорию КНДР воспринимается как средство политического давления на КНДР. Условия для поставок газа неблагоприятны и российский газ в Южной Корее не нужен. Возмозия для России следует предложить долгосрочную программу пересмотра отношения к природному газу, программу замены угля и мазута в генерации электроэнергии на природный газ (что увеличивает рынок на 45%), а также различные варианты строительства магистрального газопровода.

Существенное внимание участников конференции занял «китайский фактор», ибо на фоне «ястребиной» политики Сеула доминирующим экономическим партнером Пхеньяна становится Пекин. Доклад старшего научного сотрудника ЦКИ ИДВ РАН Л.В. Захаровой был посвящен анализу динамики, основных тенденций и особенностей экономических отношений между Северной Кореей и Китаем, ставшим к концу 2000-х гг. ее главным торговым и инвестиционным партнером. Особое внимание было уделено факторам, способствовавшим существенному росту двусторонней торговли и инвестиций с начала нового тысячелетия, а также политике центрального китайского правительства и северокорейского руководства по поощрению экономического сотрудничества и реализации крупных совместных проектов двух стран.

Тему торгово-экономических отношений между КНР и КНДР в 1992–2011 гг. продолжил обозреватель отдела международной информации ФГУ «Редакция «Российской газеты» О.В. Кирьянов, отметивший, что после распада международного социалистического лагеря и исчезновения СССР объемы торгово-экономического сотрудничества КНДР в 1990-е гг. с внешним миром существенно сократились. Однако с начала 2000-х гг. Китай и Северная Корея взяли курс на активизацию двусторонних экономических связей. В итоге КНР превратилась для КНДР в главного торгово-экономического партнера и инвестора, на чью долю с 2009 г. приходится более половины всей внешней торговли Севера и подавляющее большинство вкладываемых зарубежными представителями средств. В Южной Корее подобная ситуация вызывает серьезную обеспокоенность. В частности, выражаются опасения, что чрезмерная экономическая зависимость КНДР от Китая может стать препятствием для объединения корейской нации.

Тему экономической интеграции применительно к РК продолжила директор представительства ОАО «Мечел» в Республике Корея Е.Б. Мудрова. Несмотря на относительно позднее начало заключения Соглашений о свободной торговле (ССТ) (2004 г), в настоящее время в РК действуют 7 соглашений, включая ССТ с ЕС. Еще 7 соглашений находятся в процессе проработки. При этом интеграционная политика предполагает не только устранение торговых барьеров, но и активизацию инвестиционного сотрудничества, обмена технологиями и т.п. Для правительства РК интеграционная политика — это важнейший инструмент как борьбы с кризисными явлениями мировой экономики, так и укрепления статуса страны как мировой державы.

Большой интерес аудитории вызвало выступление старшего научного сотрудника ЦКИ ИДВ РАН В. Г. Самсоновой, посвященное такой интересной теме, как трансформация образа жизни и потребительских предпочтений южнокорейских граждан в условиях меняющегося мира. В южнокорейском социуме происходит огромное количество перемен — стабильное развитие экономики, расширение экспансии южнокорейских товаров за рубежом, увеличение присутствия иностранцев на территории страны, рост доходов домохозяйств влекут за собой постепенное изменение всего уклада жизни. Ста-

бильность доходов, уменьшение удельного веса товаров первой необходимости в средне-статистической системе расходов южнокорейца дают уверенность в завтрашнем дне. На первое место выходят расходы на сферу услуг, развлечений, в которых одно из важных мест отдается системе well-being: well-being спорт, well-being жилье, well-being еда и др.

Однако рост уровня жизни населения несет в себе и негативные моменты: западная массовая культура становится все более популярной, а местные традиции размываются, ускоренное развитие Интернета заменяет живое общение на виртуальное, кибервседозволенность переходит в кибернасилие, рост индивидуализма и эгоцентризма приводит к увеличению количества одиноких стариков, имеющих детей, не оказывающих им никакой помощи.

Среди иных затронутых тем были политика энергоэффективности и «зеленое» строительство РК (старший преподаватель кафедры японского, корейского, индонезийского, монгольского языков МГИМО (У) МИД России А.Ф. Синякова); роль, которую играет в национальной инновационной системе Республики Корея сотрудничество университетских научных центров с бизнесом и промышленностью, что способствует ускорению процесса коммерциализации инноваций (группа представителей Новосибирского государственного технического университета).

Несколько докладов оказались на стыке экономики и социальных наук. Так, менеджер инновационных проектов Инновационно-технологического Бизнес-инкубатора Национального исследовательского Томского государственного университета А.Н. Рязанова выступила с сообщением об эволюции политики РК в отношении человеческого потенциала и ее современных проблемах. Эта политика рассматривалась докладчиком как фактор успешного технологического развития страны, который дал очевидные результаты.

Доклад соискателя Института археологии и этнографии СО РАН Е.В. Ким, был посвящен истории и современным трендам диаспоральной политики Республики Корея.

По традиции часть докладов была посвящена вопросам истории, культуры и социальным проблемам. Здесь было продемонстрировано многообразие тем, иллюстрирующих широту научного кругозора участников конференции и желание оргкомитета сохранять ее формат как головного форума корееведов, посвященного всем аспектам изучения этой замечательной страны.

В этом году исторический блок был явно поделен на три подраздела. Первый — проблемы идеологии, философии и национальной идентичности. Д.Г. Инчоль анализировала процесс формирования национальной идентичности корейцев и то, как начавшийся в 90-х гг. XX в. процесс утверждения прав человека, а также большой приток в страну граждан из других государств положили начало формированию иного отношения к представителям других национальностей, что привело к трансформации корейской национальной идентичности и способствовало всестороннему пересмотру политической и правовой систем Южной Кореи, ограниченных национальными предассудками.

В.С. Акуленко (ассистент кафедры истории, экономики и культуры Кореи ВКК ДВФУ) разобрал эволюцию автохтонных теорий этногенеза корейцев в КНДР, которые в настоящий момент стали неотъемлемой частью государственной идеологии и провозглашают Пхеньян и его окрестности родиной всех корейцев и одним из центров возникновения и эволюции человека на земле.

На стыке двух блоков находилось выступление профессора кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета СПбГУ С.О. Курбанова, посвященное идеологии Ким Гу и его судьбе в целом в контексте проблемы роли личности в истории Кореи и опирающееся на источники, ранее практически не введенные в научный оборот.

Не менее интересными и построенными на уникальном архивном материале были доклады аспиранта ИДВ РАН А.М. Пастухова о первых попытках модернизации Кореи в 1870–1890-х гг. с оглядкой на опыт модернизации, проводившейся с начала 1860-х гг. в Китае под лозунгом «самоусиления и усвоения заморских дел»; ведущего на-

учного сотрудника Центра японских исследований ИДВ РАН В.А. Гринюка, представившего аудитории комплекс материалов судебного процесса по делу Ан Чжун Гына, раскрывающий причины возникновения и развития антияпонского движения в Корее, а также важные стороны внутренней и внешней политики Японии и распространенные тогда там взгляды на цели и значение японского колониального господства в отношении Кореи; аспиранта кафедры мировой истории и международных отношений ИГУ К.В. Иванова, рассмотревшего официальные издания японского генерал-губернаторства как источник по истории колониального периода Кореи.

Отдельно стоит отметить работу доцента кафедры японской филологии ИСАА при МГУ Л.В. Овчинниковой, чей доклад был посвящен политике японской колониальной администрации в Корее в 30-е гг. сквозь призму служебных материалов японского генерал-губернаторства, и доцента отделения востоковедения НИУ ВШЭ Н.Н. Ким, сделавшей попытку теоретически систематизировать имеющиеся в нашем распоряжении данные источников о политическом противостоянии на Юге Кореи после освобождения, опираясь на положения теории политического конфликта Р. Дарендорфа.

«Литературная» часть конференции включила в себя такие темы, как современное прочтение в корейской литературе категории «сыновняя почтительность» хё (доцент кафедры восточных языков РГПУ им. А.И. Герцена Ли Сан Юн); поиск точек соприкосновения русской и корейской литератур (зав. кафедрой русской филологии факультета иностранных языков Каракалпакского государственного университета имени Бердаха Л.Б. Хван); отклики поэтов и блоггеров Республики Корея на события 2011 г.: обстрел острова Ёнпхёндо, землетрясение в Японии, проблема острова Токто (ст. преп. каф. филологии ЮВА и Кореи Восточного ф-та СПбГУ А.А. Гурьева); образ Кореи в художественной прозе Джека Лондона (ассистент кафедры китайской, корейской и японской филологии Института филологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко Ю.А. Ковальчук).

Подводя итоги, можно сказать, что проведенная Центром корейских исследований Института Дальнего Востока РАН научно-практическая конференция стала заметным событием в российском корееведении, итоги которого будут обработаны и переданы в руководящие органы России. Как отметил в своей речи академик М. Л. Титаренко, "Важно то, что идеи, которые здесь рождаются, мы доводим до общественности и докладываем руководству страны. Разработки используются нашей дипломатией. Мы участвуем в коллективной выработке решения очень сложной и запутанной проблемы на Корейском полуострове".

III конференция российских вьетнамоведов

17 мая 2012 г. в ИДВ РАН состоялась III конференция российских вьетнамоведов, которая была организована по инициативе Центра изучения Вьетнама и АСЕАН. В ее работе приняли участие более 50 ученых-вьетнамоведов из Москвы, Санкт-Петербурга и Владивостока, а также аспиранты и студенты-вьетнамоведы, обучающиеся в московских вузах. Среди гостей конференции — Чрезвычайный и Полномочный Посол Социалистической Республики Вьетнам в Российской Федерации Фам Суан Шон, вьетнамские дипломаты и журналисты, аккредитованные в Москве, а также ответственные работники МИД РФ.

В центре внимания участников конференции находились различные аспекты российско-вьетнамских отношений, нынешнее их состояние и перспективы. Эта актуальная тема рассматривалась в контексте социально-экономической ситуации в СРВ, обстановки в Юго-Восточной Азии и в АТР в целом.

Конференцию открыл заместитель директора ИДВ РАН д.и.н., профессор С.Г. Лузянин. Он подчеркнул, что проведение в ИДВ РАН конференций вьетнамоведов стало доброй традицией. Начиная с 2010 г. они ежегодно проводятся весной, накануне дня рождения первого президента независимого Вьетнама, большого друга нашей страны Хо Ши Мина. С.Г. Лузянин с удовлетворением отметил участие в работе конференции большого числа научной и студенческой молодежи, представителей региональных центров вьетнамоведения России. Руководство ИДВ РАН, подчеркнул он, и впредь будет уделять неослабное внимание подготовке молодых ученых-вьетнамоведов, укреплению связей с региональными центрами вьетнамоведения нашей страны. Свою исследовательскую работу на вьетнамском направлении ИДВ РАН будет строить также на основе всемерного развития всесторонних научных и творческих контактов с вьетнамскими учеными-обществоведами, работающими как в системе Академии общественных наук, так и в других исследовательских центрах СРВ.

Выступивший с приветствием посол СРВ Фам Суан Шон кратко обрисовал нынешнюю ситуацию в своей стране. Политическое положение в СРВ, по его словам, стабильное. Надежно обеспечиваются независимость, единство, территориальная целостность, социалистический строй, оборона, безопасность, общественный порядок. В целом успешно продвигается решение задач модернизации, хотя социально-экономическое развитие, в том числе и под негативным воздействием мирового финансового кризиса, пока еще носит неустойчивый характер. Так, темпы роста ВВП в первом квартале 2012 г. оказались ниже показателей, запланированных на 11-съезде КПВ (январь 2011 г.) хотя в целом они сохраняются на довольно высоком уровне — 6–8% в год.

СРВ проводит динамичную внешнюю политику. Укрепляются ее позиции на международной арене. Активно проводится курс на всестороннюю интеграцию в мировое сообщество и глобальную экономику. Большое внимание уделяется укреплению отношений стратегического партнерства с Российской Федерацией, роль которой как великой державы неуклонно растет. Вьетнамская сторона постоянно держит в поле зрения вопросы, связанные с развитием торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества с Россией, осуществляет контроль за состоянием дел на ведущих объектах рос-

сийско-вьетнамского сотрудничества, таких как Совместное предприятие по разведке и добыче нефти и газа на континентальном шельфе юга Вьетнама «Вьетсовпетро» и Тропический центр. В целом успешно продвигаются переговоры о создании свободной экономической зоны Вьетнама с Таможенным союзом России, Белоруссии, Казахстана.

Фам Суан Шон выразил благодарность руководству ИДВ РАН за организацию ставших традиционными конференций вьетнамцев и заявил, что посольство СРВ в РФ считает своим долгом оказывать российским вьетнамцам необходимую помощь и поддержку в их работе.

Заместитель директора 3-го департамента Азии МИД РФ И.А. Ховаев посвятил свое выступление характеристике роли российско-вьетнамского стратегического партнерства в системе приоритетов внешней политики России в АТР. Сославшись на предвыборную статью В.В. Путина по вопросам внешней политики России и его указ «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», И.А. Ховаев заявил, что курс на развитие и укрепление всестороннего стратегического партнерства с Вьетнамом будет и в дальнейшем определять характер отношений между двумя странами. Вьетнам и впредь будет одним из ключевых партнеров России в регионе. Такая высокая планка требует дальнейшего совершенствования управления процессами сотрудничества, более активного включения в него бизнес-сообществ двух стран, повышения ответственности со стороны хозяйствующих субъектов за реализацию принятых на себя обязательств.

Работа конференции была продолжена на секционных заседаниях. Секция «Современный Вьетнам» открылась выступлением старшего научного сотрудника Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН

А.С. Воронина. В условиях стабильности политического курса России и Вьетнама на дальнейшее взаимное стратегическое сближение, подчеркнул он, главная задача состоит в том, чтобы политическую философию, заложенную в концепции стратегического партнерства, эффективно конвертировать в наращивание материального базиса сотрудничества. Для этого имеются необходимые предпосылки: у России и Вьетнама совпадают национальные интересы; много общего во внутренней политике двух стран, в оценке глобальной и региональной ситуации. Укрепления отношений с Вьетнамом требует политика России на наращивание своих позиций в АТР. И, естественно, во всемерном упрочении отношений с Россией заинтересован и Вьетнам.

По мнению А.С. Воронина, сама концепция стратегического партнерства нуждается в постоянном развитии и обновлении. Требуется новый взгляд на горизонты долгосрочного прогнозирования отношений в контексте задач модернизации, решаемых двумя странами. Этот горизонт должен быть раздвинут, как минимум, до 2030 г. Такой подход уже пробивает себе дорогу на ряде важнейших направлений партнерства, примером чему может служить сотрудничество в создании и развитии атомной энергетики СРВ, в работе Совместного предприятия по добыче нефти и газа «Вьетсовпетро».

Нового подхода требует и вопрос о масштабах и темпах экономического и инвестиционного сотрудничества. Товарооборот между двумя странами составляет на данном этапе всего около 3 млрд долл. Этого явно недостаточно с точки зрения создания надежной материальной базы сотрудничества. Низкий уровень торговли, взаимного инвестирования, взаимодействия бизнес-сообществ России и Вьетнама становятся тормозом дальнейшего развития отношений. Решить эти проблемы будет сложно без модернизации самой модели управления сотрудничеством, без налаживания системной координации между органами макроэкономического прогнозирования и планирования.

Начальник департамента Общества вьетнамских граждан в Российской Федерации Фам Тхань Суан посвятила свой доклад анализу сильных и слабых сторон российско-вьетнамского экономического сотрудничества. Трудно решаемой проблемой торговли она назвала ее несбалансированность. Положительное сальдо в пользу России рас-

тет — в 2010 г. оно составило 222,88 млн долл. Нарастивание экспорта в Россию вьетнамских продовольственных и потребительских товаров требует кардинального улучшения их качества. С целью расширения взаимного товарооборота стороны должны активизировать переговорный процесс по созданию Зоны свободной торговли. Важное место должно отводиться совершенствованию качества обслуживания торговых операций.

Россия имеет хорошие позиции для сохранения своего лидерства в создании на территории СРВ объектов тяжелой промышленности, в том числе в сфере атомной энергетики, в строительстве тепло- и гидроэлектростанций. Она занимает прочные позиции в производстве в СРВ строительной техники. Предполагается расширить российские поставки на вьетнамский рынок дорожно-строительной, сельскохозяйственной, лесозаготовительной техники. Успешно продвигается сотрудничество в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций. В то же время Россия утратила лидерство в оказании содействия Вьетнаму в таких стратегически важных отраслях, как освоение космоса, развитие целого ряда инновационных технологий. Она также существенно отстает от других стран в развитии научно-технического сотрудничества с Вьетнамом.

Активно развивается сотрудничество в сфере трудовой миграции. Миграционные службы и органы внутренних дел обеих стран проделали большую работу по укреплению законодательной базы миграционных процессов. Особенно важно, что стороны достигли договоренности о создании благоприятных условий для проживания, работы и учебы мигрантов, повышения уровня управляемости миграционными процессами.

В своем докладе «Российско-вьетнамское экономическое сотрудничество: упущенные возможности и препятствия для продвижения вперед» ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН В.М. Мазырин проанализировал некоторые негативные аспекты опыта экономического сотрудничества, подчеркнув, что такой анализ призван помочь продвижению российских компаний на вьетнамский рынок, содействовать улучшению имиджевых параметров российского бизнеса в СРВ. Сгруппировав по отраслевому признаку известные эпизоды ухода российских компаний из СРВ, он установил, что большинство из них произошло в ведущих секторах промышленности и в сфере услуг. Ряд российских компаний утратили свои прежние позиции или, столкнувшись с трудностями, не смогли реализовать свои проекты в электроэнергетике, в добыче и переработке полезных ископаемых, авто- и авиастроении. Отмечены неудачи или упущенные шансы в области транспорта и коммуникаций, в банковском деле, строительстве, туризме.

Особенно чувствительные потери российский бизнес понес в последние годы. Это вызвано не только воздействием глобального экономического кризиса, поразившего российские компании или вынудившего их отказаться от не самых значимых для них проектов, но и обострением конкурентной борьбы на вьетнамском рынке. Анализируя причины неудач, В.М. Мазырин назвал среди них также недостаточность деловой информации, неверный выбор партнеров и политики цен, непонимание специфики местной бизнес-среды, нарушения деловой этики. Сказываются также нехватка у российских компаний финансовых ресурсов и дороговизна кредитов.

Ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии и экономической социологии ИСПИ РАН, доцент Н.Г. Кузнецов в своем докладе проследил гражданские, экономические, экологические, социально-психологические и культурные аспекты интеграции вьетнамских мигрантов в российское общество. Он показал, что на процесс интеграции влияют такие факторы, как продолжительность проживания вьетнамцев на новом месте жительства, особенности характера расселения и численность мигрантов, уровень образования, их социально-экономическое положение, восприятие коренным населением интеграции мигрантов, правовое положение мигрантов. Докладчик сделал вывод, что интеграция вьетнамцев в российское общество идет менее успешно, чем в общество ев-

ропейских стран. Не решен ряд проблем, связанных с интеграцией вьетнамцев (трудоустройство, правовые вопросы пребывания и их социального статуса в России).

Мировой финансовый кризис имел множество негативных последствий для вьетнамской общины в России. Он потребовал от мигрантов более глубокой интеграции в российское общество, поиска ими новых конкурентных преимуществ, усиления борьбы внутри вьетнамского землячества с такими негативными явлениями, как торговля наркотиками, трафик женщин, отмывание денег, торговля фальшивыми товарами.

Выступившая в ходе развернувшейся полемики зав. сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института экономики РАН М.Е. Тригубенко обратила внимание на важность усиления региональных аспектов сотрудничества. Она отметила перспективность взаимодействия в ходе реализации масштабных программ развития производительных сил Дальнего Востока, поддержала идею усиления управления миграционными потоками, в том числе и за счет налаживания организованного набора вьетнамской рабочей силы на возводимые на Дальнем Востоке объекты. В своем докладе «Обновление социальной модели во Вьетнаме» М.Е. Тригубенко показала различные аспекты социальной политики вьетнамского руководства, направленные на ликвидацию бедности и безработицы в стране, повышение уровня образования рабочей силы. Эти внутривьетнамские проблемы, по ее мнению, постоянно должны учитываться и при формировании российско-вьетнамского миграционного сотрудничества.

Советник-посланник посольства СРВ в Москве Нгуен Ти Там также высказался в пользу активизации российско-вьетнамского экономического сотрудничества в рамках целевых программ развития производительных сил российского Дальнего Востока. Он информировал участников заседания о российско-вьетнамских переговорах, которые недавно прошли в Москве и Владивостоке по вопросам сотрудничества в агропромышленной сфере на российском Дальнем Востоке. Он также обратил внимание на то, что повышению конкурентоспособности российских предпринимателей во Вьетнаме способствовало бы создание центров обслуживания российской техники, работающей в СРВ.

В ходе дальнейшей дискуссии ее участники проанализировали международные условия, в которых развивается российско-вьетнамское сотрудничество. Профессор Восточного факультета СпбГУ В.Н. Колотов свое выступление посвятил анализу роли Вьетнама в системе региональной безопасности. Он отметил, что усиление давления на Юго-Восточную Азию со стороны внерегиональных держав активизирует находящиеся в режиме ожидания территориальные споры и региональные конфликты. Это чревато мощными дестабилизирующими последствиями.

В.Н. Колотов высказал мнение, что среди стран ЮВА наиболее важное геостратегическое положение в регионе занимает Вьетнам. Именно поэтому вся вторая половина XIX и практически весь XX в. прошли в борьбе за установление контроля над Вьетнамом. Попытки выстроить систему коллективной безопасности в регионе без учета вьетнамского фактора до сих пор не имели успеха. Отсюда следует вывод: без установления контроля над Вьетнамом установить контроль над ресурсами ЮВА невозможно. «Битва за Вьетнам» уже идет. Решение Вьетнама присоединиться к одной из сторон будет иметь далеко идущие последствия. Существование между «молотом и наковальней» для Вьетнама не ново и одно из правил его сегодняшней внешней политики то же самое, что и раньше: чем больше держав вовлечено в геополитическую игру в регионе, тем больше возможностей для маневра у Ханоя.

Ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Г.М. Локшин в свою очередь отметил, что переформатирование региональной архитектуры в АТР в целом и в особенности в ЮВА развивается весьма быстро. Проблем, требующих своего решения, накопилось множество. Реагировать на меняющуюся ситуацию необходимо быстро и адекватно. При этом следует исходить из того, что всеобъемлющее и прочное разрешение конфликта в Южно-Китайском море в ближайшей перспективе маловероят-

но. Однако имеется возможность прогресса, как на двусторонних, так и многосторонних переговорах для управления спорами и региональной безопасностью.

Россия в соперничестве за доминирование в Южно-Китайском море не просматривается. Соответственно своим возможностям, реальному положению вещей и национальным интересам она проводит взвешенную и ответственную политику. Российская дипломатия стремится способствовать такому развитию событий, которое позволяло бы держать накопившиеся споры и противоречия в рамках мирных переговоров участников конфликтных ситуаций и вело бы в этом взрывоопасном очаге к стабильности, взаимному доверию и сотрудничеству.

Выработка взаимоприемлемых принципов и форм раздела островов в Южно-Китайском море или порядка совместного использования его ресурсов представляется длительным и сложным процессом. Справедливое и приемлемое для всех решение может быть найдено только самими участниками споров. Диалог идет. Нельзя допускать вмешательства посторонних сил, нагнетания скепсиса или безответственных заявлений, подливающих масла в тлеющую угли конфликта.

Участники секции «Традиционный Вьетнам» заслушали и обсудили девять докладов и сообщений, посвященных вопросам вьетнамской многонациональной истории, культуры, литературы и филологии.

Выступление заместителя декана Восточного факультета СПбГУ доцента Н.В. Григорьевой, как и на прошлой конференции вьетнамоведов, касалось вопросов формирования вьетской и других народностей, проживающих на территории современной СРВ. Докладчик попыталась аргументировано доказать, что вьеты и мыонги, которые в прошлом составляли единую национальную общность, разделились на две относительно самостоятельные языковые ветви не так давно, как это было принято традиционно считать.

Старший преподаватель НИУ «Высшая школа экономики» Н.В. Усов в выступлении, подготовленном на основании многочисленных архивных материалов, затронул весьма интересную проблему восстановления коммунистического подполья в Южном Вьетнаме (в первую очередь, в Сайгоне) в 1933–1935 гг., после разгрома советов Нгетинь. Данный сложный период в истории КПНК редко становится предметом исследований не только отечественных, но и вьетнамских историков, содержит много «белых пятен», что определило особое внимание аудитории к насыщенному конкретной фактурой докладу Н.В. Усова.

Руководитель секции ректор НОУ «Институт практического востоковедения» А.Л. Федорин поделился с собравшимися результатами коллективных исследований, осуществленных в процессе перевода на русский язык и публикации вьетнамской летописи «Исторические записки Дайвьета» и касающихся реконструкции процесса появления первых национальных хроник во Вьетнаме. В частности, был обоснован вывод о том, что каких-либо следов собственных ранних (до X в. н.э.) исторических текстов в сохранившихся до нашего времени вьетнамских источниках обнаружить не удалось. Первые такого рода тексты можно отнести не ранее, чем ко второй половине X века, а первая вьетнамская летопись появилась, скорее всего, в 60-х—70-х гг. XI века.

В докладе старшего научного сотрудника Института востоковедения РАН А.Н. Хохлова были изложены результаты изучения донесений российских дипломатов в Китае во второй половине XIX в., касающиеся взаимоотношений в треугольнике «Вьетнам — Китай — Франция». Как оказалось, в те годы для наших представителей было далеко не очевидно, что Вьетнам не является частью Поднебесной.

Сразу два доклада (доцента ИСАА МГУ Т.Н. Филимоновой и младшего научного сотрудника ИДВ РАН Л.В. Стеженской) были посвящены творчеству вьетнамской писательницы Фам Тхи Хоай, постоянно проживающей в Германии и весьма популярной на Западе. Доклады стали поводом для обсуждения значительно более широких проблем, в

частности, «обновления» вьетнамской литературы в последние годы, появления в ней элементов постмодернизма или их имитации, отношения к подобным произведениям во вьетнамском обществе, воспитанном на традициях социалистического реализма.

Несмотря на всю сложность для понимания, связанную с необходимостью хорошего владения вьетнамским языком, большой интерес у аудитории вызвал доклад профессора Высших курсов иностранных языков МИД РФ Е.И. Тюменевой «О рифме и ритме вьетнамской фразеологии». Доклад содержит ряд новых интересных наблюдений как за традиционными фразеологизмами, так и за их «наследниками» в современном вьетнамском языке.

Помимо развернутых докладов, на секции прозвучал и ряд заслуживающих внимания научных сообщений. В частности, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН А.А. Соколов рассказал о судьбе русского эмигранта первой волны петербуржца Ф. Григорьева, длительное время проживавшего и работавшего в Южном Вьетнаме. Профессор кафедры Тихоокеанской Азии ДВФУ (г. Владивосток), А.Я. Соколовский ознакомил собравшихся с творчеством вьетнамского скульптора-самоучки Фам Ван Ханга, монументальные произведения которого украшают многие крупные города Вьетнама. Доцент ИСАА МГУ М.А. Сюннерберг представил проект создания исторической энциклопедии по Вьетнаму, концепция которой вызвала оживленную дискуссию.

В целом конференция продемонстрировала стремление ее участников к объединению творческих усилий для наращивания потенциала отечественного вьетнамоведения, обмена опытом и передачи его новому поколению российских востоковедов, решивших посвятить себя изучению Вьетнама, развитию всесторонних отношений России с этой страной.

© 2012

*А. Воронин,
старший научный сотрудник
Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН*

Рецензии

Титаренко М.Л. Россия и ее азиатские партнеры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2012. 544 с.

Рецензируемый труд академика РАН, директора Института Дальнего Востока РАН Михаила Леонтьевича Титаренко представляет собой сборник его статей и докладов периода 2008–2011 гг., систематизированных автором книги в восемь тематических разделов. Их тематика чрезвычайно разнообразна. В центре труда — весь комплекс российско-китайских отношений в глобализирующемся мире. Кроме того, рассмотрены проблемы идентификации России, ее взаимодействия с азиатскими партнерами — Индией, Вьетнамом, Японией, государствами Корейского полуострова, вопросы деятельности Шанхайской организации сотрудничества и форматов РИК и БРИК. Это позволяет охарактеризовать новую книгу академика М.Л. Титаренко как многогранное комплексное исследование ключевых направлений международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе, участия в этих процессах России и ее основных партнеров в Азии.

В своей новой работе М.Л. Титаренко фактически выступает в качестве посредника между двумя великими культурами, политическими системами, духовными феноменами России и Китая, а в ряде аспектов и более широко — между цивилизациями России и стран Восточной Азии.

Монография М.Л. Титаренко служит убедительным подтверждением тезиса В.В. Путина из его статьи «Россия и меняющийся мир» («Московские новости», 27 февраля 2012 г.), о том, что России действительно есть, что сказать в международной дискуссии на тему межкультурных коммуникаций, особенно принимая во внимание те огромные изменения в сознании ее граждан, которые произошли за два последних десятилетия. Рождается собирательный образ «геокультурного пограничного человека», лично становящегося границей между культурными мирами и утверждающего новый смысл границы как началь-

го рубежа гармоничного и справедливого сотрудничества.

Этот собирательный образ, похоже, всем ходом событий примеряется на всю Россию как глобального геокультурного посредника. Границы, в которых этот образ существует естественно и непринужденно, очерчены евразийским пространством, внутри которого понятие «великая Россия» адекватно обозначает сложившиеся геополитические и геокультурные реалии. Это, как нам кажется, и есть одна из важнейших идей рецензируемой книги и одно из краеугольных убеждений ее автора.

Рецензируемое исследование весьма успешно решает сложнейшую задачу создания благоприятной интеллектуальной среды для межкультурных коммуникаций в пределах российского и китайского геополитических и геокультурных пространств. После окончания холодной войны в 1990-е годы многие страны мира, прежде всего, из лагеря «проигравших», пересмотрели представления о самих себе и своем месте в современном мире. Принципиально изменилась индивидуальная и коллективная идентичность народов России и их бывших союзников и сторонников. На страницах своей книги М.Л. Титаренко убедительно показывает, как народы России и Китая, наряду с другими народами мира, оказавшись в условиях своеобразной «транзитивной неопределенности», хотят сохранить источник саморазвития в виде многообразия культур, в соответствии с конфуцианским принципом «стремиться к гармонии, но не к однообразию» (с. 53).

Россия последнего десятилетия маневрирует, ища взаимопонимания с объединенной Европой и США, выстраивая стратегическое партнерство с отдельными странами — с Китаем, Индией, Вьетнамом и активно работая в многосторонних организациях, например, в ШОС, АТЭС и БРИКС. В основу всех без исключения отношений России с ее партнерами,

будь то отдельная страна или то или иное объединение государств, положен принцип ни при каких обстоятельствах «не дружить против кого-то». В этом, как отмечает М.Л.Титаренко, Россия и Китай абсолютно единодушны. Возможно, именно в таком прагматичном многовекторном поиске равноправных и долговременных партнерских отношений и кроется важнейшая стратегическая роль России в мире, отражающая, по определению В.В. Путина, ее «уникальное место на мировой политической карте, ее роль в истории, в развитии цивилизации»¹.

Россия — поликонфессиональное государство, в котором никогда не было религиозных войн. Россия также полиэтничная страна с более чем двумястами этническими, этнокультурными и этноконфессиональными общностями, веками жившими рука об руку друг с другом. Как явствует из глубоких и во многом новаторских статей М.Л.Титаренко, у России и Китая, несмотря на внешнюю непохожесть, имеется много общего, что и делает возможным и эффективным развитие между ними отношений взаимовыгодного сотрудничества и всеобъемлющего доверительного партнерства. Более того, в ходе стремительных миросистемных изменений, по обоюдным оценкам, связи между Россией и Китаем достигли сейчас «наивысшего подъема» за всю 400-летнюю историю российско-китайских отношений (с. 55–56).

В ситуации появления различных концепций мировой политики в условиях глобализации, исследования, предпринимаемые академиком М.Л.Титаренко и его коллегами из Института Дальнего Востока, способствуют формированию новой методологической основы для изучения международных отношений в современном глобализирующемся мире. Рецензируемый труд М.Л.Титаренко стал не только обобщением теоретических концепций и выводов, сделанных автором в публикациях и выступлениях последних лет, но и явился логическим продолжением целой серии книг по проблемам международных отношений в АТР, опубликованных в предшествующие годы².

Указывая на то, что с конца XX века происходит становление новой *полицентричной системы международных отношений*, М.Л.Титаренко отмечает, что характерной чертой сегодняшней международной обстановки является ослабление позиций самого мощного и влиятельного государства современного мира — Соединенных Штатов Америки, которые оказались не в состоянии справиться с ростом международных проблем путем навязывания миру своей воли. С другой стороны, все более

очевидным становится возрастание роли и ответственности Китайской Народной Республики в решении глобальных проблем современности. Однако, как абсолютно верно указывает автор, содержание современного этапа развития мировой политики и международных отношений не сводится, как полагают некоторые исследователи, к намечающемуся противостоянию Америки и Китая, а характеризуется усилением коллективного влияния целого ряда государств (помимо Китая — это Россия, Индия, Бразилия). Также возрастает роль в современном мире и таких региональных структур, как АТЭС, ШОС, АСЕАН.

В разделе «Китай: курсом мира и развития» М.Л.Титаренко анализирует характерные черты новейшего этапа экономического и социально-политического развития КНР, отмечая, что современные достижения Китая носят эпохальный характер — ныне Китай достиг такой динамики и такого уровня развития, что остановить процесс реформирования и модернизации уже невозможно, он стал необратим. Особое внимание, по мнению автора, должен привлечь опыт КНР по преодолению негативного влияния мирового финансово-экономического кризиса (крупномасштабная промышленная политика, стимулирование внутреннего спроса, усиленная поддержка науки и техники, значительное повышение уровня социального обеспечения), опирающийся на *массированный рост государственных инвестиций*. В отличие от большинства государств мира, Китай сумел использовать кризисный период для ускорения структурной перестройки и повышения технического уровня экономики, а также для завоевания новых, более высокотехнологичных ниш на мировом рынке.

В одном из разделов книги М.Л.Титаренко рассматривает опыт развития КНР в свете уроков распада Советского Союза, обращая внимание читателя на то, что КПК смогла достаточно адекватно оценить причины и последствия распада СССР и извлечь из этих событий надлежащие уроки (с. 175–191).

В то же время Китай сегодня становится одним из ключевых игроков на мировой политической арене. В этой связи автор совершенно верно обращает внимание на специфические особенности современной политики КНР в регионе Восточной Азии и в мире в целом. В настоящее время Китай старается проявлять сдержанность в международных делах, сосредоточившись на решении задач своего внутреннего развития, заботясь об обеспечении благоприятных внешних условий для развития

экономики и, руководствуясь известной формулой Дэи Сяопина «держаться в тени», постепенно накапливает силы.

Особое место в рецензируемой работе уделено современному состоянию и перспективам российско-китайских отношений. Подчеркнуто, что во внешней политике КНР Россия занимает особое место, поскольку развитие экономических, политических и культурных связей с Российской Федерацией является для Китая фактором, укрепляющим его позиции в отношениях с Западом. М.Л. Титаренко выделяет следующие моменты, определяющие заинтересованность КНР в развитии партнерских отношений с нашей страной: 1) стратегическое партнерство с Российской Федерацией дает возможность Китаю проводить независимый и самостоятельный курс в отношениях с США, Японией, Западной Европой; 2) поддержка России важна для КНР в вопросах укрепления территориальной целостности (проблема Тайваня, а также ситуация в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных районах); 3) в связи с формирующейся взаимодополняемостью экономик двух стран Россия становится все более важным торгово-экономическим партнером Китая; представляя собой самостоятельные культурно-цивилизационные ареалы мирового масштаба, Россия и Китай объективно выступают союзниками в усилиях по обеспечению культурно-цивилизационного разнообразия мира, в противодействии попыткам подогнать мировое сообщество под жесткие стандарты Запада.

По мнению М.Л.Титаренко, понимая и учитывая факт превращения Китая в новую глобальную державу, России следует принять сценарий всестороннего взаимодействия и сотрудничества с Китаем. Современный опыт стратегического взаимодействия и партнерства двух стран свидетельствует о теснейшей взаимосвязи политических и экономических процессов, происходящих в обеих странах, с ключевыми вопросами международной политики и двусторонних отношений.

Особое внимание М.Л.Титаренко уделяет таким важным для российско-китайских отношений вопросам, как сотрудничество в энергетической сфере, взаимодействие в осуществлении программы развития российского Дальнего Востока и Забайкалья, переход межрегионального сотрудничества к новым инновационным формам.

Вопросы двустороннего сотрудничества России и КНР М.Л.Титаренко тесно связывает с проблемами укрепления безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. Он

отмечает, что в последние годы здесь набирают силу процессы поистине исторического масштаба, наблюдается стратегическая перегруппировка сил, данный регион стремительно превращается в одну из главных зон формирования нового многополярного миропорядка. Осознавая это обстоятельство, Соединенные Штаты стремятся вернуть себе лидирующую роль в АТР, заметно ослабленную в период президентства Джорджа Буша-младшего. Политика, проводимая США в регионе сегодня, объективно направлена на сдерживание растущего влияния КНР. Вместе с тем ни Вашингтон, ни Пекин не стремятся отказываться от сложившегося между ними в последние годы взаимовыгодного экономического сотрудничества, которое некоторые авторы даже называют «слиянием экономик». Китай постепенно становится одним из главных кредиторов Америки — держателем большого массива ее долгосрочных ценных бумаг.

Автор подчеркивает, сегодня в АТР складывается принципиально новая ситуация, характеризующаяся как противостоянием, так и активным сотрудничеством двух держав — США и КНР. В свою очередь, россиянам необходимо переосмыслить место и роль своей страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. России, также являющейся неотъемлемой частью АТР, предстоит, по мнению автора книги, сделать ряд важных шагов, нацеленных на дальнейшее вовлечение страны в процессы экономической и политической интеграции в регионе. Автор выделяет два ключевых момента, пока лимитирующие активность России на азиатском направлении: отсутствие ясно сформулированной и материально обеспеченной стратегии развития азиатской части Российской Федерации и продолжающийся здесь демографический кризис и отток населения. Особо актуальными в этом контексте становятся меры по укреплению наших восточных рубежей в экономическом и военном отношении.

Важно то, что М.Л. Титаренко, глубоко вникая в суть происходящих в Северо-Восточной Азии и в целом в АТР процессов, указывает на возможности трехстороннего сотрудничества России, Китая и США. По его мнению, три великие державы, исходя из задач сохранения и упрочения региональной и глобальной безопасности и стабильности, могут «сформировать трехсторонний диалог и взаимодействие». И хотя создание диалоговой структуры в «треугольнике» Россия — Китай — США представляется автору весьма сложной задачей, он все же считает, что ее необходимо начинать

решать уже сегодня. Общие интересы трех государств, по его мнению, просматриваются в вопросах активизации шестистороннего механизма по денуклеаризации Корейского полуострова, налаживания и углубления энергетического сотрудничества, включая нефтегазовое, атомное, гидроэнергетическое (с. 373).

Отдельные разделы книги посвящены современному состоянию, истории и перспективам российско-вьетнамских отношений, проблемам Корейского полуострова и анализу возможных путей их решения. М.Л. Титаренко также обращается и к углубленному рассмотрению некоторых исторических событий, констатируя, что без глубокого знания истории развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона и их взаимоотношений, без проникновения в цивилизационную матрицу данного региона невозможно адекватно понять происхо-

дящие здесь сегодня социально-экономические и политические процессы.

Таким образом, можно констатировать, что новая книга академика М.Л. Титаренко представляет читателю широчайший спектр проблем и вопросов, связанных с развитием Азиатско-Тихоокеанского региона в условиях глобализирующегося мира. Автор не только всесторонне исследует многообразные процессы и явления международной и внутренней жизни стран региона, но и намечает пути решения многих важных проблем современности, определяет перспективы развития региона в целом и отдельных его стран. Особое место в этой книге отводится России, поскольку нашу страну автор справедливо видит неотъемлемой важнейшей составной частью Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона в целом.

© 2012

*Е. Зеленов,
д.и.н., профессор, декан Восточного факультета
Санкт-Петербургского университета*

*Н. Самойлов,
к.и.н., доцент Восточного факультета
Санкт-Петербургского университета*

1. Путин В. В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2012. 27 февр.
2. См.: Титаренко М.Л. Россия и Восточная Азия: вопросы международных и межкультурных отношений. М., 1994; *Его же*. Россия лицом к Азии. М., 1998; *Его же*. Россия — безопасность через сотрудничество: восточноазиатский вектор. М., 2003; *Его же*. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008; Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия 2050: стратегия развития. 2006.

Алимов Р.К. Таджикистан—Китай: на пути друг к другу. Возможен ли равноправный и взаимовыгодный диалог? М.: ИДВ РАН, 2012. 248 с.

Автором книги является известный таджикский государственный деятель, кандидат социологических наук, почетный профессор Китайского университета международных отношений, Пекинского аграрного университета и Синьцзянского государственного педагогического университета, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан (РТ) в КНР Рашид Кутбидинович Алимов.

Новая монография автора — попытка глубокого научного осмысления и анализа развития отношений между РТ и КНР за прошедшие 20 лет.

Автор подчеркивает преемственность отношений между РТ и Китаем, существовавших в течение тысячелетий в форме диалога великих цивилизаций: китайской и таджикско-персидской. Сегодня обе страны восстанавливают исторический багаж, придавая ему современные международно-правовые, торговно-инвестиционные, гуманитарно-образовательные и иные формы. Автор четко формулирует перспективность и взаимовыгодность таджикско-китайского соразвития.

В то же время на позитивный характер отношений между двумя странами накладываются вызовы и угрозы внешнего характера: транснациональный экстремизм, наркотрафик и преступность. Сохраняются и внутренние проблемы РТ — религиозный экстремизм и чрезвычайно низкий уровень жизни населения ряда районов страны.

Автор акцентирует внимание на всесторонней поддержке Китаем становления молодого таджикского государства, развития в нем позитивных политических и экономических процессов.

Книга состоит из четырех глав. Первая глава посвящена формированию и развитию политико-правовой базы двухсторонних отношений РТ и Китая за период с 1992 по 2011 гг. В ней рассматривается становление таджикско-китайских отношений, объективные трудности двухстороннего сотрудничества в 90-е годы XX в. Особо подчеркивается ключевое значение Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Китаем и РТ от 15 января 2007 г., который поднял таджикско-китайские отношения на уровень реального стратегического партнерства. Этот фундамен-

тальный политический документ подвел итоги 15-летнего взаимодействия двух соседних государств и стал венцом формировавшейся в течение этого периода договорно-правовой базы их взаимоотношений. Именно в этом фундаментальном политическом документе наряду с другими прописан и принцип соразвития, который является «несущей конструкцией» Договора и открывает новые перспективы для взаимодействия двух стран в разных сферах.

Вторая глава посвящена экономическому сотрудничеству РТ и Китая. В ней анализируется широкий спектр текущих и перспективных проблем инвестиционного и торгового сотрудничества двух стран, сотрудничества в транспортно-коммуникационной сфере, обозначены новые направления взаимодействия в сфере сельского хозяйства, космических технологий и пр. Отмечено, что взаимоотношения Таджикистана с КНР со времени становления его независимости претерпели определенную эволюцию. Во многом это связано с выстраиванием новых приоритетов долговременной экономической и внешнеполитической стратегии Китая. Данная трансформация повлекла эволюцию подходов к взаимодействию со странами-соседями, включая РТ, в направлении добрососедства. Отношения КНР и Таджикистана переходят в стадию приоритетных и качественно новых отношений между крупной региональной державой и сравнительно небольшой страной.

Если в начале 1990-х гг. Таджикистан рассматривался с позиций КНР исключительно как рынок сбыта китайских товаров народного потребления, то позднее, уже с середины 1990-х гг. РТ превращается в перспективный источник стратегического сырья и территорию, имеющую знаковое геополитическое положение, особенно в связи с формированием Китаем новых трансконтинентальных транспортных коридоров в западном направлении.

В целом автор характеризует экономические отношения между РТ и КНР как стабильные, взаимовыгодные и развивающиеся. Появляются совершенно новые сферы сотрудничества, например, рыбководство, геологоразведка, ирригация, фармацевтика. Отмечены точки роста в сферах, о которых прежде нельзя было даже подумать, например, космические

исследования.

Особо отмечено то, что определяющую роль в формировании общих интересов РТ и Китая в развитии смежных приграничных территорий играет фактор соседства. Соседство с такой крупной державой как Китай, имеющей динамично развивающуюся экономику, создает предпосылки для развития окружающих его небольших стран, включая Таджикистан, посредством интенсивного торгово-экономического сотрудничества. На развитие таджикско-китайского сотрудничества значительное воздействие оказывает интенсивное развитие западных районов КНР. С изменением с 2000 г. модели экономического роста в СУАР в связи с принятием «Стратегии развития западных районов КНР» международное сотрудничество резко интенсифицировалось. По мере осуществления планов развития СУАР торгово-экономические отношения с РТ получают новый толчок. В связи с этим автором исследованы вопросы перспективного межрегионального сотрудничества Таджикистана с западными районами Китая, а также такие его новые формы, как взаимодействие приграничных зон развития в Кашгаре и Мургабе.

Между тем, автор особо отмечает, что соседство не гарантирует активный обмен товарами, услугами и капиталом. Для этого необходимо выстраивание определенных условий, среди которых общне эффективные институты (договоры о взаимной торговле, комиссии по экономическому сотрудничеству, привлекательный инвестиционный климат), региональная инфраструктура, обеспечивающая движение факторов производства, а также определенные механизмы стимулирования (преференции в доступе на рынки, поощрение региональной специализации и кооперации).

В результате автор приходит к выводу,

что таджикско-китайское сотрудничество, опираясь на значительную договорно-правовую базу, уже превратилось в отлаженный и динамично развивающийся механизм.

В монографии рассмотрены не только таджикско-китайские партнерские отношения в сфере экономики, но и их международный аспект — партнерство стран в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), координация их действий в рамках ООН и других международных организаций. Этой теме посвящена третья глава монографии. На поле международного взаимодействия обе страны активно используют площадку ООН, выступая за более активное применение ее возможностей и инструментов в борьбе против т.н. «трех зол». Здесь же рассматривается взаимодействие РТ и КНР в ШОС. В монографии проводится мысль, что оно приобрело комплексный, системный характер, охватывая все основные сферы регионального сотрудничества, особенно сферу безопасности и противодействия региональным угрозам.

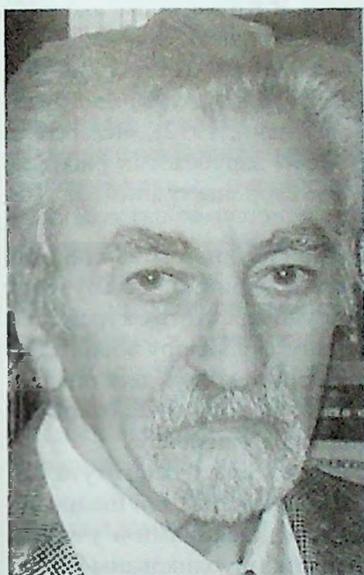
Четвертая глава посвящена диалогу культур двух стран. В ней проводится мысль о том, что духовная история межцивилизационного взаимодействия сегодня переживает «второе рождение». Отмечено, что диалог культур имеет свой специфический набор средств и «инструментов».

По имеющимся в монографии оценкам безусловно формируется представление о динамике развития политических, гуманитарных и торгово-экономических отношений Таджикистана и Китая.

Монография, без всякого сомнения, будет востребована органами государственной власти и управления Республики Таджикистан при формировании политики Таджикистана на китайском направлении.

Юбилей ученого

К 80-летию академика Б.Л. Рифтина

7 сентября исполнилось 80 лет Борису Львовичу Рифтину — академику РАН, который стал третьим в советской и российской истории востоковедом-филологом после В.М. Алексеева и Н.И. Конрада, удостоенным высшего научного звания в честь признания выдающихся заслуг в сфере исследований литературы, фольклора и культуры Китая. Научная деятельность Б.Л. Рифтина высоко оценена на родине и за рубежом: он лауреат Государственной премии СССР (1990 г.), награжден «Премией дружбы в области языка и культуры Китая» (2003 г.), имеет звание почетного профессора целого ряда университетов КНР и Тайваня. Высокий научный статус академика Б.Л. Рифтина проявляется в занимаемых им ответственных постах: главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН, член ученого совета ИМЛИ РАН, диссертационных советов Института востоковедения РАН, Российского гуманитарного университета, член экспертной комиссии по филологии РГНФ, член редколлегии журнала «Восточная коллекция», серий: «Памятники письменности Востока» (СПб.) и «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» (Новосибирск), шеститомника «Духовная культура Китая», 10-ти томной «Истории Китая» и др.

В 1950 г. Б.Л. Рифтин поступил на первый курс китайского отделения Восточного факультета Ленинградского университета. Первокурсником он слушал лекции академика В.М. Алексеева, который сумел заразить молодых студентов своим увлечением литературой и культурой древней загадочной страны. Тогда же будущий ученый выбрал свою стезю в науке, верность которой хранит по сей день — исследования в сфере устной народной традиции китайской литературы. Вспоминая о своей учебе в университете, Борис Львович отмечал: «В то время не было китайских учителей, не было уроков по разговорному языку, в основном читали тексты, каждый день читали «Три демократических принципа» Сунь Ят-сена. Однажды я на китайской кафедре увидел какого-то человека, похожего на китайца и в то же время чем-то отличающегося от ханьцев, это был дунганец. Оказывается, это были потомки мусульман, переселившиеся в провинции Ганьсу и Шэньси, часть из которых в семидесятые годы XIX в. мигрировала в Киргизию

и Казахстан.... У меня сразу появилась цель: на летних каникулах я решил отправиться в среднеазиатские республики и выучить язык дунган».

Материалы, собранные во время поездок в течение трех лет в дунганские деревни, легли в основу курсовых и дипломной работы, а затем и диссертации на степень кандидата филологических наук «Сказание о Великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре», защищенной в 1961 г. Мифы и легенды дунган были не только совершенно неизвестны в нашей стране, но крайне мало изучены в Китае, поэтому неудивительно, что исследования Рифтина привлекли внимание ученых-фольклористов всего мира, в том числе и его китайских коллег.

Вся жизнь Бориса Львовича связана с Институтом мировой литературы РАН, куда он поступил на работу в феврале 1956 г. Здесь он защищал кандидатскую диссертацию, а затем в 1965–1966 гг. стажировался в Пекинском университете. Через несколько лет он написал монографию «Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае (Устные и книжные версии „Троецарствия“») и защитил докторскую диссертацию. Эта монография, как и следующая — «От мифа к роману. Эволюция изображения персонажа в китайской литературе» — были опубликованы в нашей стране. В Китае также вышли в свет многочисленные исследования академика Рифтина: «Изучение китайской классической литературы в СССР» (Пекин, 1987, через четыре года книга была издана в Тайбэе), «Сборник исследований мифов и сказок Китая» (Пекин, 1988), (Тайбэй, 1991), «Критические суждения о классической прозе на китайском языке» (Нанкин, 1992), «Классический роман и народные предания» (Пекин, 2003), «Библиография зарубежных работ по мифологии народов Китая (включая и народы, живущие по обе стороны границы)» (Пекин, 2007) и др.

В 1992–1999 гг. Борис Львович находился в долгосрочной научной командировке на Тайване, где руководил научной программой «Собрание и сравнительное изучение фольклора аборигенов Тайваня» и читал на китайском языке в университетах курсы лекций по китайскому фольклору, китайскому классическому роману, фольклору аборигенов Тайваня и русско-китайским отношениям до XX в. Благодаря этим лекциям десятки тайваньских студентов получили глубокие знания по литературе Китая, а научные открытия Б.Л. Рифтина были освещены в новых научных трудах, изданных на Тайване.

После командировки Борис Львович продолжил работу в стенах Института мировой литературы, где с 2006 г. возглавил отдел литератур Азии и Африки. Он щедро делится своими знаниями с коллегами, часто выступает с докладами, лекциями и учебными курсами в стране и за рубежом. Многие работы Б.Л. Рифтина опубликованы на китайском, японском, корейском, английском и немецком языках. Научную деятельность академик Рифтин сочетает с благородной миссией подготовки новой поросли ученых-синологов. Борис Львович является профессором Института восточных культур и античности РГГУ. Благодаря его наставничеству российская синология пополняется новыми исследователями.

К заслугам российского ученого следует отнести открытие им в советских фондах древних китайских рукописей, неизвестных в КНР. В 1962 г. в Ленинградском филиале Института востоковедения Борис Львович, просматривая инвентарную книгу старых рукописей, обнаружил 80-главную рукопись «Записок о камне», а ознакомившись с ней, понял, насколько уникальна его находка. Директор Института «Сна в красном тереме» в Пекине и главный редактор издательства «Чжунхуа шуцзюй», приехавшие в Москву ознакомиться с рукописью, в срочном порядке приняли решение о ее издании в Пекине. В 1986 г. рукопись была опубликована тремя изданиями с большим предисловием, написанным Б.Л. Рифтиным совместно со своим учителем Л.И. Меньшиковым. Это было первое совместное советско-китайское издание.

Свою верность учителю — академику В.М. Алексееву Борис Львович подтверждает титаническим трудом по продолжению дела своего учителя. Будучи ответственным

ным редактором книг В.М. Алексеева «Труды по китайской литературе» (в 2-х т.) и «Китайская поэма о поэте: Стансы Сыкун Ту (837–908)» Б.Л. Рифтин приложил колоссальные усилия, подготовив эти сочинения к печати. Еще одним подтверждением того, насколько последовательно и планомерно Б.Л. Рифтин претворяет в жизнь замыслы своего учителя, является его работа по изучению и пропаганде китайских новогодних картинок *няньхуа*. Работой по собиранию лубков ученый занимается на протяжении почти полувека. В 1987 г. в Пекине Борис Львович решил продолжить традицию совместных с китайской стороной изданий и опубликовать хранящиеся в нашей стране *няньхуа* (народные новогодние картинки). Благодаря усилиям советского ученого и китайских специалистов альбом «Редкие китайские народные картины из советских изданий» был прекрасно издан в Пекине, причем русское издание тиражом 8 тыс. экземпляров разошлось буквально в течение месяца. Одна тысяча экземпляров китайского издания тоже была быстро раскуплена, а картины из этой книги до сих пор перепечатаются в китайских альбомах *няньхуа*. Когда Фэн Цицай принял решение издать 20-томный свод картин *няньхуа*, он поручил Борису Львовичу составить большой том новогодних картин из российских собраний, причем только тех, что не сохранились в Китае. В 2010 г. этот колоссальный свод вышел в свет. Сейчас Б.Л. Рифтин работает над большой книгой «Китайский классический роман и народная картина».

Борис Львович прекрасно знает не только современный китайский язык, но и классический *вэньянь*, он также свободно владеет разговорным китайским языком. Свое знание языка Борис Львович развивал, когда ему приходилось в силу обстоятельств становиться устным переводчиком, как правило, во время визитов в СССР китайских ученых. Блестящее знание языка позволило ему не только достичь вершин в научной деятельности, но и обходиться без помощи переводчика во время встреч и совместной работы с китайскими и иностранными коллегами. Свой безукоризненный китайский язык Борис Львович продемонстрировал в 1981 г., когда после «культурной революции» приехал в Китай в качестве первого «не дипломата», которого приняло Китайское народное общество дружбы. Шестичасовую лекцию об изучении китайской литературы в СССР он прочитал на китайском языке. Успех этой встречи, как и многочисленные последующие поездки академика Рифтина в Китай внесли лепту в процесс дальнейшего развития отношений обществности двух стран.

Многочисленные коллеги, друзья, ученики, читатели книг Бориса Львовича Рифтина поздравляют его с 80-летием, желают здоровья и новых творческих достижений.

Н. Захарова,
кандидат филологических наук,
доцент Московского государственного лингвистического университета

К этим поздравлениям и пожеланиям всецело присоединяются дирекция и коллектив сотрудников Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока».

Вячеславу Семеновичу Кузнецову — 80 лет

*Большой путь начинается с первого маленького шага,
и достойный муж с этого пути не сходит.*

Древние мудрецы

Вячеслав Семенович Кузнецов — видный российский ученый, исследователь истории Китая и китайской духовной культуры, писатель и педагог родился 29 августа 1932 г. в деревне Малые Топоры Кировской области в семье военного. В 1950 г. В.С. Кузнецов поступил на Восточный факультет Ленинградского государственного университета. Одаренный неординарными лингвистическими способностями, он основательно изучил современный и древний китайский язык. Лучшими учителями, о которых в его сердце хранится благодарная память, были Г.Ф. Смыкалов — один из старейших педагогов китайского языка; В.С. Колоколов — профессор, автор первого китайско-русского словаря, изданного в СССР; И.Г. Баранов — доцент одного из харбинских вузов.

В 1955 г. по окончании университета В.С. Кузнецов уехал на целину, три года проработал в районной газете на Алтае. В 1958 г. поступил в аспирантуру Академии наук Казахстана в Алма-Ате. На родном Восточном факультете ЛГУ в 1962 г. защитил кандидатскую, а в 1984 г. докторскую диссертацию. Становлению В.С. Кузнецова как ученого непосредственно способствовал его научный руководитель в годы учебы в аспирантуре В.Ф. Шахматов. В 1968 г. его пригласили на преподавательскую работу в Дальневосточный университет (г. Владивосток), одновременно он работал в отделе истории ДВФ СО АН СССР, а в 1969 г. ему как уникальному специалисту открылись двери Института Дальнего Востока РАН в Москве.

В алма-атинском и владивостокском периодах творческой деятельности В.С. Кузнецова обозначился ряд главных тем его исследований: экономика северо-западного Китая, истоки древней культуры и культура древних кочевников, история Туркестана в XVIII в., положение отдельных этносов в Китае в XIX в., национальная политика Циньской династии в XVIII в., российско-европейско-синьцзянские отношения в XIX в. В московский период он развил эти темы в крупные направления, вовлекая в процесс исследования многих последователей и учеников.

Основными направлениями научных исследований доктора исторических наук, доцента, главного научного сотрудника ИДВ РАН В.С. Кузнецова стали социально-

политическая история, роль религии в общественной и политической жизни КНР, внешняя политика и политическая история Китая. Его перу принадлежит более 300 публикаций.

В 1970–1980-х гг. В.С. Кузнецов выпустил серию статей по истории Китая в средние века и новое время, куда вошел анализ религиозного феномена китайского буддизма и ислама. В качестве мировоззренческого фона, отражающего общую картину динамики вероисповеданий и их институционального оформления, представлено конфуцианство. В центре внимания ученого находился представитель китайского этноса в его экономических, политических и духовных реалиях. В научном повествовании автором выведены лики персоналий, олицетворяющие исторические события и процессы. Замечательные научно-популярные книги, принадлежащие перу В.С. Кузнецова, основаны на документальных материалах: “Амурсана” (1980), “Нурхацзи” (1985), “От стен Новой столицы до Великой стены” (1986), “Последний правитель Ираншахра” (1990), “Зов предков” (2010).

В.С. Кузнецов стал одним из постоянных и желанных авторов центральных научных и научно-популярных журналов: “Проблемы Дальнего Востока”, “Народы Азии и Африки”, “Азия и Африка сегодня”, “Новая и новейшая история”, “Вопросы истории”, “Чудеса и приключения”. Он неоднократно принимал участие во всероссийских и международных конференциях, выступая с докладами: «Конфуцианство и русская общественная мысль» (1990); «Юань Шикай и судьбы династии Цин» (2001), «Императрица Цы Си — реформатор» (2002) и др.

В свет вышло 18 монографий Вячеслава Семеновича, среди которых основными являются: «Ислам в политической истории Китая (VIII в.—первая половина XX в.)» (1987); «Ислам в общественно-политической жизни КНР» (2002); «Буддийский фактор во внешней политике КНР» (2006) и диалогия «Все от Земли», в которую вошли: «Чужая земля (Повествование о Бань Чао)» и «Пища в духовной жизни традиционного Китая» (2009).

Тема диалогии «Все от Земли» — Земля как космогонический фактор в судьбах людей. Ее издание — большое событие в научном востоковедении. Об авторе книги сказано: «Здесь Вячеслав Семенович проникает в глубины китайской культуры в соединении с космическим и человеческим духом. Здесь соседствуют и взаимодействуют живой миф, Человек в Триаде с Небом и Землей и мудрая китайская философия. Здесь в полной мере проявились качества истинного ученого, присущие Вячеславу Семеновичу Кузнецову, — естество характера, душевная скромность и интеллектуальное достоинство». Творческий талант исследователя, художественное мастерство писателя, затаенная от внешнего взора поэзия души, незаурядное мужество — все это составляет достоинство и подлинное богатство нашего дорогого юбиляра.

Труды В.С. Кузнецова дают исследователям надежную опору в их собственных дальнейших изысканиях, за что ученые искренне благодарны Вячеславу Семеновичу.

От всей души хочется пожелать Вячеславу Семеновичу Кузнецову здоровья и сил для успешного продолжения его важной и нужной работы!

Дирекция и коллектив ИДВ РАН

Редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока»

Юбилей Элеоноры Петровны Пивоваровой

10 сентября был отмечен юбилей видного российского китаевода, главного научного сотрудника Центра экономических и социальных исследований Китая Института Дальнего Востока РАН доктора экономических наук, профессора Элеоноры Петровны Пивоваровой (литературный псевдоним — Э. Корбаш).

Окончив в 1959 г. с отличием экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Э.П. Пивоварова продолжила учебу в Китае на факультете китайского языка в Пекинском университете и на факультете политической экономии в Народном университете КНР.

В 1961–1987 гг. работала в Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР, а с 1988 г. по настоящее время — в Институте Дальнего Востока РАН. Богат опыт научной деятельности Э.П. Пивоваровой за рубежом: стажировалась в Пекинском университете (1985–1986

и 1990–1991 гг.), в Гарвардском, Колумбийском, Стэнфордском, Калифорнийском (Беркли) университетах США (1991–1992 гг.), работала в библиотеках Лондона и Конгресса США. Неоднократно выступала на международных научных конференциях и симпозиумах, в том числе в Англии, Германии, Испании, Италии, Китае, Монголии, Нидерландах, Сингапуре, США, Франции.

Основные направления исследований Э.П. Пивоваровой — экономическая теория, социально-экономическая политика, проблемы рыночных преобразований в КНР. По этим темам она опубликовала свыше 200 научных работ, в том числе 5 авторских монографий и 7 брошюр, которые стали весомым вкладом в осмысление актуальных проблем современного Китая и принесли ей заслуженный авторитет в России и за рубежом — прежде всего, в Китае.

В последние 20 лет особое внимание Э.П. Пивоварова уделяет исследованию социального аспекта рыночных преобразований в КНР. Она — ответственный редактор и один из авторов коллективного сборника ИДВ РАН “Социальное измерение экономической реформы в КНР (1978–1997 гг.)”, опубликованного в 1998 г., коллективной монографии “Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978–2002 гг.)”, вышедшей в 2004 г., авторской монографии «Социализм с китайской спецификой» (2011 г.)

Путь Э.П. Пивоваровой в науке отмечен многими учеными степенями и почетными титулами: кандидат и доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН (1994 г.); в 2001 г. была включена в Федеральный реестр экспертов научно-технической сферы. Избиралась вице-президентом Всесоюзной ассоциации китаеведов (1988–1992 гг.) и вице-президентом Европейской ассоциации китаеведов (1990–1992 гг.).

Э.П. Пивоварова охотно делится своими знаниями с молодыми исследователями: подготовила восемь кандидатов и одного доктора экономических наук, безотказно консультирует всех, кто обращается за помощью. На возглавляемом Элеонорой Петровной Диссертационном совете при ИДВ РАН за последние 15 лет проведены рассмотрение и защита 13-ти докторских и 34-х кандидатских диссертаций по специальности "08.00.14 — мировая экономика".

Творческая энергия в науке, жизнерадостность, доброжелательность к коллегам, широкая культурная эрудиция (Элеонора Петровна является тонким знатоком оперного и хореографического искусства) — все это вызывает глубокое уважение у коллег.

Очень дорожит Элеонора Петровна своими обширными дружескими контактами с китайскими учеными, среди которых немало ее однокашников по учебе в МГУ или Пекинском университете. Многие консультировали ее во время командировок в КНР. перед другими выступала она, проводя сравнительный анализ рыночных реформ Китая и России. Немало китайских коллег с удовольствием вспоминают, как Элеонора Петровна во время своих научных стажировок обучала их русским песням и танцам.

Горячо поздравляем Элеонору Петровну Пивоварову с юбилеем, от души желаем ей доброго здоровья, благополучия, новых успехов на поприще отечественного китаеведения.

*Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока РАН,
Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока"*

Виктору Лаврентьевичу Ларину — 60 лет

15 августа 2012 г. исполнилось 60 лет директору Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН доктору исторических наук, профессору В.Л. Ларину.

В.Л. Ларин — специалист в области востоковедения, международных отношений и безопасности в АТР. В 1974 г. закончил восточный факультет Дальневосточного государственного университета, повышал квалификацию на восточном факультете ЛГУ (где подготовил кандидатскую и докторскую диссертации), в Сингапурском и Фуданьском (КНР) университетах, исследовательских центрах КНР, США, Японии. Прошел путь от ассистента до профессора и декана восточного факультета ДВГУ.

С ноября 1991 г. является директором Института истории. В непростые 1990-е годы сумел сохранить ведущие кадры и основные научные направления Института. Инициатор и руководитель ряда долгосрочных научных проектов, созда-

ния и развития новых научных направлений, из которых одним из самых востребованных является изучение внешней политики, международных отношений и проблем безопасности в Восточной Азии и АТР.

Инициатор создания (1992 г.) и главный редактор академического журнала «Россия и АТР», научной серии «Труды ИИАЭ ДВО РАН», заместитель главного редактора академического журнала «Вестник ДВО РАН».

В.Л. Ларин активно развивает дальневосточную школу востоковедения. Автор более 180 научных работ, в том числе 9 фундаментальных монографий. Под его руководством подготовлены и защищены 3 докторских и 18 кандидатских диссертаций, десятки дипломных работ студентов ДВГУ. Председатель диссертационного совета ИИАЭ, в котором за 1992–2012 гг. защищены более 200 диссертаций.

В.Л. Ларин является членом Президиума ДВО РАН, председателем Объединенного ученого совета ДВО РАН по гуманитарным наукам, членом экспертных советов при Законодательном собрании Приморского края и администрации г. Владивостока, принимает активное участие в разработке социально-экономических программ развития ДВО, Приморского края и г. Владивостока. Он — председатель Приморского отделения Всероссийского общества российско-китайской дружбы, почетный профессор Цзинаньского университета (КНР). Награжден медалью КНР «За выдающийся вклад в развитие китайско-российских отношений».

Дирекция и коллектив сотрудников Института Дальнего Востока РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» от всей души поздравляют юбиляра и желают ему здоровья и новых научных и творческих успехов.

Дмитрию Анатольевичу Смирнову — 60 лет

Дмитрий Анатольевич Смирнов родился 2 июня 1952 г. в Москве. После окончания средней школы он поступил на китайское отделение Института восточных языков при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, который окончил с отличием в 1975 г. Его учителями были выдающиеся советские синологи Л.В. Симоновская, М.Ф. Юрьев, З.Г. Лапина и А.М. Григорьев, по рекомендации которых после окончания института он сразу поступил в аспирантуру Института Дальнего Востока АН СССР, в котором работает до сих пор.

Основные направления научных исследований Д.А. Смирнова сложились в годы его работы в Секторе идеологии ИДВ, где он занимался изучением идеологической ситуации в КНР и эволюции идейно-политической платформы КПК. В те годы под руководством Е.Ф. Ковалева им была подготовлена кандидатская диссертация на тему «Формирование политической доктрины «китаизированного марксизма» Мао Цзэдуна в 30–40-е годы», которую он защитил в 1985 г.

В 1986–1987 гг. Дмитрий Анатольевич проходил стажировку в Шаньдунском университете КНР, по окончании которой был назначен ученым секретарем Института. После второй стажировки в Китае в 1990–1991 гг. в Пекинском университете он вернулся на работу в Сектор идеологии, где занимался изучением идейно-политических аспектов проводимой в КНР политики реформ и открытости.

С 1994 г. Д.А. Смирнов стал руководителем Центра информации и документации ИДВ РАН, где в его задачи входило создание компьютерной базы данных по Китаю и странам АТР, расширение издательской деятельности Центра и книгообмена с АОН Китая. В 2000-е гг. он являлся ведущим научным сотрудником, а затем — руководителем Центра современной истории и политики Китая, работа которого была посвящена изучению основных направлений внутренней политики КНР и актуальных вопросов новейшей истории Китая.

С 2011 г. Дмитрий Анатольевич — ведущий научный сотрудник, руководитель Сектора изучения КПК Центра изучения новейшей истории Китая. Основные направления его исследований: партийное строительство и идейно-политические основы модернизации КНР, чему посвящены около 90 его научных публикаций, в том числе монография «Идейно-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину» (2005) и ряда статей в журнале «Проблемы Дальнего Востока». Д.А. Смирнов — постоянный автор разделов по внутренней политике и идеологии Китая в издаваемом институтом ежегоднике «Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура», членом редколлегии которого он является. Он также автор ряда разделов в четвертом то-

ме («Историческая мысль. Политическая и правовая культура») подготовленной в Институте шеститомной энциклопедии «Духовная культура Китая», член редколлегии журнала «Проблемы Дальнего Востока», постоянный участник проводимой ИДВ РАН международной конференции «Китай и мир: история, современность, перспективы», других российских и международных научных конференций.

Дирекция и коллектив Института Дальнего Востока, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» поздравляют Дмитрия Анатольевича с юбилеем и желают ему здоровья, счастья и творческих успехов.

Contents

THE RUSSIAN FAR EAST

A. Bardal, E. Zaozrovskikh. Far East — 2050: Transport Infrastructure for International Cooperation

POLITICS

V. Portyakov. Deng Xiaoping's Foreign Policy Precepts and Their Current Interpretation

ECONOMY

D. Selikhov. The Role of Transnational Corporations in the Development of China's National Innovation System

I. Troyekurova, K. Pelevina, E. Nekhorosheva. Trends in Trade Cooperation between Russia and the BRICS Countries

ENVIRONMENT

E. Kranina. Impact of Market Liberalization on the Environment in China

HISTORY

V. Kuzminkov, V. Pavlyatenko. The True Meaning of the Joint Soviet-Japanese Declaration of 1956

V. Usov. Secrets of Zhongnanhai. Who and How Eavesdropped Mao Zedong

A. Yurkiewich. "The Delegation of Dr. Sun Yat-sen" in Moscow and a Chance to General Chiang Kai-shek

N. Mamaeva, I. Sotnikova. Song Qingling in the Political Life of China

D. Pavlov, N. Pavlova. Colonel I. Strelbitsky: the First Russian "Military Agent" in Korea

RUSSIAN SINOLOGY

S. Toroptsev. Studies of Chinese Culture and Education in Russia (1990s)

A. Larin. Taiwan Studies in Russia (1990s)

RELIGION

E. Zavidovskaya. Ethnographic Materials Addressing the Funeral Rituals in the Republican China of the 1920–30s

SCIENTIFIC EVENTS

K. Asmolv. Korean Peninsula: the Eve of Change

A. Voronin. The Third Conference of Russian Vietnam Experts

BOOK REVIEW

E. Zelenev, N. Samoylov, M.L. Titarenko. Russia and Its Asian Partners in Globalizing World. Strategic Cooperation: Problems and Prospects

V. Matveev, R. Alimov. Tajikistan – China: Moving Towards Each Other. Is an Equal and Mutually Beneficial Dialogue Possible?

SCHOLAR JUBILEE

The 80th Birthday of Academician B.L. Riftin

Vyacheslav Semenovich Kuznetsov — 80 years

Anniversary of Eleonora Petrovna Pivovarova

Viktor Larin — 60 years

Dmitry Smirnov — 60 years

Contents

Summary

Summary

A. Bardal, E. Zaostrovskikh. Far East-2050: Transport Infrastructure for International Cooperation

The article is based on the results of a comprehensive scientific study done by Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences. The authors have attempted to describe possible ways of development of the transport infrastructure in the Russian Far East as a key economic sector for implementing the capacity of international cooperation till 2050.

Key words: Russian Far East, transport infrastructure, long-term development of transportation.

V. Portyakov. Deng Xiaoping's Foreign Policy Percepts and Their Current Interpretation

The history and circumstances of the formulation by Deng Xiaoping in the late 1980s — early 1990s of a number of recommendations about foreign policy of China are investigated. The study in the PRC of Deng' legacy as a long-term strategic course of the country in the international arena is analysed. The interpretation of Deng' formula in the United States is described. The author reviewed the current debate in China about the need to continue to follow the formula of "keep a low profile while doing something real".

Key words: Deng Xiaoping's foreign policy precepts, China, "keep a low profile", "do something real", USA interpretation, current debate.

D. Selikhov. The Role of Transnational Corporations in the Development of China's National Innovation System

The features of the formation and influence of high-tech TNCs in China on the development of national innovation system at current stage are considered. Special attention is paid to the growth of national innovation system in China and to its role in Chinese economy.

Key words: Chinese TNCs, national innovation system (NIS), the research and development activities.

I. Troyekurova, K. Pelevina, E. Nekhorosheva. Trends in Trade Cooperation between Russia and the BRICS Countries

Development of trade relations between Russia and its partners in the BRICS group involves several positive trends as well as some problems mostly seen also in its trade with other countries. Russia's BRICS partners are among the fast-growing major economies in the world, the expansion and improvement of structural cooperation with them meets Russian national interests.

Key words: BRICS, the Herfindal — Hirschman index, non-tariff barriers to trade.

E. Kranina. Impact of Market Liberalization on the Environment in China

China improves legislation on environmental cooperation, biodiversity, genetic resources, biotechnologies, creates a platform for trade in patents and different forms of intellectual property in accordance with the requirements of the WTO.

Key words: trade liberalization, biodiversity, environmental cooperation, ecosystem services, environmental crisis.

V. Kuzminkov, V. Pavlyatenko. The True Meaning of the Joint Soviet-Japanese Declaration of 1956

The paper deals with an important historical stage in the postwar history of the Soviet-Japanese relations negotiations and the signing of the Joint Soviet-Japanese Declaration of 1956, upon which almost all the issues traditionally addressed by the post-war peace treaties had been resolved. Based on a comprehensive analysis of many documents the authors present their views on the true role of the Joint Declaration and its historical significance to the bilateral Soviet (Russian)-Japanese relations.

Key words: Russian-Japanese relations, territorial division, the peace treaty, the Joint Declaration, the Kuril Islands, South Sakhalin, Japan.

V. Usov. Secrets of Zhongnanhai. Who and How Eavesdropped Mao Zedong

The author describes the little-known events of 1950–1960 in the history of modern China and the CPC — "illegal" tape recording of interviews, speeches and directions of Mao Zedong and his reaction to such "wiretapping". Head of the CPC Central Committee Office Yang Shangkun was declared the main culprit responsible for this. His version of events is also attached.

Key words: eavesdropping, Mao Zedong, Yang Shangkun, Wang Dongxing, disclosure of party secrets.

A. Yurkiewich. "The Delegation of Dr. Sun Yat-sen" in Moscow and a Chance to General Chiang Kai-shek

The author argues that the turning point in the career of Chiang Kai-shek, who in the early 1920s did not have the authority in political and military circles, was the mission to head so called "delegation of Dr. Sun Yat-sen" that visited Moscow in autumn 1923. Success of the mission helped Chiang Kai-shek to hold the post of chief of the Whampoa military school and subsequently form military units under his command.

Key words: China, cooperation between USSR and the KMT, the Soviet military assistance to China, Sun Yat-sen, Chiang Kai-shek.

N. Mamaeva, I. Sotnikova. Song Qingling in the Political Life of China

Song Qingling (1893–1981) belonged to a rare constellation of women politicians in China, who were constantly in the thick of things, had a significant influence on the socio-political life of the country. As the wife and collaborator of the first president of the Republic of China Sun Yat-sen, she maintained creativity throughout her life, represented the left wing of the Kuomintang and was an active member of the democratic movement. In PRC she held high public office, headed the Chinese-Soviet friendship society.

Key words: Song Qingling, national liberation movement, united front, the aggression of Japan, democratic movement, charity.

D. Pavlov, N. Pavlova. Colonel I. Strelbitsky: the First Russian "Military Agent" in Korea

The article, based on documents of the Russian military and historical archive, covers activities of the first Russian military attache in Korea Col. Strelbitsky in 1896–1903. The authors conclude that the contribution by Strelbitsky to Russian-Korean relations was miscalculated in historical works. His activities were much more fruitful in the sphere of cultural communication and mutual perception of two neighboring countries, rather than in development of military cooperation between them.

Key words: Russian-Korean relations at the turn of the XIX–XX centuries, Russian military attache.

S. Toroptsev. Studies of Chinese Culture and Education in Russia (1990s)

The article highlights main tendencies in Russian sinological studies in the fields of culture and education in the 1990s. The author estimates the new challenges and new tasks the cultural studies faced, reveals main trends in philological, linguistics, theater and cinema studies as well as those in fine arts and education; he analyses the problems of scientific research and translation while mentioning the emergence of new theoretical concepts.

Key words: sinology; culture, literature, art, education.

A. Larin. Taiwan Studies in Russia (1990s)

Starting Taiwan studies in the 1990s, Russian scientists have succeeded in drawing a picture of major elements of the Taiwan issues, identified trends of the situation on the island and around it, first of all in the relations across the Strait, elaborated the optimal position for Russia on the Taiwan issue and valued its importance to us.

Key words: Taiwan studies in Russia, Russian -Taiwanise ties, Taiwan in Russian-Chinese relations.

E. Zavidovskaya. Ethnographic Materials Addressing the Funeral Rituals in the Republican China of the 1920-30s

The paper is based on a scope of Republican period surveys of the popular religion conducted by Chinese and Western scholars. The geography of the studies includes Beiping, Guandong, vicinity of Hangzhou, Suzhou, the capital of Anqing prefecture in Anhui province. The study provides large factual data helping to restore the terrain of popular religion in China prior to large-scale anti-superstition campaigns initiated by KMT and, later on, by CPC.

Key words: popular religion,, ethnographic surveys, regional features.

Семин Анатолий Васильевич
24.04.1936 – 03.07.2012

Российское японоведение понесло тяжелую утрату. После тяжелой болезни ушел из жизни ведущий научный сотрудник Центра стратегических проблем СВА и ШОС ИДВ РАН Анатолий Васильевич Семин. Япония вошла в его жизнь не сразу. Начав изучать эту страну и ее язык в середине 1960-х гг. и уже обладая к тому времени дипломом инженера-механика, Анатолий Васильевич почувствовал интерес к «японской теме», которая захватила его прочно и надолго.

Свыше десяти лет он успешно проработал за рубежом в качестве корреспондента АПН в Японии и корреспондента ТАСС в Южном Йемене. Не менее успешно Анатолий Васильевич занимался аналитической, исследовательской, редакторской и переводческой работой. Политика современной Японии всегда находилась в центре его внимания.

В ИДВ А.В. Семин исследовал проблемы современной Японии, ее внешнюю политику, прежде всего, ее отношения с Китаем. В 1994 г. на эту тему он защитил кандидатскую диссертацию. Перу А.В. Семина принадлежат три авторские монографии, около 150 научных статей. Материалы исследователя публиковались в научных изданиях Японии и Китая.

В последние годы жизни А.В. Семин активно расширял спектр своих исследований, обращая больше внимания на процессы, происходившие в политике и экономике КНР.

Дирекция и коллектив сотрудников Института Дальнего Востока, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока», скорбя об утрате, выражают искреннее соболезнование родным и близким покойного. Память об Анатолии Васильевиче Семине навсегда сохранится в сердцах его коллег.

Резник Юрий Николаевич
16.02.1947 – 19.08.2012

Российская наука понесла тяжелую утрату. После тяжелой болезни скончался видный организатор науки, профессор, доктор технических наук, депутат Читинской областной думы Юрий Николаевич Резник.

Юрий Николаевич прожил яркую жизнь, пройдя путь от рабочего-слесаря и инженера-конструктора до крупного специалиста по проблемам теоретической механики. Он внес свой вклад в развитие Забайкалья. Велики его заслуги в укреплении системы высшего образования в регионе. Забайкальский государственный университет, которым руководил Ю.Н. Резник с 1993 г. до июля с.г., превратился в мощный образовательный центр федерального значения. Юрий Николаевич отдавал много сил служению обществу в представительных органах.

Он принимал активное участие в деятельности Общества российско-китайской дружбы, возглавляя его Забайкальское региональное отделение.

Благодаря усилиям Юрия Николаевича Институт Дальнего Востока РАН установил тесные творческие связи с учеными и преподавателями Читы и Забайкальского государственного университета.

Светлая память о Юрии Николаевиче, замечательном, чутком человеке, навсегда сохранится в наших сердцах.

Дирекция и сотрудники ИДВ РАН

Редколлегия и редакция «Проблем Дальнего Востока»

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru. Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редакцией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Журнал «Проблемы Дальнего Востока» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. К тексту статьи соискателя ученой степени должна быть приложена рецензия.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией «ПДВ» Елене Александровне Лапшиной (комн. 414). Тел.: (499) 124 02 15.

На электронную версию журнала «Проблемы Дальнего Востока» можно подписаться в компании «Рунет». Телефон (495) 935-01-01.

С условиями подписки можно ознакомиться на сайте www.elibrary.ru. ISSN 0131-2812
Стоимость подписки на 2012 год — 4400 руб.

Редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» объявляет о проведении льготной редакционной подписки (при условии получения журналов в редакции) на 1-е полугодие 2013 г. (№№ 1, 2, 3).

Стоимость редакционной подписки — 1350 руб.

Подписка заканчивается 12 ноября 2012 г.

Оформить подписку можно у зав. редакцией «ПДВ» Елены Александровны Лапшиной (комн. 414). Тел.: 8 (499) 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 25.08.2012 г. Подписано к печати 24.09.2012 г. Формат бумаги 70x100 1/16

Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отг. 9,0 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0

Тираж 584 экз. Зак. 542

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2012 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ИППГ, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на CD/DVD диске или USB носителе в формате Microsoft Office Word или в формате RTF с указанием имени файла и распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF в оттенках серого с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.*

Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

б) *На кит. яз.*

Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С. ...

в) *На англ. яз.*

Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. P. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N. ... С. ...

б) *Из Интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (095) 124-09-02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.